

ISSN 1563-0269; eISSN 2617-8893

Индекс 75871; 25871

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Тарих сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия историческая

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

JOURNAL

of history

№1 (96)

Алматы
«Қазақ университеті»
2020

ХАБАРШЫ

ТАРИХ СЕРИЯСЫ № 1 (96) наурыз

ISSN 1563-0269; eISSN 2617-8893

Индекс 75871; 25871

04. 05. 2017 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникация министрлігінде тіркелген

Қуәлік № 16495-Ж

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады
(наурыз, маусым, қыркүйек, желтоқсан)

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ

Қартаева Т.Е., профессор т.ғ.к. (Қазақстан)
Телефон: +727-377 33 38 (1288)

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Кәрібаев Б.Б., профессор, т.ғ.д. – ғылыми редактор (Қазақстан)
Ноғайбаева М.С., т.ғ.к., доцент – ғылыми редактордың орынбасары (Қазақстан)
Әлімғазинов Қ.Ш., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Сұлтанғалиева Г.С., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Омаров Ғ.Қ., т.ғ.д., доцент (Қазақстан)
Омарбеков Т.О., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Жұмағұлов Қ.Т., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Қалыш А.Б., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Миша Майер – Эберхард Карл атындағы Гюбинген университеті Ежелгі тарих институты директоры, профессор (Германия)
Юлай Шамильоглу, Висконсин университетінің профессоры (АҚШ)

Уямо Томохико, Хоккайдо университеті славян-еуразиялық зерттеу орталығының жетекші ғылыми қызметкері, профессор (Жапония)
Ожал Огуз, Түркия Республикасының ЮНЕСКО ұлттық комиссиясының президенті, академик (Түркия)
Мехмет Шахингоз, Гази университеті, профессор (Түркия)
Гзавье Аллез, әлеуметтік ғылымдар институтының профессоры (Франция)
Тишкин А.А., Алтай мемлекеттік университетінің профессоры (Ресей)
Петер Финкель, Цюрих университетінің профессоры, Этнология институтының директоры, профессор (Швейцария)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Дүйсенбекова Ж.Қ., оқытушы (Қазақстан)

Тарих сериясы Отан тарихы, Дүниежүзі тарихы, деректану, тарихнама, археология, этнология, түрік халықтарының тарихы, тарихи тұлғалар, мұражай ісі, мұрағаттану бағыттарын қамтиды.

Министерство образования и науки
Республики Казахстан
Официальный интернет-ресурс
Комитета по контролю в сфере
образования и науки

Ғылыми басылымдар бөлімінің басшысы

Гульмира Шаккозова

Телефон: +7 747 125 6790

E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:

Гульмира Бекбердиева

Агила Хасанқызы

Компьютерде беттеген

Айгүл Алдашева

ИБ № 13409

Пішімі 60x84 ¹/₈. Көлемі 15,1 т. Тапсырыс № 2413.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің «Қазақ университеті» баспа үйі.

050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2020

ТАРИХ СЕРИЯСЫ

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

JOURNAL OF HISTORY

Mohammad Mullah Frotan Salangi

Assist prof., Dean of Social Science Faculty,
Bamyan University, Bamyan, Afghanistan,
e-mail: mfrotansalangi@gmail.com

AFGHANISTAN VICTIM OF REGIONAL POWERS POLITICS AND COMPETITIONS

A modern day great game is playing out in inner Asia once again. Like the great game of the nineteenth century, it centers on Afghanistan, a land that falls outside every state, sphere of influence and has always been intensely hostile to foreigners, making it a perfect playing fields. China, India, Russia, Iran, and Pakistan are the major regional powers embroiled in competition in and around Afghanistan.

The great game construct offers much to our understanding of Afghanistan and the factors that will likely drive the competition there. This paper articulate the major regional powers primary national interests in Afghanistan and how those interests can be expected to play out in the context of the interests of major actors that are engaged in Afghanistan.

Key words: regional power, national interests, Afghanistan's neighbors, U.S. and NATO.

Мухаммед Мулла Фротан Саланги

Қауымдастырылған профессор, Бамиан Университетінің
Әлеуметтік Ғылымдар факультетінің деканы,
Ауғанстан, Бамиан қ., e-mail: mfrotansalangi@gmail.com

**Ауғанстан – өңірлік жаңа саясаттың құрбаны
және ондағы бәсекелестік**

Заманауи үлкен ойын қайтадан ішкі Азияда ойналуда. Он тоғызыншы ғасырдың ұлы ойыны сияқты, ол Ауғанстанға, әр мемлекеттің шегінен тыс, ықпал ету саласына бағытталған және әрдайым шетелдіктерге қатысты қатты дұшпандылығын білдіруі оны тамаша ойын алаңы етеді. Қытай, Үндістан, Ресей, Иран және Пәкістан Ауғанстанда және оның айналасында бәсекелестікке тартылған негізгі өңірлік державалар болып табылады.

Ойынның керемет құрылымы біздің Ауғанстан мен ондағы бәсекелестікті ынталандыратын факторларды түсінуімізге көмектеседі. Бұл мақала Ауғанстандағы негізгі аймақтық державалардың негізгі ұлттық мүдделерін және бұл мүдделерді Ауғанстанға қатысы бар негізгі қатысушылардың мүдделері тұрғысынан қалай күтуге болатындығын тұжырымдайды.

Түйін сөздер: аймақтық күштер, ұлттық мүдделер, Ауғанстанның көршілері, АҚШ және НАТО.

Мухаммед Мулла Фротан Саланги

Ассоциированный профессор, декан факультета социальных наук,
Университет Бамиан, Афганистан, г. Бамиан,
e-mail: mfrotansalangi@gmail.com

**Афганистан – жертва регионально-силовой
политики и конкуренции**

Современная великая игра снова разыгрывается во внутренней Азии. Как и великая игра девятнадцатого века, она сосредоточена на Афганистане, стране, которая выходит за пределы каждого государства, сфере влияния и всегда была крайне враждебной по отношению к иностранцам, что делает ее идеальным игровым полем. Китай, Индия, Россия, Иран и Пакистан являются основными региональными державами, вовлеченными в конкуренцию в Афганистане и вокруг него.

Великолепная игровая конструкция помогает нам воспринимать тех факторов стимулирующих нашего Афганистана и их конкурентов. В этой статье сформулированы

основные национальные интересы основных региональных держав в Афганистане и то, как эти интересы можно ожидать в контексте интересов главных действующих лиц, вовлеченных в Афганистан.

Ключевые слова: региональные силы, национальные интересы, соседи Афганистана, США и НАТО.

Introduction

Most analysts have realized that the war in Afghanistan cannot be fully understood in isolation. President Bush's Global War on Terror, generated much debate. By invading and putting boots on the ground in Afghanistan, the U.S. and NATO automatically became entangled in the "most perilous" region in the world. According to President Bill Clinton's assessments. There is no way now to stop the impact of the stakeholders' conflicting interests. This region was the victim of the "great game" between two imperial powers in the nineteenth century, and then again during the Cold War, and still suffers from their bitter legacies. Afghanistan forms a buffer between Central Asia and South Asia, regions which have been plagued by intra and inter-state disputes since the end of their respective colonial eras. Capturing or killing Bin-Laden might be the most important goal for the U.S. in Afghanistan; however, there is no denying the fact that the U.S., like other regional and international actors, also has strategic interests in this region.

This paper will touch on the conflicting interests of Afghanistan's neighbors and other important actors to highlight the negative impact of power politics on this conflict. Each of Afghanistan's neighbors has ethnic ties with Afghans, through which these neighbors have built spheres of influence in the country over the centuries. Without the help of and accommodation by these actors, the U.S. can forget about any positive outcome from this protracted war. In February 2009, General David Petraeus rightly said that "in fact, those seeking to help Afghanistan need to widen the aperture even farther, to encompass at least the Central Asian states, India, and even China and Russia"

This paper will review the conflicting interests of Pakistan, Iran, India, China, and Russia in Afghanistan and Central Asia. While discussing these states we will also consider the U.S.'s interests in them, which will provide readers a fair idea about the ongoing power politics in the region, apart from just the in Afghanistan.

Pakistan

After gaining independence, Pakistan's two major strategic goals involved Afghanistan: establishing friendly relations with Afghanistan and preventing a Kabul-Delhi alliance. However, Afghanistan's leadership had reservations about Pakistan. Foremost, many leaders in the regime doubted that Pakistan would be able to survive as a sovereign nation-state, given its complex dynamics. Afghanistan had reason to resist friendly relations with Pakistan since a failed Pakistani state would allow Afghanistan to seize some of Pakistan's territory.

In an attempt to take advantage of a young Pakistani state, the Afghans sought to exploit the newly formed government by renouncing the Durand Line, a British-drawn Pakistani-Afghan border agreement, and pursuing the creation of an independent Pashtun nation. Despite attempts to erase the Durand Line, the Afghans had no legitimate claim to reserve the international agreement, and the boundary still exists. Afghanistan's desire for an independent "Pashtunistan" gained little traction, with Pakistan balking at Afghanistan's claim for this independent state. Omer Sharifi, a chair at the American institute of Afghan affairs, notes that Pakistan believed "Afghanistan's concern for the unity of Pashtuns was not genuine because it did not include the Pashtuns (Pashtunistan) on its side of the line" (Budihas, 2011: 4). In essence, Afghanistan wanted to give the Pashtuns their own nation at the expense of Pakistan without giving up any of its own sovereign Pashtun territory for this independent Pashtun nation. The Pakistanis government, however, contended that because Pakistani Pashtuns chose to be Pakistanis in the 1947 Peshawar Referendum, the Pashtun population's majority vote was included in the new Islamic Nation of Pakistan. This majority vote referred to the Pashtun people who were living within Pakistani territory and not those Pashtuns in Afghanistan. Throughout the last seven decades, the Durand Line and the Pashtun population have added to the friction between the two nations.

Despite this tension, the relationship between Pakistan and Afghanistan fluctuated between a civil friendship and a tenuous peace between partition and the 1979 Soviet invasion of Afghanistan. Pakistan focused on maintaining and preventing a “Kabul-Delhi nexus” that would threaten its stability and growth (Khawar Hussain, 9). Until 1979 economic, religious and ethnic similarities between the Afghan and Pakistani neighbors provided a cooperative exchange and gradually improved their relationship (Ibid. 25). But Pakistan continued to worry that an Afghan-Indian alliance would lead to a two-front war against it, culminating in its ultimate demise and the division of the nation’s territory divided between the two neighboring countries.

The 1979 Soviet invasion of Afghanistan, however, rather than the feared Kabul-Delhi alliance, shaped Pakistan into what it is today. Stephen Tanner, links the Soviet Union’s invasion of Afghanistan to the Soviet-Afghan Friendship Treaty of 1921, an agreement which made the Russians believe they had a legitimate right to influence their southern neighbor (Tanner, 2002: 221). Ex-Pakistani Foreign Minister Abdul Sattar illuminated the strategic consequences of the Soviet invasion:

A Soviet military intervention provoked a deep sense of alarm in Pakistan. Suddenly the buffer disappeared and as the Soviet rulers consolidate their control in Afghanistan, they used it as a springboard to reach a warm water port on the Arabian Sea. Pakistan could not afford to acquiesce in the Soviet intervention, nor could it confront a superpower (Abdul Sattar, 1997: 462-463).

Pakistan faced a number of challenges in warding off a potential communist neighbor. Immediately upon the Soviet invasion, 3.2 million Afghan refugees fled across the border into Pakistan. Pakistan had to learn how to train and resource an Afghan Guerrilla movement in order to extricate the Soviet invaders and their puppet government from Afghanistan. The United States (U.S.) came to Pakistan’s assistance in hopes of preventing the creation of a communist Afghanistan. Thus, the Soviet invasion led to a partnership between the U.S. and Pakistan (Weinbaun, 1991: 497).

Major repercussion of the Afghan war included a destabilized central government, an increase in warlordism, a drastic rise in religious militancy and a major boost in international narco-trafficking. At the end of the Soviet war in Afghanistan, Pakistan’s primary strategic goal was the installation of a pro-Pakistani government in Kabul (Khawar Hussain, 44).

However, after the Najibullah Regime fell in 1992, warlordism prevailed in Afghanistan. Pakistan

recognized that in order to see a pro-Pakistani government in Kabul, it would have to shift its strategic approach. This anarchical environment in Afghanistan contributed to the country’s increasingly negative influences on Pakistan. In the last four years of the Najibullah regime, the rise of a Pakistani-friendly Afghan Pashtun Taliban force under Mullah Omar seemed the logical choice for bringing stability to Afghanistan and providing Pakistan a strategic alliance. Pakistan’s military provided the Taliban with the requisite resources and training needed to subjugate Afghanistan. Additionally, Pakistani religious leaders provided the Taliban with additional resources, money and recruits through its global Islamic networks (Ibid, 52-53).

Despite help from Pakistan, the Taliban struggled militarily with former warlords, who later evolved into the Northern Alliance Coalition. The Taliban’s enforcement of strict Sharia laws and its brutal treatment of the civilian populace brought it negative international media attention, resulting in increased pressure on countries – specifically Pakistan- not to support the Taliban (Rashid, 2000: 75-87). When al Qaeda attacked the U.S. on 11/9/2001, Pakistan was at a crossroads in its official sponsorship of the Taliban and face widespread international repercussions. Pakistan officially chose to cease its support of the Taliban. However, there still remained warranted suspicion of Pakistan’s unofficial support of the Taliban-particularly as evidenced by safe havens for Taliban members within Pakistan (Zahid Hussain, 2007: 44-50).

Since NATO forces in Afghanistan initiated Operation Enduring Freedom, Pakistan’s relationship with its neighbor has followed a troubled trajectory that has further complicated its own political structure and strained its economic well-being to the brink of catastrophic financial collapse. According to Kamal Matinuddin, Pakistan’s key objectives in Afghanistan before the NATO invasion had been:

- the creation of a durable peace with an Afghan government that is pro-Pakistan;
- the repatriation of Afghan refugees from Pakistani soil;
- access into Central Asian markets; and
- a safe route for oil and gas pipeline from Turkmenistan to the Arabian Sea (Kamal Matinuddin. 1999: 141).

However, with the NATO invasion, these goals became loftier, in part because the Pakistan government did not expect the Taliban issue to affect it-and its international status-as greatly it has. Currently, Pakistan’s failure to achieve these

strategic goals through an enduring partnership with Afghanistan results from a number of culminating factors that are intertwined with its western neighbor.

The relationship between Afghanistan and Pakistan is complex and controversial. Historic differences rub shoulders with recent and more pressing disputes. Pakistan's problematic relationship with India, its willingness to sponsor terrorism and its tendency to flip between military dictatorship and weak and corrupt civilian rule, continue to make Pakistan unattractive as a neighbor. The Pakistani intelligence service still appear to be supporting the U.S. and the Afghan Taliban in a high risk 'double game'. Pakistan would prefer a Pashtun-dominated and passive client state to its west, but Afghanistan clearly has no immediate desire to fill this role. This has been a source of a major friction between Afghanistan and Pakistan. Pakistan's interventions in today and future will remain self-interested at best and malign at worst (Foxley, 2010: 3-4).

Iran

With the Iranian revolution and then the Soviet invasion of Afghanistan in 1979, Iran's objectives in Afghanistan changed. The U.S. hostage crisis of 1980 in Tehran transformed two former allies into enemies. Although Iran staunchly condemned the Soviet occupation of Afghanistan, it still maintained amiable relations with the USSR. During the Soviet occupation, Iran's policy was confined to creating an "ideological sphere of influence" among the 20% Shi'ite population in Afghanistan. Since then, Iran has had a security-centered foreign policy of protecting and expanding its interests, and neutralizing the perceived threat from the U.S., a threat Tehran regards as existential. A stable Afghanistan, with Herat as a buffer zone, and a friendly government in Kabul is in Iran's interests. Throughout its occupation, the Soviets kept a "hands-off" policy toward the Shi'ite population in Afghanistan, a concession to the Khomeini regime. Consequently, there was no resistance from this sect of Muslims against the Soviets in Afghanistan.

At the international conference prior to the Soviet withdrawal, Washington and Moscow pledged non-interference in Afghanistan. Unfortunately, their pledges created a dangerous vacuum, sucking Pakistan, India, Iran and Saudi Arabia into proxy warfare during the post-Soviet period (Mohsin, 2002:235-239). Saudi Arabia sought expansion of *Wahabism* in Afghanistan and the Central Asia Regions, while Pakistan sought a Pashtun-

dominated government which would accept the Durand Line as a border and allow this to become a lucrative bridge connecting the Central Asian Countries with Arabian Sea. Such developments would also provide Pakistan with "strategic depth" against its archrival, India.

Iran's and India's objectives clashed with Pakistan's and Saudi Arabia's. Because of this, Afghanistan remained area for proxy war battles between 1989 and 1996. Even before the Soviet withdrawal, Ali Akbar Hashemi-Rafsanjani announced in 1987 in Moscow that "we are prepared to assist you, so that after departure there will be no U.S. domination in Afghanistan". Tehran, subsequently worked to expand its "political sphere of influence" by encouraging Shi'ite groups and non-Pashtun speaking groups (e.g. Dari) to form the Hezb-e-Wahdat party in 1990, which later allied itself with the NA (north alliance) (and with both Tajik commander Ahmad Shah Masud and Uzbek commander Rashid Dostum) (Ibid, 2002:240-241).

The Taliban takeover of Kabul in 1996 with Pakistani and Saudi assistance delivered a severe blow to Iran in Afghanistan; Iran openly supported the NA. The NA continued to prove a challenge for the Taliban since it maintained its sovereignty in the Panjshir valley. Although the U.S. refrained from openly supporting the Taliban in order to avoid further damaging relations with Russia and Iran, the U.S. signaled its tacit support to Pakistan and Saudi Arabia (Rashid, 2001: 241). Meanwhile, Pakistan announced development of Gwadar port in 2000, Iran started work on its port in Chabahar with Indian assistance: the aim is for this to provide Central Asia with access to warm waters. India is also building a road from Chabahar, running parallel to the Pakistan-Iran border before entering Afghanistan, on its way to the Central Asia Countries (Haider, 2005: 96).

Clearly, the U.S. does not want Iran to benefit from achieving the shortest pipeline between Turkmenistan and Azerbaijan to Arabian Sea (Rashid, 2001: 155) – and not when UNOCAL (American oil company) and DELTA (Saudi oil company), along with India and Pakistan, would be major beneficiaries of the Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India (TAPI) Pipelines project instead (Mohsin, 2002:243). Knowing this, it then serves Iran's and Russia's purposes to keep the region unstable by backing an anti-Taliban alliance so that U.S. pipelines planned to run through Afghanistan and Pakistan are never built (Rashid, 2001: 179).

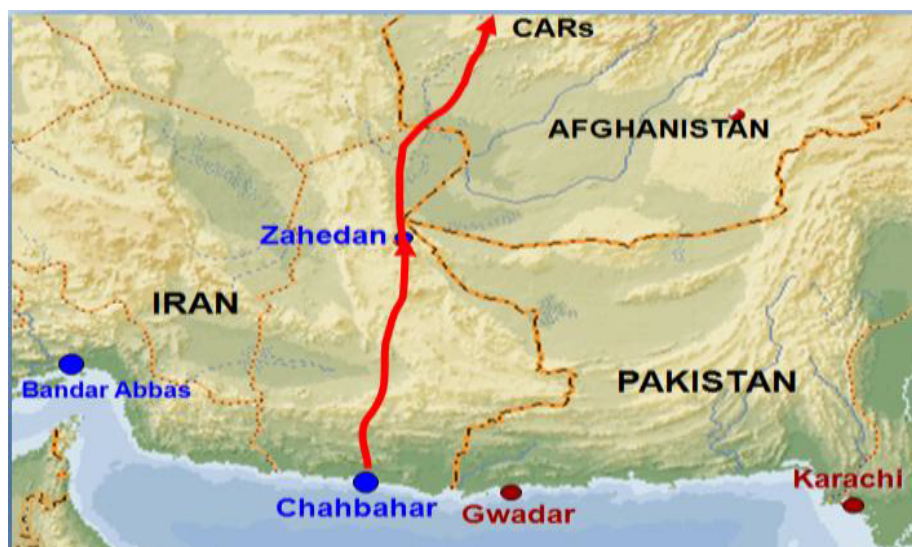

Figure 1 – Chabahar port and construction of road by India to Afghanistan

The dismantling of the Taliban regime by the U.S. in the aftermath of 9/11/2001 amounted to an unintended favor to Iran from its enemy. Ironically, U.S. Policies helped Iran to regain its regional power status by removing Iran's major threats in its immediate neighborhood: namely, the Taliban and Saddam Hussain regimes (Mohsin, 2002:247). After the U.S. invasion of Iraq in 2003, Iran's focus shifted from Afghanistan to Iraq. Within a short span of time, Iran extended its sphere of influence in Iraq. Today, Iran possess better levers for bargaining with the U.S. than it did in 2001- being in the middle of two theaters in which America is embroiled in protracted insurgencies. Iran has considerable influence in both these theaters, and in the region. Iran's unflinching stance on its nuclear program can be seen as one consequence of these developments, which have emboldened Iran to stay the course given U.S. vulnerabilities and U.S.'s deteriorating international standing. Tellingly, China has refused to support any tougher actions against Iran over its nuclear program. Although Secretary Clinton warned China about "economic insecurity and diplomatic isolation" (Afrasiabi, 2010), Beijing is itself upset about the U.S. decision to sell \$6.4 billion worth of arms to Taiwan. Consequently, the U.S. may not get the support it needs from the UN Security Council for tougher action against Iran from either China or Russia.

As Western pressure has built over Iran's nuclear program, the U.S. has noted Iran's increasing support to the Taliban (Bruno, 2009). Iran has the ability to pull Hezbollah's strings in Lebanon against

Israel, raise Shi'ite resistance in Iraq, and continue providing assistance to the Taliban in Afghanistan. While the U.S. hopes to involve Iran in a dialogue on Afghanistan, the U.S. itself is allegedly involved in supporting a militant group called "Jundullah" in Iran, which has sanctuaries in neighboring Pakistan's Baluchistan province (Sahimi, 2010). Iran's suspicions have created further a rift between both neighbors. Iran also accuse the U.S. and UK of sponsoring the opposition led post-presidential election protests in Tehran.

The absence of Iran from the London conference of February 28, 2010 on Afghanistan should not be taken lightly, since it is an important stake holder with considerable influence in Afghanistan. For as long as the U.S. is present on the ground in Iraq and Afghanistan, the possibility of an Israel or joint U.S.-Israel strike against Iran's nuclear sites remains low due to the U.S.'s extremely vulnerable position in both theaters of war and Iran's improved position in the region, as well as its relations with Russia and China.

India

Indian foreign policy is based on being an "undisputed champion of all no-nonsense realists, a monster of cunning and bluntness". Or so wrote Kautilya, an ancient Indian in his Arthashastra, or science of politics, in 300 B.C.E. (Boesche, 2002: ix) Kautilya's recent equivalent is Machiavelli. In Kautilya's analysis of international relations, a leader must assume that "all neighboring states

are enemies, whereas, by contrast, any state on the opposite side of the neighboring state is a potential ally” (Ibid, 3). Or, the enemy of my enemy is my best friend. A close analysis of India’s relations with its immediate neighbors confirms Indian faith in the practice of this age old political philosophy.

During the Soviet occupation of Afghanistan, India, a champion of the Non-Aligned Movement maintained a neutral position. However, in hindsight, we can say India backed the Soviet occupation in order to retain its influence in Afghanistan and to assure it would continue to receive supply of military hardware from its major supplier, the USSR. This support was also a result of U.S. and Pakistan working together against the Soviets in Afghanistan. In the course of this, the U.S. overlooked Pakistan’s nuclear program and resumed military and financial aid to Pakistan. Unfortunately, 9/11/2001 helped re-constitute closer Pakistan-U.S. relations, a development that India resents.

In view of South Asian turbulent history and India’s political philosophy, its principal goal in Afghanistan after 9/11 has been a pro-India government that will protect Delhi’s interests. India would like to deny the return of the Taliban or any pro-Pakistan government to Kabul in order to keep Pakistan under constant threat from two fronts. India also seeks to deny the use of Afghanistan as a base for terrorism in India. Finally, India seeks access to the Central Asia Countries for economic and security reasons.

After the Soviet withdrawal from Afghanistan, the Jihadists’ felt emboldened as victors; having defeated a superpower in Afghanistan. The U.S. came under increasing pressure from India in 1992-1993 to declare Pakistan a state sponsor of terrorism (. India accused Pakistan of Shifting the Jihadists’ bases from Pakistan to Afghanistan under the Mujahedeen allies and later the Taliban. Mullah Omar announced in 1998 that “we support the Jihad in Kashmir”. He also accepted that certain Afghans were fighting against the Indian occupation forces voluntarily (Rashid, 2001: 186).. India sought to deny this ‘strategic depth’ to Pakistan in Afghanistan. The hijacking of an Indian passenger plane in 1999, and its landing at Kandahar airport, exacerbated Indian fears about Afghanistan’s role in India’s security paradigm. India had to release Masood Azhar (leader of Jaish-e-Muhammad) and Omar Sheikh (Daniel Pearl’s kidnapper) with the hostages. Both reportedly fled to Pakistan (Musharraf, 2006: 225).

With the collapse of the Soviet Union, India gradually began to seek better relations with the U.S. India Also declared Central Asia to be “our

near abroad” in 1997, after proclaiming its ambition to become a global power (Sharma, 2009: 2). India’s overarching goals in Central Asia are to: Secure a diverse energy base in competition with China; keep a check on the radical Islamist threat; check drug trafficking, a major source of terrorist financing; use “India’s commercial potential in the region to counter Pakistan’s attempts of blunting the Indian presence through its geostrategic location” (Ibid, 1). For instance, India is engaged in a 1680km-long pipeline project that will link it with Turkmenistan through Afghanistan and Pakistan. The Indian state-owned, Videsh Oil Company has also invested in Kazakhstan, a country that has large quantities of enriched uranium (Ibid, 4). This is significant, especially after India received its NSG waiver as a result of Indo-U.S. civilian nuclear cooperation.

It is worth noting that India, unlike Iran, has long refused to sign the Non-Proliferation Treaty. However, despite this, the Bush administration went ahead with a civil nuclear deal with India in an effort to open India to American defense companies (Lockheed Martin alone hopes to do \$15 billion worth of business within five years), (Mishra, 2010).

Also, Tajikistan, an important CAR, function as a critical channel for funneling support to the NA in Afghanistan for India, Iran, and Russia (India provided \$8 million to the NA in 2001), ((Sharma, 2009: 6). Another Indian strategic arrangement with Tajikistan is acquisition of its first foreign “outpost” at Ayni airbase, where India has stationed a squadron of MiG29s. This enables India to respond to threats emanating from Afghanistan, Central Asia, and Pakistan (Ibid, 7). From Pakistan’s perspectives, India’s construction of the Road from the Iranian port of Chabahar to Afghanistan increases its influence in Afghanistan. With its military base in Tajikistan, India us achieving a “strategic encirclement” of Pakistan, and to some extent of China, too.

In the post-Taliban period, India has heavily invested in development work in Afghanistan to protect its goals there and in the CARs. India’s pledged assistance to Afghanistan is over \$1.2 billion in a variety of sectors. The Indian government has delivered projects well in time and with consistence. While India is thus viewed as a reliable partner, Pakistan has serious concerns about India’s RAW activities in Baluchistan and the NWFP provinces in Pakistan (Ahmed. 2010: 2).

Mr. Karl Indurfurth, a former senior U.S. diplomat, advised in January 2008 that “Kabul should address Pakistan’s concerns on India, and its allies should urge Kabul to officially accept the Durand Line as the border between the two

South Asian neighbors” (Ibid, 3). Even General McChrystal’s report, ‘Commander’s Initial Assessment,’ dated 30 August 2009 makes the critical point: “While Indian activities largely benefit the Afghan People, increasing Indian influence in Afghanistan is likely to exacerbate regional tensions and Pakistani countermeasures in Afghanistan or India”. Interestingly, in a joint statement issued after a meeting between the Indian and Pakistani Prime Ministers at NAM summit at Sharm-el-Sheikh, Egypt, on 16 July 2009, India agreed to share information about terrorism in Baluchistan (Ahmed. 2010: 5). India’s Prime Minister, Mr. Manmohan Singh, stirred up heated reactions from his Congress Party and Hindu nationalists (the Bahartia Janata Party) over this statement –seen as a confession of India’s involvement in Pakistan.

China

Observing calmly; secure our position; cope with affairs calmly; hide our capacities and bide our time; be good at maintaining a low profile; and never claim leadership (U.S. Congress, 2008: 8). Deng Xiaoping

China’s interests in the region are mainly: to have a pro-China regime in Kabul that does not allow the export of Islamist ideology to China; to maintain a strategic relationship with Pakistan, which serves China’s interests in the CARs and South Asia, and protects its Sea Lanes of Communication (SLOC) in the Indian Ocean; and to support a counter to Indian and U.S. influence in its neighborhood. China showed little interest in Afghanistan previously. However, with Afghanistan’s openness to foreign investment after the removal of the Taliban regime and with its own growing energy needs, China has invested \$3,5 billion in the Aynak copper fields – the biggest direct foreign investment in Afghanistan’s history (Norling, 2009). As China is often said to be the U.S.’s closest near peer competitor, China’s increasing involvement in Afghanistan conflicts with U.S. interests in the region.

China’s ‘wild west’ province, Xinjiang, share an insignificant stretch of border with Afghanistan. Altogether, Xinjiang province is bounded by Kyrgyzstan, Tajikistan, Afghanistan, Pakistan, and India. The Muslim Uighur community has been struggling for greater autonomy from the Han-dominated Chinese central government for decades. Xinjiang remains indispensable to China because of its abundance of natural resources and its location with regard to the CARs (Haider, 2005: 523). The Muslim majority Uighurs have been systemically

reduced from 90% of Xinjiang’s population in 1945 to 45-50% today due to increased Han settlements (Ibid, 525). With the building of the Karakorum highway, linking Xinjiang province with the northern areas of Pakistan, China’s fears of greater radicalization of Uighurs have also increased. Pakistan has taken all measures in its power to allay Chinese fears about any support from extremist political Islamist parties in Pakistan.

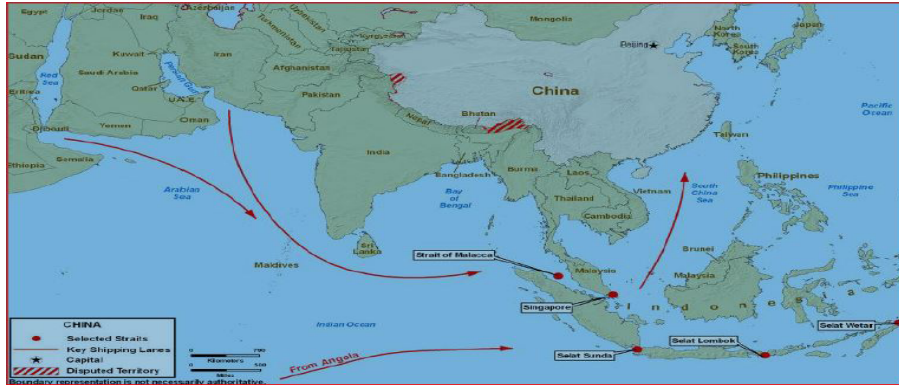
The Karakorum highway has both economic and military strategic significance. According to India, construction of this road is “a military sinister movement directed against India (Ibid, 523). Perhaps India says this because China is such a reliable partner of Pakistan’s, having provided considerable military hardware and assisted Pakistan in development of its nuclear and missile technology. China has always been supportive of Pakistan’s stand on Kashmir and provides considerable political support to Pakistan in all international forums. Sino-Indian relations have been tense for two reasons: the territorial disputes over Aksai Chin (Kashmir), and Arunachal Pradesh (90000 sq km), and Indian support to the exiled Dali Lama regime of Tibet.

Among the major reasons for strained relations between the U.S. and China are: Taiwan, the status of Dali Lama, North Korea, and China’s record human rights-as per U.S. perceptions. China is an emerging superpower, which automatically puts it on a potential confrontation path with the U.S. The U.S. “Nuclear Posture Review” in March 2002, and U.S. Congress’s “Report of U.S.-China Security Review Commission” in July 2002, concluded that China’s economic and military growth would pose a serious national security threat to the U.S., and suggested “rolling back” bilateral cooperation, especially in trade and high technology (Oleksandar, 2003: 9).

As China grows, secure access to markets and diverse energy resources are essential to it maintaining and sustaining its growth. Against this backdrop is the need to secure the SLOCs in the Indian Ocean. China currently consumes 7.58 million barrels of oil a day and is the world’s second largest consumer of oil after the U.S. (BY 2015 this will increase to 10-12 million barrels per day), (Ibid, 10). Eighty percent of the oil China needs passes through the Malacca straits, fifty percent of which comes from the Middle East (Persian Gulf), (Ibid, 10-12). China feels that its SLOCs can be all too conveniently threatened by U.S. and Indian dominance of the Indian Ocean, as well as by the U.S. naval presence in the South China Sea. For their part, the U.S. and India suspect China of

pursuing a “string of pearls” strategy, which aims to secure ports along the rim of the Indian Ocean in Pakistan, Sri Lanka, Myanmar, and Bangladesh in order to counter the vulnerability of its SLOCs. The Gwadar port in Pakistan and the port in Myanmar

can be linked to China’s Xinjiang and Yunnan provinces, respectively, through pipelines that will further minimize China’s dependence on the flow of oil through the Indian Ocean (Johnston, 2008: 27-50).

Figure 2 – China’s critical sea lanes and disputed territory with India
 (Downloaded from DoD’s, Military Power of the People’s Republic of China, 12)

To keep its options for alternative energy supplies open, china has shored up its overland sources from Kazakhstan (via a pipeline), Russia (via rail, with plans for a pipeline), and Turkmenistan (via pipeline), (Denmark and Patel, 2009: 27). China cannot totally rely on oil from

E CARs and Russia because the overland pipelines will be passing through Xinjiang province where there is the Uighur movement, and because relations between Russia and China are “fraught with cross-currents of competition, suspicion, and Russian energy policy paralysis” (Ibid, 28)0. Since Russia continues to influence the CARs from every single, China cannot put all its egges into one basket.

Pakistan envisaged developing the Gwadar port as an outlet to the Central Asian energy resources after the CARs’ independence. During President Musharaf’s tenure, Pakistan signed an agreement with China to develop Gwadar, for which China agreed to finance 80% of the project costs. President Musharaf expressed his gratitude to China by saying, “it is the friendship between China and Pakistan that made my dreams of Gwadar come true. We thank China”. The Gwadar deepwater port has the capacity to become a major shipping hub for Central Asia, China, and the Middle East, as well as for bringing China most of the crude oil it needs (Chu, 2007).

The U.S. and India fear that this is not merely a commercial project, but one which could be easily used and developed for military purposes in the

future. Because of Gwadar’s location, Bluchistan province assumes strategic significance within the overall regional geo-political game (Keplan, 2009). That makes Baluchistan of especial significance to both India and Iran, which further complicates Pakistan’s concerns.

Russia

We cannot help seenig the uproar stirred up in some Western countries over the energy resources of the Caspian. Some seek to exclude Russia from the game and undermines its interests. The so-called pipeline war in the region is part of this game.-Boris Yeltsin (1998), (Rashid, 2001: 156).

Before exploring Russia’s principle interest, it will be prudent to have a look at U.S. interests in this region. When President Bush first met Putin on June 16, 2001, he expressed his feelings that, “Russia and the U.S. are not enemies, they do not threaten each other, and they could be good allies. Russia can be a strong partner; more than people can imagine” (Olexsandar, 2003: 4). After 9/11, these former antagonists grew closer in light of the threat posed by international terrorism. Moscow did not object when the U.S. approached Uzbekistan and Kyrgyzstan for military bases. Regrettably, the unilateral renunciation of the Anti-Ballistic Missile treaty of 1972 by President Bush on December 13, 2001 did alarm Russia.

The U.S. investment in Afghanistan and its engagement there and in Central Asia represents a long-term endeavor to meet its interests. The major U.S. interests in the region can be summarized as: defense of America and Europe from Islamic terrorism after the 9/11 attacks; the maintenance of access to airspace and territory in Asia; development of alternative energy sources; and promotion of democracy in the CARs and South Asia (Blank, 2007: 312). Consequently, removing the Taliban in 2001 and efforts thereafter to establish a viable and legitimate Afghan government under President Karzai have been critical to helping the U.S. achieve these goals.

Essentially, the U.S. wants to end Russia's monopoly over the distribution of oil and gas from the CARs so that the U.S. and Western firms can compete in the exploration and distribution of these natural resources. The U.S. also seeks to isolate Iran from the CARs by urging states to bypass Iran, and threatening sanctions against those that do not comply with U.S. wishes (Ibid, 313). Two projected

pipelines that bypass Iran and Russia are the Baku-Tbilisi-Ceyhan (BTC) and TAPI. Not surprisingly, the U.S. doesn't object to them.

Today Moscow, Beijing, and Tehran are countering U.S. interests, as they view America's political and military presence as a threat to their security and interests in the region. Prior to 9/11, Russia had serious reservations about NATO's eastward expansion. President Putin had proclaimed that enlargement of NATO was "not necessary" (Oleksandar, 2003: 15). Russia also wary of the U.S. desire to bring the CARs under its influence for all the reasons mentioned above. The Cold War does not seem to have ended entirely as Russia struggles to retain influence over its former states, while denying the same to the U.S. and the West. Russia supported the U.S.'s 'war on terror,' as in return, it received a free hand in Chechnya. Like Iran, Russia with a gained from Taliban's removal. Still, Russia does not wish to have an indefinite American presence in such close proximity.

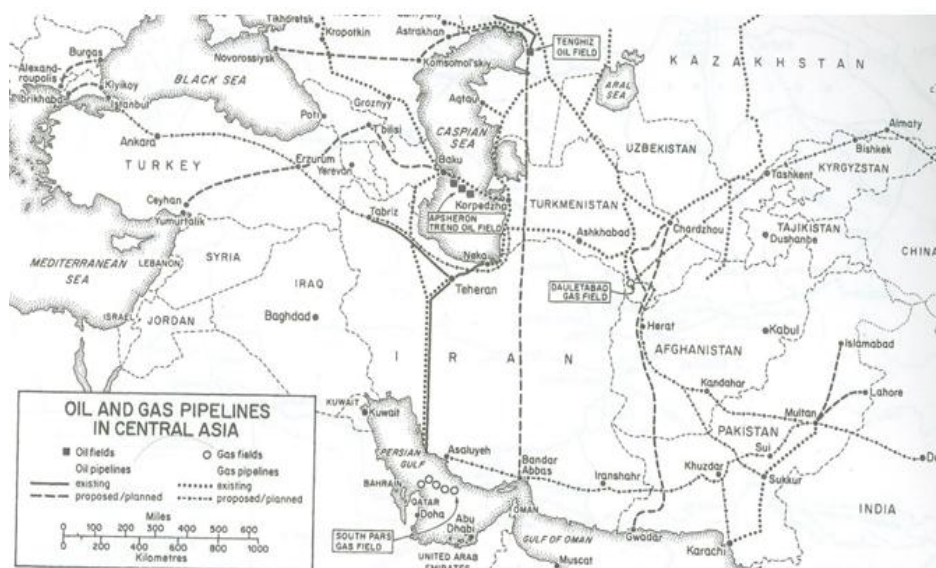

Figure 3 – Existing and projected oil and gas pipelines from the CARs (Copied from Rashid's, Taliban)

In order to check U.S. influence in the region, Moscow has increased its cooperation with China, Iran, and North Korea. Russia has established a "gas cartel" under the guise of an energy club under the auspices of the Shanghai Cooperation Organization forum, with Iran, Algeria, and Qatar also as members. Meanwhile, through the "KazMuniGaz deal" all natural gas produced in the CARs will be controlled by Gazprom, the world's largest extractor

of natural gas. This implies that natural gas from any CARs is bound to transit through Kazakhstan and Russia on its way to market –putting Russia in firm control of these vast resources.

This Russia monopoly over natural gas poses a threat to European energy security, as well as limiting the CARs' freedom. But, for Russia, any outlet for oil and gas from Central Asia on the Arabian Sea or through the Caspian Sea to Turkey would be a

strategic, economic, and political disaster. Russia has shown its resolve to intervene militarily in states if its interests are threatened. Russia's spearheading of the Collective Security Treaty Organization (CSTO), with the USSR's former states as members, is another effort by Russia to deny these states falling under NATO's shadow, as well as preventing the CARs from providing any military base to the U.S. or NATO without Russia's approval.

For instance, under pressure from Moscow, Uzbekistan ordered the closure of the Karshi-Khanabad (K2) U.S. military base in 2005 (Blank, 2007: 314-317). The American's base at Manas, Kyrgyzstan may also close under similar pressure. In July 2005, the Kyrgyz government demanded an increase in rent to which the U.S. succumbed by pledging an additional \$200 million interest-free loan. General Richard Myers rebuked Russia and China over their pressure on Kyrgyzstan when he said, "it looks to me like two very large countries were trying to bully some smaller countries" (Rashid, 2008: 340-341).

Pakistan seeks the pipeline projects from the CARs, all of which will keep alive U.S., Russian, Indian, Chinese, and Iranian interests – and potential interference. Since Pakistan holds a pivotal geostrategic location with regard to the successful completion of these pipeline projects, it will be subject to these competing interests-in addition to those sparked by the Afghanistan war. Russia has also not forgotten Pakistan's role during the "Afghan Jihad," which led to its disintegration later. This also may be a contributing factor in Pakistan's volatile current situation and a source of destabilization.

Conclusion

From a brief review of the conflicting interests of the important actors in the region, it is clear that peripheral gestures by the U.S. aimed at increasing cooperation will not end the fundamental disagreements that already exist among them. There are serious points of contention that prevent the development of amicable relations among some of these states. What is required, instead, are means of building trust and reciprocity instead of bulldozing along through bilateralism. The support that the U.S. received from friends and foes alike after the 9/11 attacks has largely dissipated due to Washington's myopic concerns. In order to advance genuine cooperation and build stable relations, the U.S. needs to take a leading role in removing, for instance Russian, Chinese, Pakistani, and Iranian

fears about the U.S.'s protracted presence in the region; these fears are genuine if one bears in mind the nature of their past and existing rivalries. From the perspective of most of other regional players, the U.S. does not belong in the region and, thus, its presence is considered to be interference in others' domain.

It will be impossible for the U.S. to sustain its presence in Afghanistan without reasonably accommodating these other states' genuine political, economic, and security concerns. If we include Iraq, too, in the equation, the U.S. is in a bind. So far, its actions have done more harm than good to international relations and to the conflict in Afghanistan. Ironically, the only two states with which the U.S. enjoys good relations in this region are Pakistan and India.

In view of Pakistan's geo-strategic location, the U.S. has little choice but to rely on Pakistan with regard to the Afghanistan war and pursuit of the U.S.'s legitimate interests in Central Asia. Regrettably, the history of U.S.-Pakistan relations has not always been good, and the U.S. has not done all it can to re-cement relations. However, now, for an honorable exit and protection of its interests in the region, the U.S. is in dire need of assistance, which in turn requires cooperation from all the important actors in the region, but especially as it finds itself at this most critical juncture of its protracted campaign.

Throughout this paper, the impact of regional disputes has been highlighted so that readers may understand the dynamic nature of this overlooked aspect of the conflict. A prudent U.S. policy toward the region can facilitate a peaceful resolution of many of these disputes, something the U.S. must strive to achieve if it wants to remain engaged in the region for the long-term. Among other things, as the U.S. encourages India, Pakistan, and Afghanistan to settle their disputes peacefully, either bilaterally or through mediation, it should guarantee them security until such time as the peace process yields effective, demonstrable peace. For its part, too, the U.S. needs to review its policy towards China, Iran, and Russia so that these states do not feel threatened by the U.S.'s long-term presence in the region, or else another Cold War will ruin the peace. In essence, much depends on how far the U.S. is ready to go beyond its current world view in order to take into account the world view of others. Only by adopting a balance foreign policy can the U.S. help ensure a durable peace in this or any other region of the world.

References

- Abdul Satar. (1997). *Afghanistan: Past, Present and Future, From Jihad to Civil War*. The Institute of Regional Studies, Islamabad.
- Afrasiabi, L. Kaveh. "Iran Caught up in China-U.S. Spat," *Asia Times*, February 2, 2010. <http://www.atimes.com/atimes/Middle East/LBO2AK02.HTML> (access March 3, 2010).
- Ahmed, Ishtiaq. "India-Pakistan Relations Post-Mumbai Terrorist Attacks". Singapore: Institute of South Asian Studies (ISAS), No. 89, January 7, 2010. <http://www.isasnus.org/events/insights/90.pdf>. (05.01.2020)
- Blank, Stephen. "U.S. interests in Central Asia and Their Challenges," *Demokratizatsiya*, Washington: Summer 2007. Vol 15, Issue 3. <http://proquest.umi.com.libproxy.nps.edu/pqdweb?did=1508966691&sid=3&clientId=11969&RQT=309&VName=PQD>. (05.01.2020)
- Boesche, Roger. (2002). *The First Great Political Realist; Kautilya and His Arthashastra*, Oxford; Lexington Books.
- Bruno, Greg. "Iran and the Future of Afghanistan," Council On Foreign Relations, March 30, 2009. <http://www.cfr.org/publication/13578/>. (05.01.2020)
- Budihas, Christopher L. "what drives Pakistan's interest in Afghanistan?", *the land warfare papers*, No. 82, April 2011.
- Chu, Henry. "China's Footprint in Pakistan," *Los Angeles Times*, April 01, 2007.
- Denmark, Abraham and Patel Nirav. "China's Arrival: A Strategic Framework for a Global Relationship," Washington, D.C.: Center for New American Security, September 2009. http://www.cnas.org/files/documents/publications/CNAS%20China's%20Arrival_Final%20Report.pdf. (05.01.2020)
- Foxley, Tim. (2010). "Afghanistan's neighbours: Great Game, Regional Approach or Liability Opportunism?", SIPRI Project Paper, September 2010.
- Haider, Ziad. "Sino-Pakistan Relations and Xingjian's Uighurs," *Asian Survey*, Vol XLV, No 4, July/August 2005.
- Johnston, Corey S. "Transnational Pipelines and Naval Expansion: Examining China's Oil Insecurities in the Indian Ocean," M.A. thesis, NPS, Monterey, CA, June 2008.
- Kamal Matinuddin. (1999). *The Taliban Phenomenon: Afghanistan 1994-1997*. Oxford: Oxford University Press.
- Khawar, Hussain, "Pakistan's Afghanistan Policy,"
- Keplan, Robert. "Pakistan's Fatal Shore," *Atlantic Monthly*, May 2009.
- Mishra, Pankaj, "Afghanistan: The India and Kashmir Connection," *The New York Review of Books*, Vol:57, No. 1, January 14, 2010. http://www.nybooks.com/article-preview?article_id=23558. (03.01.2020)
- Mohsin M Milani, "Iran's Policy Towards Afghanistan," *The Middle East Journal*; Vol 60, No 2, Spring (2002): 235-257, <http://www.jstor.org/stable/4330248> (accessed January 12, 2009).
- Musharraf, Pervez. (2006). *In the Line of Fire: A Memoir*. New York: Free Press.
- Norling, Nicklas. "The Emerging China-Afghanistan Relationship" *Analyst*, May 14, 2008. <http://www.cacianalyst.org/?q=node/4858>. (03.01.2020)
- Oleksandar, Gladky. "American Foreign Policy and U.S. Relations with Russia and China after 11 September, *World Affairs*, Washington: Summers 2003, Vol 166, Issue i. <http://proquest.umi.com.libproxy.nps.edu/pqdweb?did=592370761&sid=1&Fmt=3&clientId=11969&RQT=309&VName=PQD>. (03.01.2020)
- Rashid, Ahmed. (2001). *Taliban: Militant Islam, Oil, and Fundamentalism in Central Asia*. London: Yale University Press.
- Rashid, Ahmed. (2008). *Descent into Chaos*. Viking: Penguin Group.
- Sahimi, Muhammad. "Who Supports Jundallah," *Frontline PBS*, <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/rehranbureau/2009/10/jundallah.html>. (05.12.2019)
- Sharma, Raghav. (2009). *India in Central Asia*. New Delhi, India: Institute of Peace and Conflict Studies (IPSC), Special Report, No. 63, January 2009.
- Tanner, Stephen. (2002). *Afghanistan: A Military History from Alexander the Great to the Fall of the Taliban*. Cambridge Mass.: De Capo Press.
- U.S.Congress. Department of Defense. Annual Report from Office of the Secretary Defense. *Military Power of the People's Republic of China* (2008). http://hongkong.usconsulate.gov/uploads/images/pAw-Xhv1qHB7cBNrkQbc3A/uscn_others_2008030301.pdf. (05.12.2019)
- Weinbaun, Marvin G. (1991). *Pakistan and Afghanistan: The Strategic Relationship*. *Asian Survey* 31, no. 6, June 1991.
- Zahid Hussain. (2007). *Frontline Pakistan: The Struggle with Militant Islam*. New York: Columbia University Press.

O. Karataev Kastamonu University, Turkey, Kastamonu,
e-mail: okaratayev@gmail.com**TITLE OF THE ANCIENT TURKS:
“KAGAN” (QAGAN) AND “ZHABGU” (YABGU)**

The Turks managed to create a huge empire. Territory – from the Altai mountains in the east to the Black Sea in the west, from the upper Yenisei in the north to the upper Amu Darya in the south. At the beginning of the VI century, the territory of Kazakhstan came under the authority of the Turkic Kaganate. Turkic Kaganate is the first state in Kazakhstan. Its basis was the union of Turkic-speaking tribes, which was headed by the kagan. The state, based on tribal traditions, was based on military-administrative management. It was part of a system of relations with such major states of the time as Iran and Byzantium. China was a tributary of the kaganate. The title in many cultures played the role of an important indicator of the international prestige of the state. As is known, only members of the Ashina clan had the sacred right to supreme power in the Turkic Kaganate. Possession of one or another title, occupation of one or another place in the political and state structure of society, depended on many circumstances, the main of which was belonging to a particular tribe in a tribal union, clan in a tribe, etc. Social determinants (titles, ranks, positions), as the most significant components of ancient Turkic anthroponomy, contained complete information about the social status of the bearer of a given name, its origin and membership in a particular layer of society, data on its place in the political structure of society and the administrative structure. The political and military organization of Turkic society in many respects continued the traditions of previous state formations of the Huns. In linguistic terms, most of them are borrowings – mainly from Sogdian, Chinese and Tibetan languages.

Key words: Turks, Ashina, sacredness, titles, kagan, yabgu.

О. Қаратаев

профессор, т.ғ.д., Кастамону Университеті,
Түркия, Кастамону қ., e-mail: okaratayev@gmail.com**Ежелгі түркілердің титулдары:
«қаған» (каган) және «жабғу» (ябгу)**

Түріктер үлкен империяны құрды. Аумағы – шығыстағы Алтай тауларынан батыста Қара теңізге дейін, солтүстігінде Енисейдің жоғарғы жағынан, оңтүстігінде Әмударияның жоғарғы жағына дейін. VI ғасырдың басында Қазақстан территориясы Түрік қағанатының қарамағына өтті. Түрік қағанаты – Қазақстандағы алғашқы мемлекет. Оның негізін қаған басқарған түркітәулес тайпалардың одағы құрды. Тайпалық дәстүрлерге негізделген мемлекет әскери-әкімшілік басқаруға негізделді. Ол сол кездегі Иран мен Византия сияқты ірі мемлекеттермен қатынастар жүйесінің бөлігі болған. Қытай қағанаттың салмағы болды. Көптеген мәдениеттердегі атау мемлекеттің халықаралық беделінің маңызды индикаторы рөлін атқарды. Түрік қағанатында жоғарғы билікке деген қасиетті құқығы ашина руының мүшелеріне ғана белгілі болды. Қоғамның саяси және мемлекеттік құрылымында бір немесе басқа орынға ие болу үшін көптеген атақтарға ие болу көптеген жағдайларға байланысты болды, олардың негізгілері тайпалық одақта белгілі бір руға, тайпадағы кланға және т.б. Әлеуметтік детерминанттар (атақтар, лауазымдар) ежелгі түркі антропонимиясының маңызды құрамдас бөліктері ретінде, аталған аттың иесінің әлеуметтік мәртебесі, шығу тегі және қоғамның белгілі бір қабатына жататындығы, оның қоғамның саяси құрылымындағы және әкімшілік құрылымдағы орны туралы мәліметтер болған. Түркі қоғамының саяси және әскери ұйымы көп жағдайда ғұндардың бұрынғы мемлекеттік құрылыстарының дәстүрлерін жалғастырды. Тілдік тұрғыдан алғанда, олардың байланысы көпшілігінен – негізінен соғды, қытай және тибет тілдерінен алынған.

Түйін сөздер: түріктер, Ашина, сакралды, титулдар, қаған, ябғу.

О. Каратаев

профессор, д.и.н., Университет Кастамону,
Турция, г. Кастамону, e-mail: okaratayev@gmail.com

Титулатура древних тюрков: «каган» (каган) и «жабгу» (ябгу)

Тюркам удалось создать огромную империю на территории от Алтайских гор на востоке до Черного моря на западе, от верховьев Енисея на севере до верховьев Амударьи на юге. В начале VI века территория Казахстана попала под власть Тюркского каганата. Тюркский каганат – это первое государство на территории Казахстана. Его основу составлял союз тюрко-язычных племен, который возглавлял каган. Государство, опиравшееся на родовые традиции, основывалось на военно-административном управлении. Оно входило в систему отношений с такими крупнейшими государствами того времени, как Иран и Византия. Китай был данником каганата. Титулатура во многих культурах играла роль важного показателя международного престижа государства. Сакральным правом на верховную власть в тюркском каганате, как известно, имели лишь члены рода Ашина. Обладание тем или иным титулом, занятие того или иного места в политической и государственной структуре общества зависело от многих обстоятельств, главным из которых было принадлежность к тому или иному племени в союзе племен, роду в племени и т.п. Социальные детерминативы (титулы, ранги, должности), как наиболее значимые компоненты древнетюркской антропологии, заключали в себе полную информацию о социальном статусе носителя данного имени, о его происхождении и принадлежности к определенному слою общества, данные о его месте в политической структуре общества и административном устройстве. Политическая и военная организация тюркского общества во многом продолжала традиции предшествующих государственных образований хуннов. В лингвистическом отношении большинство из них представляют собой заимствования – преимущественно из согдийского, китайского и тибетского языков.

Ключевые слова: тюрки, Ашина, сакральность, титулы, каган, ябгу.

Introduction and methodology of the problem

In recent decades, historical science is undergoing a major transformation. The basic problems of historical knowledge are subject to revision: the objectivity of historical research, the relationship between the historian and the source, the interpretation of historical concepts, and many others. All of them touch upon the question of how historical science complies with the basic criteria of scientific knowledge. When writing this work, the methods of instrumentalism and constructivism were used.

It is known that instrumentalism (also known as situationalism, mobilization, or the hedonistic concept of ethnicity) is an approach that has been widely adopted in the interpretation of ethnicity in the mid-70s in Western ethnology. Instrumentalism combines primordialist and constructivist principles. The essence of the concept lies in the fact that the main thing in the existence of an ethnos is to serve certain specific goals and interests. Instrumentalism is often based on socio-psychological theories, where ethnicity is interpreted as an effective means to overcome alienation, achieve a more comfortable state and acts as a social therapy. Constructivism in historical knowledge is a direction in historical epistemology that opposes realism and objectivism. Two trends can be distinguished in it: constructive realism and radical constructivism. Constructive

realism, or phenomenological constructivism, overcoming the opposition of realism and constructivism, proceeds from the fact that the cognizing subject does not so much reflect as constructs historical reality within the framework of a certain cultural and epistemological context. Representatives of constructive realism consider historical knowledge as such cognitive activity, which involves the interaction of historians, on the one hand, with transcendental historical reality, and on the other, with each other. In the framework of these interactions, “life worlds” are constructed as pictures of the historical past, which to a certain extent correspond to historical reality itself, but inevitably bear the “handwriting” of the cognizer (*Terminological Dictionary, 2014: 226-229*).

The term “title” means not only the names of the highest state, possessive, hereditary and clan honorary titles of the elite of society, that is, the title in a narrow, proper sense, but also the name or the name of someone by occupation, social status, or distinctive features, that is, a title in the broad sense of the term; honorary possessive or clan title requiring appropriate title (Kagan title, princely title); the name of someone, something (usually high, honorable) by occupation, social status, some distinguishing features; the name of any position, rank (*Sheriyev, 1991: 3*). Ancient Turkic social terminology has repeatedly been the subject of scientific analysis. The

material in this case was both texts of the ancient Turkic runic inscriptions, and documents in other languages. Its main circle, relating mainly to the time of the Second Turkic Kaganate (682-745), is now known. But a significant part of it, contained in the early Chinese materials, despite the serious developments available, has not been examined enough, and sometimes it has not been identified. Now there is already a tradition of reconstructing the ancient Turkic vocabulary proper in Chinese transcription, but the accumulation of experience in this direction is hampered by the fact that, as a general rule, its Chinese translation is absent. From the first steps of state history, Turkic society was strictly ranked (Zuev, 1998: 153-154).

When writing this work, Chinese chronicles, arabographic sources, works of famous orientalists, historians and turkologists, for example, N. Ya. Bichurin, V. V. Barthold, S. E. Malov, N. A. Baskakov, L. P. Potapov, V. S. Taskin, E. Shavannes, G. Clauson, G. Doerfer, F. Donuk, Liu Mau-tsai, K. Shiratori, R. Pelliot, G. Ramstedt, S. G. Klyash-torny, etc.

Kagan

Kagan (Qagan), the highest state title of the ancient and medieval Central Asian states, the highest sovereign title in the early medieval and medieval hierarchies. The highest state term in the early Middle Ages was used among the Sabir, Bulgars, Avars (Zhuanzhuan-Zhuzhan), Khazars, Kök Turks, Kyrgyz, Uighurs and Pechenegs. In Mongolian time it merged with the related form “kaan” (“Qaan”, “qhan”, ie “great khan”). The term “kagan” was first witnessed in Chinese sources in relation to the Central Asian tribe of the xianbi (III century). A number of scholars, referring to the studies of E. Pulliblanck, believe that the title “kagan” was worn by the Huns (Huns) as early as the 1st century AD. BC. in the form of “hu-yu” (wah-wa) (Clauson, 1959: 611a; Donuk, 1988: 42). Kipchak clan-tribal associations, kimaki (kimeks), and Karakhanids used the parallel title-term “kan” (khan).

There are different points of view regarding the origin of the “kagan” title: the altaiist G. Ramstedt (Ramstedt, 1951: 62) believed that this term has Chinese roots, F. Laszlo [F. Laszlo, 1944: 37] – the Syanbi origin, V. Bang (Bang, 1929: 118) – ancient Sogdian, K. Shiratori (Shiratori, 1922: 1-26), P. Pelliot (Pelliot, 1921: 328), V. V. Barthold (Barthold, 1927: 8) – Zhuanzhuan.

ON THE. N. A. Baskakov, relying on the work of a number of researchers, gives such a definition

to the title term: Turkic. qayan “kagan, sovereign” < kit. “Ke-xan” – “the great khan” (Chen Chang-Hao, 1953); < whale. ke-kuan “great sovereign” > qayan (Ramstedt, 1951: 62; Baskakov, 1987: 5).

In 402, the title “kagan” was adopted by the Mongol-speaking Zhuzhans (“Zhuzhuan” or “Zhuanzhuan”) instead of the Hun (sünnu) title of “shanyu”. The first to accept the title of “kagan” was the Juan ruler Shelun (Kradin, 1992: 136; Donuk, 1988: 41-42). Then, from the Juan Juan he was borrowed by the Avars and Turks (from 551 years), who created in the middle of the VI century. the largest nomadic empire at that historical moment was the Turkic Kaganate (551-630). The founder of the Turkic state, Bumyn (Tumyn, died in 552) took the title “kagan,” worn by their overlords – the Juan rulers. Since the VI century. Kyrgyz, Uyghurs, Karluks, Khazars and Kimaks took this title.

The genesis of the imperial structures among the Turks was closely connected with the fate of the Zhuanzhuan (Zhozhuan) Kaganate. The Khanate of Zhuanzhuan during its exaltation was for the Turks a model of an empire that partially integrated the nomads of Mongolia into a single political system. In addition, for the Türks, the Zhuanzhuangs were the bearers of more ancient imperial traditions (title, hierarchy, management methods, sacred nature of power, etc.). In the clashes between the Türks and the Zhuanzhuan, the mechanism of replacing the Chinese nomadic elite with another, more consolidated ethno-political group was reflected (see: Vasyutin, 2016: 189).

The ruler of Zhuanzhuan, Shelun, officially accepts the title “qayan” as the title of supreme ruler and from this period ceases to be used as such the title of shanyu (Taskin, 1986: 216-217; Donuk, 1988: 41-42). There is the following information about the appropriation of the qayan title by Shalun in the Chinese chronicle “Wei shu”: “All the minor possessions that suffered from the raids and robberies of Shalun were (as it were) on his leash and obeyed him. In this regard, Shelun appropriated the title of Zudouf Kekhan. Tzudouf in the language of the Wei dynasty means “ruling and led to expansion”, and Kekhan means “emperor” (FMPRC, p. 269).

But, some researchers, referring to Chinese written sources, conclude that the title “kagan” was used by Central Asian nomads before zhuanzhuan. The title “ke-han” (qayan) was used by the syanbi in 269-333. (see: Taskin, 1986: 214-215). However, as can be judged from the information of the Chinese chronicles, the rulers of the Tuyuyhuns (one of the branches of the Mongolian-speaking Syanbi) in practice officially used two titles – shanyuy and

qayan, of which, according to V. S. Taskin, the first is Turkic and the second is Syanbian (*Taskin, 1986: 215; Babayarov, Kubatin, 2012: 60*).

According to the Wei-shu chronicle, the first ruler of the tuyuyhuni was nicknamed “qa-han” (qayan) by the ruler of Kualuy. It also notes that “he sat (ie, Kualui) on a golden couch decorated with lions, and called his wife ke-zun (katun) ...” (*Taskin, 1984: 227*). In the name of the wife of the ruler of tuyuyhuni, already noted in “Zhou shu”, a number of scholars see the ancient Turkic title “qatun” (Döerfer, 1965: 471).

N.I. Shervashidze notes, “however, one can hardly agree with V. S. Taskin (*Taskin, 1986: 217*), who considers (without sufficient etymological reasons) the “qagan” form of Mongolian origin and explains the replacement of the title “shanyu” by “kagan” among the Türks as the “logical outcome of the centuries-long struggle between the Türkic-speaking and Mongol-speaking peoples, ending with the victory of the latter”. Rather, one must agree with the traditional point of view of K. Shiratori (*Shiratori, 1922, No. 3*) on the gradual decrease in the value of shanyu among the Huns, starting from the middle of the 1st century n e., when the Huns (i.e., the Huns – O. K) divided into northern and southern and two shanyuy appeared (*Shervashidze, 1990: 86*).

After the collapse of the state of the Huns, in Chinese chronicles, a number of ancient Turkic titles begin to be mentioned that have not been seen before and whose interpretation is not in doubt. During this period, the title “qayan” was first mentioned in Chinese chronicles, which later supplanted the title “shanyu” (*Taskin, 1986: 213-218*) and was used as a title of supreme ruler for centuries in a number of Turkic and non-Turkic states. According to K. Shiratori, the title “qayan” was first mentioned in Chinese chronicles in connection with the Syanbi tribe tsifu (ie, Xianbi) (*Babayarov, Kubatin, 2012: 59*).

Kagan – has become synonymous with the terms of emperors and shahinshahs. V. V. Barthold and A. N. Bernshtam deduces “kan / qan (khan)” from “kangan / qagan” and notices that the kagan began to mean “khan khans” (*Barthold, 1968: 602*). In recent years, there has been widespread support for the Chinese origin of the term: kagan – kağan < ke-kuan “great ruler” (*Ramstedt, 1951: 62; Döerfer, 1967: 141; Gabain, 1974; Kononov, 1980: 104; Baskakov, 1985: 154, etc*). The “eternal ale” (beggü el) of the Türks, the empire created by them, appears in the inscriptions as the social ideal of the Turkic aristocracy. Fidelity of running and “the whole nation” is postulated as the basic condition for the well-

being of the “Eternal Ale”, and the kagan acts as a guarantor of this well-being (*Tishin, 2015: 123*).

The kagan and the aristocracy had, first of all, military-organizational functions, while “it is known that they were in charge of the distribution of pastures, especially in the conquered territories,” and the kagans “also served sacred functions”. The Khagans were most afraid of the migrations of certain groups to other territories, which meant a way out of their power, and it is from this that the Khagan warns the Türks, urging them to stay in Ötüken (*Khazanov, 2002: 398; Tishin, 2015: 154-155*).

This title, a social determinative, is found as a component of the anthroponym in many monuments: Aj qağan, Baz-qağan, Bilge-qağan, Bögü-qağan, Bumin-qağan, Barsbek-qagan and many others. Dr. Khan < whale. kwan, “ruler” (*Ramstedt, 1955: 61*). In Arabographic sources, the Khazar sovereign (according to Ibn Rust) is called “Khazar-Khakan”, Ibn Fadlan is “the great Khakan”, and his deputy is “Khakan-bek”. In Mahmud Kashgari, the “rulers” mention the rulers of states – “Khakans” (ie, Khagans). Ibn Khordadbeh, noting that the kings of the Turks, Tibet and the Khazars are called the Khakan, cites further in the section describing the honorable nickname of the kings of Khorasan and the East, six more people who wore the same title.

G. Döerfer writes: “The expressions qagan and qan, therefore, can refer to the same person, since the first is a specific title (and at the same time the designation of position), and the second is more likely a general designation of rank” (*Döerfer, 1967: 141*). The fact that the titles qan // qagan are hierarchically truly “aligned” and eliminated can easily be seen even with the examples of the dictionary entry qan in the OTD (*OTD, 1969: 417; Shervashidze, 1989: 57*).

“Khudud al-alam”, in addition to the rulers of Tibet, the Kyrgyz, the Khazars, also includes the Rus, among the people who wore the title of kagan. At the beginning of the IX century dependent Kiev princes (Kievan Rus) adopted from the Khazars the title “kagan”. Having adopted this title, the Kiev princes wanted to emphasize the independence of Kiev from the Khazar Khaganate. The term “kagan” remains the official title of the grand duke until the last quarter of the 11th century, when a mural depicting the patron saint of Kiev prince Svyatoslav Yaroslavovich (1073-1076) is covered with a graffiti with a prayer for the salvation of his soul: “Grace our Lord’s kagan”. In this inscription Svyatoslav is called a kagan.

The party-political and military organization of Turkic society in many respects continued the tradi-

tions of the previous state formations of the Huns (Huns). In linguistic terms, most of them are borrowings – mainly from Sogdian, Chinese and Tibetan languages (Kononov, 1980: 104). In the state, the kagan occupied the highest step in the hierarchy of social organization. It was the center of the triad system of social organization, personifying el – the unity of the Turkic people. Kagan was the commander in chief, standing at the head of the military hierarchical public organization. He was the overlord of the entire territory of the state. The title and public office of the kagan personified both the supreme shaman and the main blacksmith of society (country). The Zhou-shu annals of the ancient Türks say: “Every year, the kagan led noble people (gui-jen) to the cave of their ancestors to make sacrifices, and in the middle decade of the 5th month they gathered on the river. Tamir to sacrifice to the god of heaven.” The record clearly indicates that it was the kagan who led the Turkic nobility for prayer, and this can serve as indirect evidence that the kagan himself committed it, i.e. it is possible that the kagan was also a shaman. A number of researchers quite reasonably assume that shamanistic traits are traced in the ceremony of placing the khagans on the throne (Potapov, 1991: 123). Emphasizing the genetic and ritual relationship of shamans and blacksmiths is quite justified, given the prominent place of blacksmithing in the economic life of the ancient Türks, as evidenced by the sources and archaeological materials of the burial of the ancient Türks, because the profession of a blacksmith is considered sacred in many peoples, including Turkic, with constant casting of fire – a symbol of the deity.

Tengri (god) granted the right to power to selected people, what were the kagans through which he controlled people. They were endowed with supernatural abilities expressed through the following interconnected concepts: a) qut ‘grace, charisma / political power’; b) uluř,  l g “fate, inheritance, share”; c) k c “strength” (Babayarov, 2012: 47). But if the kagan was not able to rule, then it was believed that qut left him, then he shifted and moved away from power. The ruler had enormous powers. “Each of his orders was considered and revered as a law. “Officials at all levels of government and the whole people had to obey the orders and decrees of the ruler.” In addition to the administrative, he performed judicial functions ..., ... the kagan commanded the army (Babayarov, 2012: 47; Tishin, 2015: 203-204).

The concept of the divine origin of the kagan and its power. The power of the kagan is bestowed by Heaven (Tengri). The ruler appears as

a sacred heroic leader: “Unborn” / “born of Heaven” (Malov, 1951: 33; Klyashtorny, 1980: 92, 93; 2010: 41, 42, 44, 89; Vasyutin, 2016: 248], “Set by Heaven”/“Given by Heaven” (Malov, 1951: 65; 1959: 20, 23, 38), “Heavenly Khan”/“Heavenly Hagan” (Klyashtorny, 1980, p. 93; 2010: 42, 43; Vasyutin 2016: 248), “Unbelievable” (Malov, 1951: 33; 1959: 23; Vasyutin, 2016: 248), “God-like” (Malov, 1959: 20; Vasyutin, 2016: 248), “Divine” (Malov 1951: 10; Vasyutin, 2016: 248). His power is a manifestation of divine will (Klyashtorny, 2003: 62). This connection was made using special public rituals. During the procedure for the proclamation of a new kagan, the nearest dignitaries planted the applicant for a nightmare and surrounded him nine times in a circle (in the sun). After each round they bowed. At the end of the ceremony, the ruler was mounted on a horse, how many years he will rule over the people and the state. From the spoken words of the kagan dignitaries “made a conclusion ... about the term of his powers” (Bichurin, 1950: 229; Liu Mau-tsai, 1958: 8; Klyashtorny, 1983: 88).

According to P. K. Dashkovsky, in the early medieval societies of Central Asia, the Hunnic tradition was of great importance. According to her, sacralization covered the entire ruling clan (the cult of Ashin, the myth of the origin of this dynasty). The mental attitude of the nomads was dominated by the idea of the heavenly origin of the Khagans and their intermediary role between the “sons of men” and Heaven (Tengri), which expanded the religious and meditative powers of the ruler. Kagan, from the point of view of P. K. Dashkovsky, acted as a symbol of religious and political unity, and his name became an eponym and synonym for the whole empire. In general, the author connects the emergence of political mythology and symbolism with the processes of state formation (Dashkovsky, 2005: 64-65; Vasyutin, 2016: 177). In another article, P. K. Dashkovsky emphasized the divine origin of the Hagan. In his opinion, the mythology of the heavenly birth of the Hagan (the cult of the Hagan, the cult of the Ashin clan) was formed in the worldview of the Turkic population. The ruler personified the divine origin of the state and the existence of the beast (wolf) – the first ancestor (Dashkovsky, 2007: 48; Vasyutin, 2016: 177).

In the monuments of the ancient Turkic runic writing there is an exalted description of the mystical connection of the Turkic Hagan clan with the spirits of Heaven (Tengri) and the sacred Earth-Water (Yduk Yer-Sub = Iduk Jir-sub). So, in the monument in honor of Kul-Tegin there are such expressions: “Turkic wise kagan born of heaven”; “By the

predestination of Heaven and a happy fate, he became a kagan”; “The Sky revered by the Turks, the sacred Earth-Water, all together determined: Let the Turkic people not disappear ...”; “The sky, leading my father Ilerish-kagan and mother Ilbilgya-katun, exalted them”; “Since Heaven granted power, the army of my father-kagan was like a wolf, and the enemy was like a sheep” (*Malov, 1961: 27-31.33.35, 37.39-40*).

S.G. Klyashtorny traces the following managerial powers of the kagan: 1) to settle and resettle hostile tribes, i.e. redefine their territory; 2) resettle the Türks on the occupied lands, i.e. distribute land; 3) to collect, resettle and arrange Türks “in the country of Otügen”, i.e. on the root earth; 4) transfer land under certain conditions to immigrants (Sogdians, Chinese). Leaving was considered as a crime of the people against the kagan and ale, because the main function of the kagan was precisely the “gathering” and “dispensation” of the people on the land subject to the kagan, i.e. the creation of a political organization, a system of submission (*Klyashtorny, 1984: 101; Tishin, 2015: 123-124*). Kagan could be considered the supreme owner of the land, but possessions were determined by him with the support of the nobility.

Yabgu (Yabǧu), Jabgu (Jabǧu)

Yabgu (Yabǧu), Jabgu (Jabǧu) – military-political and administrative title in the system of state management of the ancient Huns (Huns) and Turkic Khaganates. According to some reports, the title “yabgu” was originally used in the government of the Huns (Huns) and symbolized a high power title (*Pelliot, 1915: 688, n. 5; Hirth, 1989: 4; Donuk, 1988: 56*). According to the definition of scientists, this title was known in the Usun Union, in the state of Kangyui (Sogd), in Yuezhi (*Laszlo, 1944: 48*).

The title Yabgu / Jabǧu was worn by members of the Hagan family of Ashin and were second persons or vice-kagans in the Türkic-Turkic state (Türkic kük – Türkic Kaganate, 552-581). It should also be noted that the ancient Turks during the period of their submission to the Juan-Juan had the title yabǧu. So, the leader of the Tu-u Turks (535) – the father of Bumyn and Istemi – the founders of the Turkic Kaganate, had the titles “Ta Sheih-hu” and “Ta Ye-hu” (“Ta-ye” -hu”), i.e. “The great yabgu” (*Chavannes, 1903: 47*).

Some scholars consider this title to be Kushan, others – Tocharian, and still others – ancient Iranian. According to some scholars, the origin of this title is associated with the Kushan political tradition

preserved by the Ephtalites: jabǧu < jawuga “ruler” from jam – “order”, “command” (*Aalto, 1971; Golden, 1974: 108*). Turkic. jabǧu ~ žabǧu “ruler, leader”, alleged borrowing from Iran. Kushansk. Sanskrit jawǧu (*Golden, 1980*) < kit. djan-giwo > modern. šan-ju “title of supreme ruler” (*Menges, 1968: 88; Gabain, 1974: 381; Baskakov, 1987: 5*). The word “yabgu”, despite a number of scientific hypotheses, remains unclear.

Jabgu is “Viceroy” (“member of the reigning house”), but a reliable etymology of the word does not exist. The proposed identification of the titles “jabǧu” and “shanyii” by K. Menges (*Menges, 1968: 88*) does not hold water for phonetic reasons. G. Dörfer convincingly enough shows that this term fell to the Türks from Tochars, however, his Tocharian etymology is also unclear. For the first time, the title jabju is attested in the Chinese chronicle of 23 BC. e. (iap-yo (according to S. A. Starostin). It is tempting to compare the word with Tib. skjabs-mgon – “assistant, deputy.” It can be assumed that a form like s-kjab ~ sm ~ go-n (kjabgo) is “vice “king”, that is, “assistant, deputy (ruler)” went through the filter of a particular language and developed according to its phonetic samples. Note that the Tibetan skjabs-mgon “assistant, protector, patron” was used in the titles of Tibetan Dalai Lamas and Panchen Lam (*Shervashidze, 1990: 89*).

The second person in the Turkic Kaganate was yabgu (dzhabgu, ye-hu, yabgu), but he could not become the heir to the kagan. Only the brother of Bumyn Istemi (died in 576), who bore the title of yabgu, after expanding to the west, rose and became almost an independent ruler. Both in sources and in scientific studies of Istemi (Greek: Dizabul – Sizabulos, Silzabulos) are often referred to as kagan (khan), yabgu-kagan. Especially indicative is the naming of Istemi Kagan in inscriptions in honor of Kul-tegin and Bilge-kagan (*Malov, 1951: 36; Klyashtorny, 2003: 61; Vasyutin, 2016: 192*). The population of the Western Türkic Kaganate was called “yabgu-türkleri” (*Chavannes, 1903: 21.95, n. 3.219*). In addition to the Türks, the title “yabgu” was carried by the Khazars, European Avars, and possibly Magyars (*Donuk, 1988: 57*).

Yabgu is always mentioned in the inscriptions in front of the shad, as well as the fact that in the Chinese source (*Liu Mau-Tsai, 1958: 8*), the yabgu is higher than the shad, clearly shows that his official position was higher than that of the shad. R. Giraud thinks that yabgu and shad were present at the same time only among the Western Türks, and the Eastern Türks had only two Shads; however, the construction of eki sad “two shads” should undoubtedly

be understood as “yabgu and shad” (*Giraud, 1960: 73-75*). In addition, Chinese sources argue that the Eastern Türks had yabgu (*Liu Mau-Tsai, 1958: 81*). “In the highest ranks, tutsjue had ye-hu (z / abgu), and then she (şad)” (*Shervashidze, 1990: 81*).

“Yabgu” was originally appointed as a kagan from members of the royal family. It was, as a rule, the younger brother or one of the sons of the kagan. If the first rulers of the ancient Turks bore the title of Shad (governor), then the ruler of the Tuu Turks who ruled the ancient Turks in the beginning of the 6th century (according to another version of Tumen, the father of Bumyn-kagan) was already called the “great yabgu” (“dzhabgu”), which indicated an increased level of political claims. His son Bumyn, who became the ruler of the ancient Türks in 534, continued the line of his father aimed at building his own statehood and in 551 became the kagan of the Turkic kaganate. An important role in all the events was also played by the younger brother of the Kagan Bumyn – Istemi-yabgu, which is emphasized in the texts of the runic written monuments. Formally accepting the title “yabgu” of Istemi-yabgu (second person in the state) from the Ashin dynasty – the yabgu of the Turkic Kaganate from 552 to 576, for 20 years led the western politics of the kaganate and was an almost independent ruler of the western territories and bore the title “yabgu-kagan” “The Byzantine Ambassador Zemarch of Cilicia, who visited the Istemi Kagan (Yabgu Kagan) calls him Dizabul (i.e., Yabgu). The last Yabgu-Kagan of the Western Turkic Kaganate was Tong-Yabgu (Chinese “Tong-Yabgu”), which ruled the state in 618-630. According to E. Shavann, the title “yabgu-kagan” denoted the joint ruler of the state (*Chavannes, 1903: 24*).

The founder of the II East Turkic Kaganate, Iltes-Kagan (Kutlug Kagan, 681-692), appointed his younger brother To-si-fu “yabgu” (*Donuk, 1988: 57*). In the same period in the east (Toles) and in the western part of the empire – Tardush, special representatives of the kagan – yabgu were appointed (*Gabain, 1950: 350*). The first Uigur kagan Kutluk Bilge Kyl Kagan (744-747), before becoming a kagan, was called Yeh-hu (i.e., yabgu). The second Uigur Kagan, Moyun-Chur (747-759), appointed one of his sons, the Yabgu (Ögel, 1951: 363). Sent by Moyun-Chur, the Tay Bilge Tutuk ambassador to the Tang Court was named “yabgu”. The title “yabgu” was held by high officials in the Turgesh Kaganate (*Donuk, 1988: 57*). The Karluk ruler, an ally of the Uigur Kagan, who bore the title “right yabgu”, i.e. “Sağ yabgu” (742-744), with the establishment of statehood of the Uigur Kaganate (744), like the ruler of the Karluks received the title “left yabgu”

(ie, “sol yabgu”): (*Chavannes, 1903: 85 n. 4.12*). It is known that in the XI century. in Central Asia, the Oguz state of Yabgu was formed. Later, the Seljukid Sultanate arose on the foundation of this state.

They (yabgu, şad) are often mentioned in inscriptions in honor of Mogilyan, Tonyukuk and others, with yabgu primarily as the head of the Tölis Federation, and şad as the head of the Tarduş Federation. The same titles are found in Chinese sources (*Liu Mau-Tsai, 1958: 8, 132, 179, 429*). Once again, we note the fact that the yabgu is always mentioned in the inscriptions in front of the shad, while in the Chinese source (*Liu Mau-Tsai, 1958: 8*), the yabgu stands above the shad clearly shows that his position was higher than that of the shad. R. *Giraud* thinks that yabgu and şad were at the same time only among the Western Türks, and the Eastern Türks had only two Shads; however, the construction of eki sad “two shads” should undoubtedly be understood as “yabgu and shad” (*Giraud, 1960: 73-75*). In addition, Chinese sources argue that the Eastern Türks had yabgu (*Liu Mau-Tsai, p. 81*), for example, “tujue had ye-hu (z / abgu) in the highest ranks, and she (şad) after him” (*Shervashidze, 1990: 82*).

In the control system, “yabgu” were also called “younger kagans”. The terms of the reign of the co-rulers, as noted by S. G. Klyashtorny, did not coincide with the reign of the main khagans. So, Istemi, as a yabgu-kagan, outlived his brother Bumyn and Kagan Kara-Yeske and served as co-ruler and ruler of the Western territories at the same time until the 60th century. Even during the life of the kagan at this post he was replaced by the younger brother of Mugan – Makhan tegin. The state title of Mahan tegin indicates that he was in fact a kagan of the Eastern Türks, and the descendants of Istemi continued to perform the functions of managing the Western wing. Officially, the younger kagans of the First Kaganate ruled the western wing and were called the combination of the class and state title “yabgu-kagan”, which did not exclude the preservation of the independent title “yabgu” in this part of the Türks. This is confirmed by the titles that have reached us of the West Turkic rulers. The system of two khagans was preserved after 603, i.e., after the division into Western and Eastern Kaganates, i.e. in every part of it. The institute of co-rulers and the replacement of senior posts is explained by many reasons. The external and internal political situation in the kaganate dictated the need for multi-reserve power, but the main reason is the vast territories and weak communications. The winter rate of the Great Yabgu / Jabgu-Kagan of the Western Türks, which was considered the main one, according to scientists,

was in the city of Navakent (Suyab). At present, this is a localized area near the city of Tokmok (Kyrgyzstan). The summer rate was in the Min-Bulak area, north of Chach (the area of the modern Zhambyl region, Kazakhstan). The official title of the ruler of the Western Turkic kaganate from the Ashin dynasty was “the kagan of the people of ten arrows”, or the Turkic yabgu-kagan. The title “yabgu” (variants of Jafgu, Yafgu) was later also held by the rulers of the Western Turkic Kaganate (yabgu-kagan), Karluks, Karakhanids, Oguzes, Khazars and Bulgars. The head of the Oguz state (Yabgu state) X-XI centuries. in the middle course of the river. Syr-Darya was the supreme ruler, who held the honorary title of jabuya, or yabgu. Ibn Fadlan reports that the king of the Oghuz Turks bears the title of yabgu.

The title term “yabgu” was used by the Khazars when they were still part of the Turkic Kaganate (VI – early VII centuries). Very interesting facts tell the Khazars about this title in Albanian, Armenian and Georgian sources. Yabgu (Zabgu / Zebgu) was a high rank among the Turks, usually he was worn by the khagan brothers or his very close blood relatives. An Albanian historian reports that the leader of the southern Khazars, who lived in the zone bordering the Transcaucasian countries, was a certain Jabgu (from the author Jebu)? and his son Buri Shad. They considered all of Northern Albania their possessions (*Ghukasyan, 1977: 38-39*). It is also noteworthy that the Albanian historian also cites the semantics of the word “jabgu”. He writes that in 626 the Byzantine emperor Heraclius I made an alliance with the Khazars against Iran and promised a big reward to the Khazar dzhabgu: “When the governor of the northern king (that is, the Khazar kagan) with the name Jebukhagan, the second person in the kingdom heard and saw promises of great rewards... gave an answer...” (*Ghukasyan, 1977: 38*). From this small passage it is clear that the jabgu / jabgu was the governor of the Khazar Khagan in southern Khazaria, and he was the second person after the Khazar Khagan. Perhaps the same is described by the Byzantine historian of the 7th century Theophanes. The latter writes that in 627 the Khazars “under the leadership of their leader Siebel (that is, Jebu), who was considered the largest person after the hakan, inundated the province of Atrpatkan” (*Ghukasyan, 1977: 38-39*). In the Byzantine sources it is mentioned that the Khazar ruler is called “yabgu-kagan”. It is known that the title “yabgu-kagan” until the fall of the Turkic kaganate was worn by the brother of Bumyn Istemi kagan.

In the “History of Alvan” the spelling “jabgu”, or rather “jabgu” instead of “yabgu” is not acciden-

tal and is not a distortion. This word is recorded almost in the same sound in Armenian and Georgian sources. An Armenian historian of the 7th century Sebeos, a contemporary of the Khazar dzhabgu, writes that when the Iran war with the Kushans began, “the Kushan kings asked for help from the great Khakan, the king of the north. And the army came to their aid in the amount of 30 buros; it crossed a river called Vekhrot, which originates in Turkestan ... Then came the order of the hakan Dzhembuh ...”. The Georgian source of the 7th – 9th centuries “Moktsevay Kartlisay” provides a more accurate form of this title. It notes that in 627 the Byzantine emperor Heraclius left Eristav Jibgo for the siege of Tiflis. “But this jibgo, after a few days, took Kalu ...”. In “Brief History of Georgia” by Juansher a form of this title was recorded, which was almost similar to the Khazar one: “... Jibgu took the Tiflis fortress, captured the head of the fortress ...” (*Ghukasyan, 1977: 38-39*).

In “Kitab ahbar al-buldan”, Ibn al-Fakih sets forth (or rather retells) the legend of the founders of the Oguz state, often mentioning dzhabgu. Hamadani Balkik, who lived in the UPP century, was named by the Arab author Najip “Balkik ibn Jabgu” (*Agadzhanov, 1969: 122-128*). The indicated title in the ancient Turkic languages existed in two dialect versions: Zhabgu and Jabgu. The Transcaucasian sources borrowed the form Jabey / Jebgu through J – the dialect of the languages of the Saviro-Khazar Union. The title of the Khazar vice-kagan jabgu was preserved in the Turkic languages in the following centuries: the supreme rulers of the Oguzes of the XI-XI centuries were called “jafga”, which goes back to the Saviro-Khazar form of jabga / jabgu. Mahmud Kashgari (11th century) notes that among the Kypchaks and Oguzes of the 10th-11th centuries the Jafga meant “leader” and “guide”, and Ibn Muhanna interprets it as “the elder of the tribe”. Therefore, the form of jabga / jafga cannot be attributed only to jacking Kypchak languages. In general, attributing jacking only to Kipchak languages is unlawful (*Ghukasyan, 1977: 40*).

Conclusion

Thus, the materials examined by us above on the ancient Turkic title give us the right to conclude that the place and political weight of a member of society was largely determined by his title, often hereditary, securing the position of its bearer in the system of social ties and subordinations. According to Chinese information, the proclamation of the khan was framed by a complicated ceremonial: dignitaries put

him on felt and carried nine times around, across the sun, to the cheers of those present. Then they put him on a horse, pulled his throat with silk cloth and, quickly loosening the noose, asked how many years he wanted to be a khan. In the history of Turkic peoples it is imperceptible that the answers to these questions play at least some role in determining the term of government; most likely this custom was preserved as a rudiment from the time when the khan was an elected tribal leader. The first person in the state after the khan was yabgu. As a matter of fact, the yabgu was the vice-king, and members of the royal family were most often appointed to this position. For example, under Il-Khan Bumyn, the rank of yabgu was his brother Istemi. But at the same time, the yabgu was not the heir to the throne; the heir was called "tegin" regardless of the position held. The title "shad" belonged to the princes of blood, who had in their control inheritance, for example, Symo, later a khan, could not become a shad because of the suspicion that he was illegitimate. Lesser ranks were received by persons who did not belong to the Ashin clan, but all posts were hereditary. Based on this, it

can be assumed that Turkic society was aristocratic. The establishment of the rule of the Ashin clan with its totemic cult of the wolf was the foundation of state power in the Great Turkic Kaganate, as was the sacred cult of Tengri. Sacred status played a crucial role in legitimizing the power of the ruler among the Turks. The title "kagan" itself, even though it was borrowed from the Jujans, became fundamental in the system of state power and administration in the Turkic kaganates.

The rites of initiation and legitimation of power of the Ashin clan remained unchanged, right up to the division of the Kaganate in 603. From this moment, the weakening of the sacred status of the Eastern Turkic Hagan begins. Two reasons at once contributed to this: the fall of the Ashin dynasty, with the establishment of the power of the Ashide clan, and also the increased influence of China on the Turkic power. The beginning of such transformations was laid back during the Hagan Taspar (567-581) when the influence of Buddhism was introduced into the kaganate, but it did not have a strong influence on Turkic society.

Литература

- Aalto P. (1971). Iranian contacts of the turks in pre-islamic Times/Studia turcica? Budapest. P. 29-37.
- Агаджанов С.Г. (1969). Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад.
- Бабаяров Г., Кубатин А. (2012). Древнетюркские титулы в эпоху до Тюркского Каганата. Век науки и образования, №7. Астана. С. 52-64.
- Бабаяров, Г. Б. (2012). Государственный строй Западно-Тюркского каганата: автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03. Ташкент.
- Бартольд В. В. (1968). Соч.: В 9 т. Москва: «Восточная литература». Т. 5.
- Баскаков Н. А. (1985). К этимологии собственных тюркских имён в русских летописях. Теория и практика этимологических исследований. Москва. С. 30-34.
- Баскаков Н. А. (1985). Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». Москва.
- Баскаков Н. А. (1987). К проблеме китайских заимствований в тюркских языках. Turcica et. Orientalia. Studies in honour of Gunnar Jarring on his eightieth birthday. Istanbul.
- Бичурин Н. Я. (1950). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 1. М.-Л., АН СССР.
- Васюгин С. А. (2016). Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII вв. Рукопись докторской диссертации. Кемерово.
- Гукасян В. Л. (1977). Тюркизмы в албанских источниках. Советская тюркология. №2. Баку. С.30-41.
- Дашковский П. К. (2005). О сакрализации правителей государственных образований кочевников Центральной Азии. Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие): Мат. междунар. науч. конф. Улан-Удэ. С. 63-67.
- Зуев Ю. А. (1998). Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы – Москва. С.151-161.
- Кляшторный С. Г. (1964). Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. Москва.
- Кляшторный С. Г. (1984). Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности. Востоковедение. 9. Филологические исследования. Ученые записки ЛГУ. № 412. Серия востоковедческих наук. Вып. 25. С. 143-153.
- Кляшторный С. Г., Саввинов Д. Г. (1988). Древнетюркские этнополитические объединения и их значения в этногенезе народов Средней Азии и Казахстана. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Центральной Азии и Казахстана. Москва. С. 66-70.
- Кононов А. Н. (1992). Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Ленинград.
- Крадин Н. Н. (1992). Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток.
- Коновалова И. Г. (2009). Древнейший титул русских князей «каган». ДТ. Москва. С. 226-237.
- Малов С.Е. (1951). Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. Москва-Ленинград.

- Потапов Л.П. (1991). Алтайский шаманизм. Москва.
- Рамстедт Г. (1957). Введение в алтайское языкознание. Москва.
- Таскин В.С. (1984). Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху Введение, перевод и комментарии В.С. Таскина. Москва. МИДКНГД.
- Таскин В.С. (1986). О титулах шаньюй и каган. *Mongolica*. Памяти академика Б.Я.Владимирцова (1884-1931). Москва. С. 213-218. МИДКНГД.
- Терминологический словарь. (2014). Отв. ред. А.О. Чубарьян. Москва.
- Тишин В.В. (2015). Историография социальной истории Тюркского каганата VI-VIII вв. Рукопись докт. дисс. Москва.
- Хазанов А.М. (2002). Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс.
- Чэнь Чан-Хао, Дубровский А.Г., Котов А.В. (1953). Русско-китайский словарь. Москва.
- Шервашидзе И. Н. (1989). Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд. Вопросы языкознания. № 2. С.54-80.
- Шервашидзе И. Н. (1990). Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура. Вопросы языкознания. № 3. С. 81-92.
- Шериев А.Ж. (1991). Титулатура в языке киргизского эпоса «Манас»: Автореф. канд. дисс., Москва.
- Aalto P. (1971). Iranian contacts of the turks in pre-islamic Times/Studia turcica? Budapest. P. 29-37.
- Bang W. (1929). *Türkische Turlan-Texte*, I, SPAW, Berlin.
- Barthold W. (1927). *Orta Asya Türk Tarihi Hakkında Dersler*, Istanbul.
- Chavannes Ed.(1903). “Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux”, Petersburgs.
- Clauson G. (1959). The Earliest Turkish LoanWords in Mongolian, CAJ-, IV, 3.
- Gabain A. V. (1950). *Altıirishce Grammatik*, Leipzig.
- Giraud R. (1960). *L’empire des Turcs Celestes. Les regnes d’Elterich, Qaghan et Bilga (680-734)*. Contribution a l’histoire des Turcs d’Asie Centrale.
- Doerfer G. (1965). *Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen*. Bd II. Wiesbaden.
- Doerfer G. (1965-1975). *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Bd 1-4. Wiesbaden.
- Doerfer G. (1967). *Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen*. Unter besonderer Berücksichtigung alterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen und Timuridenzeit. Bd III: Türkische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden.
- Donuk A. (1988). *Eski Türk Devletlerinde idari-askeri ünvan ve terimler*. İstanbul.
- Hirth F. (1899). Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, ATİM, II, Folge.
- Laszlo F. (1944). /*Türk.terc.*./, Kagan ve ililesi, *Türk Hukuk Tarihi Dergisi*, I, Ankara.
- Liu Mau-Tsai (1958). Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (T’u-Kiie). Buch 1-2. Wiesbaden.
- Menges K. H. (1968). *The Turkic languages and peoples*. Wiesbaden.
- Ögel B. (1951). Şine-usu yazıtının tarihi önemi, *Belleten*, sayı. 59.
- Pelliot P. (1915). *L’Origine des Tou-kiue nom chinois des Turcs*, TP, XVI.
- Pelliot P. (1926). Note sur les Pou-yu-houen et les Sou-p’i, TP, XX, 1921. TP, XXIV.
- Ramstedt G. J. (1951). *Altıirishce und Mongolische Titel*, MSFou, 55, Helsinki.
- Shiratori K. (1922). *Kakan to katon shogo ko* (К этимологии титулов каган и катун). Тб. Gakuho.V. 11. № 3.

References

- Aalto P. (1971). Iranian contacts of the turks in pre-islamic Times/Studia turcica? Budapest. P. 29-37.
- Agadzhanov S. G. (1969). *Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednej Azii IX-XIII vv.* [Essays on the history of the Oghuz and Turkmens of Central Asia of the 9th-19th centuries.] Ashgabat.
- Babayarov G., Kubatin, A. (2012). *Drevnetjurkskie tituly v jepohu do Tjurkskogo Kaganata. Vek nauki i obrazovanija* [Ancient Turkic titles in the era before the Turkic Kaganate]. Century of science and education, No. 7. Astana. S. 52-64.
- Babayarov G.B. (2012). *Gosudarstvennyj stroj Zapadno-Tjurkskogo kaganata: avtoref. dis.* [The political system of the Western Turkic Kaganate] author. dis. ... Dr. ist. Sciences: 07.00.03. Tashkent.
- Bang W. (1929). *Türkische Turlan-Texte*, I, SPAW, Berlin.
- Barthold W. (1927). *Orta Asya Türk Tarihi Hakkında Dersler*, Istanbul.
- Barthold V. V. (1968). *Op. .:* In 9 vol. Moskov, “Oriental literature.” V. 5.
- Baskakov N. A. (1985). *K jetimologii sobstvennyh tjurkskih imjon v russkih letopisjah. Teorija i praktika jetimologicheskij issledovanij* [To the etymology of their own Turkic names in Russian chronicles. Theory and practice of etymological research]. Moscow. S. 30-34.
- Baskakov N. A. (1985). *Tjurkskaja leksika v «Slove o polku Igoreve»*. [Türkic vocabulary in the “Word on Igor’s Regiment”]. Moscow.
- Baskakov N. A. (1987). To the problem of Chinese borrowings in Turkic languages. *Turcica et. Orientalia*. Studies in honor of Gunnar Jarring on his eightieth birthday. Istanbul
- Bichurin N. Ya. (1950). *Sobranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena*. [A collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Volume 1. Moskov-Leningrad., Academy of Sciences of the USSR.
- Vasyutin S. A. (2016). *Vlast’ i socium v kochevyh imperijah Central’noj Azii VI – nachala XII vv. Rukopis’ doktorskoj dissertacii* [Power and society in the nomadic empires of Central Asia of the 6th – early 12th centuries Manuscript of a doctoral dissertation]. Kemerovo.
- Gabain A. V. (1950). *Altıirishce Grammatik*, Leipzig.

- Ghukasyan V. L. (1977). Tjurkizmy v albanskih istochnikah. Sovetskaja tjurkologija [Turkisms in Albanian sources. Soviet Turkology]. No. 2. Baku. S.30-41.
- Giraud R. (1960). L'empire des Turcs Celestes. Les regnes d'Elterich, Qapghan et Bilga (680-734). Contribution a l'histoire des Turcs d'Asie Centrale.
- Dashkovskiy P. K. (2005). O sakralizacii pravitelej gosudarstvennyh obrazovanij nomadov Central'noj Azii. Drevnie kochevniki Central'noj Azii (istorija, kul'tura, nasledie) [On the sacralization of the rulers of state formations of nomads of Central Asia. Ancient nomads of Central Asia (history, culture, heritage)]. Mat. Int. scientific conf. Ulan-Ude. S. 63-67.
- Doerfer G. (1965). Turkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd II. Wiesbaden.
- Doerfer G. (1965-1975). Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd 1-4. Wiesbaden.
- Doerfer G. (1967). Turkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung alterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen und Timuridenzeit. Bd III: Turkische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden.
- Donuk A. (1988). Eski Türk Devletlerinde idari-askeri ünvan ve terimler. İstanbul.
- Zuev Yu.A. (1998). Drevnetjurkskaja social'naja terminologija v kitajskom tekste VIII v. // Voprosy arheologii Kazahstana. [Ancient Turkic social terminology in the Chinese text of the VIII century]. // Issues of archeology of Kazakhstan. Vol. 2. Almaty – Moscow. S.151-161.
- Klyashtorny S. G. (1964). Drevnetjurkskie runicheskie pamjatniki kak istochnik po istorii Srednej Azii. [Ancient Turkic runic monuments as a source on the history of Central Asia]. Moscow.
- Klyashtorny S.G. (1984). Kagan, begi i narod v pamjatnikah tjurkskoj runicheskoj pis'mennosti. Vostokovedenie. 9. Filologicheskie issledovanija. [Kagan, run and people in the monuments of the Turkic runic writing. Oriental studies. 9. Philological research]. Scientific notes of Leningrad State University. No. 412. A series of oriental sciences. Vol. 25.S. 143-153.
- Klyashtorny S. G., Savvinov D. G. (1988). Drevnetjurkskie jetnopoliticheskie ob#edinenija i ih znachenija v jetnogeneze narodov Srednej Azii i Kazahstana. Problemy jetnogeneza i jetnicheskoj istorii narodov Central'noj Azii i Kazahstana [Ancient Turkic ethnopolitical associations and their significance in the ethnogenesis of the peoples of Central Asia and Kazakhstan. Problems of ethnogenesis and ethnic history of the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow. S. 66-70.
- Clauson G. (1959). The Earliest Turkish LoanWords in Mongolian, CAJ-, IV, 3.
- Kononov A. N. (1992). Grammatika jazyka tjurkskih runicheskikh pamjatnikov VII-IX vv. [Grammar of the language of the Turkic runic monuments of the 7th-9th centuries] Leningrad.
- Kradin N. N. (1992). Kochevye obshhestva (problemy formacionnoj karakteristiki). [Nomadic societies (problems of formation characteristics)]. Vladivostok.
- Konovalova I. G. (2009). Drevnejshij titul russkikh knjazej «kagan» [The oldest title of Russian princes is “kagan”]. DT Moscow. S. 226-237.
- Laszlo F. (1944). /Turk.terc./,Kagan ve ililesi, Turk Hukuk Tarihi Dergisi, I, Ankara.
- Liu Mau-Tsai (1958). Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (T'u-Kiie). Buch 1-2. Wiesbaden.
- Menges K. H. (1968). The Turkic languages and peoples. Wiesbaden.
- Malov S. E. (1951). Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti: Teksty i issledovanija. [Monuments of ancient Turkic writing: Texts and studies]. Moscow-Leningrad.
- Ögel B. (1951). Şine-usu yazıtının tarihi onemi, Belleten, sayı. 59.
- Pelliot P. (1915). L'Origine des Tou-kiue nom chinois des Turcs, TP, XVI.
- Pelliot P. (1926). Note sur les Pou-yu-houen et les Sou-p'ı, TP, XX, 1921. TP, XXIV.
- Potapov L. P. (1991). Altajskij shamanizm. [Altai shamanism]. Moscow.
- Ramstedt G. J. (1951). Altturkische und Mongolische Titel, MSFou, 55, Helsinki.
- Ramstedt G. (1957). Vvedenie v altajskoe jazykoznanie [Introduction to Altai linguistics]. Moscow.
- Hirth F. (1899). Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, ATİM, II, Folge.
- Taskin V.S. (1984). Materialy po istorii drevnih kochevyh narodov gruppy dunhu Vvedenie, perevod i komentarii V.S. Taskina. [Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Donghu group Introduction, translation and comments by V.S. Taskina]. Moscow. MIDKNGD.
- Taskin V.S. (1986). O titulakh shan'juj i kagan. Mongolica. Pamjati akademika B.Ja.Vladimircova (1884-1931). [On the titles of shanyu and kagan. Mongolica. In memory of Academician B.Ya. Vladimircev (1884-1931)]. Moscow. S. 213-218. MIDKNGD.
- Terminologicheskij slovar'. [Terminological dictionary]. (2014). Repl. ed. A.O. Chubaryan. Moscow.
- Tishin V. V. (2015). Istoriografija social'noj istorii Tjurkskogo kaganata VI-VIII vv. Rukopis' dokt. diss. [Historiography of the social history of the Turkic Kaganate of the 6th-8th centuries Manuscript Doct. Diss]. Moscow.
- Khazanov A. M. (2002). Kochevniki i vneshnij mir. [Nomads and the outside world]. Ed. 3rd, add. Almaty: Dyke-Press.
- Chen Chang-Hao, Dubrovskiy A.G., Kotov A.V. (1953). Russko-kitajskij slovar' [Russian-Chinese dictionary]. Moscow.
- Chavannes Ed. (1903). Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, Sankt-Petersburgs.
- Shervashidze I. N. (1989). Fragment obshhetjurkskoj leksiki. Zaimstvovannyj fond. Voprosy jazykoznanija. [A fragment of common Turkic vocabulary. Borrowed fund. Questions of linguistics]. No. 2. S. 54-80.
- Shervashidze I. N. (1990). Fragment drevnetjurkskoj leksiki. Titulatura. [A fragment of ancient Turkic vocabulary]. Title Questions of linguistics. No. 3. S. 81-92.
- Sheriyev A. Zh. (1991). Titulatura v jazyke kirgizskogo jeposa «Manas»//Avto-ref. kand. diss. [Title in the language of the Kyrgyz epos “Manas” // Author. Cand. Diss]. Moscow.
- Shiratori K. (1922). Kakan to katon shogo ko Tb. Gakuho.V. 11. № 3.

R. Abdykulova

Kyrgyz-Turkish Manas University Faculty of Letters,
Chief of Distance Education Centre, Kyrgyzstan, Bishkek,
e-mail: rozazere3@gmail.com

ANALYSIS OF URKUN IN KYRGYZ HISTORY

One of the most important events in Kyrgyz history is Urkun. Urkun is the most important part of the Turkestan revolt in 1916. It is the most influential factor in forming the destiny of Kyrgyz people especially in Zhetysu region. The historiography of the rebellion was investigated before the Soviet Union, during it and after the collapse. Generally, the subject is put together historically according to the events that the people described in their own words, rather than by the archives provided by the government documents of those times.

Currently, Urkun is still one of the most researched history topics. Although there are many opinions about how the rebellion should be interpreted in naming, the name of Urkun continues to be used more widely in Kyrgyz history. The historical phenomenon of Urkun is going to be analyzed in the article presented below.

Key words: Urkun, Kyrgyz, Zhetysu, rebellion.

Р. Абдыкулова

Манас кыргыз-түрік университеті,
Кашықтықтан оқыту орталығының директоры, Кыргызстан, Бишкек қ.,
e-mail: rozazere3@gmail.com

Қыргыз тарихындағы Уркун көтерілісіне талдау

Қыргыз тарихының маңызды оқиғаларының бірі Уркун көтерілісі болып табылады. Уркун 1916 жылғы Түркістандағы көтерілістердің ең маңызды бөліктерінің бірі болды. Бұл қыргыздардың тағдырына әсер еткен негізгі факторлардың біріне айналды, әсіресе Жетісу облысында. Көтерілістің тарихнамасы революцияға дейінгі, кеңес және посткеңестік кезеңде зерттелді. Бұл тақырыптың негізгі дереккөзі бұл оқиғаны тікелей бастан кешкен адамдар, олардың ішінде мемлекет қайраткерлері, сондай-ақ алғашқы қыргыз зерттеушілері. Бүгінгі таңда бұл тақырып өзекті мәселелердің бірі болып отыр. Ғылыми қоғамдастықта көтерілістің атауы жөнінде көптеген пікірлер бар екеніне қарамастан, Уркун Қыргызстандағы Түркістан көтерілісінің белгісі ретінде бұрынғысынша кеңінен қолданылады, оны осы мақалада талдауға тырысамыз.

Түйін сөздер: уркун, қыргыздар, Жетісу, көтеріліс.

Р. Абдыкулова

Кыргызско-Турецкий университет Манас,
Директор Центра дистанционного образования, Кыргызстан, г. Бишкек,
e-mail: rozazere3@gmail.com

Анализ восстания Уркун в кыргызской истории

Одним из значимых событий в истории кыргызов является Уркун, как самая важная часть восстания в Туркестане в 1916 году. Это один из факторов, влияющих на судьбу кыргызов, особенно в регионе Джетисуу. Историография восстания была исследована еще в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Источниками данной темы являются люди, непосредственно пережившие это событие, среди которых были и государственные деятели, а также первые кыргызские исследователи истории. На сегодняшний день эта тема остается одной из самых актуальных. Несмотря на то, что в научном сообществе существует множество мнений по поводу названия восстания, Уркун по-прежнему широко используется в качестве обозначения туркестанского восстания в Кыргызстане, анализ которого попытаемся сделать в данной статье.

Ключевые слова: уркун, кыргызы, Джетисуу, восстание.

Introduction

There are two events in the history of Kyrgyz in which Kyrgyz people had losses in man. The first one is Kalmak's (Oyrat) invasion in the XVI-XVII centuries and another one is Turkestan's rebellion in 1916 (Urkun). These events had been told by people for a long and even they had influence on literature. The events about Kalmak were reflected in the epics like *Manas* and *Kurmanbek*, the rebellion in 1916 was reflected in literature (*Ajar*, *Uzak Jol*), poetry (*Kairan El*, *Kakshaaldan Kat*), novels (*Kanduu Jyl-dar*) and other types. Besides, the rebellion has been under consideration up to days and historically, it has become topical theme. Especially the rebellion of Turkestan in 1916 regarded as a Genocide and it has been considered as a result of the most severe colonialism that reached its peak in the History of Central Asian States.

Analysis of Urkun

There were researchers who had different views on characters, causes, outputs of Turkestan's rebellion in 1916. Also, we have some namings over characters of Turkestan's rebellion. These namings such as national struggle, against colonialism, against imperialism, feudalism and even against the operation, genocide, Urkun, national campaigns, the red slaughter, anti-tsarist movement took place in scientific studies. Furthermore, this is the event that known with names of the regions where it exist in spite of the fact that the rebellion spreaded through all Turkestan. The rebellion was rather violent in Yedisu that involves some part present-day Kyrgyzstan and Kazakhstan. Therefore, 1916 is called as a rebellion in *Zhetysu* or *Urkun*.

It is possible to interpreted Turkestan's rebellion in 1916 to be a culmination of the struggle against colonialism of the Russian Empire. The causes for this rebellion are strengthening of Russian colonialism, bereaving local people of land, *Russification* and the increasing taxes and impoverishment of the people. The rebellion, which broke out on July 4, 1916 in Hojend, the province of Samarqand (after the invasion of Turkestan by Tsarist Russia, the management was divided into several provinces, one of them was Samarqand) against the decree of Nicholas II Emperor of Russia, spread to Central Asia and Kazakhstan (the western part of Turkestan occupied by the Russian Empire) on June 25 in 1916.

Inhabitants of Turkestan did not want to obey to the decree. Although the reason of rebellion rise

was the decree of the Emperor of Russia, the main causes lied in the basis of versatile colonialism, which started earlier. The rebellion started in Hojent city involved about Fergana and regions of Sirderya (Seyhun) within a short time. Gradually, spreading to all Turkestan, the rebellion was much more severe in the northern part of today's Kyrgyzstan. The place where the rebellion intensified and reached its climax was region Zhetysu (mostly the Kyrgyz and the Kazakh as well as only a few the Dungan and the Uygur lived here). The process forming an important part of revolt is named as an *Urkun*. Because this region's rebels and some of the indigenous people were forced to immigrate to China.

The Kyrgyzs living in regions of Zhetysu such as Cumgal, Koçkor, Şarkiratma, Şayli, Sayak, Çoro, Çerik and other local peoples went against the Russian Empire openly in August 9, 1916. As a result, the rebellion in 1916 turned into an international bloody fight. Punitive squad from Imperial were going to destroy people in order to suppress the rebels.

Tsarist Russia committed genocide the Kyrgyz along with the indigenous people in its colonization in Turkestan. The Kyrgyz people from Issyk-Kol fled to Kashgar by the October of 1916. As a consequence, thirty-eight thousand Kyrgyz family (one hundred and fifty thousand people in total) passed the border of China. Their fate that resulted very badly was mentioned in written sources told by people who took part into revolt later (Mahmutbekova, 1996). Therefore, the Kyrgyz gives the name mass migration *Urkun* (which means "scare") and it is regarded as the most tragic event in the nation's history.

The Russian soldiers burnt eight hundred boz uys (tents) in the village Sirt of Isyk-Kol in Zhetysu that was related to Turkestan's rebellion called as *Urkun*. These soldiers expressed these kinds of behaviors as heroic activities in their reports to empire. Such situations were almost in every village in Zhetysu. According to statistical information, forty-two percent of the Kyrgyz are said to be died in the rebellion. According to other information, thirty percent of the Zhetysu people lost one-third (Togan, 1981:341). Demographic numbers in terms of indigenous people in Turkestan has decreased incredibly during the rebellion covering the months from July to October.

After the Edict of Russian Tsarist about conscription of men aged 19-43 in 1916 in Turkestan, making list started everywhere relating to the accident in Turkestan. Some children of the top social stratas like *manaps* and *riches* tried to bribe in order not to be included in the list. While realizing this edict,

some activities had to be stopped such as closing madrasas, removing *ishans* from Turkestan, stopping *kadies* and *biys* (both of whom were in charge of the same task such as religious judging), closing Tuzem schools. When rebellion started, they arrested people so as to stop the rebellion within a short period of time. When punishing, stringing up and killing by shooting were thought to be the most brutal punishment and arresting was considered to be the slightest penalty.

Turkestan's rebellion was not only actual subject as it had influence on literature and researches (historical, ethnographic, anthropological and literary areas) but also it attracted the attention of all political leaders of Turkestan these days. According to Zhusup Abdrahmanov (The First Chairman of the Council of People's Commissars of the Kyrgyz Autonomous Soviet Socialist Republic) colonialism and seizing land and locating Russian natives weren't so severe in other regions of Turkestan as it was in Zhetysu. The rebellion began on 4th of July and the Kyrgyz living in the south of today's Kyrgyzstan (Osh and Fergana) rebelled from the 10th of July to the end of this month. In August, the rebellion continued in the north of Kyrgyzstan. The Kyrgyz people living in Isyk-Kol in Zhetysu rebelled from 10th to 12th of August.

Among the leaders of the rebellion besides little known people those days there were *biys* and *manaps*, who were the upper social stratum coming from some regions. Among them were Shabdan's son Mokush Bahadir from tribe Sarybagysh, Shamen's son Sopurbek from the region Burana, Ibike's son Kanat from tribes Abayilda in Pishpek, and Soltono's son Belek from tribes Atake and others.

The rebellion was against not only Tsarist Russia but also it was against the policy with which Russian nationals migrating to the territory of Turkestan overthrew the ingenious villagers. This led to international fight. For instance, 94 village were destroyed and 5873 houses were burnt during the accident between Pishpek and Prejevalsk, which were regions in Zhetysu. Rebel's narratives were recorded by Mistegul Mahmutbekova, also the second source written on time was the work called Five Turks in Asia was written in Ottoman Turkish language. The writer of this work with four Turks took part in the rebellion as well as the Kyrgyz people in 1916 in Zhetysu. The work belongs to Adil Hikmet Bey (Adil Hikmet Bey, 1999) who was one of five Turks and this work is about the role of five Turks coming from the Ottoman Empire and taking part into the

rebellion in 1916.

Five Turks participation in national independence movement and Shabdan Baatyr's son Nizamidin's (Isamidin in Kyrgyz) making Five Turks an offer about emigration of Kyrgyz people who were exiled to China as refugees to Anadolu (nowadays Turkey) attracts attention as a new information. The author of the book Adil Hikmet Bey tells about participation in the rebellion in Zhetysu in detail. The archival documents about five Ottoman Turks coming from the Ottoman Government to Central Asia in 1914 and taking an active part in rebellion of Zhetysu need to be under consideration again. Here they told us about going up to China as well as participations in the rebellion (Karasa uulu, 1993:211). Kyrgyz philologist, linguist Huseyin Karasaev also fled China in 1916 with his parents, returned to Kyrgyzstan, to Isyk-Kol again. He told that while fleeing to China he had come across with Ottoman Turks called Samiybek and five Turks lead the rebellion as well as the Kyrgyz and he was impressed by Samiybek among the others and as a result, Kyrgyz boys born that year were given names Samiybek (Karasa uulu, 1993:211). Kyrgyz people taking part in the rebellion from Zhetysu or other native people told about them in their stories. Aside from these, known as one of the first historian of the Kyrgyz and the rebel Belek Soltonoev, in his work (Kyzyl Kyrgyz Taryhy) points, that about four and five Turks from Istanbul with their leader, called Samiybek met Uighurs called Musabaev in Kulca and they intended to take part in the rebellion along with the Kyrgyz fleeing to China.

Governor of province of the Zhetysu-Folbaum and General Governor of the Turkestan-Kuropatkin caused to genocide insurgents along with indigenous people who were not rebel. Soldiers of the Russian Empire had balls in their hands while indigenous had sticks and spears in the hands. According to Zhusup Abdahmanov, without sorting rebels out non-rebels soldiers of the Russian Empire executed all indigenous people by shooting as partridge (Urkun, 1993:42). The main lack of rebellion is there was not management attached to the center.

In Turkestan's rebellion, region Zhetysu in terms of land was foreground in colonizm. According to Broydo, the rebellion leading to genocide people planned to set land free from them (Broydo, 1993:97). According to Bayalı İsakeev, Tsarist Russia had three aims in depriving people of land: first one was to equip the Russian farmers with soil; second one was to take advantage of the underground wealth of Turkestan, and the third one was to make a colonial

policy (Mahmutbekova, 1996).

Conclusion

The Turkestan's rebellion that lasted long and was severe in region Yedisu in 1916. This rebellion is known called as Urkun. Because they experienced desperation being obliged to migrate China leaving their homeland when the genocide began against the inhabitants because of their rebellion.

In connection with 100th Anniversary of Turkestan's rebellion in 2016, theme has been under consideration again in Bishkek (the capital of Ky-

rgyzstan), and so each year, as the actual subject matter is taken up, and continued recalling. The people of Turkestan rose against colonial politics of the Russian Tsar in 1898. Because the rebellion began in the city Andijan, in history it is known as Andijan Rebellion. The Kyrgyz, Uzbeks, Tajiks from Fergana took part in the rebellion. However, the Russian Empire suppressed their revolt before long. This was the first step against the rebellion, to smooth the way for revolt, which was supposed to be in 1916. This period was the result of colonialism lasted about thirty to forty years after the Russian

invasion to Turkestan.

References

- Aaly Tokombaev. (1935). *Kanduu Jyldar*. Frunze.
- Abdrasul Toktomushev. (1937). *Kakshaaldan Kat*. Frunze.
- Adil Hikmet Bey. (1999). *Asyada Besh Turk*, Akt. Yusuf Gedikli, Ötüken Neshriyat, İstanbul.
- Bayalı İsaev. (1993). *1916-cıl. Urkun. 1916. Tarihıy-Darektuu Oçerk*. Bishkek.
- Cusup Abdrahmanov. (1993). *Kırgızdardın 1916-cıldagı Kötörülüşü Cönündö. Urkun. 1916. Tarihıy-Darektüü Oçerk*. Bishkek.
- Grigoriy Broydo. (1993). *1916-cıldagı Kırgız Kötörülüşünün Tarihına Materialdar. Urkun. 1916. Tarihıy-Darektüü Oçerk*. Bishkek.
- Husein Karasa uulu. (1993). *1916-cıldagı kötörülüş cönündö. Ürkün. 1916. Tarihıy-Darektüü Oçerk*. Bishkek.
- Kasymaly Baialinov. (1928). *Ajar*. Frunze.
- Kushbek Usenbaev. (1997). *1916: Geroicheskiye I Tragicheskiye Stranisy*. Bishkek.
- Mistegul Mahmutbekova. (1996). *Kırgızstandagı Uluttuk-Boştonduk Kötörülüş*. Bishkek.
- Mukay Elebaev. (1936). *Uzak Jol*. Frunze.
- Roza Abdykulova. (2015). *Turkestan Handyktary menen Osmon Mamleketinin Bailanyshтары Sultandyk Arhiv Dokumentterinde. (XIX kylymdyn ekinchi jarymy-XX kylymdyn bashy)*. Kyrgyz-Turk Manas Universytety Basymlary:182. Bishkek.
- Roza Abdykulova. (2016). "1916 Türkistan İsyanı'nın Kırgız Edebiyatına Yansıması: Ürkün". *Ahmed Yesevi Üniversitesi, Bilig Dergisi*. Kış. s. 159-177.
- Ysak Shaibekov. (1975). *Kairan El*. Frunze.
- Zeki Velidi Togan. (1981). *Bugünkü Türkili Türkistan ve Yakın Tarihi*. İstanbul.

Н. Тадышева

Кандидат исторических наук,
Алтай, г. Горно-Алтайск, e-mail: tadisheva@mail.ru

СОЦИАЛИЗАЦИЯ РЕБЕНКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЮРКОВ САЯНО-АЛТАЯ

Рассматриваются связанные с детьми обряды, через которые ставится вопрос о приобретении этнического своеобразия своего языка, своего представления, своего отношения к природе, красоте и труду, социального опыта при усвоении норм поведения ребенком. Благодаря фольклорному материалу (благопожелания, сказки, пословицы, героические сказания), который вобрал в себя идеалы, образы, ценности народа прослеживаются архаические сюжеты. Ведь именно через устное творчество осуществлялась передача культурной, исторической информации между поколениями. Современный этнографический материал позволяет раскрыть устойчивость культов: культ огня, культ предков, культ природы. Исследование отражает особую роль, которую отводят тюрки Саяно-Алтая ребенку и детству в традиционной культуре. Именно в контексте социализации ребенка раскрываются знания, методы, формирующие нормы поведения общества, семьи и родителей.

Ключевые слова: традиционная культура, обряды, связанные с детьми, социализация ребенка, сакральность, архаические сюжеты, Саяно-Алтай.

N. Tadysheva

Candidate of Historical Sciences,
Altai, Gorno-Altai, e-mail: tadisheva@mail.ru

Socialization of a child in the traditional culture of the Sayano-Altai Turks

The article considers the rites associated with children. Through these rites there raises the issue of acquiring the ethnic originality of their own language, their perception, their attitude to nature, beauty and work, social experience while mastering the norms of behavior by children. Thanks to folklore material such as well-wishes, fairy tales, proverbs, heroic tales, which incorporated ideals, images, values of the people, archaic plots are traced. Indeed, it was through oral creativity that cultural, historical information was transmitted between generations. Modern ethnographic material allows to reveal the sustainability of cults: the cult of fire, the cult of ancestors, the cult of nature. The study reflects the special role that the Sayano-Altai Turks assign to the child and childhood in traditional culture. It is in the context of the child's socialization that knowledge and methods are revealed that form the norms of behavior of society, family and parents.

Key words: traditional culture, ceremonies associated with children, child socialization, sacredness, archaic, Sayano-Altai.

Н. Тадышева

Тарих ғылымдарының кандидаты,
Алтай, Горно-Алтайск қ., e-mail: tadisheva@mail.ru

Саян-Алтай түркілерінің дәстүрлі мәдениетіндегі баланы әлеуметтендіру

Балаларға қатысты салт-дәстүрлер баланың жүріс-тұрыс нормаларын игеру кезінде бір тілдің этникалық ерекшелігіне, қабылдауына, табиғатқа, әдемілікке және жұмысқа, әлеуметтік тәжірибеге ие болуы туралы мәселе қарастырылады. Фольклорлық материалдың арқасында: жақсы тілектер, ертегілер, мақал-мәтелдер, батырлық аңыздар, оларда мұралар, образдар, халықтың құндылықтары, архаикалық сюжеттер бар. Шынында да, ауызша шығармашылық арқылы мәдени, тарихи ақпараттар ұрпақ арасында беріліп отырды. Қазіргі заманғы этнографиялық материалдар мәдениеттердің тұрақтылығын ашады: отқа табыну, ата-баба табынуы, табиғатқа

табыну. Бұл зерттеуде Саян-Алтай түркілерінің балалар және дәстүрлі мәдениеттегі балалар мәселесіне баса назар аударылады. Тек қана балаларды әлеуметтендіру контексінде қоғамдағы, отбасы мен ата-аналардың мінез-құлық нормаларының әдістері қалыптасады.

Түйін сөздер: дәстүрлі мәдениет, балалармен байланысты рәсімдер, баланы әлеуметтендіру, қасиеттілік, архаикалық сюжеттер, Саян-Алтай.

В современное время преодоление кризисных тенденций, препятствующих воспроизводству населения, воспитание подрастающего поколения является приоритетным направлением общества. В связи с этим интерес представляют традиционные знания, влияющие на формирование системы взаимоотношений с окружающей средой обитания ребенка: природой, обществом, культурной информацией. Опыт социализации в традиционной культуре способствовал созданию у ребенка умений к воспроизводству экономических и духовных ценностей народа. Отдельного внимания требуют материалы устного творчества алтайцев, хакасов, тувинцев как опыт передачи молодому поколению знаний о средствах и способах адаптации ребенка в окружающем мире.

Вопросы воспитания детей в традиционной культуре алтайцев, хакасов, тувинцев рассматривались педагогами, этнографами в рамках исследований семейной обрядности, семейного права описывались обряды, связанные с детьми, фольклористами проанализированы и даны определения жанрам детского фольклора. Сегодня предпринята попытка комплексного анализа с привлечением фольклорного материала, полевых этнографических материалов, научной литературы для раскрытия глубины и значимости представлений о ребенке тюрков Саяно-Алтая.

Фольклорные и этнографические материалы собрал и опубликовал в «Очерках Северо-Западной Монголии» Г.Н. Потанин, где содержатся сведения о семейном быте алтайцев, телеутов, урянхайцев (Потанин 1883). Н.Ф.Катанов своими трудами по собиранию и изданию хакасского фольклора внес неоценимый вклад в дело его сохранения. Особую ценность представляют сведения по хакасскому быту (Образцы народной литературы тюркских племен 1907). Материалы экспедиции в Туву (старое название Сойотия) 1902-1903 гг. Ф.Я. Кона изданы в 1934 г. (Кон 1934). Яковлев Е.В. описал различные стороны семейного быта хакасов (Яковлев 1900).

В советское время продолжается изучение. Так, в 30-е гг. XX в. С.А. Токарев в работе «Докапиталистические пережитки в Ойротии», рас-

сматривая некоторые аспекты жизни коренного населения Горного Алтая дореволюционного периода, отметил своеобразие родственных отношений у алтайцев, характерную черту родовых делений, наличие строгой экзогамии (Токарев 1936). Н.П. Дыренкова в своих статьях раскрыла проблему значения пережитков материнского рода, в том числе института авункулата у алтайцев. Она описала и взаимоотношения между племянником и дядей со стороны матери в форме почтения, взаимопомощи (Дыренкова 1937). В трудах Ю.А. Шибасовой «Пережитки родового строя у хакасов в системе родства и семейно-брачных отношениях», «Пережитки эпохи матриархата у хакасов» содержится хакасский материал о семье (Шибасова 1947, 1948). Н.И. Шатинова в монографии «Семья у алтайцев» отметила, что некоторые обряды, связанные с детьми второй половины XX в. проводились в неполном виде, что объяснялось материальными возможностями населения. Прежде всего, изменения коснулись имянаречения, что приобрело характер внутри семейного (Шатинова 1981). Тезисно семейная обрядность была рассмотрена в коллективной монографии «Семейная обрядность народов Сибири», вышедшей в 1980 г.

В рамках исследования «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» авторы коллективной монографии отрывочно коснулись данной темы (1989, 1990, 1991).

Касается семейных отношений в контексте исследования бурханизма как национально-религиозной идеологии алтай-кижи и Л.И. Шерстова в работе «Бурханизм: истоки этноса и религии» (Шерстова 2010).

С 2000-х гг. появляется ряд работ, касающихся обрядов жизненного цикла тюрков Саяно-Алтая. Ю.Г. Кустова в своей книге «Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов» (2000) выявила и охарактеризовала место, отводимое ребенку в хакасской культуре. В.А. Клешев в монографии «Народная религия алтайцев: вчера, сегодня» отмечает, что в семейной обрядности южных алтайцев в настоящее время, несмотря на влияние «советских норм», сохранились некоторые традиционные представления и запреты (Клешев 2011). Монография Н.О. Тадышевой

«Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая» направлена на выявление временных изменений и территориальных особенностей семейной обрядности под влиянием православия (Тадышева 2011). Тувинская обрядность, связанная с детьми, отражена в исследованиях Кенин-Лопсана М.Б. «Мифы тувинских шаманов», «Традиционная культура тувинцев», которые раскрывают обряды в рамках традиционной картины мира тувинцев (Кенин-Лопсан 2002, 2006). В исследовании Биче-оол С.М. «Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период» рассмотрено воспитание ребенка в советской Туве (Биче-оол 2018).

Исследования В.Я. Бутанаева посвящены традиционному быту хакасской семьи и нашли отражение в монографиях «Особенности культуры и быта тюрков Саяно-Алтая» (Бутанаев 2011) и «Будни и праздники тюрков Хон-

горая», где комплексно описаны семейно-бытовая жизнь и праздничная культура хакасов XIX–XX вв. (Бутанаев 2014). Исследования по обычному семейному праву Э.В. Енчинова и Т.Н. Медведевой отражают трансформации обычного семейного права алтайцев и хакасов на примере обычаев жизненного цикла. Правовые обычаи, связанные с семейной обрядностью, регламентируют цикл возникающих прав и обязанностей членов семьи и рода (Енчинов 2013; Медведева 2014).

Особое отношение к детям зафиксировано еще в источниках XIX в., например: «алтайцы чрезвычайно чадолюбивы» (Вербицкий 1893: 101). В эпосе также встречаем наказания батырам о нормах поведения в обществе, где основным является понятие «*Jaанды – jaан деп, jaиты – jaи деп*» – «Старшего – старшим называй, младшего – младшим называй». Так, в алтайском сказании «Маадай-Кара»:

*Jaан улустар туштагазын,
Өрөкбөн деп адап жүрзөн,
Jaи улустар туштагазын,
Эзен-амыр сура, балам.*

В тувинском эпосе:
*Улуг сеткил сеткип болбас,
Улугнуң адаанга олуруп,
Кысканың кыдынгга олуруп чоруур, оглум*

Или в хакасском героическом сказании:
*Улугны улуглап чөрзөр,
Узах күнни көрөзөр,
Кичигди кичигтибин,
Өкис-чабысты пазынзар,
Күн чарыгы көрбессер,
Кистеде күн көрпн чуртирзар*

Если встретятся старые люди,
«Почтенными» их называй.
Если молодые люди встретятся
Поздоровайся с ними, дитя
(Маадай-Кара 1973: 126; 312).

Не будь высокомерным:
После старших садись,
С краю от младших садись
(Хунан-Кара 1997: 116-117).

Если старого будете уважать,
Долгие дни познаете,
Если малого за малого не сочтете,
Если сироту, беззащитного угнетать будете,
Солнечного света вам не видать –
Жизнь в слезах проходить будет
(Ай-Хуучин 1997: 322–325).

Идея о благоприятном будущем потомстве пронизывает обрядовые действия свадебного торжества. В традиционный алтайский свадебный цикл вплетаются обряды, направленные на обеспечение молодым многочисленного потом-

ства. При проведении обряда *баштаады* (букв. голова пошла, здесь слово дается, когда во время свадебной церемонии дается право говорить благопожелания) особыми пожеланиями являются благопожелания *алкыши*:

*Тарлан чокыр уйлу болзын
Тамара деген кысту болзын
Миша деген уулду болзын
Мерседес машиналу болзын
Или:
От-очогор тайкыл базын,
Талкан одор чачыл базын
Алын эдегине балдар бассын*

С пестрой коровой пусть будут,
С дочерью Тамарой пусть будут.
Миша сын пусть будет,
Мерседес машина пусть будет.

Огонь-очаг [ваш] пусть не соскользнет,
Огонь [ваш] пусть не рассыплется.
На передний подол дети пусть наступают,

<i>Кийин эдегине мал бассын.</i>	По заднему подолу скотина пусть ходит.
А также:	
<i>Койондый ак болзын,</i>	Как заяц белыми пусть будут,
<i>Койдый семис болзын.</i>	Как овечка жирными пусть будут.
<i>Чеген быжар кыстарлу болзын,</i>	<i>Чеген</i> готовить дочери пусть будут,
<i>Мылтык адар уулдарлу болзын.</i>	В ружье стрелять сыновья пусть будут
	(Тадышева 2011: 119–120).
Исполняются песни во время свадьбы:	
<i>Карачкылу туткан айларга</i>	С ободом построенном айыле [вашем]
<i>Кара албаты жыргазын,</i>	Много народу пусть празднует,
<i>Катай салган төжөккө</i>	Вместе сложенной постели
<i>Кабайда бала жайкалзын.</i>	В колыбели ребенок пусть укачивается
<i>Түнүктөп туткан айларга</i>	С дымоходом построенном айыле [вашем]
<i>Түмен калык жыргазын,</i>	Тысячу народу пусть празднует,
<i>Түрүп салган төжөккө</i>	Завернув сложенной постели
<i>Түйүнчикте бала жайкалзын.</i>	В узелке ребенок пусть укачивается
	(НА НИИА. МНЭ. Дело № 109. аудиозапись 2017 г. Кулсева Р.С.).

Во время полевых исследований нами зафиксировано несколько мнений информантов о появлении души ребенка. Считается, что душу ребенка дает *Кудай*. Поэтому сначала душа ребенка (*суузы*) «падает в огонь-очаг, золу» (*от-очокко, күлге түжер*) – т.е. душа приходит через огонь. В связи с этим огонь считается сакральным, его держат чистым, в него не кладут мусор (НА НИИА. МНЭ. Дело № 119, дневниковая запись 2017 г. Майхиева Л.М.). Согласно другому мнению, душа ребенка (*кут*) приходит от *Алтай Кудая* через *дъайык (жайык)* (НА НИИА. МНЭ, дело № 119, аудиозапись 2017 г. Кокшинова Г.Т.). В бурханизме шаманский дух-посредник *дъайык* становится самостоятельным домашним божеством. Сегодня во время болезни, когда в семье случаются несчастья, устанавливают *дъайык* – покровителя семьи, который защищает, ставит преграду (*курчан жат*), он является охраной (*корычыл*) семьи.

Когда ребенок рождается, он в первую очередь встречается с землей, так говорят. Древние тувинцы *уруг сыртыын* – «подушку» ребенка или послед предавали земле, где стояла юрта родителей, и потому душа человека крепко связана с родной землей. Поэтому, когда человек умирает, его кости хоронят там, где была дедовская стоянка, так говорят. Человеку мягка родная земля, ласково там солнце, ясна там луна и чист воздух там (Кенин-Лопсан 2002: 31-32).

Большая часть обрядов периода беременности состоит из запретов и предписаний, регулирующих поведение и обеспечивающих рождение здорового ребенка. Период беременности обо-

значаем запретами и предписаниями как для будущей матери, так и для отца. Существует много запретительных норм поведения в первую очередь для беременной. Ей нельзя перешагивать через *армакчы* (аркан), *кендир* (веревка, вожжи), чтобы пуповина ребенка не обвила шею; нельзя переступать через режущие, колющие предметы: топор, нож, чтобы роды прошли легко. Животных, покрытых шерстью, нельзя пинать, иначе ребенок родится лохматый. Нельзя посещать дом, где умер человек. Если есть острая необходимость посетить его, то завязывают пояс, чтобы не напугаться, чтобы защитить ребенка, тем самым закрывали движение плода вовне. Заранее готовиться к рождению ребенка (покупать одежду, коляску) нельзя. Дорогу переходить беременным нельзя, чтобы не укорачивать жизненный путь матери и ребенка. Также во время беременности женщина не подстригает свои волосы, чтобы не укорачивать свою жизнь и жизнь не родившегося ребенка. Если в дом заходит беременная женщина, необходимо ее угостить. Считают, что, когда заходит в дом беременная, дом содрогается.

Если беременность проходит тяжело, то алтайцы приглашают *неме билер киж* (некто знающие люди). Он по *арчыну* (можжевелик) лопатке смотрит и может в чем-то продостеречь беременную, помочь ей. Считается, что беременная женщина находится одной ногой в мире живых, а другой – мире мертвых, поэтому ей самой нужно быть осторожной,

В хакасском эпосе также отражается данное представление:

*Хараазы тўндесых килеедір,
Кізі таныспас синге читпарган,
друг друга узнать не могут,
Ай хараазы полып,
Тўн хараазы полып,
Орты тўнге читпарир,*

В ночную темень вышла.
Наступило время, когда люди

Лунная ночь наступила,
Темная ночь опустилась...
Время к полуночи подошло

(Ай-Хуучин 1997: 208–209).

Девушка пошла ночью на поиски повитухи и, встретив хуу-хат (имя отрицательного персонажа

в эпосе, жительница подземного мира, женщина-демон), приводит несчастье в дом.

*Хан Хыс, абахай чахсы,
Аарда айнада чоғыл,
Пеерде кўннигде нимес осхас.*

Хан-хыс, достойная госпожа, [в беспамятстве:]
Ни в дальнем [мире]айна ее нет,
Ни здесь, в солнечном [мире], нет, похоже
(Ай-Хуучин 1997: 214–215).

Не положено беременной женщине в вечернее время далеко уходить от юрты, так как она может встретиться с чертями (после захода солнца они начинают движение) и заболеть. Если беременная женщина будет рожать ребенка после того, как она встретится с чертями, тому младенцу не суждено долго жить (Кенин-Лопсан 2002: 34).

Все данные запреты и ограничения периода беременности объясняются представлениями народа о том, что беременная женщина находится одной ногой в мире живых, а другой – в мире мертвых, поэтому ей самой нужно быть осторожной, а окружающим необходимо ее оберегать. Ее слова, действия и эмоции, находящейся меж двух миров, имеют очень сильное воздействие.

И в современное время, как свидетельствуют полевые материалы, к детям, особенно к тем, кто еще не умеет говорить, относятся по-особенному: их нельзя ругать, бить, относиться плохо. Ночью нельзя звать ребенка по имени: услышит *көрмөс* (букв. невидимые, здесь злые духи). По-видимому, следующие ритуалы восстанавливали сакральность пространства и обеспечивали благополучие ребенка.

Маленькому ребенку не дают есть вареное сердце и язык овечки. Сердце – чтобы ребенок не был пугливым. Язык не дают, чтобы ребенок не был «языкастым, скандальным». Одежду ребенка до одного года, даже если она сушится, на ночь не оставляют, оберегают от злых духов. Место, где играл ребенок, его игрушки на ночь убирают, т.к. если оставить – *көрмөси* играть будут. Зафиксирован интересный момент, запрет

матери ласкать, целовать ножки, ступни ребенка, так как он будет очень привязан к ней, и при ее отсутствии будет плакать. В традиционной похоронной обрядности во время прощания с умершим близкие должны подержаться за ноги, чтобы скончавшийся не тревожил их. Наблюдаем отражение как пространственных перемещений, так и качественных изменений человека, обусловленное верой в перевернутость иного мира, а также верой в то, что в потустороннем мире жизнь устроена наоборот и в связи с этим поведение прямо противоположно, что недопустимо для живого, обязательно для умершего, т.е. меняется отношение.

Посторонним людям не стремятся показывать новорожденных, особенно пожилым, чтобы не напугали, не сглазили, до истечения 40 дней после рождения. На сороковой день новорожденный входит в свое тело, в новое состояние (*кебине кирин жат*). Новорожденного нельзя рассматривать с любопытством. При посещении новорожденного ребенка близкий родственник, сорвав со своей овчинной шубы пуговицу, привязывает его к колыбели. Это является пожеланием здоровья ребенку (НА НИИА. ФМ. Дело № 277, Материалы летней экспедиции 1974 г. в Улаганский район. Олчонов П.П. С. 74). Даже если эта встреча была незапланированной, дают подарок за право посмотреть новорожденного в первый раз.

Маленьких детей защищают до определенного времени, существует представление о «жидкой» в детстве крови, «густеющей» по мере того, как человек взрослеет, набирается сил:

*Бажының коңгураазы араалакта,
Балдырының эди каткалакта,
Ону өлурбезе хоржок-тур.*

Пока не очистился пушок на его голове,
Пока его мышцы голени не окрепли,
Нужно его погубить! т.е. «пока он дитя»
(Хунан-Кара 1997: 72–73).

*Изивес эдим
Изип-даа келди,
Хоювас ханым
Хоюп-даа келди, эжим,
Кичээнип бодаттын*

Вот и разгорячилось
Мое не разгоряченное тело,
Вот и загустела, друг мой,
Моя не густевшая кровь.
Берегись же, остерегись!
(Хунан-Кара 1997: 220–221).

В алтайском сказании также остерегают баатыра:

*Эдин сенин тыныбаган,
Канын сенин кызыбаган*

Тело твое не окрепло,
Кровь твоя не закалилась...
(Кара-күрен атту Кан-Күлер 2011: 212–213).

После рождения ребенка мать или отец совершали ряд действий, которые должны были познакомить *От-Эне* (Мать-Огонь), покровительницу айыла и всех ее обитателей, с новым членом семьи. Для этого проводился обряд общей трапезы нового члена семьи с *От-Эне*. Подобные действия совершались при обряде знакомства с внешним, чужим миром при первом посещении матери и ребенком чужой юрты. Как отмечают алтайцы, по приезду из роддома лоб ребенка между бровями мажут золой. Таким образом, ребенка включают в семью (НА НИИА. МНЭ. Дело № 118, аудиозапись 2018 г. Тельденнова Л.К.). Или если в дом в первый раз заходит в гости «чужой» ребенок, его лоб (между бровями) мажут золой. Считается, что таким образом происходит знакомство ребенка с этим домом. С пустыми руками маленького гостя из дома не отпускают, дают ему с собой любой подарок (НА НИИА. МНЭ. Дело № 119, аудиозапись 2017 г. Кокшинова Г.Т.; НА НИИА. МНЭ. Дело № 117, аудиозапись 2018 г. Чилбакова Е.Е.).

У хакасов после рождения ребенка мать или отец или повитуха совершали ряд действий, которые должны были познакомить «от Ине» (мать-огонь), покровительницу юрты, и всех ее обитателей с новым членом семьи. Для этого проводился обряд общей трапезы нового члена семьи (младенца) и матери-огня. Подобные действия совершались при обряде знакомства с внешним, чужим миром при первом посещении матери и ребенком чужой юрты. За пределами дома, где ребенок не был достаточно защищен, его охраняли собственное имя и амулеты, а также знак на лице ребенка, нанесенный угольком, взятым из домашнего очага (Кустова 2000: 92).

Или «перед тем как выйти наружу из юрты мать грудного ребенка тагана с сажей пальцем

коснулась и своему маленькому ребенку лоб мазнула». По верованиям тувинцев, после захода солнца обычно маленьких детей не выносили из юрты, так как злые силы могли взять их душу *кут*. Если в этом была необходимость, ребенка выносили, предварительно помазав ему сажей лоб, тем самым передавали его душу под защиту духа-хозяина родового огня (Мифы 2010: 165; 316).

Когда над кроватью висит колыбель, в которой спит младенец, возле нее оставляют нож в ножнах. Черти видят нож в ножнах и боятся войти в юрту, так говорят. (Кенин-Лопсан 2002: 67).

Как отмечают исследователи, алтайцы еще в XIX в., чтобы отогнать дьявола, похищающего младенцев, вешали в люльку плетень, стрелку и колючее растение (Потанин 1883: 27). И сегодня, чтобы черные силы (*кара немее*) не подходили к колыбели, на нее вешали *кнут-камчы*, зубы хищников-*азу*, погремушки из козлиных, овечьих бабок-*кажык*, крыло глухаря, когти животных (НА НИИА. МНЭ. Дело № 119, аудиозапись 2017 г. Кокшинова Г.Т.). Когда ребенок не спокойный, в его колыбель кладут щенка, а ребенка, спрятав, уносят. Когда черные силы придут, ребенка не найдут (НА НИИА. ФМ. Дело № 296. Материалы экспедиций в Улаганский район 1974 г. Куйуков С.Д. С. 33).

Наречение именем ребенка сохраняет сакральное значение. Имя у алтайцев тесно связано с представлениями о жизненном пути. Традиционное алтайское восприятие того, что имя, данное ребенку, связано с его дальнейшей судьбой, мы прослеживаем в эпизоде героического сказания «Айтюнюке», когда по случаю рождения сына и дочери Кара-каан приглашает людей на той, чтобы дали детям имена. А во время праздника он объявляет:

*Јети кўн той болор,
Лип тўғўспес курсак болор,
Энди мында јуулган јон,
Эки балама ат адагар.
Јақшы ат адаган кижи
Јаныма коштой отурзын,
Аракы ачузын ичирерим,
Ат јақшызын берерим.
Јаман ат адаганнын
Јалмажына чыбык тийер.
Јаагына алакан тийер.
Јаман ёлўмнег ёлёр...*

Длится той уже семьдесят дней,
До отвала сыты гости мои.
Теперь собравшийся здесь народ,
Детям пусть имена даст.
Тот, кто хорошее имя даст,
Место рядом со мной займет,
Лучшей ему араки подам,
Лучшую лошадь подарю.
Тот, кто имя плохое даст,
Плетью будет бит по спине,
По щеке получит он щелчок,
Плохою смертью он умрет...
(Улагашев 1947: 95; Улагашев 1945: 88).

Тем самым происходит обряд включения, чтобы «ввести ребенка в мир». Благодаря наречению ребенок индивидуализирован и включен в сообщество (семейное, родовое) самими чле-

нами сообщества. И речь идет о целом сообществе, ведь в празднике принимает участие весь народ Кара-каана. А именем нарекает мудрая старушка, используя благопожелание *алкыш*.

*Јаакту ооско айтырбас,
Јаман јўрўмге бастырбас,
Јарындуга јыктырбас,
Јаан баатырдаг јалтанбас
Амадаганын алып јўрер,
Амыр-энчў јырган јўрер
Айтўнўке деп атту бол,
Ады чыккан баатыр – бол!*

Пусть не обижен растет красотой,
Пусть не узнает он жизни плохой,
Плечистые пусть не побоят его,
Пусть не боится богатырей,
Пусть достигает он цели своей,
Будет радостной жизнь у него,
Будет имя ему – Айтюнкоке –
Богатырь, известный по всей земле
(Улагашев 1947: 97; Улагашев 1945: 90).

В фольклорной традиции тувинцев встречаем свидетельство понятия «имя-опора»:

*Кізі полза аттыг полар,
Кшик полза, тўктіг полар.*

Человек с именем,
Косуля – с шерстью

(Мудрое 2014: 6).

Так, в тувинском эпосе отец не разрешает сыну идти в дорогу без имени:

*Бндыг болза, оглум,
Чаа-дайынга
Баар-кижи болза,
Аттыг-сыптыг-даа чоруур,
Аъттыг-хөлдуг-даа чоруур,
Октуг-чемзектиг-даа чоруур чуме.*

Если так, сынок,
Если [суждено] тебе отправиться
На битву-войну,
Поедешь с именем-опорой,
Поедешь с конем верховым,
Поедешь с оружием боевым
(Хунан-Кара 1997: 99).

Хан собирает свой народ, устроив пир, объявляет состязание, кто даст лучшее имя его сыну. Необходимо обратить внимание, что при нарече-

нии именем при всем роде происходит социализация ребенка, имя дают пожилые люди, тем самым мальчик Хунан-Кара включается в семью, род.

*Айның чаазында, хуннуң эртезинде-даа.
Ам эртем
Аъттаныр деп турганың кырындан...
Ара-албатызын чыып алган турган ийин.
Эрниц адын*

Утром в день новолуния.
3 [Сына] в путь снаряжая,
2 [Хан] назавтра собрал
4 Подданный люд...
7 ...и устроил той

Адар дээштиң, 6 По случаю наречения [сына]
Найыр-доюн кылып турган иргин ийин. 5 Взрослым именем
 (Хунан-Кара 1997: 108–109).

Совершают обряд наречения сына хана:

Оглунуң аьдын эзертээш, 3 Коня нашего сына велите седлать.
Огун-чемзээн 3 Велите [сыну] повесить
Азындыргааштың, 2 На себя боевое оружие,
Даштыгаа кара ширээниң 5 Велите сесть
Кырынга олурткааштың, 4 Около [юрты] на большое *ширэ* –
Аьдының узун-дынындан 7 Сесть зажав [в руках]
Тудускааштың олуртуп каарыңга, 6 Длинный повод коня.
Ёзулалы ол болур чумең иргин ийин. Это и будет обряд
 (Хунан-Кара 1997: 112–113).

В хакасском эпосе также отражена охранительная функция имени:

Адым адирга аарыныстыг, Не пристало мне имя свое называть,
Асхын-тосхыннарга чоохти чоьылбын, Каким попало людям не говорю,
Худым хуттирга хоргыстыг, Душу свою тревожить боюсь,
Хайдаг ползаларга чоохти чоьылбын. Всяким там низким не говорю
 (Ай-Хуучин 1997: 120–121).

Из этнографической литературы известно, что у алтайцев существовало мнение, что, дав ребенку плохое, неблагозвучное имя, можно было его уберечь от злых духов. Детям «стараятся дать имя как можно похуже, предполагая, что с худым именем долго жить будет... (Вербицкий 1893: 85–86). Сегодня эта традиция присутствует в несколько измененном виде: в семье дают ребенку (домашнее) имя, которое чужим не говорят, чтобы невозможно было установить «настоящее» имя. Тем самым родители, родственники пытаются уберечь его от злых сил *кара немеден*. Пожилые люди могут дать неблагозвучное имя новорожденному, желая ребенку здоровья, счастья и долголетия, и это, конечно, воспринимается родственниками ребенка благожелательно, без обид, например: «Собаچه Ухо»-*Ийт-Кулак*, «Задница»-*Көдөн*, «Баба»-*Кадыт* и др. (Тадышева 2011: 121).

В Туве новорожденному имя давал самый почтенный человек. Если младенец часто болел, у него было несколько имен. Если в семье рожденные девочки умирали в младенчестве, следующей своей дочке родители давали имя мальчика, и наоборот, чтобы избежать козней злых духов, обмануть их. Нельзя было и каждому прохожему называть имя младенца (Кенин-Лопсан 2002: 39; Мифы 2010: 321).

Имянаречением ребенок вводился в мир людей, все больше приобщаясь к социальным связям в семье и обществе. Этому способство-

вал и обычай, что при обряде имянаречения присутствовали родственники и соседи семьи. Выбор имени обуславливался религиозными представлениями о сверхъестественной связи человека, его души (кут) и имени (ат). Имя ребенку давалось один раз, и считалось, что именно оно определяет жизненный путь человека и судьбу, оберегает его от злонамеренных сил.

Наречение имени сохраняет сакральное значение. Сегодня у алтайцев выбор имени происходит в кругу семьи; окончательное решение принимают родители. Также пожилые информанты советуют не называть ребенка сакральными словами: *Аржан* (аржан-суу – целебные источники), *Арчын* (можжевелик), *Сүмер* (г. Белуха), *Байана* (покровитель), *Байлу* (сакральный). Считается, что у детей с такими сакральными (*байлу*) именами жизнь складывается сложной. С таким именем ребенок обрекается в будущем на жизненные трудности (НА НИИА. МНЭ. Дело № 119, аудиозапись 2017 г. Кокшинова Г.Т.; НА НИИА. МНЭ. Дело № 117, аудиозапись 2018 г. Чилбакова Е.Е.).

В современное время у алтайцев, когда ребенку исполняется один год, родители ребенка накрывают стол, закалывают овечку, варят *койу көчө* – густой суп из баранины и ячменной крупы. Этот праздник так и называется «*койу көчө*». Приглашаются родственники. Гости с пустыми руками не приходят. *Таай* дядя

по материнской линии дарит животных, но не *соок тумчукту мал* (букв. «скотина с холодным носом»), к которым относятся корова, козы. Дарят лошадь, овечку, жеребенка. Проводится *обряд обрезание волос. Таай*, говоря *алкыи* племяннику, подстригает прядь волос с челки ребенка и обязательно дарит животное – либо овечку, либо лошадь. Родители *таай* дарят рубашку. Волосы после подстригания забирает мама ребенка, хотя раньше забирал *таай* и поэтому теперь в 12 лет ребенок к *таай* не ездит за своими волосами, как это было заведено раньше. Однако, один из информаторов сообщила, что во время празднования ребенку одного года «*койу кӧчӧ*» *таай* стрижет волосы племяннику и себе забирает. В шесть лет или в двенадцать племянник с гостинцами – *кӱндӱ-кӱреелӱ* приезжает к *таай* за своими волосами.

Волосы у хакасов считались важным признаком живого существа. Сострижение утробных волос отделяло ребенка от дикого мира и ставило в один ряд с людьми. В традиционной культуре хакасов отношение к волосам было сопряжено с глубоким семантическим смыслом. Волосы, прическа были показателем различных статусов того или иного человека в обществе. По типу прически, например, определялся социальный и семейный статус человека (Кустова 2000:)

На празднике «*койу кӧчӧ*», если ребенок к этому времени еще не ходит сам, алтайцы прово-

*Аттын чорыгы кичӱден,
Кизин чаксызы читтен.
Чаксы ат хулунда кӧрӱнче.
Чаксы кизи кичӱде пӱлӱрче.*

Алтайцы:
*Аш – кылгада,
Бала – јашта*

Воспитание детей – социализация ребенка: научить его соответственно ощущать и вести себя в обществе людей. Именно по этой причине воспитание у тувинцев понималось как *кижизидилге*, буквально – «очеловечивание». Воспитание детей шло ненавязчиво, а мировоззренческие взгляды вносились в сознание детей естественным образом – через легкие напутствия, пословицы, поговорки, сказки и т.д. шла социализация ребенка – умение ощущать и вести себя в обществе людей, знать, какие человеческие качества среди них ценятся, а какие нет (Донгак 2017).

дят обряд *разрезания пут* – ножки ребенка перевязывали белыми нитками или лентой *тужак* (пути), и *таайы* или родители, или какой-нибудь *шулмус* – шустрый ребенок разрезает ленту, произнося *алкыи*. Разрезают со спины ребенка либо ножницами, либо ножом, чтобы ребенок быстрее пошел, символически давая ему возможность шагать. Подобными действиями стремились обеспечить условия, которые помогли бы ребенку скорее стать на ноги в буквальном смысле слова. Затем все садятся за стол и празднуют, спиртного должно быть мало. Данный обряд описан у В.П. Дьяконовой: «У теленгитов имелся обычай в отношении детей, сделавших первый самостоятельный шаг: в семье его ножки чем-нибудь опутывали. Прежде для этой цели использовали тонкую кишку овцы или вид домашней колбасы (*јӱргӱм*). Домой зазывался шустрый, подвижный ребенок, перерезавший своеобразные пути начавшему ходить младенцу. В этот акт вкладывалось желание придать ногам ребенка крепость, силу, быстроту, какая есть в ногах лошади» (Дьяконова 2001: 144).

Все понимают, что именно в детском возрасте закладывается фундамент всего: знаний, принципов, интересов, черт характера, которые потом будут способствовать развитию ребенка в том или ином направлении. Устное народное творчество об этом свидетельствует. У хакасов говорят:

Резвость коня в жеребенке видна,
Отзывчивость мужа в ребенке видная.
Нам скакуна предскажет жеребенок,
А человека взрослого – ребенок

(Мудрое 2014: 44).

Хлеб – по всходам,
Ребенка – с младенчества

(Алтайские 2010: 167).

Так и алтайская сказка учит: «Ради справедливости муху не убивайте, ради честности дерево не ломайте. Если будете голодать-жаждать, старайтесь жить своими собственными силами. У человека-обманщика мозги высохнут, у скупого человека кровь высохнет. У вороватого человека душа его с нитку оборвется. У лживого человека темя пробьется» (Аргачы и Мекечи 2016: 213).

Процессы физического и интеллектуального развития ребенка особенно ярко наблюдаются в детских играх, игрушках, развлечениях. Духовному становлению и развитию личности ребен-

ка способствовали рассказы старших о путешествиях, истории рода, семьи, сказки, легенды, исторические предания. На семейном уровне воспитание было направлено на овладение необходимыми знаниями об истории своего народа, своих соседях, окружающей природе, ее законах и др. Эти знания и наблюдения копились многими поколениями и передавались изустно детям. Уже в детстве ребенок получал ряд фенологических знаний (народный календарь), основы географии, законы природы, повадки животных, различные приметы, пословицы, поговорки.

Как считают исследователи: взросление человека проходило несколько этапов – первый, условно называется колыбельный, длится с утробного развития плода и примерно до трех лет. Для данного периода характерна незащищенность ребенка, его тесная связь с богиней Умай. Почти все время ребенок проводит колыбели. Именно в этот период проводятся первые обряды, вводящие его в сообщество людей – стрижка утробных волос, празднества, посвященные его рождению, наречение имени, обряд, разрезание пут на ногах. Начинается приучивание ребенка к традиционной системе питания. Второй этап игровой (от 4-х до 6-7 лет). Почти все время ребенок проводит в играх, которые играют важную, транслирующую социальные отношения роль. С 3-4-х лет выделяют в обращении к детям их половые признаки – девочка и мальчик. Третий этап – это трудовое воспитание детей. Важным считалось физическое и психическое здоровье ребенка, усвоение и этических и нравственных норм поведения, знание законов природы и т.д. Передача и усвоение традиций происходило главным образом на уровне семейного родственного социума. Воспитание проис-

ходило и при участии старших братьев и сестер, контролировали же воспитание родители. Обычно уход за детьми, забота об их здоровье лежали на плечах матери. В обучении трудовым навыкам существовало половое разделение, матери или старшие сестры обучали девочек, а отец или старшие братья мальчиков. Четвертый этап это возраст с 13-14 лет, ребенок полностью овладевал всеми трудовыми навыками, участвовал в ритуальной деятельности (Кустова 2000: 72–77).

Таким образом, в основе формирования национальных культурно-духовных ценностей лежат нравственные идеалы народа. Моделирование данного процесса осуществляется с учетом целостной актуализации всех его трех компонентов: познавательного, эмоционально-эстетического, практико-деятельностного, в их взаимосвязи. Национальные ценности рассматриваются в системе природа – человек – общество – культура.

Место, отводимое ребенку и детству в традиционной культуре алтайцев, хакасов, тувинцев значимо. Обряды, связанные с рождением и воспитанием ребёнка, занимают особое место в традиционной культуре тюрков Саяно-Алтая, в обрядах просматриваются естественные периоды: дородовое, родовое и послеродовое сопровождение женщины-роженицы, социализация и воспитание ребенка. Исследование вопросов социализации детей в традиционной культуре является важным для понимания различных механизмов, обеспечивающих формирование человека как социальной личности и представителя этноса. Рождение, воспитание ребенка в семье и обществе являлось актуальной задачей, на решение которой были направлены социальные, экономические и духовные потенциалы народа.

Литература

- Айыжы Е.В., Чалбак А.В. Обряды и обычаи, связанные с беременностью женщины, у народов Саяно-Алтая (на примере тувинцев и хакасов) Электронный ресурс. // Научная библиотека КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obyady-i-obychai-svyazannye-s-beremennostyu-zhenschiny-u-narodov-sayano-altaya-na-primere-tuvintsev-i-hakasov#ixzz4hXY6bKMW>. дата обращения 20.09.2019.
- Алкыш сбс – благопожелания: обрядовая поэзия детского цикла. Электронный ресурс. URL: http://e-lib.gasu.ru/eposobia/alt/R_2_1.html. Дата обращения 25.10.2019.
- Алтайские пословицы и поговорки (Алтай кеп ле укаа сөстөр) / Сост. Ойноткинова Н.Р. Новосибирск, 2010. 268 с.
- Аргачы и Мекечи. Алтайский народные сказки. Горно-Алтайск, 2016. 352 с. илл.
- Боаги Н. М. Формирование национальных культурнодуховных ценностей старшеклассников в современной школе Республики Алтай: Дис. ... канд. пед. наук. Москва., 2002. 207 с.
- Вербицкий В.И. Алтайские инородцы: сб. этнографических ст. и исслед. алтайского миссионера, протоиерея В.И. Вербицкого. Москва. [Б.и.], 1893. 256 с.
- Донгак С.Ч. Традиционное воспитание детей у тувинцев в семье Электронный ресурс. Дата публикации 07.08.2017 02:16 // URL: <http://tigpi.ru/index.php/glavnaya.263-123>(дата обращения 09.08.2017)

- Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск: Изд-во «Юч-Сумер-Белуха», 2001. 220 с.
- Екеева Э.В. Традиции семейного воспитания у алтайцев КибераЛенинка: Электронный ресурс. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-semejnogo-vozpitanija-u-altajtsev> (дата обращения 31.10.2018).
- Кара-күрен атту Кан-Күлер // Сказитель Николай Улагашев. Алтайские героические сказания. Тексты и переводы. Горно-Алтайск: АУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу». 2011.С.168.
- Кенин-Лопсан М.Б. Мифы тувинских шаманов. Кызыл: Новости Тувы, 2002. 544 с.
- Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб. 2000. 160 с.
- Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. Москва., Наука, 1973. 474 с.
- Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. – Новосибирск: Наука, 2010. 372с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т.28).
- Мудрое слово. Хакаские пословицы, поговорки и загадки. Абакан, 2014. 84 с.
- НА НИИА. МНЭ. Дело № 119. Кокшинова (Арбакова) Галина Тыпыровна, 1947 г.р., сёёк кёбёк (сёёк кёбёк), место рождения и проживания с. Верх-Ануй Усть-Канского района Республики Алтай, аудиозапись 2017 г. Тадышевой Н.О.
- Кулеева Раиса Суремеевна, 1934 г.р., сёёк дьети сары (сёёк жети сары), место рождения и проживания с. Шыргайты Шебалинского района Республики Алтай, аудиозапись 2017 г. НА НИИА. МНЭ. Дело № 109.
- Чилбакова (Калкина) Евгения Емельяновна, 1964 г.р., сёёк кёбёк (сёёк кёбёк), месторождения с. Паспарта Улаганского района, место проживания с. Беш-Озок Шебалинского района Республики Алтай, аудиозапись запись 2018 г. НА НИИА. МНЭ. Дело № 117 Тадышевой Н.О.
- Тельденова (Алмадакова) Лариса Константиновна, 1969 г.р., сёёк оргончы (сёёк оргончы), место рождения с. Курай Кош-Агачского района, место проживания г. Горно-Алтайск Республики Алтай, аудиозапись запись 2018 г. Тадышевой Н.О. НА НИИА. МНЭ. Дело № 118.
- Майхиева (Чичинова) Лилия Мамыевна, 1969 г.р., сёёк сагал (сёёк сагал), место рождения и проживания с. Кокоря Кош-Агачского района Республики Алтай, дневниковая запись 2017 г. НА НИИА. МНЭ. Дело № 119.
- Материалы летней экспедиции 1974 г. в Улаганский район. Олчонов П.П. НА НИИА. ФМ. Дело № 277.
- НА НИИА. ФМ. Дело № 296. Материалы экспедиций в Улаганский район 1974 г. Куйуков С.Д.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Санкт бетербург.1883. Вып. IV. 1025 с.
- Тадышева Н.А. Современные обряды, связанные с ребенком, у алтайцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Матер. междунар. науч. конф. Вып. 8. / Под ред. Т.К. Щегловой – Барнаул: АлтГПА, 2011. Санкт петербург. 115,118.
- Улагашев Н. У. Айтюнюке. Улагашев Н. У. Малчи-Мерген. под.ред. А. Коптелова. Новосибирск, 1947. С. 91.123.
- Улагашев Н.У. Айтюнюке // Улагашев Н. У. Малчи-Мерген. Ойрот-Тура: Облнаиздательство, 1945. С. 85.118.
- Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / Запись и подгот. Текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. – Новосибирск, 1997.479с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16).
- Хуан-Кара /Тувинские героические сказания .Сост. С.М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997.584 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 12). С. 54.297.
- Чочкина М.П. Алтайский детский фольклор: Научное издание. Горно-Алтайск, 2003 г.160 с.

References

- Ajzhy E.V., Chalbak A.V. Obrjady i obychai, svjazannye s beremennost'ju zhenshhiny, u narodov Sajano-Altaja (na primere tuvincev i hakasov) [Rites and customs associated with the pregnancy of women in the peoples of Sayano-Altai]. Электронны resurs. // Nauchnaia biblioteka KiberLeninka. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obryady-i-obychai-svjazannye-s-beremennostyu-zhenshhiny-u-narodov-sajano-altaja-na-primere-tuvintsev-i-hakasov> ixzz4hXY6bKMW (data obrasheniia 20.09.2019).
- Alkysh sos – blagopozhelania: obrjadovaja pojezia detskogo cikla. elektronnyj resurs [Alkysh sös – well wishes: ceremonial poetry of the children's cycle] Электронны resurs. // URL: http://e-lib.gasu.ru/eposobia/alt/R_2.1.html (data obrasheniia 25.10.2019).
- Altaiskie posloviцы i pogovorki (Altaj kep le ukaa söstör) [Altai proverbs and sayings]. / Sost. Oimotkinova N.R. Novosibirsk, 2010.268 s.
- Argachy i Mekechi. Altajskij narodnye skazki. [Argacy and Mickey folk tales of Altai] Gorno-Altajsk, 2016.352 s.
- Boagi N. M. Formirovanie nacionalnyh kulturnoduhovnyh cennostej starsheklassnikov v sovremennoj shkole Respubliki Altaj [Formation of national cultural and spiritual values of high school students in modern schools] Altaj: Dis.[kand. ped. nauk. Moskva, 2002. 207 s.
- Verbickij V.I. Altajskie inorodcy: sb. etnograficheskikh st. i issled. altajskogo missionera, protoiereja [Altai foreigners: collection of ethnographic articles and articles. Altai missionary, Archpriest V. I. Verbitsky] Moskva . [B.], 1893.256 s.
- Dongak S.Ch. Tradicijnoe vospitanie detej ý túvintcev v sem'e[Dongak S.Ch. Traditional parenting among Tuvans in the family]. Электронны resurs. // Data publikasi 07.08.2017
- Dongak S.Ch. Tradicijnoe vospitanie detej u tuvincev v sem'e Jelektronnyj resurs. [Yuch-Sumer-Belukha], 2001.220 s.
- Ekeeva Э.В. Traditsii semejnogo vospitanija u altajsev KiberLeninka: [The traditions of family education among the Altai Cyber-Lenink] Электронны resurs. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-semejnogo-vozpitanija-u-altajtsev> 31.10.2018.
- Kara-kyreng atty Kan-Kyler . Skaziteli Nikolai ylagashev. Altaiskie geroicheskie skazannia. Teksty i perevody. –Gorno-Altajsk: [Altai heroic tales. Texts and translations.] – Gorno-Altajsk АУ РА Литературно-издателiskii Dom «Altyn-Tuu» 2011. Sankt peterburg .s168

- Kenin-Lopsan M.B. Mify tuvinskih shamanov. [Myths of Tuvan shamans] Kyzyl: Novosti Tuvy. 2002. 544 s.
- Kustova Ju.G. Rebenok i detstvo v tradicionnoj kulture hakasov [The child and childhood in the traditional culture of Khakas] Sankt peterburg., 2000. 160 s.
- Madaj-Kara. Altajski geroicheskiy lepos. [Maadaï Kara. Altai Heroic Epic] Moskva., Nauka, 1973.474 s.
- Mify, legendy, predaniya tuvincev / Sost. N.A. Alekseev, D.S. Kuular, Z.B. Samdan, Zh.M. [Myths, legends, traditions of Tu-vans] J. M. Yusha. – Novosibirsk: Nauka, 2010.372 s. Iysha. Novosibirsk: Nauka, 2010. 372 s. Pamiatniki folkloru narodov Sibiri i Dalinego Vostoka; T. 28.
- Mudroe slovo. Hakasskie posloviцы, pogovorki i zagadki [Wise word. Khakass proverbs, sayings and riddles] Abakan, 2014. 84 s.
- NA NIIA. MNЭ. Delo № 119. Kokshinova (Arbakova) Galina Typrovna, 1947 g.r., sөök kөbөk (sөök köbök), mesto rojdenia i proživania s. Verh-Aný Ýstь-Kanskogo raiona Respýbliki Altai, аýdiozapisь 2017 g. Tadyshevoi N.O.
- NA NIIA. MNЭ. Delo № 117 Chilbakova (Kalkina) Evgenija Emel'janovna, 1964 g.r., sjoжok kjoжok (sөök köbök), mesto-rozhdenija s. Pasparta Ulaganskogo rajona, mesto prozhivaniya s. Besh-Ozok Shebalinskogo rajona Respubliki Altaj, [deposits of Passeparta village in Ulagan district, place of residence of Besh-Ozok village in Shebalinsky district of the Altai Republic] 2018 g. Tadyshevoi N.O.
- NA NIIA. MNЭ. Delo № 118. Tel'denova (Almadakova) Larisa Konstantinovna, 1969 g.r., sjoжok orgonchy (sөök orgonchy), mesto rozhdenija s. Kuraj Kosh-Agachskogo rajona, mesto prozhivaniya g. Gorno-Altajsk Respubliki Altaj, [place of birth of Kurai village of Kosh-Agachsky district, place of residence of Gorno-Altaysk of the Altai Republic] 2018 g. Tadyshevoi N.O.
- Majhieva (Chichinova) Lilija Mamyevna, 1969 g.r., sjoжok sagal (sөök sagal), mesto rozhdenia i prozhivaniya s. Kokorja Kosh-Agachskogo rajona Respubliki Altaj, [place of birth and residence of the village of Kokorya in the Kosh-Agachsky district of the Altai Republic] dnevnikovaja zapis' 2017 g. NA NIIA. MNJe. Delo № 119.
- Materialy letnei ekspedisi 1974 g. v Ulaganskij rajon. [Materials of the summer expedition] Olchonov P.P NA NIIA. MNJe. Delo № 277.
- Materialy letnei ekspedisi 1974 g. v Ulaganskij rajon. [Materials of the summer expedition] Olchonov P.P NA NIIA. MNJe. Delo № 296
- Potaniñ G.N. Oчерki Severo-Zapadnoi Mongolii. [Essays in Northwest Mongolia] Sankt petrburg., 1883. Vyp. IV. 1025 s.
- Tadysheva N.A. Sovremennye obrjady, svjazannye s rebenkom, u altajcev [Modern ceremonies associated with the child, among Altai] Vyp. 8. / Pod red. T.K. Shheglovoj – Barnaul: AltGPA, 2011. Sankt peterburg. 115,118.
- Ulagashev N.U. Aitynyke . Ulagashev N. U. Malchi-Mergen. Oirot-Tura:[Oirot-Tura:] Oblnasizdatel'sitvo . 1945. S. 85,118.
- Hakasskii geroicheskiy эpos [Khakass heroic epic]: A1-Huchin / Zapisi i podgot. Teksta, per., vstup. st., primech. i komment., pril. V.E. Mamogashevoi. Novosibirsk, 1997. s479.
- Hunan-Kara Tuvan georichesri skazanie . [Hunan-Kara /Tuvan heroic tales] . sost. S. M. Orus-ool. – Novosibirsk: Nauka, 1997.584 p
- Chochkina M.P. Altaiski detski folklor: Nauchnoe izdanie [Altai children's folklore] Gorno-Altaysk, 2003 g.160 s.

Sardor Umarov

Assistant, Samarkand state university,
Uzbekistan, Samarkand, e-mail: sardor.umarov.2013@mail.ru;

FROM HISTORY COOPERATION UZBEKISTAN AND GERMANY

Foreign relations play an important pole in state life. So, ever country connect with foreign states and regions. Uzbekistan is situated medium of Central Asia. One of aims Germany foreign policy placed Central Asia. Republic of Uzbekistan directed own foreign politic to development mutual relations with leader countries of Europe, mainly Germany, France and Great Britain, also countries of Central and Eastern Europe in useful fields. In the first years of independent established cooperation for develop trade, invest and finance cooperation, transfer of huger technology, science, technics, education, ecology, save of healthy and cultural field. Year by year Germany and Uzbekistan relations rising. Relations between Uzbekistan and Germany is multidiscipline. Established cooperation many fields. Political, economic, humanitarian, cultural and scientific spheres. This article is about the formation and development of Uzbek-German relations in the late twentieth century. We have opened not only economic relations between the two countries, but also humanitarian, cultural and scientific relations. Consideration is the establishment and development of full-fledged trade, economic and cultural relations with Germany.

Key words: Germany, processes of globalization, relations, economic cooperation, dialogues, enterprises, cultural relations, scientific conference.

Сардор Умаров

ассистент, Самарқанд мемлекеттік университеті,
Өзбекстан, Самарқанд қ., e-mail: sardor.umarov.2013@mail.ru

Өзбекстан және Германия тарихы ынтымақтастықтарынан

Сыртқы қатынастар мемлекет өмірінде маңызды тірек болып табылады. Осылайша, әрдайым ел шет мемлекеттермен және аймақтармен байланыс орнатады. Өзбекстан Орта Азияның ортасында орналасқан. Германияның сыртқы саясатының негізгі мақсаттарының бірі Орта Азияны қою. Өзбекстан Республикасы өзінің сыртқы саяси бағытын Еуропаның жетекші елдерімен, негізінен Германия, Франция және Ұлыбританиямен, сонымен қатар Орталық және Шығыс Еуропа елдерімен пайдалы салалардағы өзара қатынастарды дамытуға бағыттады. Тәуелсіздіктің алғашқы жылдарында сауданы дамыту, инвестициялық және қаржылық ынтымақтастықты дамыту, үлкен технологиялар трансферті, ғылым, техника, білім беру, экология, салауатты және мәдени саланы сақтау маңызды болды. Германия мен Өзбекстан арасындағы қатынастар жылдан-жылға жақсарып келеді. Өзбекстан мен Германия арасындағы қатынастар көп салалы. Көптеген салаларда ынтымақтастық орнатылды. Олар: саяси, экономикалық, гуманитарлық, мәдени және ғылыми сфераларда. Бұл мақала ХХ ғасырдың аяғындағы өзбек-герман қатынастарының қалыптасуы мен дамуы туралы. Біз екі ел арасындағы экономикалық қатынастарды ғана емес, гуманитарлық, мәдени және ғылыми қатынастарды да аштық. Германиямен толыққанды сауда-экономикалық және мәдени байланыстардың құрылуы мен дамуы қарастырылады.

Түйін сөздер: Германия, жаһандану процестері, қатынастар, экономикалық ынтымақтастық, диалогтар, кәсіпорындар, мәдени байланыстар, ғылыми конференция.

Сардор Умаров

ассистент, Самаркандский государственный университет,
Узбекистан, г. Самарканд, e-mail: sardor.umarov.2013@mail.ru

Из истории сотрудничества Узбекистана и Германии

Международные отношения играют важную роль в государственной жизни. Итак, когда-либо страна соединяется с зарубежными государствами и регионами. Узбекистан расположен посреди Центральной Азии. Одной из целей германской внешней политики ставится Средняя Азия. Республика Узбекистан направила свою внешнюю политику на развитие взаимоотношений

со странами-лидерами Европы, главным образом, Германией, Францией и Великобританией, а также странами Центральной и Восточной Европы в полезных областях. В первые годы самостоятельной налаженной кооперации развивалось торговое, инвестиционное и финансовое сотрудничество, а также в области технологий, науки, техники, образования, экологии, сохранения здоровой и культурной сферы. Год от года отношения Германии и Узбекистана растут. Отношения между Узбекистаном и Германией носят многопрофильный характер. В этой статье говорится о формировании и развитии узбекско-германских отношений в конце XX века.

Ключевые слова: Германия, процессы глобализации, отношения, экономическое сотрудничество, диалоги, предприятия, культурные отношения, научная конференция.

Introduction

After established independence Republic of Uzbekistan did huge actions for make law basis of state foreign policy, also, make concept for its activities on the international area. Republic of Uzbekistan developed friendship relations on economic and cultural fields from firstly year own independence, such as members of contemporary system of international relations

The Republic of Uzbekistan, as a full member of the modern system of international relations, from the first years of its independence began to pay attention to the development of friendly relations in the sphere of economy and culture.

Uzbekistan rapidly moving toward prosperity. Uzbekistan is peace-loving state. In this day, Uzbekistan established diplomatic relation more than 130 countries of the world. Among them countries of Europe plays important role for Uzbekistan. At this time, the integration of Uzbekistan into the international community is one of the priorities of the country's foreign policy [Umarov, 2019: 21]. Uzbekistan and Germany – reliable partners. Germany was firstly countries, which owned independent Republic of Uzbekistan. On December 31, 1991, Germany officially recognized the independence of Uzbekistan, and on March 6, 1992, diplomatic relations established between the two countries [Umarov, 2018: 141]. Both sides were interested in contacts. For both united Germany and Uzbekistan, which has gained independence, it has to be a reliable and beneficial partner. Thus, the cooperation was intensified.

The development of full-fledged political, trade and economic relations with Germany is a priority in the overall process of integration of Uzbekistan into the world community. Uzbekistan considers Germany as an important strategic partner and is interested in the further development and deepening of comprehensive ties and cooperation.

As you know, Germany is one of the key partners of Uzbekistan on the world stage. It seems that history itself has led to mutual interest, consistent

rapprochement and development of fruitful relations, which at the present stage have taken the form of equal and mutually beneficial partnership and cooperation in all directions.

The foreign policy changes introduced by the government of Uzbekistan during the reign of Shavkat Mirziyoyev caused great stir among the international community. In more than three years of his presidency, Mirziyoyev was able to establish relations with all neighbors, significantly increase interaction with Afghanistan, and strengthen cooperation with regional and world powers, including Germany [Egamov and Sattarov, 2018.].

The new president, Shavkat Mirziyoyev, while continuing to follow the concept of non-aligned status of the state and non-participation in military conflicts outside of Uzbekistan, has taken a course towards achieving regional leadership, eliminating the country's isolation and intensifying foreign policy, especially in relations with neighboring states. This is determined, firstly, by the political ambitions of the ruling elite of Uzbekistan. And, more importantly, the need for investment in the economy of the country, which is currently in stagnation. In this regard, the need for building stable and favorable external relations is growing.

Economic cooperation

Foreign relations plays an important role in state economic life. From the very beginning, Germany advocated close interstate relations in the global economy and the principles of the international division of labor. In accordance with this, the foreign trade policy of Germany is also being built. Openness to the outside world led to the fact that in the late 1990s. Germany had the second largest foreign trade turnover in the world (after the USA) (Germaniya).

Main fields of cooperation Uzbekistan and Germany are trade and investment. In trade sphere between Uzbekistan and Germany established system huge quality. Uzbekistan exported ряд продовольственных goods, textile, chemical goods, some trans-

port goods, telecommunication and others services. Germany imported mechanical, electrical constructions, means of conveyance, pharmaceuticals, chemicals and other products, instead of Uzbek goods.

Visit of first President Republic of Uzbekistan I. Karimov to Germany on April 1993 was important step for develop trade-economic relations between Uzbekistan and Germany. During visit established agreements, which defined law basis relations of two countries. In particular, contract “On Facilitating the Implementation and Reciprocal Protection of Investments”, agreements “Agreement between the Government of the Republic of Uzbekistan and the Government of the Federal Republic of Germany on Financial Cooperation” [O’RMDA, F. M-37. In. 1. C. 1761. L 257.], and “On Cultural Cooperation” [O’RMDA, F. M-7. In. 1. C. 327. L. 244.].

In order to coordinate and operationalize cooperation programs between the Republic of Uzbekistan and the Federal Republic of Germany, in accordance with the Decree of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan No. 42 of August 20, 1993, an interdepartmental commission was created, which included the heads of several ministries, departments and enterprises of the republic [DP No. 22: 3.]. The main supplier of products to Uzbekistan was Germany, which in 1995 Uzbekistan imported goods and services for \$ 374.7 million [Nuriddinov, 2002: 120.].

The investment policy of Uzbekistan has been developed and implemented taking into account the current economic conditions and capabilities of the country, and strategic directions of development of the national economy. Over the past years, the Government of the Republic of Uzbekistan has taken a number of measures to attract foreign investment. And in this area the German share is huge among the EU countries [DPU, No. 12 (261): 11.].

Foreign trade turnover between Uzbekistan and Germany was growth tendency. In 1996 Uzbekistan and Germany’s foreign trade turnover total 672, 64 million USD dollar [O’RMDA, F. M-115. In. 1. C.8. L. 52.].

The structure of imports from Germany for 1996 is mainly represented in the form of sugar and confectionery, grain, mechanical and electrical equipment, land vehicles, various chemical products, meat and edible offal, ferrous metal, essential oils, devices and optical devices.

In 1997, 98 enterprises created with the participation of investors from Germany were already operating in the territory of our republic. Of these, 34 – with one hundred percent German capital. Representative offices of 28 well-known German compa-

nies were accredited in the republic; representative offices of Deutsche Bank and Berliner Bank operate [DP, № 39:6.]. Germany companies total 132 in 2018 in Republic of Uzbekistan. About 132 enterprises with participation of investors from Germany are operating in Uzbekistan, including 33 enterprises with 100% German capital, representative offices of the 31st company and companies in 2019¹.

On July 1, 1999, within the framework of the representative office of the German economy in Uzbekistan, the Central Asian Bureau of the Society of Specialized Manufacturers of Construction Machines, Equipment for the Production of Building Materials and Field Development of the Union of German Engineering Enterprises (VDMA) was opened [DPU, 37:12.].

World experience convinces us that economic development should be in complete harmony with spiritual development, and high morality. This is precisely what the policy is consistently pursued by the leadership of the Republic of Uzbekistan.

Cooperation on the field culture

Along with economic relations, ties are expanding in the scientific, technical and cultural fields. The Agreement on Cultural Cooperation between the Republic of Uzbekistan and Germany, signed in 1993 in Bonn, further strengthened cooperation between the two countries. This agreement provided great opportunities for interaction in the cultural sphere. Our peoples have a rich cultural heritage that has left a noticeable mark in the history of human civilization. Cultural ties between Uzbekistan and Germany are successfully developing today.

Regular exchanges of delegations. 20 employees, who conduct effective work in Uzbekistan, represent german cultural intermediary organizations (German Academic Exchange Service, Goethe Institute in Tashkent, Central Administration of Schools Abroad, Friedrich Ebert Foundation, Konrad Adenauer Foundation, and the Institute for International Cooperation of the Association of German Public Universities).

Evidence of the strengthening of Uzbek-German cooperation in the cultural sphere is provided by the Days of German Culture in Uzbekistan, held in 1996 and 2008, and the Days of Uzbekistan Culture in Germany in 1997 [O’RMDA, F. M-7. In. 1. C. 486. L. 1.] and in September 2000 in Bonn, “Days of Bukhara Culture” [DP, No. 42: 3.].

¹ Материалы государственного статистического комитета РУз.

The participants of the “Days of German Culture in Uzbekistan” became well-known creative groups. The German cultural delegation included musicians, artists, composers, poets, representatives of fine art, and journalists. During the meetings, the German guests were given a warm welcome. The guests had the opportunity to get acquainted with the socio-economic achievements of the republic. They also became convinced that Uzbekistan is quite successfully creating a democratic society [Nuriddinov, 2002: 168].

In “Days of Culture of Germany in Uzbekistan”, an exhibition of unique photographs entitled “Germany and Central Asia: Sketches of the Meeting” was very popular. In general, the Days of Culture of Germany in Uzbekistan were saturated with a wide range of cultural events. These days, representatives of German culture presented interesting theatrical performances, concert performances by masters of classical and modern music to the audience. Documentary films from the life of the German people were demonstrated, as well as meetings with prominent figures of literature and art, authoritative scientists of Germany [Nuriddinov, 2002:169]. Similar events, with the participation of representatives of Uzbekistan, are also held in other European countries. They serve as a bridge of friendship and cooperation between East and West. Cultural institutions of Uzbekistan play an important role in their organization and conduct.

“Days of Uzbekistan Culture in Germany” officially opened in April 1997. In anticipation of this event, the Ferghana Puppet Theater [O’RMDA, F. M-7. In. 1. C. 486. L. 45.], “Tomosha” Children’s Folk Theater from Tashkent [O’RMDA, F. M-7. In. 1. C. 486. L. 58.], the works of the best artists of Uzbekistan from the funds of the Directorate of Exhibitions and Panoramas [O’RMDA, F. M-7. In. 1. C. 486. L. 6-8.].

The great opening concert in Bonn, dedicated to the opening of the Culture Day, was a huge success. The best performers and musical groups from all over Uzbekistan attended the concert program.

The performance «1001 Nights», staged by the Ferghana Puppet Theater, began the Days of Culture of Uzbekistan in Germany. At the same time, the exhibition «Painting and sculpture of Uzbekistan on the threshold of the 21st century» opened in Bonn. About fifty works by famous authors, reflecting

the modern potential of fine art in our republic, were present on it [DP, No. 15. (158): 15.]. With a very original program, in April 1997, the Tashkent Folk Theater “Tomosha” performed in the Federal Exhibition Hall of Bonn.

During these cultural days, the German people learned about our country and our rich historical heritage. Finally, we can say that the “Days of Uzbekistan’s Culture in Germany” opened a new page in Uzbek-German relations. The positive role was shown of cultural days in the development of bilateral cooperation between countries.

In December 1999, with the participation of composers of the Republic of Uzbekistan, the Uzbekistan-Germany Friendship Society organized a concert of classical music from works by German and Uzbek authors. This was the first event held by the Uzbek-German friendship society, allowing us to think about creating cultural ties in the spirit of public diplomacy. At time of the concert, world-famous works of great maestros such as Ludwig van Beethoven, Johann Sebastian Bach, Wolfgang Amadeus Mozart, Josef Haydn, Robert Schuman, as well as famous Uzbek composers Mukhtar Ashrafi, Suleiman Yudakov and others sounded. Events once again confirmed the truth – music unites peoples [DPU, No. 51:16.].

In 1997, in the building of the K. Adenauer Foundation, a scientific conference was held on the theme “Amir Temur and his role in world history”, organized by the Adenauer Foundation and the Ministry of Culture of Uzbekistan with the assistance of the Academy of Sciences of the Republic. Scientists attended the conference from Uzbekistan – T. Juraev, A. Ziyaev, T. Shirinov, K. Saidov and A. Urinbaev [DP, No. 19 (162): 2.].

In the autumn of the same year, a large-scale autumn cultural program was launched, which organized by the German Embassy in Uzbekistan. It began with concerts by the popular German rock band M. Walking on the water in the Edelweiss art club and in the Turkistan Palace. Concluded the autumn program, a concert of another musical duet. These were two young girls – Asli Kilik and Almut Frenzel [DP, No. 36: 2.].

Thus, the establishment of mutual cooperation between Uzbekistan and Germany in a wide range of economic and cultural fields serves as further evidence that our republic is a full participant in a new type of international relations.

References

- Egamov A., Sattarov R. "A New Era for Uzbekistan," *Atlantic Council*, April 10, 2018, <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/a-new-era-for-uzbekistan> (accessed November 26, 2018).
- Germaniya // Stranovedcheskiy katalog «Econrus». – Fakultet mejdunarodnogo biznesa Omskogo gosudarstvennogo universiteta. – <http://catalog.fmb.ru/germany5.shtml> [Germany // The regional catalog "Econrus". – Faculty of International Business of Omsk State University.]
- Materials of state statistical committee Republic of Uzbekistan.
- Newspaper "Delovoy partnyor Uzbekistana" (1999). [Business partner of Uzbekistan] № 37. S.12.
- Newspaper "Delovoy partnyor Uzbekistana" (1999). [Business partner of Uzbekistana] № 12 (261). S.11.
- Newspaper "Delovoy partnyor Uzbekistana" (we use in the article short form – DPU) (1999). [Business partner of Uzbekistan] № 51. S.16.
- Newspaper "Delovoy partnyor" (1997). [Business partner] № 36. S.2.
- Newspaper "Delovoy partnyor" (1997). [Business partner] № 19 (162). S.2.
- Newspaper "Delovoy partnyor" (1997). [Business partner] № 22. S.3.
- Newspaper "Delovoy partnyor" (1997). [Business partner] № 39. S.6.
- Newspaper "Delovoy partnyor" (1997). [Business partner] № 42. S.3.
- Newspaper "Delovoy partnyor" (we use in the article short form – DP) (1997). [Business partner] № 15. (158). S.15.
- Nuriddinov E.Z. (2002). *Mejdunarodnoe sotrudnichestvo Respubliki Uzbekistan so stranami Yevropi*. [International cooperation of the Republic of Uzbekistan with the countries of Europe]. Tashkent: Chulpon.
- O'zbekiston Respublikasi Markaziy davlat arxivi (O'RMDA) [The central state archive Republic of Uzbekistan]. (1992-2005). M-7, M-37 and M-115 founds.
- Umarov S (2018) The formation and development of Uzbek-German cooperation in the context of globalization. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 02 (58): 141.
- Umarov S. (2019). *Bilateral relations Republic of Uzbekistan and Germany // Al-Farabi Kazakh National University Journal of history*, № 3. P. 21.

Литература

- Egamov A., Sattarov R. "A New Era for Uzbekistan," *Atlantic Council*, April 10, 2018, <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/a-new-era-for-uzbekistan> (accessed November 26, 2018).
- Umarov S (2018) The formation and development of Uzbek-German cooperation in the context of globalization. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 02 (58): 141.
- Umarov S. (2019). *Bilateral relations Republic of Uzbekistan and Germany // Al-Farabi Kazakh National University Journal of history*, 3. P. 21.
- Газета «Деловой партнер Узбекистана» (1999). № 12 (261). С.11.
- Газета «Деловой партнер Узбекистана» (1999). № 37. С.12.
- Газета «Деловой партнер Узбекистана» (DPU) (1999). № 51. С.16.
- Газета «Деловой партнер» (1997). № 19 (162). С.2.
- Газета «Деловой партнер» (1997). № 22. С.3.
- Газета «Деловой партнер» (1997). № 36. С.2.
- Газета «Деловой партнер» (1997). № 39. С.6.
- Газета «Деловой партнер» (1997). № 42. С.3.
- Газета «Деловой партнер» (DP) (1997). № 15. (158). С.15.
- Германия // Страноведческий каталог «Econrus». – Факультет международного бизнеса Омского государственного университета. – <http://catalog.fmb.ru/germany5.shtml>
- Материалы государственного статистического комитета РУз.
- Нуриддинов Э.З. *Международное сотрудничество Республики Узбекистан со странами Европы*. – Ташкент: Чулпон, 2002.
- Центральной Государственной Архив Республика Узбекистан. (1992-2005). М-7, М-37 и М-115 фонды.

Т. Халилов

доцент, к.т.н., Нахчыванское отделение Национальной Академии Наук Азербайджана,
Нахчыван, Азербайджан, e-mail: x.toqrul@gmail.com

АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРНАМЕНТОВ НА КЕРАМИКЕ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ В НАХЧЫВАНЕ

Нахчыванская Автономная Республика имеет древнюю и богатую историю. Каждый археологический материал, обнаруженный в наших памятниках, имеет важное значение в изучении нашей древней истории, материальной и духовной культуры. Изучая их, можно получить важные научные результаты, глубже изучить нашу историю. В статье изучаются некоторые орнаменты, обнаруженные на керамике эпохи Ранней Бронзы Нахчыван. Определяется, что в эпоху Ранней Бронзы на вышивке и посуде использовались свастика, спираль, роговые, геометрические и другие орнаменты. Эти орнаменты были связаны с ремесленным умением и религиозно-идеологическими взглядами гончаров. Некоторые орнаменты имеют широкий распространенный ареал и глубокую семантику.

Ключевые слова: Куро-Аразская культура, Эпоха Ранней Бронзы, глиняная посуда, орнаменты, семантика.

T. Khalilov

Associate Professor, Ph.D., Azerbaijan National Academy Of Sciences Nakhchivan Branch Office,
Nakhchivan, Azerbaijan, e-mail: x.toqrul@gmail.com

About the Spreading Area of a Group Ornaments On Ceramics of the Early Bronze Age of Nahchivan Region

Nakhchivan Autonomous Republic has an ancient and rich history. In the study of our ancient history, material and spiritual culture, every archaeological material found in our monuments is of great importance. By studying them, it is possible to obtain important scientific results and study our history more deeply. The pattern of the ornaments (patterns) on ceramic products found in Nakhchivan's Early Bronze Age constructions has been researched. During the exposition of the vessels belonging to the Early Bronze Age or round wattles, zigzags, swastik, S, M and s. shaped signs, horns, spiral ornaments, various geometric patterns are used. Each of the patterns is a commitment to ceramists' workmanship habits and religious-ideological views. The patterns are simple and compound. They have both local characteristics and similarities with other cultures.

Key words: Kur-Araz culture, Early Bronze Age, pottery, ornaments, semantics.

Т. Халилов

доцент, т. ф. к., Ұлттық академияның Нахчыван бөлімі, Әзірбайжан ғылымы,
Нахчыван, Әзірбайжан, , e-mail: x.toqrul@gmail.com

Ерте қола дәуіріндегі керамикадағы ою-өрнектердің Нахчыванда таралу аймағы

Нахчыван автономиялық республикасының ежелгі және бай тарихы бар. Біздің ескерткіштерімізден табылған әрбір археологиялық материалдар ежелгі тарихымызды, материалдық және рухани мәдениетті зерттеуде маңызды. Оларды зерттей отырып, маңызды ғылыми нәтижелер алуға, тарихымызды тереңірек зерттеуге болады. Мақалада ерте қола дәуіріндегі керамикадан табылған ою-өрнектер зерттеледі. Ерте қола дәуірінде ыдыс-аяқтардың кестелеу барысында свастика, спираль, мүйіз, геометриялық және басқа да ою-өрнектер пайда болды. Бұл ою-өрнектер құмыра жасаушылардың қолөнерімен және діни-идеологиялық көзқарастарымен байланысты болды. Кейбір ою-өрнектер кең таралған және терең семантикаға ие.

Түйін сөздер: Куро-Араз мәдениеті, ерте қола дәуірлері, қыш, ою-өрнек, семантика.

Эпоха Ранней Бронзы в археологической литературе именуется как «Куро-Аразская культура». Эти археологические памятники, относящиеся к нашей культуре, есть во всех районах Азербайджана, также они существуют и в Нахчыване. К этим памятникам относится Кюлтете I, Кюлтете II, Овчулартепе, Магта, Халач, Арабийенжича и т.д. Среди этих керамических изделий, найденных среди этих памятников, есть очень много глиняных посуды. Некоторые из них находятся в целом состоянии, а некоторые состоят из нескольких мелких обломков. Исследование орнаментов на керамике – одна из актуальных проблем Азербайджанской археологии. Глиняные посуды серого, чёрного, оранжевого цветов найдены среди памятников эпохи Ранней Бронзы Нахчывани. Среди этих посуды есть шлифованные и не шлифованные. Эти столовые и хозяйственные посуды делаются на две группы. Столовые посуды отличаются от хозяйственных тем, что они сделаны из глины с мелким слоем а хозяйственные – из толстого слоя. Одна из характерных черт, присущих глиняным посудам, это то, что они с внешней стороны имеют выпуклую прямоугольную форму. А у другой группы посуды верхняя часть вогнута вовнутрь с обеих сторон. Среди одной из групп посуды, найденной в археологическом памятнике Кюлтете I, есть такие, которые схожи с глиняными посудами, найденными среди памятников верхнего слоя эпохи Ранней Бронзы Гейтете (2, с. 108). В Восточной Анатолии была распространена посуда с толстой стенкой горлышка и с продольными линиями. Среди чёрной керамики, относящейся к эпохи Ранней Бронзы, очень много посуды с шаровидным стволом, прямолинейных и цилиндрических форм. Рукоятка, похожая по своей форме на нос быка, соединяет дно и горлышко посуды. Среди некоторых групп памятников археологии Нахчывана эпохи Ранней Бронзы, а также среди предметов из керамики, найденных у Пловдага и в научной литературе известных как керамика цвета «шкуры буйвола», особо можно выделить глиняные посуды, которые были широко распространены в Гияне, Муссиане и в Сузах (İbrahimli et al, 2011, 167).

В эпоху Ранней Бронзы при нанесении узора на посуду пользовались разными методами. Например, использовались мелкие шаровидные и овальные углубления, знаки в форме свастики, зигзага, рогов, спиралевидных и геометрических форм. Наряду с ремесленными способностями, эти узоры, нанесённые на керамические посуды,

выражали религиозно-идеологические взгляды гончаров. Есть также сюжетные и несюжетные узоры. Такие посуды овального и округлённого типа, относящиеся к эпохе Ранней Бронзы, схожи с другими посудами, найденными в различных местах мира. В Нахчыване Кюлтете I, Кюлтете II, Махта была найдена посуда серного типа, а в Южном Азербайджане в Гейтете была найдена посуда другого типа (Вахşəliyev, 204, С. 50; Aşurov, 2002, 33, 36). Среди узорной глиняной посуды выпуклой формы, найденной в Кюлтете I (Абибуллаев, 1982, 133), есть схожие, найденные в Яныгтепе (Кушнарера и др., 1970, 89), Бабадервиш, Амирансгора, Анаклие (Кушнарера и др., 1994, 26, 68) и т.д. Среди посуды с зигзавидными узорами, найденной в Кюлтете II (Алиев, 1991, 123), есть схожие с посудой, найденной в Южном Кавказе (Кушнарера, 1970, 166) и в Передней Азии (Sevin et al, 2000, 852).

Посуда с узорами в форме «S» была (Рис.1) найдена среди памятников культуры в Триполи. Схожие с этими орнаментами были найдены среди археологических материалов в Узбекистане. Туркменистане (Алламуратов, 1977, 45), Яныгтепе (Кушнарера и др., 1970, 140), Караз (Кушнарера и др., 1994, 20, таб. 9, 1, 11) и других близлежащих регионах. Эти узоры в Азербайджане известны под названием «гармаг», а в Анатолии известны как «ченгел» (Qurbanov, 2003, 260). В Центральной Азии эти узоры известны как дамга. Эти узоры казахи называют «бота мойун», «каз мойун», а киркизы «ит куйрукша», у узбеков и каракалпаков они известны под названием «гумиршка бели», и т.д. (<http://www.sanat.orexca.com/rus/archive>). Об этих орнаментах упоминается в произведениях «Диваны-Лугатул Тюрк» где было дано клеймо народа Огуз Beydilli (Kaşgarlı, 2011, 227). В «Шаджереи Таракеме» эти узоры относятся к огузским племенам провинции и кизик (Əbülgazi, 2002, 100).

Одна из найденных орнаментов Нахчывани эпохи Ранней Бронзы это узоры с изображением рогов барана (Рис. 2). Орнамент был найден в культуре древнего Триполи. Среди древних изделий из ковра, которые найдены в Азербайджане, Узбекистане, Дагестане и в Табасаране, есть образцы этих орнаментов. В Азербайджане, Анатолии, Кавказе, Средней Азии и в Крыму эти орнаменты проходят под названием «дамга».

Один из древних образцов орнаментов типа свастика был найден среди древних археологических памятников Украины (<http://onedio.com/>

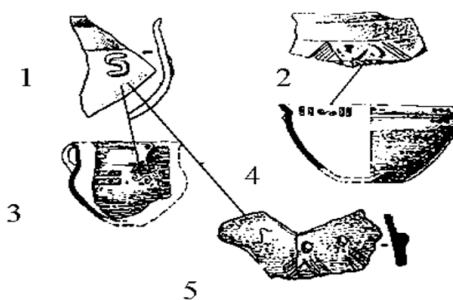

Рисунок 1

1 – II Кюлтәра (Seyidov, 2003); 2 – II Кюлтәра (Сеидов, 1993); 3, 4 – Яныгтапе 5 – Караз (Кушнарева, Марковин, 1994)

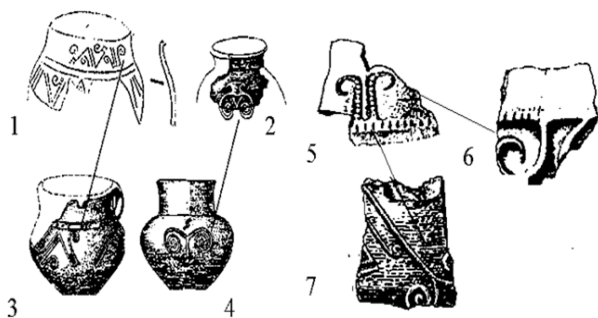

Рисунок 2

1 – I Макта (Seyidov, 2003); 2 – Кюлтәра I (Абибуллаев, 1982); 3, 7 – Бабадәрвиш, 4 – Плур (Кушнарева, Марковин, 1994); 5, 6 – Кюлтәра II (Сеидов, 1993)

haber). Этот один из самых древних частей орнамента культуры “Каратау” распространился на другие части мира, был зарегистрирован (<https://uqusturk.wordpress.com>). Этот орнамент похож среди марок Орхон-Енисейской надписи (Gülensoy, 1989, 7). Этот орнамент также най-

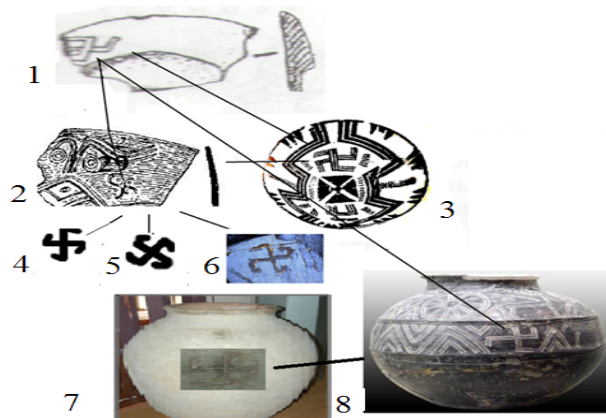

Рисунок 3

1 – Кюлтәра I (Абибуллаев, 1982); 2 – Караз (Кушнарева, Марковин, 1994); 3 – Южный Азербайджан (Иран) (<http://azerbaijani-studies.blogspot.com>); 4 – Гямигя (Müseyibli, 2004); 5 – Кобустан (Fəғəsova, 2009); 6 – Кыргызстане (Саймалыташ) (<https://onturk.org/tag/saymalitas/>); 7 – Казахстане, OrtaAsiya (<https://uqusturk.wordpress.com>); 8 – Шамкир (Yengi, Vəxtiyar Tuncay, 2013)

ден среди археологических памятников Кюлтәра I (Сеидов, 1993, 85), Плур, Караз (Кушнарева и др., 1994, 20, таб. 1, 20) и т.д. В Ханларе (Fəғəsova, 2009, 76), Шамкире (Yengi, 2013, 31), Гямигя (Müseyibli, 2004, 200), Кобустане (Fəғəsova, 2009, 40), Казахстане (<https://uqusturk.wordpress.com>), Кыргызстане (<https://onturk.org/tag/saymalitas/>) были найдены наскальные изображения со свастикой (Рис. 3).

В результате проведенных исследований, можно прийти к выводу, что орнаменты Ранней Бронзы Нахчывани обладают глубоким семантическим смыслом а также распространены в очень широком ареале.

Литература

- Абибуллаев О.А. (1982) Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР, Баку, Элм, 314 с.
 Aşurov S.H. (2002) Naхçıvanın İlk Tunc dövrü keramikası. Bakı, Elm, 158 с.
 Алламурастов А.С. (1977) Каракалпакская народная вышивка. Нукус, 77 с.
 Алиев В.Г. (1991) Культура эпохи средней бронзы Азербайджана. Баку, Элм, 256 с.
 Вахшәлиев V.B. (2004) Naхçıvanın qədim tayfalarının mənəvi mədəniyyəti. Bakı: Elm, 2004, 320 с.
 Qurbanov A. (2003) Damğalar, rənzələr, mənimsəmələr. Bakı, Azərbaycan Respublikasının Prezidenti Yanında Strateji Araşdırmalar Mərkəzi, 327 с.
 İbrahimli B.İ., Qədirzadə H.İ., Xəlilov T.F., Qədirzadə T.Q. (2011) Plovdağ yaşayış yerində aparılmış arxeoloji qazıntı işləri. Azərbaycan arxeoloji tədqiqatlar- 2010, Bakı, Nafta-Pres, с. 161-169.
 Кушнарева К.Х., Марковин В.И. (1994) Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и Средняя бронза Кавказа (Очередной том многотомного фундаментального издания по археологии) Москва, Наука, 384 с.
 Кушнарева К.Х., Чубиншвили Т.Н. (1970) Древние культуры Южного Кавказа. Ленинград, Наука, 191 с.
 Kaşgarlı Mahmud (2011) Divanü Lügat-It Türk (çeviren: Besim Atalay). Türk Dil Kurumu Yayınları: 1036, Ankara, 1972 s.
 Müseyibli N.Ə. (2004) Gəmiqaya. Bakı, Çarşoğlu, 320 с.
 Gülensoy T. (1989) Orhundan Anadoluta türk damğaları (damğalar, imler, enler) İstanbul, 179 с.

- Əbülqazi B. (2002) Şəcəreyi-Tərakimə: türkmənlərin soy kitabı (red. İ. Öməröglü), Bakı, Azərbaycan Milli Ensiklopediyası NPB, 146 s.
- Sevin, V., Özfirat, A., Kavaklı, E. (2000) Van-Karagündüz Höyüğü Kazıları (1997 Yılı Çalışmaları). *Bulleten LKIII/238*, İstanbul, c. 847-882.
- Сейдов А.Қ. (1993) Памятники кура-аракской культуры Нахичевани. Баку: Билик, 164 с.
- Seyidov A.Q. (2003) Naхçıvan е.ə. VII-II minilliklərdə. Bakı: Elm, 339 s.
- Yengi M. R., Tuncay B. (2013) Kür-Araz mədəniyyəti və türk damğaları: Damğadan yazıya keçid, Bakı, 83 c.
- Fərcəsova M. (2009) Azərbaycan qayaüstü incəsənəti. Bakı, Elm, 384 s.
- Богословская, Ирина <http://uzor.uz/narodnie-ramesla/zoomorfnie-motivi-karakalpaksckogo-ornamentalnogo-iskusstva/> 19.02.2020
- Arslan Ural Karabağlı. Nazilerin Adını Kirlettiği Bir Mutluluk Sembolü «Svastika» <http://onedio.com/haber/nazilerin-kirlettigi-bir-mutluluk-sembolu-svastika>. 10.12. 2014
- Uqus Türk. Orta Asya'dan Anadolu'ya Anadolu'dan Avrupa'ya OZ Damgası <http://uqusturk.wordpress.com/2011/08/22/orta-asyadan-anadoluya-anadoludan-avrupaya-oz-damgasi>. 22. 08. 2011
- Yengi Öge. Yazımın başlanğıcı: Gəmiqayadakı türk damğaları və onların anlamı (II bölüm) http://azerbaijani-studies.blogspot.com/2013/01/yazmzn-baslangc-gmiqayadak-turk_17.html 17.01. 2013
- Kürşad Baytok. Türk-Tarih Türkler'de Başlar <https://onturk.org/tag/saymalitas/> 26.05. 2016.

References

- Abibullayev O.A. (1982) Eneolit i bronza na territorii Naxičevanskoye ASSR, Baku, Elm, 314 s.
- Aşurov S.H. (2002) Naхçıvanın İlk Tunc dövrü keramikası. Bakı, Elm, 158 s.
- Allamuratov A.S. (1977) Karakalpakskaaya narodnaya vışivka. Nukus, 77 s.
- Aliyev V.H. (1991) Kultura epoxi spedney bronzi Azerbaydjana. Baku, Elm, 256 s. Baxşəliyev V.B. (2004) Naхçıvanın qədim tayfalarının mənəvi mədəniyyəti. Bakı, Elm, 320 s.
- Qurbanov A. (2003) Damğalar, rəməzlər, mənimşəmələr. Bakı, Azərbaycan Respublikasının Prezidenti Yanında Strateji Araşdırmalar Mərkəzi, 327 s.
- İbrahimli B.İ., Qədirzadə H.İ., Xəlilov T.F., Qədirzadə T.Q. (2011) Plovdağ yaşayış yerində aparılmış arxeoloji qazıntı işləri. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar- 2010*, Bakı, Nafta pres, s. 161-169.
- Kuşnaryeva K.X., Markovın V.İ. (1994) Epoxi bronzi Kavkaza i Sredney Azii. Rannaya i Sredniyaya bronza Kavkaza (Oçerodnoy tom mhoqotomnoqo fundumetalhoqo izdaniya po arxeoloqii). Moskva, Nauka, 384 s.
- Ленинград: 1970, 191 с. Куşnaryeva K.X., Çubinaşvili T.N. (1970) Drevniye kulturnı Yujnoqa Kavkaza, Leninkrad, Nauka, 191 s.
- Kaşgarlı Mahmud (2011) Divanü Lûgat-It Türk (çeviren: Besim Atalay). Türk Dil Kurumu Yayınları: 1036, Ankara, 1972 s
- Müseyyibli N.Ə. (2004) Gəmiqaya, Bakı, Çəşəğlü, 320 s.
- Gülensoy T. (1989) Orhundan Anadoluta türk damğaları (damğalar, imler, enler) İstanbul, 179 c.
- Əbülqazi B. (2002) Şəcəreyi-Tərakimə: türkmənlərin soy kitabı (red. İ. Öməröglü), Bakı, Azərbaycan Milli Ensiklopediyası NPB, 146 s.
- Sevin, V., Özfirat, A., Kavaklı, E. (2000) Van-Karagündüz Höyüğü Kazıları (1997 Yılı Çalışmaları) // *Bulleten LKIII/238*, İstanbul, s. 847-882.
- Seyidov A.Q. (1993) Pamyatniki kura-araksckoy kulturnı Naxičevani, Baku, Bilik, 339 s.
- Seyidov A.Q. (2003) Naхçıvan е.ə. VII-II minilliklərdə. Bakı, Elm, 339 s.
- Yengi M. R., Tuncay B. (2013) Kür-Araz mədəniyyəti və türk damğaları: Damğadan yazıya keçid, Bakı, Elm, 83 c.
- Fərcəsova M. (2009) Azərbaycan qayaüstü incəsənəti. Bakı, Elm, 384 s.
- Богословская, Ирина <http://uzor.uz/narodnie-ramesla/zoomorfnie-motivi-karakalpaksckogo-ornamentalnogo-iskusstva/> 19.02.2020
- Arslan Ural Karabağlı. Nazilerin Adını Kirlettiği Bir Mutluluk Sembolü «Svastika» <http://onedio.com/haber/nazilerin-kirlettigi-bir-mutluluk-sembolu-svastika>. 10.12. 2014
- Uqus Türk. Orta Asya'dan Anadolu'ya Anadolu'dan Avrupa'ya OZ Damgası <http://uqusturk.wordpress.com/2011/08/22/orta-asyadan-anadoluya-anadoludan-avrupaya-oz-damgasi>. 22. 08. 2011
- Yengi Öge. Yazımın başlanğıcı: Gəmiqayadakı türk damğaları və onların anlamı (II bölüm) http://azerbaijani-studies.blogspot.com/2013/01/yazmzn-baslangc-gmiqayadak-turk_17.html 17.01. 2013
- Kürşad Baytok. Türk-Tarih Türkler'de Başlar <https://onturk.org/tag/saymalitas/> 26.05. 2016.

М. Босхомджиев

Аспирант Университета Внутренней Монголии,
Китай, г. Хух-Хото, e-mail: oirat_mergen@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ТУВИНСКОГО «ДЖАНГАРА»

В данной обзорной статье автором освещается история публикаций тувинской сказки «Богда Чаңгар хан» в Монголии и Китае. Эту сказку мы относим к самостоятельной тувинской эпической традиции эпоса «Джангар». Несомненно, что благодаря записи и публикации тувинского ученого Куулар Доржу Сенгиловича, сказка «Богда Чаңгар хан» привлекла внимание джангароведов не только нашей страны, но и сопредельных стран. Так, Д.С. Куулар в 1973 году в XI выпуске серии филология Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории опубликовал подстрочный русский перевод «Богда Чаңгар хана». Буквально через пять лет, в 1978 году тувинская сказка переводится и издается Академией наук Монголии. В 2010 году Университет Внутренней Монголии КНР публикует «Богда Чаңгар хан» на старописьменной монгольской графике – худам бичиг. С момента введения текста в научный оборот в указанных странах также появляются и научные работы о «Богда Чаңгар хан», посвященные двум тувинским сказаниям «Конгар-Баадай» и «Конгар-Маадыр».

Ключевые слова: «Джангар», «Богда Чаңгар хан», публикация, обзор.

M. Boskhomdzhiev

Phd student at the Inner Mongolia,
China, Huhhot, e-mail: oirat_mergen@mail.ru

From the History of Foreign Publications of the Tuvan Epic “Jangar”

In this review article, the author highlights the history of publications of the Tuvan fairy tale “Bogda Changar Khan” in Mongolia and China. This tale we refer to the independent Tuvan epic tradition of the epic “Jangar”. Undoubtedly, thanks to the recording and publication of Tuvan scientist Kuular Dorzh Sen-gilovich, the fairy tale “Bogda Changar Khan” attracted the attention of scientists studying Jangar not only in our country but also in neighboring countries. Thus, D. S. Kuular in 1973 in the XI issue of the series Philology of the Kalmyk research Institute of language, literature and history published a subscript Russian translation of “Bogda Changar Khan”. Just five years later, in 1978, the Tuvan fairy tale is translated and published by the Academy of Sciences of Mongolia. In 2010, Inner Mongolia University (China) published “Bogda Changar Khan” on the old Mongolian script – khudam bichig. Since the introduction of the text into scientific circulation in these countries, there are also scientific works on “Bogda Changar Khan” and devoted to two Tuvan legends “Kongar-Baadai” and “Kongar-Maadyr”.

Key words: “Jangar”, “Bogda Changar Khan”, publication, review.

М. Босхомджиев

Ішкі Моңғолия университетінің аспиранты,
Қытай, Хух-Хото қ., e-mail: oirat_mergen@mail.ru

Тувандық «Жангараның» шетелдік жарияланымдар тарихынан

Бұл шолу мақаласында автор Моңғолия мен Қытайдағы тувандық «Богда Шағар хан» ертегісінің жариялану тарихына назар аударады. Бұл ертегіні біз «Жангар» эпосының өзіндік Тува эпикалық дәстүріне жатқызамыз. Тувандық ғалым Кулар Доржу Сенгілұлының жазбалары мен жарияланымдарының арқасында «Богда Шағар хан» ертегісі тек біздің еліміздің ғана емес, сонымен қатар көршілес елдердің де жангарологтардың назарын аударды. Осылайша, 1973 жылы Д.С. Куулар Қалмақ Тіл, әдебиет және тарих ғылыми-зерттеу институтының филология сериясының он бірінші басылымында «Бір кездері Шағар ханның» орысша аудармасын жариялады. Арада бес жыл өткен соң, 1978 жылы Туван ертегісін Моңғолия ғылым академиясын

аударып, жариялады. 2010 жылы ҚХР-дың Ішкі Моңғолия университеті Богда Шағар ханның ескі жазылған моңғол кестесі – Худам Бичиг шығарады. Мәтін ғылыми айналымға енгізілген сәттен бастап бұл елдерде «Богда-Шағар хан» және тувандық екі аңызға арналған «Конгар-Баадай» және «Конгар-Мадыр» туралы ғылыми еңбектер де кездеседі.

Түйін сөздер: «Жангар», «Богда Шағар хан», жарияланым, шолу.

Героический эпос «Джангар» на протяжении нескольких веков привлекает научное внимание исследователей и ученых разных стран. С введением в научный оборот русского перевода тувинской сказки «Богда Чаңгар хан», ученые Монголии и Китая обратили пристальное свое внимание на тувинскую эпическую традицию, связанную с эпосом «Джангар». Следует отметить, что текст данной сказки имеет единичный характер публикации в указанных государствах, а её научное осмысление затрагивается в предисловии, монографиях и статьях.

Зарубежное джангароведение по тувинскому «Джангару» начинается с издания «Богда Чаңгар хан» (Приложение 1) Академией наук Монголии. Так, в 1978 году монгольский ученый У. Загдарсүрэн подготовил отдельную книгу под названием «Аянан Алдарт Аялган Хонгор» (У. Загдарсүрэн, 1978: 200-204) (Прославленный во вселенной Хонгор – перевод Босхомджиёва М.В.) в XI томе серии фольклористика (Аман зохиол судлал), посвященную монгольскому эпосу «Джангар». Книга «Аянан Алдарт Аялган Хонгор» была опубликована в типографии Академии наук Монголии, в количестве 1200 экземпляров. Обширное предисловие (У. Загдарсүрэн, 1978: 3-5) У. Загдарсүрэн написал 5 июня 1977 года, в нем он осветил в отдельных главах зарубежное и монгольское джангароведение; связь «Джангара» с другими жанрами фольклора; ареал бытования «Джангара» и его влияние на сопредельные страны (в этой главе имеются следующие пункты: 1. Зарубежные публикации «Джангара»; 2. Реестр глав «Джангара»; 3. Новые фиксации глав «Джангара»; 4. Информация о рукописях «Джангара» (подпункты: а. Рукописи «Джангара»; б. Рукописи «Джангара»; с. Сведения о «Джангаре»); 5. Информация о речитативном стиле исполнения «Джангара»; 6. «Джангар» и сопредельные страны); и глава о новых находках «Джангара». Монгольский джангаровед У. Загдарсүрэн в своем предисловии несколько раз упоминает о «Богда Чаңгар хан»: «Калмыцкие эпосоведы уделяют пристальное внимание всестороннему изучению, публикациям и поиску рукописей Джангара. Рассказываемый в Советской Туве эпос Богда Чаңгар хан был издан

в 1973 году на русском языке» (У. Загдарсүрэн, 1978: 5). Как отмечал калмыцкий патриарх джангароведения А.Ш.Кичиков: «Заслуга появления этой публикации принадлежит молодому тувинскому ученому, кандидату филологических наук, сотруднику Тувинского НИИЯЛИ товарищу Куулар Доржу Сенгиловичу. Запись произведения, его перевод, комментарии, сведения о сказителе – целиком принадлежат тов. Куулар Д.С., которому выражаем признательность и считаем его труд определенным вкладом в изучение проблем нашего эпосоведения» (А.Ш. Кичиков, 1973: 121-122). Такую высокую оценку дал А. Ш. Кичиков тувинскому ученому, действительно, благодаря введению в научный оборот подстрочного русского перевода, научный мир узнал о бытовании в Туве героического эпоса «Джангар». Далее У. Загдарсүрэн в том же предисловии ссылаясь на две статьи Д.С. Куулар (Д.С.Куулар, 1969: 109), (Д.С.Куулар, 1973: 122-127), пишет: «В советской социалистической Туве имеются главы Джангара, такие как Богдо Чаңгар, Хонгор Маадыр. Записанная в 1957 году от Б. У. Балбыра Богдо Чаңгар хан было переведено на русский язык в 1969 году, затем опубликовано» (Загдарсүрэн У, 1978: 42). Действительно, подстрочник был выполнен Д. С. Кууларом в 1969 году, а именно 8 августа (Д.С.Куулар, 1973: 127). Мы видим, что монгольский ученый был хорошо осведомлен о фиксации, публикации и переводе «Богда Чаңгар хан», а также упомянул сказание «Конгар-Маадыр» и относит данные сюжеты к главам «Джангара».

После объемного предисловия в главе «Жангарын туульс» (Главы «Джангара» следуют 11 текстов: «Богдо ноён Жанрай хаан», «Аянан алдарт аялган Хонгор», «Гунан Бодон хүү», «Богд ноён Жанрай хаан», «Богд ноён Жангар», «Богд ноён Жангарай хүү», «Богд ноён Жанрай хаан», «Богд догшин Жангарай хаан», «Богд ноён Жанрай хаан», «Богд ноён Жангар хаан» и «Богда Чаңгар хаан». В издание У. Загдарсүрэн «Аянан Алдарт Аялган Хонгор» вошли 10 текстов эпоса «Джангар», зафиксированные в разные периоды XX века на территории Монголии. Остается невыясненным вопрос, почему У. Загдарсүрэн решил включить тувинский текст о «Богда Чаңгар

хане» как 11 главу «Джангара» в своей книге. Сам автор издания по этому поводу не оставил письменных свидетельств. Остается лишь предположить, возможно, появление тюркоязычного текста с уникальным сюжетом вызвало живой научный интерес у исследователей.

У У. Загдарсүрэна тувинская сказка «Богда Чаңгар хан» (У. Загдарсүрэна, 1978: 200-204) располагается на 200-204 страницах в прозаической форме на монгольском языке, Д.С. Куулар определяет «Богда Чаңгар хан» как «Тувинский эпос» (Тува тууль) (Д.С.Куулар, 1973: 122). По своему содержанию и форме данную сказку можно отнести к сказочному фольклору, в частности к жанру богатырских сказок. Несомненно, что «Богда Чаңгар хан» бытовал как эпос, возможно с угасанием эпической традиции его стихотворная форма трансформировалась в жанр сказок. По данному поводу есть рассуждения калмыцкого фольклориста В.Т. Сарангова в его статье «Калмыцкие сказки о богатырях как разрушенные формы героических сказаний», в ней ученый отмечает, что «Действия героев имеют гиперболизированный характер, часто с проявлением оборотничества и волшебства. Такое насыщение текста сказочными элементами не отвечало идейно-эстетическим запросам аудитории, и с течением времени все меньше привлекало к себе слушателей, особенно взрослого. На этом этапе, видимо, сами сказители, не придавая особой значимости этим произведениям, стали передавать текст сказаний прозой, что привлекло к разрушению эпической структуры сказания, сокращению текста, к потере некоторых эпических элементов» (В.Т.Сарангов, 1997: 108). Возможно, эти процессы и затронули тувинский героический эпос «Джангар». Перевод текста с русского на монгольский язык осуществил некий С. Бадраа (У. Загдарсүрэна, 1978: 204). К сожалению, в книге У. Загдарсүрэна нет другой информации о переводчике, также отсутствуют сведения о времени и характере перевода, указана лишь его фамилия и имя.

Перевод как деятельность по интерпретации смысла текста на одном языке и созданию нового эквивалентного текста на другом языке – довольно сложный процесс, требующий глубоких знаний не только о языке в целом, но и эпическом языке, который законсервировал в себе разные пласты лексики. В связи с этим, при предварительном текстологическом сличении двух переводов русского и монгольского текстов о «Богда Чаңгар хане» нами установлено, что в монгольском переводе имеются замены и

пропуски слов. Например: «Сказав это, хан велел своих слуг звонить в большой барабан и собирать народ *большого хошуна*, звонить в меньший барабан и звать народ *меньшего хошуна на совет*» (Д.С.Куулар, 1973: 122), тогда как в монгольском «Их хэнгэргээ дэлдэж *их албатаа* цуглуул, бага хэнгэргээ дэлдэж *бага албатаа* цуглуул гэж зарлиг буулгаж гэнэ» (У.Загдарсүрэна, 1978: 200). Переводчик С.Бадраа административно-территориальную единицу хошун (кожуун – наименование муниципальных районов Республики Тыва), равную уезду либо району, заменил словом «албат», то есть перевел как народ, подданные. Также С.Бадраа не перевел слово «*совет*» (зөвлөл, зөвлөлгөө). В имени главного антагониста имеется ошибка, вместо «*Каңмыл Какпа*» (Д.С.Куулар, 1973: 122) переложено как «*Канмыл Какпа*» (У.Загдарсүрэна, 1978: 200). В тексте С.Бадраа прослеживаются другие неточности, но в целом монгольский текст передает основное содержание, его художественная сторона изобилует поэтической красотой, последовательному изложению. Видится, что следует провести текстологический анализ подлинника «Богда Чаңгар хана» с русским переводом. В этом направлении и в исследовании тувинского эпоса «Джангар» неопределимый научный вклад внесла М.Б.Кунгаа. Так, тувинский джангаровед М.Б.Кунгаа (М.Б.Кунгаа, 2009: 97-100), (М.Б.Кунгаа, 2017: 319-332), (М.Б.Кунгаа, 2019: 120-123) опубликовала целый ряд статей по данной теме в материалах международных конференций, проходивших в разное время в Калмыкии, Китае и Монголии.

Монгольский ученый У. Загдарсүрэн при переводе комментария допустил нелепую ошибку, так: «Баялбыр Баян Узунович (1881-1962) бол Хэсэр / Гэсэр туулийн Тува хувилбарыг мэддэг Тувагын алдарт үлгэрч юм. Энэ туулийг Туваагийн Хемчиг голоор нутагтай Денгур-Хемчиг гэдэг туульчаас тогтоож авсан байна. *Үүнээс үзэхэд энэ үлгэр баруун талаас өөрөөр хэлбэл Алтайтай хил залгаа теленгит нутгаас Туваад орж ирсэн нь ил байна*» (У. Загдарсүрэна, 1978: 200), где выделенное жирным курсивом предложение звучит по-русски: «Исходя из этого, становится ясно, что *это сказание проникло в Туву с запада – иначе говоря, из находящихся на границе с Алтаем мест проживания теленгитов*» (перевод Босхомджиева М.В.). Тогда как в оригинале Д.С. Куулара мы читаем следующее: «Балбыр Баян Узунович (1881-1962) – известный в Туве сказитель, знаток тувинского варианта «Гэсэра». Названную сказку запомнил по рассказу другого

сказителя по имени Дөңгур-Хемчик, (букв. человек из долины р.Хемчик, не носивший косичку). Отсюда становится понятным, что сказку в Тоджу, т.е. *на восток Тувы привез человек с запада, из района, граничащего с Алтаем, теленгитами*» (Д.С.Куулар, 1973: 122). Таким образом, завуалированное изложение Д.С. Куулара было ошибочно расценено У. Загдарсүрэн. Надеемся, что в будущем представится возможность написать статью о «Тувинской эпической традиции эпоса Джангар», где будет затронута и исправлена неточность, допущенная ученым У. Загдарсүрэн. Опираясь на ценные сведения Д.С. Куулара, мы убеждаемся, что «Богда Чаңгар хан» является не теленгитским явлением, а сугубо локальной эпической традиции тувинских сказителей.

В третьей главе «Приложение» У. Загдарсүрэн дает краткое содержание всех 11 глав, относительно тувинской сказки: «Богд Чаңгар хаан хэмээх туульд Жангарын Шил-оол хүү хойт зүгийн Канмым Какпа гэгч хаантай байлдан тулалдаж устгана. Ялалтын дараа эцэг нь Шил-оол хүүдээ хаан ширээгээ залгуулаад, амар тайванаар аж төрөн сууж байгааг үүнд өгүүлжээ» (У. Загдарсүрэн, 1978: 16). (В эпосе под названием «Богда Чаңгар хан» сын Джангара Шил-оол сражается с ханом северной стороны Канмым Какпа, – «перевод Босхонджиева М.В.», – и устраняет его. После одержанной победы отец завещает своему сыну Шил-оол престол, тут повествуется о спокойной жизни).

В 2010 году Институт монголоведения Университета Внутренней Монголии при финансовой поддержке научного гранта «211 проект» Правительства КНР в серии «Собрание монгольской литературы» в трех томах были изданы тексты монгольских героических эпосов. Данная серия была издана Народной типографией Внутренней Монголии, каждый том насчитывает по 1000 экземпляров. Подбор и подготовку эпиче-

ских сказаний осуществили профессора Чулуун Мөнхзая и Даваан Таяа Института Монголоведения УВМ. В первый (15 эпосов) и второй (12 эпосов) том вошли различные эпосы монгольских народов Китая, Монголии и России. Третий том представлен героическим эпосом «Джангар» (С.Урсгал, 2010), сюда вошли калмыцкие 6 главы, синьцзянских ойратов 10 глав и Вступление (Оршил), монгольские 6 главы, бурятская и тувинская по одной главе соответственно. Текст «Богда Чаңгар хана» (Приложение 2) располагается на 507-510 страницах данного тома. Он был взят из книги У. Загдарсүрэн «Аянан Алдарт Аялган Хонгор» и переложен проф. Даваан Таяа на классическую монгольскую письменность, известную также как «худам бичиг». Ученые стремились переложить тексты подлинников на монгольскую графику и ввести в научный оборот у себя в стране, во многом они справились с поставленной задачей, однако, как видится автору статьи, тувинская сказка «Богда Чаңгар хана», изданная У.Загдарсүрэн, имеет неточности и пропуски в словах и русский перевод также имеет литературную обработку.

Таким образом, текст сказителя Балбыра Баяна Узуновича «Богда Чаңгар хан» с момента введения в научный оборот на русском языке в 1973 году в Калмыкии стал уникальным изданием, заинтересовавшим ученых Монголии и Китая. Джангаровед У.Загдарсүрэн в 1978 году издал тувинский текст на монгольском языке, снабдив его комментарием и кратким содержанием. В 2010 году ученый Д.Таяа переиздает «Богда Чаңгар хана» на классической монгольской письменности. Тувинская сказка «Богда Чаңгар хан» издана на трех письменных системах, следует констатировать, что она, к сожалению не издана на тувинском языке. Тем не менее, зарубежное и российское джангароведение имеет три публикации тувинского героического эпоса «Джангар».

STUDIA SOCIOLINGUA
INSTITUTI LINGVAE ET LITTERARUM ACADEMIAE
SCIENTIARUM REPUBLICAE POPULI MONGOLICI

Tomus XI Fasciculus 1

АМАН ЗОХИОЛ
СУДЛАЛ

Багшар Баян Узунович¹
"БОГДА ЧАНГАР² ХАН"^{II}
/Тува тууль/

Богд Чангар хаан нэг өдөр шадар бараа бологчидоо цуглуулан, хойт зүгийг эзлэн төрсөн Камчы Кампатай байлдах цаг боллоо гээд "Их хвнгаргаа дэлдэх их албатаа цуглуул, бэга хэнзэгтэ дэмжэ бэга албатаа цуглуул гэж заримг суулгачи гэнэ. Чингээд албат ардууд нь цуглаж ирэхэд,

-Одоо хойг зүгийг эзлэн төрсөн Камчы Кампа хааны цэрэгтэй байлдан эзлэх цаг боллоо гэж гэнээ.Тэхээр нь албат ардууд нь

-Манайд тийм явах их цэрэг байхгүй, тэр газар хүм чадан баатар сайн эр байхгүй байна.Тэр бол ерин хэмийн газар им гэнээ.

Богд Чангар хаан Чиргичининг³ Шин-оол гэдэг хүтэйг илэвчээ. Хүү нь яороо улаан эвээр ноёртой хэснхэр. Ил-оол хүү хэмэ гэнээ.

-Тэр холын газар надраас ондоо хүн явахгүй шиг бололтой. Би явна. Та надраг их хар баатараа ох үү? Гэнээ. Хаан

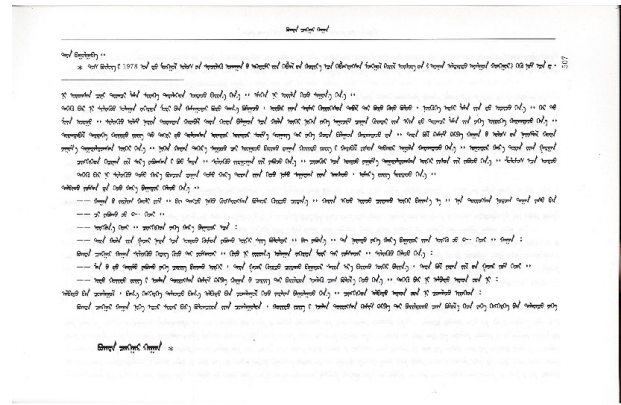
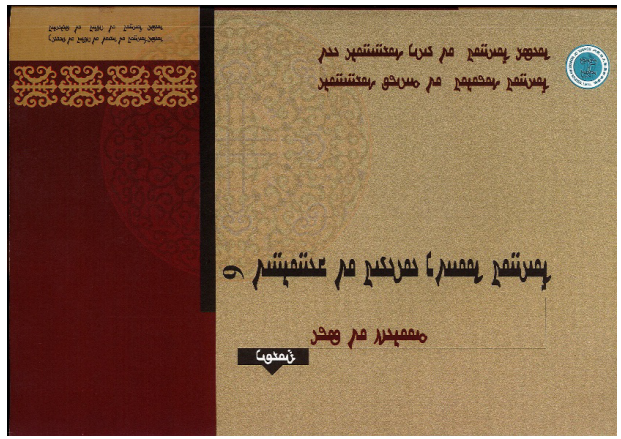
-Өгчөө гэнээ. Чингээд их Хар баатарас,

-Чи явах уу? Гэнээ.

-Хааны заримг хууль юм.Би даамч нас хөгжирсэн болохоор хүрч чадна. Харин агач ирж чадахгүй байх аа.Энэ төрсөн нутагтаа ноаа тавих хэсн дээ гэн Хар баатар хэмэ гэнээ.

Тэхээр нь Шин-оол хүү том хар болгондоо том хар дургангаа хийж нум савдгаа агсан,умар зүг мордох гэнээ.

1. Багшар Баян Узунович/1881-1962/ бол "Хэсар"/Төсөр туулийн Тува хувьданы мэдээ Тувагийн алдарт утгарт юм.Энэ туулийг Тувагийн Хөсчиг гозоор тувагай йенүү-Хөсчиг гэдэг туульчид Чанг болгоон авсан байна. Түүнээс үзэхэд энэ утгар баруун хамнаа өөрөөр хэлбэл дийлэнх хил залгаа төлөлийг нүгээс Туваад орс ирсон нь нь байна.
2. Богд Чангар гэдэг нь богд Чангар гэдэг хамнааг үг суулган туваа хэлэнд орсон бололтой. Орчин үеийн туваа хэлэнд Чангар гэдэг үг байхгүй,Тэгэхээр ондоо хэллээс орсон болох нь илэрхий байна.
3. Чиргичининг гэдэг нь үсгчлон орчуулах "Ихэнэ туваагай хүү гэсэн утгатай үг юм.

Литература

- Загдарсүрэн У. (1978). Аман зохиол судлал. XI боть. Аянан Алдарт Аялган Хонгор. Удиртгал ба тайлбар сэлт үйлдэж хэвлэлд бэлтгэсэн У.Загдарсүрэн. Шинжлэх ухааны Академийн хэвлэл. Улаанбаатар, 1978 .
- Кичиков А.Ш. (1973). Ученые записки. Выпуск XI. Серия филология. Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Элиста
- Кунгаа М.Б. (2009). Одна из песен «Джангара» в записи Н.Ф.Катанова // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Материалы международной конференции, посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Элиста, 13-18 сентября. Часть 2. С.97-100.
- Кунгаа М.Б. (2017). Тувинские сюжеты «Джангара» // IV-я конференция по эпосу «Джангар» на базе Университета Внутренней Монголии и торжественное открытие «Научного центра Джангар». Хух-Хото, Китай. 28-29 октября 2017г.
- Кунгаа М.Б. (2019). Тувинские фольклорные сюжеты, восходящие к «Джангару» // Дэлхийн тууль ба Жангар. Олон улсын симпозиум, наадам. Улаанбаатар, 21-23.09.2019. (Кунгаа М.Б. Тувинские фольклорные сюжеты, восходящие к «Джангару» // Эпосы мира и Джангар. Международный научный симпозиум и фестиваль. Улан-Батор, 21-23 сентября
- Куулар Д.С. (1969). Великий певец «Джангара» Ээлян Овла и джангароведение (Материалы научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ээлян Овла). Элиста
- Куулар Д.С. (1973). Ученые записки. Выпуск XI. Серия филология. Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Элиста
- Сарангов В.Т. (1997). Проблемы современного джангароведения (Материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной 75-летию профессора А.Ш.Кичикова). Книга первая. Элиста
- Урсгал С. (2010). Монгол утга зохиолын чуулган. Туульсын боть гурав. Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо. Хөх-Хот.

References

- Zagdarsuren U. Aman zohiol. HI bot'. Ayanan Aldart Ayalgan Hongor. Udirtgal ba tajlbar selt yildezh hevleld beltegsen. Fol'kloristika Series. Volume XI. Proslavlennyj vo vselennoj Hongor [Khongor, Glorified in the Universe]. Ulaanbaatar, Shinzhlekh uhaany Akademijn hevlel Publ. (in Mongolian)
- Kichikov A.Sh. Uchenye zapiski [Scientific notes]. Issue XI. Kalmyckij nauchno-issledovatel'skij institute yazyka, literature iistorii. [Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History]. Elista, 1973. Philology Series. (in Russian)
- Kungaaa M.B. Odnaz pesen "Dzhangara" v zapisi N.F.Katanova. Edinaya kalmykiya v yedinoi Rossii: cherez veka v budushchee: materially mezhdunarodnoi konferencii, posvyashchennoi 400-letiyu dobrovol'nogo vhozheniya kalmytskogo naroda v sostav Rossiyskogo gosudarstva. Chast' 2 [One of the songs of Jangar in N.F.Katanov's notes. United Kalmykia in the united Russia: materials of the International conference dedicated to the 400th anniversary of Kalmyk people's voluntary entry to Russia]. Elista, 13-18, September, 2009. (in Russian)
- Kungaaa M.B. Tuvinskie syuzhety "Dzhangara" [Tuvan plots of "Jangar"]. The IVth Conference on Jangar epos, the Inner Mongolia, Hohhot, Chine, 2016. (in Chine)
- Kungaaa M.B. Tuvinskie fol'klornye syuzhety, voskhodyashchie k "Dzhangara" [Tuvan folk stories going back to "Jangar"]. International Scientific Symposium and Festival. Ulaanbaatar, 2019. (in Mongolian)
- Kuular D.S. Velikiy pevets "Dzhangara" Eelyan Ovla i dzhangarovedenie nauchnoi konferencii, posvyashchennoi 110-letiyu so dnya rozhdeniya Eelyan Ovla [Great singer of Jangar, Eelyan Ovla and Jangar Studies: materials of scientific conference dedicated to the 110th birthday of Eelyan Ovla]. Elista, 1969. (in Russian)
- Kuular D.S. Uchenye zapiski [Scientific notes]. Issue XI. Kalmyckij nauchno-issledovatel'skij institute yazyka, literature iistorii. almyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History. Elista, 1973. Philology Series. (in Russian)
- Sarangov V.T. Problemy sovremennogo dzhangarovedeniya: materially respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferencii, posvyashchennoi 75-letiyu professora A.Sh.Kichikova. Kniga pervaya [Issues of modern Jangar studies: materials of the Republican scientific-research conference dedicated to the 75th birthday of Professor A.Sh.Kichikova. Book 1] Elista, 1997. (in Russian)
- Ursgal S. Mongol utga zohiolyn chuulgan. Tuul'syn bot' gurav. Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо. Mongolian Epic Literature Collection. Volume 3. Hohhot, the Inner Mongolia People's Publ., 2010. (in Chine)

M. Egamberdiyev¹ , Seyfi Yıldırım²

¹Ass.Prof.Dr. Al-Farabi Kazak National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: mirzahan.egamberdiyev@gmail.com

²Ass.Prof.Dr. Hacettepe University, Institute of Atatürk's Principles and History of Turkish Revolution,
Turkey, Ankara, e-mail: ahiseyfi@hotmail.com

THE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE AGAINST THE TURKS OF ANATOLIA IN TURKESTAN (second half of the XIX and early XX centuries)

With the strengthening of the colonial system in the Turkestan region, the tsarist administration tightened control over the Turkic-Muslim peoples of the region. At the end of the 19th century and especially at the beginning of the 20th century, new-method schools were opened in Turkestan, which later became the founders of the idea of unity of the Turkic peoples. According to intelligence information, during the study period, citizens of the Ottoman state were actively involved in the region and were subjected to political persecution. The imperial administration promptly studied the scale of the propaganda work of Turkish agents in the region, the degree to which the ideas of Turkism and Islamism penetrated into the consciousness of the indigenous Turkic-Muslim population. From the information provided by the agents, it follows that after the Young Turk revolution in Turkestan governorship, the Bukhara emirate and the Khiva khanate, the work of Turkish residents aimed at anti-Russian propaganda, pan-Turkism and pan-Islamism was significantly intensified. Having studied the main materials, the author carries out a comparative analysis of archival ametriles and comes to the conclusion that the subjects of the Ottoman state carried out Muslim educational activities, promoted Islam and the idea of unity of the Turkic-Muslim peoples. Their activities were based on cultural, linguistic and historical principles. Thus, this article sets the goal of disclosing certain aspects of the activities of citizens of the Ottoman state in the Turkestan governor-general on the basis of intelligence information of the tsarist administration.

Key words: Turkestan, Ottoman state, intelligence information, Turkic-Muslim peoples.

М. Эгамбердиев¹, Сейфи Йылдырым²

¹Т.ғ.к., доцент, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: mirzahan.egamberdiyev@gmail.com

²Т.ғ.д., доцент, Хажеттепе университеті,
Ататүрік принциптері және Түрік төңкерісінің тарихы институты,
Түркия, Анкара қ., e-mail: ahiseyfi@hotmail.com

Ресей империясының Түркістанда Анадолы түріктеріне қарсы саясаты (XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың басы)

Түркістан аймағында отарлық жүйенің күшеюімен патша әкімшілігі аймақтың түркі-мұсылман халықтарына бақылауды күшейтті. XIX ғасырдың аяғында және әсіресе XX ғасырдың басында Түркістанда жаңа әдістік мектептер ашылды, олар кейінірек түркі халықтарының бірлігі идеясының негізін қалаушыларына айналды. Барлау ақпаратына сәйкес, зерттеу кезеңінде Осман мемлекетінің азаматтары аймаққа белсенді араласып, саяси қысымға ұшырады. Империялық әкімшілік аймақтағы түрік агенттерінің үгіт-насихат жұмыстарының ауқымын, түрікшілдік пен исламшылдық идеяларының байырғы түркі-мұсылман тұрғындарының санасына қаншалықты енгенін зерттеуді қолға алды. Агентуралық ақпараттардан, Анадолыдағы «Жас Түріктер» революциясынан кейін, Түркістан генерал-губернаторлығында, Бұхара әмірлігі мен Хиуа хандығынан да түркі-мұсылман тұрғындарының Ресейге қарсы үгіт-насихаттық жұмыстар, түрікшілдік және исламшылдық пропандасы едәуір күшейген. Негізгі материалдарды зерттей отырып, автор мұрағаттық деректерді салыстырмалы талдау жүргізеді және Осман мемлекетінің азаматтары мұсылмандық ағарту іс-шараларын жүргізеді, исламды және түркі-мұсылман халықтарының бірлігі идеясын насихаттайды деген қорытындыға келеді. Олардың қызметі мәдени, тілдік және тарихи принциптерге негізделген. Осылайша, бұл мақалада патша

әкімшілігінің барлау мәліметтері негізінде Түркістан генерал-губернаторында Осман мемлекетінің азаматтарының қызметінің кейбір аспектілерін ашу мақсат етілді.

Түйін сөздер: Түркістан, Османлы мемлекеті, агентуралық ақпараттар, түркі-мұсылман халықтары.

М. Эгамбердиев¹, Сейфи Йылдырым²

¹к.и.н., доцент, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: mirzahan.egamberdiyev@gmail.com

²д.и.н., доцент Университет Хажеттепе, Институт Принципов Ататюрка и истории турецкой революции, Турция, г. Анкара, e-mail: ahiseyfi@hotmail.com

Политика Российской империи против турков Анатолии в Туркестане (вторая половина XIX – начало XX веков)

С усилением колониальной системы в Туркестанском крае царская администрация ужесточила контроль за тюрко-мусульманскими народами региона. В конце XIX и особенно в начале XX века в Туркестане открываются новометодные школы, которые в последующем стали основоположниками идеи единения тюркских народов. По данным агентурных сведений, в изучаемый период в регионе активную деятельность проявляли граждане Османского государства, которые подверглись политическим преследованиям. Царская администрация стремительно изучала масштабы пропагандистской работы турецких агентов в регионе, степень проникновения идей пантюркизма и панисламизма в сознание коренного тюрко-мусульманского населения. Из представленных агентурных сведений следует, что после младотурецкой революции в Туркестанском генерал-губернаторстве, Бухарском эмирате и Хивинском ханстве значительно активизировалась работа турецких резидентов, нацеленная на антирусскую пропаганду, пантюркизма и панисламизма. Изучив основные материалы, автор проводит сопоставительный анализ архивных документов и приходит к мнению, что подданные Османского государства вели мусульманскую образовательную деятельность, пропагандировали ислам и идею единения тюрко-мусульманских народов. Их деятельность основывалась на культурном, языковом и историческом началах. Таким образом в данной статье ставится цель раскрыть некоторые аспекты деятельности граждан Османского государства в Туркестанском генерал-губернаторстве на основе агентурных сведений царской администрации.

Ключевые слова: Туркестан, Османское государство, агентурные сведения, тюрко-мусульманские народы

Introduction

The peculiarity of the colonial policy of the Russian Empire is that in the conquered territories it not only absorbs the local Turkic peoples, but also considers these places an integral part, glorifying only the Russian language and culture, as noted by the British historian and political scientist D. Lieven: «Where does it end and where does the Russian colonial policy begin?» is still relevant (Lieven, 1999: 299). Comparing the colonial policy of tsarist Russia and the British Empire, D. Lieven argues that the policy of the tsarist administration in the steppes and Turkestan was largely aimed at involving the local population in spiritual independence and turning their lands into the periphery of the empire, which was implemented at the end of the nineteenth century. For the Russian colonialists, the local Turkic peoples were considered secondary, various socio-economic and cultural events were organized against them. One of them is the prevention of cooperation between Turkic peoples and the removal of the term

“Turkic unity” from their consciousness. Expert of the tsarist government G.K. Gins said in a statement that Russia defined the goals of the empire «we are pursuing a resettlement policy of Russian peasants and we need a policy of colonization» (Gins, 1913: 7, 28).

In the second half of the 19th century, the political situation in the colonized Turkic peoples changed dramatically, which was associated with the active policy of military colonization of the Russian Empire in this region. Minister of War D.A. Milyutin, rejecting the need for military action in Turkestan in 1861-1862, believed that «... with the colonization of Turkestan, England will focus on Poland» (Fyodorova, 2004: 311).

The Russian Empire in the early stages of its conquest began to organize the Turkestan administration. Thus, the lands of all Turkic peoples began to be controlled by three governor-generals. These are the governors general of Orenburg, Western Siberia and Turkestan. The tsarist administration began to strengthen the Russian “element” in order to

ensure its viability on the territory of Turkestan, first of all, to control strategically important territories, transport routes and border lines, to provide colonial administrative institutions and military garrisons. The long process of developing the final version of the new «Regulation on the Administration of the Turkestan Territory» was completed in June 1886.

M.G. Chernyaev was appointed as the first military governor of the Turkestan Governor General. The main goal of the interim government was «... to establish peace and security in the new Russian property by defining general principles of governance». All power was concentrated in the army, and administrative authorities were entrusted with control over the Turkic peoples (Otchot po Revizii..., 1910: 6).

Since the 90's of the XIX century, the territory of Turkestan has become an integral economic part of the Russian Empire. Railways, telegraph lines were built here, cotton was grown, and agriculture was developed. Russian peasants began to inhabit fertile lands under the pretext of the rapid colonization of Turkestan.

In accordance with the «Resettlement Project» of 1869, 30 tithes were given to every Russian settler, settlers were exempted from paying taxes for 15 years and loans were granted (not more than 100 rubles per family). By 1910, there were 326 Russian settlements in Turkestan, in which 248,500 people lived (Mission to Turkestan..., 1964: 3).

With the establishment of Russian power in Turkestan, the tsarist administration began to strengthen control over Muslim education and the ideas of unity of the Turkic peoples. The tsarist administration tightened control over the entry and propaganda of Turks from Anatolia, who allegedly conduct propaganda of Muslim education and anti-Russian sentiment. In this regard, in this article, based on archival data, the policy of the Russian Empire against Turkish nationals in Turkestan is investigated. A comparative analysis of undercover information, conclusions and attempted expulsion, denunciations was done.

Anti-Turkish Measures of the Tsarist Administration in Turkestan

The administration of the Russian Empire in the early twentieth century cautiously opposed the arrival of Anatolian Turks in the Turkestan region. According to the current study, the number of visitors from Iran and Turkey has increased significantly: in the years 1901-1910 there were 708,000, in the years 1911-1915 this figure increased to 543,000. This

information was reflected in the intelligence information of the tsarist administration. For example, documents collected in the 3rd fund of the Orenburg Historical Archive testify to the growing political influence of the Turks in Turkestan. During this period, the tsarist government noted the influence of the Turks on a number of regions of Russia. Tsarism linked the political activities of the Turkic-Muslim peoples with the arrival of Anatolian Turks in the region and came to the conclusion that the revolutionary ideas of «Young Turks» and «Pan-Turkism» began to appear.

The fears of the tsarist authorities over the influence of the Anatolian Turks were not groundless, therefore the special services sent their agents to areas with a Muslim population that reported «Pan-Turkist» and «Pan-Islamic» activists. For example, in 1870, the governor-general of Western Siberia was informed of the order of a Caucasian immigrant, Haji Ahmed Effendi, who had deliberately arrived from Turkey for political purposes and had previously been deported to Kharkov to be exiled to Siberian Tyumen. In 1876, the city of Turkey was opened on the territory of Akmola region, its passport and documents were confiscated. This type of person was sent to the governing body of the Akmolinsky region with a view to returning to the confiscated documents and a passport, as well as to apply to the Russian, to the unreliable subject. In connection with these requests, the police department ordered the Governor-General of Western Siberia to send the Turkish «subject» to Odessa, and then withdraw him from the border. No information was found regarding the seized documents (ORHA, 13353: 2-8).

The situation of the Turkic-Muslim population in the Russian Empire attracted special attention of the Ottoman state. In the period from 1876 to 1909, under the Ottoman Sultan II Abdul-Hamid, a political system was created aimed at protecting the Muslim population throughout the world and overseeing the situation of Muslims. In Russia, local police reported suspicious reports from the Tsar's gendarmerie that Ottoman officials were collecting information through a mosque in St. Petersburg. The actions of the Anatolian Turks in Turkestan were alarmed by the Russian government and sought to expel them from the empire more quickly. This is evidenced by documents sent to the Governor-General of Western Siberia in 1872. It says that a Turkish citizen (a resident of Istanbul) conducts Muslim religious sermons among Kazakhs, teaching them Islam and healing Islam, with a passport issued by the Tobolsk governor since 1872. The tsarist government in the

second half of the XIX century came to the conclusion that the attitude of the Kazakhs towards Muslims was weak, that they opposed the religious sermons of the Tatar, Uzbek and Turkish imams and ishans in the Kazakh steppes, and even believed that mullahs and doctors were not needed. His passport was sent to the military governor of the Akmola region, and he was invited to be expelled from the Kyrgyz (Kazakh) steppe to ensure peace and stability in the region. The police chief of the Tobolsk province demanded that these measures be taken on the Turkish issue, which he considered dangerous for the political stability of the state. In response to these requests, the Governor-General of Western Siberia stated that there were no obstacles to the expulsion of a Turkish citizen from Russia (Kabuzan, 1998: 350). The Ministry of the Interior has requested the deportation of an unreliable Turkish citizen from the Russian state and a list to continue prohibiting his entry into the empire.

At the end of the 19th century, foreign citizens informed the royal police about visiting their relatives and registering them with local authorities as guests. For example, in one of the documents, a citizen of Tashkent asked to join the Kazakhs upon arrival with relatives. This required a certificate of family size, livestock, occupation, and whether he had previously been a criminal. The interim governor of the Kyrgyz region in Siberia said that the Kazakhs are responsible for this person and are ready to answer him if he causes distrust.

The Turkic-Muslim intelligentsia, which studied in Kazakh, Ufa, Tashkent, Samarkand and Bukhara mektebs and madrassas, especially in the Ottoman state in Istanbul, had a significant impact on the Kazakh people. The tsarist administration believed that Turkic Muslims educated outside the Russian Empire contributed to the spread of Islam in the Kazakh steppes. The imperial administration suggested that Turkish-Muslim youth were sent to the Ottoman state for this purpose and claimed that they received Muslim titles. Most Turkic Muslims were often awarded by Turkey for their religious services, among them Turkic-Muslim religious leaders of the Russian Empire. In particular, there is evidence that the mufti M. Sultanov was awarded the Ottoman Order in 1893 (ORHA, 9679: 21-27).

The Turkic-Muslim intelligentsia, and especially the Tatar schools, were declared «carriers of anti-government sentiment». The police department said that the Volga Tatars had a significant influence on Turkic Muslims throughout the country, because they were people who had close contacts with representatives of the Turkic-Muslim world outside

the empire. A similar statement is confirmed by a check conducted by the Ministry of Education in Muslim schools, where handwritten literature in the Tatar language does not comply with the Russian government and its policy regarding the Turkic-Muslim population. It was also found that Istanbul publications also have views that are directly opposed to the Russian people and the state. The results of the checks showed that the Mudaris in Muslim schools are sometimes represented outside the empire and are persons without Russian citizenship (Natsionalnaya Politika..., 1997).

It is worth noting that the territories of the Caucasus and Turkestan were controlled by the Ministry of War in the late 19'th and early 20'th centuries, since the main problem with the Turks was the allegation that they had a religious education outside Russia and their connection with other Turkic-Muslim peoples. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire also paid great attention to the «Muslim problem». The problem was associated not only with the education of Turkic-Muslim citizens of the Russian Empire in the eastern countries, but also with their pilgrimage trips. To this end, the tsarist government issued decrees on the need to control the Turkic-Muslim population, controlling their pilgrimage. In the late 19'th and early 20'th centuries, Turkic Muslims found it difficult to obtain permission to leave the Russian Empire. They passed various checks and as a result achieved their goals. This was primarily due to the pilgrimage to Mecca and Medina to the holy places. According to the government, the issue of restricting pilgrimage may be associated with the Turkic-Muslim community outside the Russian Empire. As a result, since 1880, restrictions have been introduced on the establishment of educational institutions, especially on the activities of mektebs and madrassas, as well as on a pilgrimage to Mecca. The pilgrimage issue was under special control of the Russian authorities. The 1903 letter on the Masthead establishes the terms and conditions that allow Muslims to perform the hajj. According to the document, it was initially determined that during the pilgrimage Muslims would have to receive special passports issued by the Ministry of the Interior. Secondly, the Turkic-Muslim population was supposed to return only through the designated ports and undergo special medical and sanitary examinations, which will be recorded in their passports. The governor also ordered the pilgrims to appoint medical supervision. Similar requirements were applied to foreign Turkic-Muslim peoples who came through Russia. Pilgrims who refused the requirements, especially young people studying

abroad, were prosecuted by the local police and all sanitary measures (Alov..., 1996: 122). Despite all the restrictions, the pilgrimage system was practically not controlled by the Russian government, and even the pilgrimage movement was not organized properly, which led to a number of problems and the conclusion of those who committed pilgrimage or who left for a Muslim education.

The Pilgrimage Problem of Turkic Muslims of Turkestan

Since the end of the 19th century, the pilgrimage of Turkic Muslims of the Russian Empire was widely discussed in foreign affairs agencies, especially in the Russian Ministry of Foreign Affairs, the Embassy of Istanbul and the consulate of Jeddah. In addition, the heads of mainly Turkic-Muslim regions, the governors of Novorossiysk, Turkestan, Bessarabia and the governors of the Caucasus participated in the discussion of this pilgrimage. The main reason for this was the Caucasian War of 1818-1864 and the colonization of Turkestan territories by Russian immigrants from the regions of inner Russia, where Turkic Muslims live. State authorities demanded that local officials report the situation with the Turks and Muslims in the country, and they decided that this decision would be made. In the end, despite the restrictive measures imposed on the Turkish-Muslim pilgrimage, the government did not want to issue them passports, because the pilgrimage of the Turkic-Muslims brought significant funds to Turkey, and the money collected was used for military purposes.

Archival documents also show concern over statistics provided by the Russian administration regarding the pilgrimage. According to this information, in 1898, 1795 Muslim Turks visited Mecca. In addition, most of them came from the rebellious region of the Syrdarya, Zhetysu, Samarkand and Ferghana valleys of the Turkestan Governor General. The Russian authorities could not stop the pilgrimage process, as the pilgrims still went to Mecca without a passport. Many agents of the tsarist government show that Turkic Muslims were repeatedly attacked by Arab nomads and Afghan scammers. Turkish newspapers also published on their pages, accusing the tsarist administration of not providing passports, describing the plight of the Turkic-Muslim peoples in the Russian Empire (ORHA, 4291: 56-76).

A number of information materials on the pilgrimage of Turkic-Muslim peoples were published in the newspaper «Tarzhiman». For example, in a newspaper on July 26, 1905, reported that in 1904,

385 people went to Mecca from the Syrdarya region, of which 144 were residents of Tashkent (Abdrashidkhanov, 2011: 155). Researcher V.I. Massalsky wrote that «among the many Muslims making the pilgrimage, the Turkic-Muslim population of Turkestan is much larger». The modern orientalist R.G. Landa said that «9-10 thousand Muslims visit Mecca and Medina every year. At least a third of them are pilgrims from the Ferghana Valley» (Landa, 1995: 132). Former resident of Turkestan M. Mashanov wrote that in 1910 about 20-25 thousand Muslims were sent from Russia to Mecca. Soviet historian T.S. Saidbaev agreed with his opinion, noting that about 20,000 people were pilgrims from Russia to Mecca in the pre-revolutionary period, but also that among the Russian pilgrims were «mostly pilgrims from the Turkestan regions» (Saidbayev, 1978: 107). The above statistics of the pilgrimage of Turkestan Muslims to Mecca is directly related to the question of its political aspect. In the late 19'th and early 20'th centuries, the objective process of increasing the Turkic-Muslim religious consciousness in Turkestan as a national motive should evaluate the contribution of clergymen from the Ottoman Empire in the promotion of Pan-Islam and Pan-Turkic ideas in the region.

Intelligence on Political Activity and Assistance of Turkic-Muslims of Turkestan of Turkey

Cooperation of Turkic peoples in Turkestan at the beginning of the 20th century is evident from the archival materials of the tsarist administration. On March 20, 1913, S. Beletsky, director of the police department of the Ministry of the Interior, released figures to the heads of the gendarmerie in Turkestan, especially in Zhetysu and Ferghana regions, reporting Turkey's failure in the Balkan War and Russia's assistance to the Slavs. At this time, the national liberation uprisings of the Turkic people against the Russian government intensified. The Turkic-Muslim peoples of the Turkestan region spoke of a possible war between Russia and China and sympathized with the Uyghur people in China. Anatolian Turks traveled to Japan and China and called for war against Russia. Beletsky wrote that the ideas of consolidating the Turkic-Muslim peoples of Turkestan are growing, and the «Tus» newspaper publishes a list of financial aid providers to Turkey twice a week. The police department of the Ministry of Internal Affairs demanded that every effort be made to prevent such actions and not to publish information in the Muslim press without the consent of the authorities (CSA PK, 15799: 2-3). July 26,

1913 in his report to the military governor of Samarkand region, the governor-general of Turkestan A.V. Samsonov was told that recent actions in the war in the Balkans once again inspired Turkic Muslims, who began to raise funds for the Turkish fund. The collected money was brought to Turkey by a former deputy of the First State Duma, Samarkand merchant Tashpulat Abdykalikov, who reported to the Turkish authorities after his arrival in Istanbul (CSA PK, 15799: 10-13).

The period under consideration, a large number of archival materials show that among the Turkic-Muslim population, work was carried out regarding the wide and successful implementation of fundraising for Anatolian Turks (SHA RF, 470). The Turkestan administration could not stop the fundraising campaign, claiming that there were not enough local police officers. Fundraising was active before and during World War I. For example, on February 28, 1914, the head of the Samarkand region in his report to the regional administration sent information that local Turkic Muslims were raising funds for the Balkan war to help Turkey, which had failed in 1913, and that Turkish agents were operating in its area (CSA RU, 979: 29-35). The headquarters of the Turkestan military district of October 18, 1914, the military governor of the Ferghana region, Major General A.Ī. Gippius sent intelligence that «the Turkish agent Khatib Omar Kazhibek, who used his powers, provided charitable assistance to the Turkic-Muslim peoples for military needs Turkey» (CSA RU, 2: 13-17).

On September 19, 1914, the Russian General Staff, sent as a center of military intelligence, sent a telegram to the Turkestan governor general and the commander of the Turkestan military district about Turkish «propaganda emissaries» (CSA RK, 16680: 2). The Office of the Governor-General of Turkestan and the headquarters of the Turkestan Military District reporting to the leaders of all regions sent an order. The headquarters of the Turkestan military district on September 24, 1914 instructed the authorities to monitor all Turkic-Muslim peoples by checking their passports, especially the Persian consulate in Istanbul, who informed Colonel Prigar, who was the chief of the 6th division headquarters of the district. The regional authorities were ordered to take «urgent measures» without exerting pressure on the Turkic Muslims of the region.

Considering the relationship between religion and geopolitics in Turkestan, it should be noted that Turkey is a prime example for the Muslim world in how to advance in development in the context of Islamic statehood. The question of the role of religi-

on in geopolitics for the Ottoman state has not only foreign policy, but also internal significance. According to K. Marx, by the middle of the XIX century in Turkey there were 13 million, 730 thousand Greek Orthodox, 2 million. There were 400,000 Armenians and 900,000 Catholics (Marks, 1958: 670). He said in Orthodoxy in Turkey that «the parish priest is at the same time a judge, leader, teacher, performer, tax collector and is involved in all factors of civil life» (Marks, 1958: 771). K. Marx emphasized that comprehensive care, control and intervention of the church under the Turks can be integrated into all spheres of public life. He wrote in Turkey that the separation of the state from the church «does not mean the disappearance of the Muslim population, but it is likely that the Orthodox church will be destroyed in the form that is in the Turkish state». Accordingly, the foreign researcher R. Lewis wrote that the Ottoman state is a Christian state of affairs. He informs the Orthodox patriarch that he was a sign of the power of the Sultans, received the title of pasha and a badge with three horse tails. Any Christian can find power in the Ottoman authorities, in the police, in court, in prisons, etc. what can he trust. Lewis says that «sometimes authorities were involved in protecting community members from abuse, even with their shepherds» (Lewis, 2004: 696). For example, academician V.V. Bartold wrote that in the 18'th century the Greeks and Serbs could transfer control of Austria and Venice to Turkey. He said that Turkish Christians do not understand European Christianity and that they «prefer to live in Muslim rule without resorting to military service, freedom of faith, language and self-government and low tax payments» (Bartold, 1966: 785).

It is well known that the Greeks who gained independence experienced economic and other difficulties and did not forget that they lived in the Ottoman state calmly and steadily. Most of them returned to Turkey. In the pre-revolutionary period, tens of thousands of Crimean Tatars and Turkic peoples in the Caucasus moved from Russia to Turkey. The same effect was observed among the Turkic peoples of Turkestan. The Turkic Muslims of the Turkestan Governor General, at the beginning of the 20'th century, underwent spiritual colonization of the Russian Empire. As a result of the revolution of 1908-1909 in Turkey, when the «Young Turks» came to power, during the revolution they promoted the motto: social justice, democracy, equality and unity of all the peoples of the empire, regardless of their nationality or religion. Nationalist and secular phenomena in the state system are becoming more and more obvious. This principle was approved in the program

of the Young Turks party in 1908, in clause 6 of which it says: «Every citizen has equal rights and freedoms, regardless of race or religion» (Guber..., 1982: 560). One of the leaders of the Young Turks in 1913, Zia Gokalp, in an article in the «Three Streams of Consciousness» in a Turkish legal journal, stated that «when Turkish intellectuals came to the Ottoman concept of another ethnic group from different religious communities, they did not feel the need inspire Islam, but when the idea of Turkism arose, I began to feel it» (Mandelstam, 1947).

Conclusion

Thus, it should be noted that in the second half of the 19th century, the Russian Empire entered an important stage of migration processes. The main influx of Turks into the territory of the Russian Empire, and especially into the Turkestan region, came from Muslim states. Russian historiography sought

to discredit the political activities of the Anatolian Turks in Turkestan. According to them, «these processes (the arrival of the Turks in Turkestan) aroused particular concern among the state, and the Turkic-Muslim peoples of Turkestan began to unite the antipathy towards the Russian administration». Despite all attempts to limit the influence of the Turks on local Turkic Muslims at the beginning of the 20th century, the tsarist administration did not prevent this. As noted above, various Russian publications published the opinion that “the Ottoman state actively used religion and its institutions in the geopolitics of Turkestan during the period under review.” With the subsequent revolution, civil war and foreign military intervention in the region, the fate of the Turkic-Muslim peoples of Turkestan after joining the new Soviet Russia changed radically. Despite this spiritual affinity, common cultural values showed the viability of the idea of unity of the Turkic-Muslim peoples.

References

Primary sources

- Orenburg Regional Historical Archive
 ORHA, 3 Fund, 8 Inv., 13353 D.
 ORHA, 3 Fund, 6 Inv., 9679 D.
 ORHA, 3 Fund, 3 Inv., 4291 D.
 Central State Archive of the Republic of Kazakhstan
 CSA PK, 44 Fund, 1 Inv., 15799 D.
 CSA RK, 44 Fund, 1 Inv., 16680 D.
 Central State Archive of the Republic of Uzbekistan
 CSA RU, 1 Fund, 31 Inv., 979 D.
 CSA RU, 20 Fund, 1 Inv., 2 D.
 State Historical Archive of the Russian Federation
 SHA RF, 821 Fund, 133 Inv., 470 D.

Secondary sources

- Alov A.A., Vladimirov N.G. (1996). *İslam v Rossii*. [Islam in Russia], (Moskva: Institut Naslediya).
 Abdrashidkhanov Z. (2011). *Annotirovannaya Bibliografiya Turkestanskih Materialov v Gazete «Tarzhiman» (1883-1917)*. [Annotated bibliography of Turkestan materials in the Tarzhuman newspaper], (Tokyo: TIAS: Department of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, the University of Tokyo).
 Bartold V.V. (1966). *Turtsiya, İslam, Hristianstvo. Sochineniya v 9 Tomah. Tom 6*. [Turkey, Islam, Christianity // Bartold V.V. Works. In 9 t. T. 6], (Moskva: Nauka).
 Gins G.K. (1913). *Pereseleniye i Kolonizatsiya*, [Resettlement and Colonization], (Sankt-Petersburg).
 Guber A.A., Kim G.F. Heyfets A.N. (1982). *Novaya İstoriya Stran Azii (Vtoraya Polovina 19 – Nachalo 20 Vekov)*. [A new history of Asian countries (second half of the 19'th – beginning of the 20'th century)], (Moskva: Nauka).
 Fyodorova V.A. (2004). *İstoriya Rossii. XIX – Nachalo XX v.* [Russian History. 19 – Beginning of 20 Centuries], (Moskva: Zertsalo).
 Kabuzan V.M. (1998). *Emigratsiya i Reimmigratsiya v Rossii v 18 – Nachale 20 Veka*. [Emigration and immigration in Russia in the 18th – early 20th centuries], (Moskva: Nauka).
 Lieven D. (1999). *Russkaya, Imperskaya I Sovetskaya Identichnost. Evropeyskiy Opyt I Prepodavaniye İstorii v Postsovetskoy Rossii* [Russian, imperial and Soviet identity. European experience and history teaching in post-Soviet Russia], (Moskva).
 Landa R.G. (1995). *İslam v İstorii Rossii*. [Islam in the history of Russia], (Moskva: İzdatelstvo Firma «Vostochnaya Literatura» RAN).
 Lewis R. (2004). *Ottoman Turkey. Life, religion, culture*. (Moskva: Tsentrpoligraf).

Mandelstam A.N. (1947). *Russkaya Politika v Tirtsii Nakanune i vo Vremya Pervoy Mirovoy Voyni*. [Russian politics in Turkey on the eve and during the First World War], (Novoselye, № 31/32).

Marks K. (1958). *Obyavleniye Voyni. K İstorii Voznikoveniya Vostochnogo Voprosa. Sochineniya. İzdaniye II. Tom 10.* Маркс К. [Declaration of war. On the history of the emergence of the eastern question // Marx K., Engels F. Works. Ed. 2nd. T. 10.], (Moskva: Politizdat).

Marks K. (1958). *Grecheskoye Vostaniya. İzdaniye II. Tom 10.* [Declaration of war. On the history of the emergence of the eastern question // Marx K., Engels F. Works. Ed. 2nd. T. 10.], (Moskva: Politizdat).

Mission to Turkestan. Being the Memoir of Count K. K. Pahlen. 1908– 1909. (1964). Transl. by M.J. Couriss. (Leningrad).

Natsionalnaya Politika Rossii: İstoriya i Sovremennost. (1997). [National policy of Russia: history and modernity], (Moskva: Russkiy Mir).

Otchot po Revizii Turkestanskogo Upravleniya, Proizvedyonnoy po Vysochayshemu Povelenyu Senatorom, Gofmeysterom Grafom K.K. Palenom. Krayevoye Upravleniye. (1910). [Report on the audit of the Turkestan administration, carried out at the Highest command of the senator, clerk Count K.K. Palen. Regional Office], (Sankt-Peterburg: Senatskaya Tipografiya).

Saidbayev T.S. (1978). *İslam i Obshestvo. Opyt İstoriko-Sostsiologicheskogo İssledovaniya.* [Islam and society. The experience of historical and sociological research], (Moskva).

V. Modebadze¹ , G. Kozgambayeva²

¹Professor, Doctor of Social Sciences,
St. Andrew the First-Called Georgian University of the Patriarchate of Georgia,
Georgia, Tblisi, e-mail: valery_4@yahoo.com

²Doç. Dr. Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: gulnar.kozgambaeva@mail.

THE ISSUE OF NEPOTISM AND THE PROBLEM OF BUILDING TRANSPARENT AND EFFICIENT CIVIL SERVICE IN GEORGIA

The problem of Nepotism is widespread almost everywhere, not only in developing countries, but also in many economically advanced countries. One of the most acute problems that Georgia is facing today is the widespread nepotism in all spheres of public life. Nepotism reduces country's economic development and leads to weakening of effectiveness of the government institutions. In case of nepotism a wide range of legal norms and principles are violated, such as equality before the law, impartiality and equal access to civil service for all citizens.

According to the research which was conducted by different non-Governmental Organizations, recruitment procedure in civil service is not conducted in accordance with the competition rules. This fact is also confirmed by those citizens that were dismissed from civil service. The violation of competition rules has become a common practice in civil service.

After the adoption of a revised EU-Georgia Association Agenda for the period 2017-2020, Georgian government has undertaken an obligation to establish a transparent, independent and impartial system of civil service. European Union demands from Georgia to reform the civil service and build a merit-based and professional civil service. The requirement to reform the civil service and the inclusion of this objective in the Association Agenda is a recognition of the fact, that the Georgian government has so far failed to create a competent and transparent civil service. The creation of a professional civil service can only be achieved if vicious practice of nepotism will be eradicated in all spheres of public life.

Key words: Nepotism, reform of civil service, recruitment procedure in civil service, dismissal of employees in civil service.

В. Модевадзе ¹, Г. Қозғамбаева ²

¹ Әулие Андрей Первозванный Патриаршество атындағы Грузия университеті,
Грузия, Тбилиси қ., e-mail: valery_4@yahoo.com

² Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: gulnar.kozgambaeva@mail.

Непотизм және Грузияда тиімді мемлекеттік қызметке түру жолдары

Билікке туысқандарды тарту және сол жолмен мемлекеттік қызметке түру (непотизм) мәселесі дамушы елдерде ғана емес, сондай-ақ көптеген экономикасы дамыған елдерде де, яғни барлық жерде дерлік таралған. Бүгінгі күні Грузияда кездесетін ең өткір мәселелердің бірі непотизм болып табылады, ол қоғамдық өмірдің барлық салаларында кең таралған. Непотизм елдің экономикалық дамуын тежейді және мемлекеттік институттардың жұмыс істеу тиімділігін төмендетеді. Заң алдындағы теңдік, әділдік және барлық азаматтар үшін мемлекеттік қызметке тең қол жеткізу сияқты құқықтық нормалар мен қағидаттардың кең спектрі бұзылып отыр. Әр түрлі үкіметтік емес ұйымдарға жүргізген зерттеулерге сәйкес мемлекеттік және азаматтық қызметке қызметкерді іріктеу рәсімі конкурс ережесіне сәйкес жүргізілмейді. Бұл жағдайды мемлекеттік қызметтен босатылған азаматтар да растайды. Бәсекелестік ережелерін бұзу мемлекеттік қызметтегі әдеттегі тәжірибеге айналды. ЕО-Грузия қауымдастығы 2017-2020 жылдарға арналған қайта қаралған күн тәртібі қабылданғаннан кейін Грузия Үкіметі мемлекеттік қызметтің ашық, тәуелсіз және бейтарап жүйесін құру міндетін өзіне алды. Еуропалық Одақ Грузиядан мемлекеттік қызметті реформалауды және еңбектеріне негізделген кәсіби азаматтық қызметті құруды талап етеді. Мемлекеттік қызметті реформалау және осы мақсатты қауымдастықтың күн тәртібіне енгізу талабы Грузия үкіметі әлі күнге дейін құзыретті және ашық

мемлекеттік қызметті құра алмағанын мойындау болып табылады. Кәсіби мемлекеттік қызметті құруға, егер непотизмнің бұзылу практикасы қоғамдық өмірдің барлық салаларында жойылатын жағдайда ғана қол жеткізуге болады.

Түйін сөздер: непотизм, реформа, мемлекеттік қызмет, мемлекеттік және азаматтық қызметке таңдау, қызметкерлерді мемлекеттік қызметтен босату.

В. Модевадзе¹, Г. Козгамбаева²

¹ профессор, доктор социологических наук,
Грузинский университет имени св. Андрея Первозванного Патриаршества,
Грузия, г. Тбилиси, e-mail: valery_4@yahoo.com

² кандидат исторических наук, доцент, Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: gulnar.kozgambaeva@mail.

Непотизм и проблема построения прозрачной и эффективной государственной службы в Грузии

Проблема непотизма широко распространена почти повсеместно, не только в развивающихся странах, но и во многих экономически развитых странах. Одной из наиболее острых проблем, с которыми сегодня сталкивается Грузия, является широко распространенный непотизм во всех сферах общественной жизни. Непотизм снижает экономическое развитие страны и ведет к снижению эффективности государственных институтов. В случае непотизма нарушается широкий спектр правовых норм и принципов, таких как равенство перед законом, беспристрастность и равный доступ к государственной службе для всех граждан.

Согласно исследованию, проведенному различными неправительственными организациями, процедура отбора персонала на государственную гражданскую службу не проводится в соответствии с правилами конкурса. Этот факт подтверждают и те граждане, которые были уволены с государственной службы. Нарушение правил конкуренции стало обычной практикой на государственной службе.

После принятия пересмотренной повестки дня Ассоциации ЕС-Грузия на период 2017–2020 годов правительство Грузии взяло на себя обязательство создать прозрачную, независимую и беспристрастную систему государственной службы. Европейский Союз требует от Грузии реформировать государственную службу и создать профессиональную гражданскую службу, основанную на заслугах.

Требование реформировать государственную службу и включение этой цели в повестку дня Ассоциации является признанием того факта, что правительству Грузии до сих пор не удалось создать компетентную и прозрачную государственную службу. Создание профессиональной государственной службы может быть достигнуто только в том случае, если порочная практика непотизма будет искоренена во всех сферах общественной жизни. Грузии нужны профессиональные, компетентные и знающие государственные служащие, которые могут проводить эффективную политику и превращать страну в либеральную демократию западного образца. Эффективная и действенная государственная служба является необходимой предпосылкой экономического прогресса Грузии.

Ключевые слова: непотизм, реформа государственной службы, процедура отбора персонала на государственную гражданскую службу, увольнение работников с государственной службы.

Introduction

Nepotism is a global problem. This problem is widespread not only in developing countries, but also in many economically advanced countries. One of the most acute problems that Georgia is facing today is the widespread nepotism in all spheres of public life (Louise Shelley, Erik R. Scott & Anthony Latta, 2007)

Nepotism is an unethical behavior, which has negative economic consequences and leads to weakening of economic performance of the government institutions. In case of nepotism a wide range of legal norms and principles are violated, such

as equality before the law, impartiality and equal access to civil service for all citizens. According to the article 17 of the law of Georgia on civil service “A person shall not be recruited for civil service if he/she comes under direct supervision or directly supervises his/her parent, spouse, sister, brother, child or the sister, brother, parent of his/her spouse after occupying the position;” Although Article 332 of the Criminal Code of Georgia (the abuse of office) theoretically prohibits the violation of the recruitment procedures in the civil service, in practice, the article is almost never interpreted in this manner. Influential politicians often employ relatives and family members in civil service.

According to the research, which was conducted by the non-governmental organization – Transparency International, the recruitment procedure in civil service is often conducted in the non-transparent manner. Legal loopholes and inadequate regulation have enabled nepotism to flourish in civil service. Transparency International proposes the adoption of stricter laws and regulations in order to eradicate this vicious practice and introduce the system of meritocracy.

Georgia needs professional, competent and knowledgeable civil servants, that can implement efficient policies and transform the country into western-style liberal democracy. Effective and efficient civil service is an essential prerequisite to Georgia's economic progress. Therefore, it is essential to reform the civil service and staff it with qualified and competent people.

Everyone knows that nepotism is extremely detrimental to a country's development. People who lack the ability and competence to do the job duties, very often are assigned offices, reducing the government's efficiency and effectiveness (Saltanat Liebert, Stephen E. Condrey

& Dmitry Goncharov, 2013). Incompetent and unqualified people often hold very important positions in civil service and government. When people are selected for important positions in civil service, nobody pays attention to qualifications and skills. Success is primarily determined through connections to the influential government officials. (Florian Biermann & Charles Johnson, 2015)

Problems that Georgia is currently facing with regards to building transparent and efficient Civil Service

Currently Georgia does not have any legislation that prohibits or criminalizes nepotism in Civil Service. Non-governmental organization "Transparency International – Georgia" introduced a legislative initiative to the Parliament of Georgia, which envisaged the criminalization of nepotism in civil service (Council of Europe, 2017). This NGO created a draft law and recommended to add special provision to the article 332 in Criminal Code – violation of competition rules in civil service. This special provision implied the punishment of those people who intentionally violate the rules of the competition in order to create favorable conditions for a particular person. Transparency International – Georgia's legislative initiative provided for punishment with fine or imprisonment for up to two years and deprivation of the right to occupy

or exercise the term of office for up to three years. Deputies in Georgian Parliament did not support the Transparency International – Georgia's initiative to criminalize nepotism. This initiative was discussed at the Human Rights Committee, but was rejected by those politicians who often employ their relatives in civil service and government institutions.

Transparency International – Georgia has long been studying the issues of recruitment and dismissal of employees in civil service. According to the research which was conducted by this NGO, recruitment procedure in civil service is not conducted in accordance with the competition rules. This fact is also confirmed by other NGOs, as well as by those citizens that were dismissed from civil service. The violation of competition rules has become a common practice in civil service.

After the defeat of the United National Movement in the 2012 parliamentary elections, many people expected that the new regime would fight against nepotism and would do everything in its disposal to eradicate this vicious practice in civil service. But, in reality nothing has changed and the current government is continuing its predecessor's policy of employing relatives and friends in civil service. Since restoration of country's independence all governments displayed a lack of political will to fight nepotism and accepted it as something normal and unavoidable phenomenon. Sociological research which was conducted by Transparency International – Georgia after the massive cleansing of civil service by the government in 2012, revealed that people are often appointed to civil servants' vacant positions without due competition, mainly according to the party affiliation and nepotism. Out of 6500 employees appointed in civil service only 69 people passed the examination and were selected through the competitive recruitment procedure. It turns out that the regulations of the civil service selection procedures are no longer used since the change of government in 2012 (Emagogokhia, 2018).

Instead of reforming and reorganizing the civil service and making it more transparent, the new regime has allowed nepotism to flourish in all spheres of public life. According to the information that the non-governmental organizations of Georgia have obtained, a large number of people were unjustly fired from civil service and lost their jobs in public institutions. The unfair dismissal of civil servants is widespread in all public institutions and resignation of officials takes place both in the capital and different provinces of Georgia (Transparency International, 2013). The research has found that

that government often fails to follow fair dismissal procedures:

A large number of civil servants have submitted resignation letters and left the civil service. Taking into account very high unemployment rate in Georgia, this trend raises serious doubts that in many cases public employees did not voluntarily leave their positions. It turned out that in most cases these people were forced to resign from office by higher level public officials and influential politicians. The above mentioned facts about the unfair dismissal procedures were later publicly confirmed by some government officials. Article 332 of the Criminal Code of Georgia clearly prohibits the abuse of official powers by a public official. As it states:

“1. Abuse of official powers by an official or by a person equal thereto to the detriment of public interests, in order to gain some benefit or advantage for himself / herself or for another person, which has resulted in substantial violation of the rights of physical or legal persons, or of the lawful interests of the public or the state, -shall be punished by a fine or imprisonment for up to three years, with deprivation of the right to hold an official position or to carry out a particular activity for up to three years.

2. Abuse of official powers by a public political official, -shall be punished by a fine or imprisonment for a term of three to five years, with deprivation of the right to hold an official position or to carry out a particular activity for up to three years.

3. The act provided for by paragraphs 1 or 2 of this article which has been committed:

a) repeatedly;

b) using violence or a weapon;

c) by offending personal dignity, -shall be punished by imprisonment for a term of five to eight years, with deprivation of the right to hold an official position or to carry out a particular activity for up to three years.” (Criminal Code of Georgia, 2019)

Although government officials are well aware of the Article 332 of the Criminal Code of Georgia, which prohibits the violation of recruitment procedures, they still employ their relatives and friends in civil service and use unfair recruitment procedures for selecting civil servants. Law enforcement agencies do nothing to fight against these illegal practices.

Sometimes governmental agencies and public institutions make decisions on firing civil servants but fail to explain the reasons for dismissal. According to the survey conducted by Transparency International – Georgia, more than 5000 employees were released from state institutions in 2012 after

the Georgian Dream party came to power. Hundreds of civil servants were dismissed from the ministry of internal affairs, but the ministry failed to provide solid and adequate reasons for firing them. With regards to the selection of new civil servants in local government institutions, cases of nepotism are often revealed which means that recruitment is based on kinship relations rather than qualifications.

After the election the new mayor of Tbilisi in 2014, illegal dismissal of civil servants from Tbilisi City Hall took place. Many civil servants were forced to resign and the Tbilisi City Hall failed to provide adequate explanations for their dismissal. As the dismissed civil servants have themselves reported, they were forced to write a letter of voluntary resignation and were subjected to pressures to resign from office. Fired civil servants have also stated that these illegal acts were carried out with the involvement of heads and deputy heads of various departments of Tbilisi City Hall, citing their political views as grounds for dismissal (Transparency International, 2014).

Further research has found out that the dismissal of civil servants was politically motivated and they have lost their jobs because of their political views.

When new ministers are appointed they tend to restructure the staff of their ministries bringing in their own people. This is a very problematic issue given that since 2004 the Ministries have changed their Ministers on every 12 months. This creates enormous insecurity in civil service and civil servants live in constant fear of losing their jobs (George Welton, 2006).

After changes in the ruling elite, there is a widespread practice of dismissing civil servants and appointing new ones according to party affiliation and political loyalty (Pernille Rieker, 2016).

Supporters of the ruling party are often assigned to civil service positions without any competition. There is a widespread tendency to employ family members and relatives in the civil service. According to the research carried out by Freedom House, rules and regulations of recruitment of civil servants are often ignored in favor of preferential treatment for relatives and friends of high-ranking officials (Freedom House, 2006).

Non-governmental organization Transparency International (TI) Georgia discovered many cases of employment of family members and relatives in local authorities, as well as in the central government, parliament and judiciary (Tea Mariamidze, 2019). The problem is that in Georgia nepotism isn't often seen as illegal and unlawful act. Current and ex-

government officials, many influential politicians and people think that it is something normal and unavoidable in Georgian society.

After the adoption of a revised EU-Georgia Association Agenda for the period 2017-2020, Georgian government has undertaken an obligation to establish a transparent, independent and impartial system of civil service. European Union demands from Georgia to reform the civil service and build a merit-based and professional civil service. The requirement to reform the civil service and the inclusion of this objective in the Association Agenda is a recognition of the fact, that the Georgian government has so far failed to create a competent and transparent civil service (ErekleUrushadze, 2018). The creation of a professional civil service can only be achieved if vicious practice of nepotism will be eradicated in all spheres of public life. Nepotism conflicts so fundamentally with democratic principles and norms of egalitarianism and meritocracy. It is impossible to create an effective and efficient political system and civil service without eradicating first nepotism and illegal practices of recruitment of incompetent civil servants. Although the Government of Georgia often expresses the will to reform the civil service, in reality there is a lack of willingness to eradicate nepotism in public institutions and establish a genuinely independent and professional civil service.

The first legislative framework that regulated the organizational and legal basis of the civil service and defined the legal status of the employee, was adopted on 31st of October 1997. Since then the Law on Civil Service has undergone a number of fragmented changes and has been amended over a hundred times since its adoption. But, despite the introduction of so many amendments and changes, it fails to advance the legal regulations required for creating a strong body of civil service free from party influence, nepotism and vicious practice of patronage. Public institutions and governmental agencies are still staffed with incompetent people and there is an urgent need for a complex reform of the Georgia's civil service (Florian Biermann & Charles Johnson, 2015).

One of the most important aspects of civil service reform should be the introduction of laws that prohibits nepotism in public intuitions. Georgia needs to adopt strict laws that criminalize nepotism and employment of relatives in civil service. In addition, recruitment procedures in civil service should become more transparent. There is an urgent need to introduce a merit-based

recruitment of personnel and eradicate the non-meritocratic administrative culture. Recruitment of civil servants should be on the basis of merit determined through competitive examination. Public institutions and various government agencies should apply meritocratic instruments when hiring administrative staff. The recruitment and promotion of civil servants should be done due to their skills and merits rather than on patronage – political party affiliation, friendship or kinship. It should be taken into account that the recruitment based on merit is the guarantee of good and transparent governance (Egeberg, Gornitzka&Trondal, 2018).

Although a brand new law on civil service was adopted in 2015 and entered into force on 1st of January 2017, which includes detailed regulations of civil service procedures, requirement of competitive selection for all positions and aims to develop a merit-based civil service, nepotism and favoritism is still widespread in all spheres of public life. According to the article 11 of the law of Georgia on Civil Service: “A decision on the recruitment of an officer and other decisions on the career promotion of an officer shall be impartial and based on a fair and transparent evaluation of the officer's competence and skills to perform work, and shall aim at selecting the best candidate” (Law of Georgia on Civil Service, 2015). New law on Civil Service describes in detail how a person has to be appointed to a vacant officer position and how he or she shall be evaluated. According to the article 41 the evaluation of a candidate shall be objective and impartial and the recruitment procedure should be transparent and fair. However, widespread nepotism and favoritism raises serious doubts about the fairness of recruitment procedures in civil service. It is well known that Georgia's ruling parties have traditionally used civil service jobs to reward their activists and supporters (Alina Mungiu – Pippidi& Michael Johnston, 2017).

Article 13 of the law of Georgia on Civil Service guarantees equal access to civil service for all citizens of Georgia: “Every citizen of Georgia shall have an equal opportunity to be employed in civil service according to their skills, qualification and professional training.” (Law of Georgia on Civil Service, 2015) But are the citizens really equal, taking into account the widespread practice of employment of relatives, friends and political affiliates in civil service? In reality, during the selection of candidates, the kinship relations or friendship matter a lot and the person's abilities, knowledge and skills are of secondary importance (European Committee of the Regions, 2017).

Conclusion

According to the research which was conducted by different non-Governmental Organizations, recruitment procedure in civil service is not conducted in accordance with the competition rules. This fact is also confirmed by those citizens that were dismissed from civil service. The violation of competition rules has become a common practice in civil service.

After the adoption of a revised EU-Georgia Association Agenda for the period 2017-2020, Georgian government has undertaken an obligation to establish a transparent, independent and impartial system of civil service. European Union demands from Georgia to reform the civil service and build a merit-based and professional civil service.

The requirement to reform the civil service and the inclusion of this objective in the Association Agenda is a recognition of the fact, that the Georgian government has so far failed to create a competent and transparent civil service. The creation of a professional civil service can only

be achieved if vicious practice of nepotism will be eradicated in all spheres of public life. Georgia needs professional, competent and knowledgeable civil servants, that can implement efficient policies and transform the country into western-style liberal democracy. Effective and efficient civil service is an essential prerequisite to Georgia's economic progress. Therefore, it is essential to reform the civil service and staff it with qualified and competent people.

We cannot expect Georgia to become a prosperous democratic country if the civil service will be staffed with unqualified civil servants, who cannot carry out their duties and responsibilities properly. Incompetent civil servants reduce government's efficiency and effectiveness. Georgia needs professional, competent and knowledgeable civil servants, that can implement efficient policies and transform the country into western-style liberal democracy. Effective and efficient civil service is an essential prerequisite to Georgia's economic progress. Therefore, it is essential to reform the civil service and staff it with qualified and competent people.

References

- Transparency International (2013) Statement concerning the dismissal of employees from public institutions after parliamentary elections, (accessed on 19 February, 2020) available from World Wide Web: <https://www.transparency.ge/en/post/general-announcement/statement-concerning-dismissal-employees-public-institutions-after-parliamentary-elections> Date: 03.01.2020
- Transparency International (2014) CSOs condemn the dismissals of civil servants from Tbilisi City Hall, allegedly on political grounds, (accessed on 19 February, 2020) available from World Wide Web: <https://www.transparency.ge/en/post/general-announcement/dismissals-civil-servants-tbilisi-city-hall-allegedly-political-grounds> Date: 03.01.2020
- Egeberg, Gornitzka&Trondal (2018) Merit-based recruitment boosts good governance: How do European Union agencies recruit their personnel? (accessed on 19 February, 2020) available from World Wide Web: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/55772/trondal-egeberg-gornitzka-merit-boost-good-governance.pdf?sequence=1> Date: 03.01.2020
- Law of Georgia on Civil Service (2015) (accessed on 19 February, 2020) available from World Wide Web: <https://matsne.gov.ge/en/document/download/3031098/1/en/pdf>
- Criminal Code of Georgia (2019) Law of Georgia, Criminal Code of Georgia, (accessed on 19 February, 2020) available from World Wide Web: <https://matsne.gov.ge/en/document/download/16426/157/en/pdf> Date: 03.01.2020
- Emagogokhia (2018) Nepotism in Civil Service, (accessed on 19 February, 2020) available from World Wide Web: <http://rustavi2.ge/ka/news/114492> Date: 03.01.2020
- ErekleUrushadze (2018) Reforming Georgia's Civil Service: Progress Towards Meeting Association Agenda Commitments, Open Society Georgia Foundation, (accessed on 19 February, 2020) available from World Wide Web: http://www.osgf.ge/files/2018/Publications/Angarishi_A4_Civil_Service_ENG.pdf Date: 03.01.2020
- Tea Mariamidze (2019) Transparency International (TI) Georgia: Signs of Nepotism in Public Service, (accessed on 19 February, 2020) available from World Wide Web: <http://georgiatoday.ge/news/17830/Transparency-International-%28TI%29-Georgia%3A-Signs-of-Nepotism-in-Public-Service> Date: 03.01.2020
- George Welton (2006) The Prospects for Civil Service Reform: Ready, Willing and Able? (accessed on 19 February, 2020) available from World Wide Web: https://www.geowel.org/files/the_prospects_for_civil_service_reform.pdf Date: 03.01.2020
- Freedom House (2006) Countries at the Crossroads – Georgia, (accessed on 19 February, 2020) available from World Wide Web: <https://freedomhouse.org/report/countries-crossroads/2006/georgia> Date: 03.01.2020
- Alina Mungiu – Pippidi& Michael Johnston (2017) Transitions to Good Governance: Creating Virtuous Circles of Anti- Corruption, Edward Elgar Publishing, Northampton, USA.

Council of Europe (2017) GEORGIA: Handbook on Transparency and Citizen Participation, (accessed on 19 February, 2020) available from World Wide Web: <https://rm.coe.int/georgia-handbook-on-transparency-and-citizen-participation-en/168078938d> Date: 03.01.2020

European Committee of the Regions (2017) Preventing Corruption and Promoting Public Ethics at the Local and Regional Level in Eastern Partnership Countries, (accessed on 19 February, 2020) available from World Wide Web: <https://cor.europa.eu/en/engage/studies/Documents/Preventing-Corruption.pdf> Date: 03.01.2020

Florian Biermann & Charles Johnson (2015) Georgia's Ravaging Nepotism, (accessed on 19 February, 2020) available from World Wide Web: <http://georgiatoday.ge/news/2148/Georgia%27s-Ravaging-Nepotism> Date: 03.01.2020

Louise Shelley, Erik R. Scott & Anthony Latta (2007) Organized Crime and Corruption in Georgia, Routledge, New York.

Saltanat Liebert, Stephen E. Condrey & Dmitry Goncharov (2013) Public Administration in Post-Communist Countries: Former Soviet Union, Central and Eastern Europe, and Mongolia, CRC Press Taylor & Francis Group, Boca Raton.

Pernille Rieker (2016) External Governance as Security Community Building: The Limits and Potential of the European Neighborhood Policy, Palgrave Macmillan, London,

Ф. Мийманбаева¹ , **А. Команджаев²**

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: m.fialka58@mail.ru

²Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста, e-mail: ak.narma@mail.ru

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В РУКОВОДСТВЕ ПРОЦЕССОМ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН В СЕМИРЕЧЬЕ В 20-Х ГОДАХ XX В.

Актуальность исследования обусловлена тем, что данная проблема остается недостаточно изученной. В статье представлены материалы о процессе переселения крестьян сразу же после Октябрьской революции, которым руководил Наркомат земледелия СССР на основе использования дореволюционного опыта развития крестьянской колонизации и выдвинул в качестве одного из главных мероприятий Советской власти землеустройство переселенцев. Государственная значимость переселений подчеркивается созданием при непосредственной поддержке государства новых переселенческих организаций и формированием системы финансовой поддержки переселений. Одним из крупных районов переселения крестьян явились Казахская ССР и Киргизская Автономная Область, в частности, такой регион, как Семиречье, где одним из первых мероприятий в этом направлении явилась земельно-водная реформа. Раскрывается проведение реформы в Семиречье, указывается очередность землеустраиваемого населения. Отмечаются политические ошибки в проведении реформы. С середины 1920-х гг. переселение проводилось в соответствии с планами развития народного хозяйства. Но в конце 1920-х годов крестьянское переселение пошло на спад.

Ключевые слова: Советская власть, Семиречье, общесоюзный переселенческий план, ЦИК СССР, Всесоюзный Переселенческий Комитет, земельно-водная реформа, землеустройство и землепользование.

F. Miymanbaeva¹, A. Komandzhaev²

¹Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: m.fialka58@mail.ru

²Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Russia, Elista, e-mail: ak.narma@mail.ru

Soviet power and its role in leading the process of resettlement of peasants in Semirechye in the 20s of the XX century

The relevance of the study is due to the fact that this problem remains insufficiently studied. The article presents materials about the process of resettlement of peasants immediately after the October Revolution, which was led by the People's Commissariat of Agriculture of the USSR on the basis of using pre-revolutionary experience in the development of peasant colonization and put forward land management of immigrants as one of the main events of the Soviet government. The state significance of resettlement is emphasized by the creation with the direct support of the state of new resettlement organizations and the formation of a system of financial support for resettlement. One of the large areas of resettlement of peasants was the Kazakh SSR and the Kyrgyz Autonomous Region, in particular, such a region as Semirechye, where one of the first measures in this direction was land-water reform. The reform in Semirechye is revealed, the priority of the land-using population is indicated. Political errors in the reform are noted. Since the mid-1920s resettlement was carried out in accordance with the plans for the development of the national economy. But in the late 1920s, peasant resettlement began to decline.

Key words: Soviet power, Semirechye, all-Union resettlement plan, Central Executive Committee of the USSR, All-Union Migration Committee, land and water reform, land management and land use.

Ф. Мийманбаева¹, А. Команджаев²

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: m.fialka58@mail.ru

²Б.Б. Городовиков атындағы Калмык мемлекеттік университеті,
Ресей, Элиста қ., e-mail: ak.narva@mail.ru

XX ғ. 20-шы жылдарындағы кеңес өкіметінің Жетісуда шаруаларды қоныс аудару үдерісін басқарудағы рөлі

Зерттеудің өзектілігі бұл проблеманың жеткіліксіз зерттелуімен байланысты. Мақалада қазан революциясынан кейін шаруаларды қоныс аудару үдерісі туралы материалдар ұсынылған, оны КСРО Ауыл шаруашылығы халық комиссариаты басқарған, яғни шаруалардың отарлауын дамытуда революцияға дейінгі тәжірибені қолдану негізінде Кеңес үкіметінің басты шараларының бірі ретінде қоныс аударушыларды жерге орналастыру мәселесі болып табылды. Шаруаларды қоныстандырудың ірі аудандарының бірі – Қазақ КСР және Қырғыз Автономиялық ауданы, атап айтқанда Жетісу өңірі болды, мұнда бұл бағыттағы алғашқы шаралардың бірі жер-су реформасы болды. Жетісуда реформаларды жүргізу, жер пайдаланушылардың басымдықтары көрсетілген. Реформа жүргізудегі саяси қателіктер атап көрсетілген.

Қоныс аударудың мемлекеттік маңыздылығы жаңа қоныс аудару ұйымдарының құрылуымен және қоныстандыруды қаржылай қолдау жүйесін құрумен ерекшеленеді. 1920 жылдардың ортасынан бастап қоныс аудару ұлттық экономиканы дамыту жоспарларына сәйкес жүргізілді. Бірақ 1920 жылдардың соңында шаруаларды қоныстандыру төмендей бастады.

Түйін сөздер: Кеңестік билік, Жетісу, Бүкілодақтық қоныс аудару жоспары, КСРО ОАК, Бүкілодақтық қоныс аудару комитеті, жер-су реформасы, жерге орналастыру және жерді пайдалану.

Введение

После распада СССР проблема миграций приобрела совершенно иное звучание. Миграционные процессы внутри нашего общества еще далеко не исчерпаны, а, следовательно, их характер и структура нуждаются в научном осмыслении и изучении. В связи с этим изучение процесса организованного переселения крестьянства в СССР весьма актуально. Богатый опыт, накопленный в этом вопросе, мог бы быть использован Казахстаном, Кыргызстаном и Россией, которые ускоренными темпами вынуждены формировать нормативно-правовую базу, способную регулировать миграционные потоки в начале XXI в.

Материалы и методы исследования

Основными источниками, используемыми в настоящей статье, послужили архивные материалы Российского государственного архива экономики (г.Москва, РФ) – Фонд 46 «ВСНХ СССР. Секретариат Президиума» и Фонд 5675 «Всесоюзный переселенческий комитет при ЦИК СССР», Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) – Фонд Р-74 «Народный комиссариат земледелия Казахской АССР (1920-1936 гг.)», Государственного архива Алматинской области (ГААО) – Ф. 137

«Алма-Атинский уездный земельный отдел исполкома Советов рабочих, крестьянских, дехканских, казачьих и красноармейских депутатов (1921- 1928 гг.)», в которых отложились протоколы ВЦИК СССР об учреждении центрального колонизационного комитета при ЦИК СССР, об учреждении Всесоюзного переселенческого комитета при ЦИК Союза ССР, а также материалы, касающиеся обследования землеустройства в Семиречье в 1920-х гг., обзор экономики сельского хозяйства Казахстана в послеоктябрьский период, докладные записки и переписка по вопросам обследования и изучения деревни, документы по истории аграрных преобразований в первые годы Советской власти на территории Семиречья.

Историография переселенческого вопроса в Казахстане и Центральной Азии в досоветский период весьма обширна, однако исследований, посвященных переселению крестьян в Семиреченскую область Туркестана в 20-е годы XX века, крайне мало. Деятельность Президиума ЦИК СССР и Всесоюзного Переселенческого Комитета в советской и постсоветской историографии практически не представлена, что свидетельствует о новизне данной проблемы.

В советское время учеными значительное внимание было уделено вопросам миграции. Ценной работой в этом плане является монография Ф.Н. Базановой «Формирование и развитие

структуры населения Каз.ССР (национальный аспект)» (Базанова Ф.Н., 1987). В ней анализируется сложный и многоплановый исторический процесс формирования этнической структуры населения Казахстана в ходе межреспубликанской миграции за период с 1920 по 1979 гг. В исследовании отмечается, что процесс формирования национальной структуры населения республики проходил в ходе миграционной политики Советского государства, этапы его развития соответствуют основным этапам политического, социального и культурного развития республики. Динамика численности Казахстана в 1917-1980 гг. была рассмотрена Асылбековым М.Х. и Галиевым А.Б., Алексеенко Н.В., а также Гужвенко Ю.Н. (Асылбеков М. Х. Галиев А. Б., 1991; Алексеенко Н. В. 2001; Гужвенко Ю.Н., 2009). Они отмечают, что социально-демографические процессы в Казахстане происходили в сложной политической и социально-экономической обстановке при взаимодействии факторов, в том числе и исторических, хозяйственно-бытовых, природно-климатических, этно-демографических, социально-профессиональных и др.

В большинстве исследований по аграрной истории о проводимых переселенческих мероприятиях в 1920-е гг. не упоминается. Игнорируются такие факты, что именно в 1920-е годы Советской властью посредством переселений решались вопросы малоземелья крестьян, изучались и осваивались новые районы, планомерно и рационально велось их заселение. Ввиду трудогового и организованного характера миграции обустройством мигрантов занимались те государственные органы и структуры, которые были заинтересованы в притоке рабочей силы, при непосредственной поддержке государства.

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма, источниковедческого анализа и объективного подхода к изучаемым процессам. Принцип историзма, основанный на анализе широкого круга архивных источников, позволяет раскрыть сущность исследуемых явлений, дает возможность каждое явление изучить в развитии. Для воссоздания полной достоверности изучаемых событий использовался источниковедческий метод.

Результаты

Водоворот исторических событий в России в первой четверти XX в. – Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции

1917 г., гражданская война, политика «военного коммунизма», разруха, – все эти сложнейшие военно-политические события привели новую Советскую власть к необходимости решения задачи колонизации Сибири, Центральной Азии, к решению проблемы упорядочения переселения крестьян за Урал. Еще Временное правительство ставило задачу использования дореволюционного опыта развития крестьянской колонизации и устранения ошибок в организации переселения. В августе–сентябре 1917 г. Главным земельным комитетом для подготовки материалов к Учредительному собранию была создана Комиссия по вопросам переселения и колонизации, которая признавала необходимость продолжения политики переселения за Урал. После Октябрьской революции 1917 г. Совет Народных Комиссаров (СНК) возложил руководство переселенческими мероприятиями на учреждения, существовавшие еще до революции. Контроль над их деятельностью осуществляло Переселенческое управление, которое было преобразовано в один из отделов Наркомата по земельным делам. Таким образом, фактически земельные отношения в Казахстане после Октябрьской революции складывались на основе земледельческой колонизации в дооктябрьский период. По сути дела Советская власть продолжила переселенческую политику царской России.

В начале 1918 г. было образовано Колонизационное бюро Комиссариата земледелия в Петрограде с филиалами в Москве, Самаре и Верном. Задачами бюро являлись: 1) осведомление желающих поселиться в Сибири, земледельцев о рабочих условиях переезда, жизни, труда, хозяйства, водворение; 2) возможное регулирование начавшегося массового потока из северной, центральной, поволжской областей, направление его в определенные местности; 3) содействие переезду; 4) выявление возможности и содействие подысканию работы хлынувшим в Сибирь безработным рабочим, специалистам, чернорабочим; 5) выяснение возможности и содействие устройству на промышленных предприятиях Сибири (Центральный государственный архив Республики Казахстан. – Ф. Р – 74. Оп.2. Д.480. Л.1). То есть Колонизационные бюро должны были ежемесячно информировать Центр по всем вопросам, касающимся переселенцев и переселения.

Гражданская война, проходившая и по территории Семиречья, нанесла особенно сильный ущерб Лепсинскому уезду и северной части Копальского уезда, где долго держались отряды

Анненкова, Щербакова, Дутова. Кроме того, в 1918 г. ушла в Китай из Верненского и Джаркентского уездов большая часть уйгур и казахов. Число хозяйств в Семиреченской области сократилось с 173,9 тысяч (1916 г.) до 135 тысяч (1920 г.); население сократилось с 864 до 663,2 тысяч человек (Центральный государственный архив Республики Казахстан. – Ф.Р – 74 Оп.1.Д.284.Л.51). Много крестьян, напуганных восстанием 1916 г., и затем гражданской войной, бежали из этих районов на Украину, на Кубань и в центральные губернии (Российский Государственный Архив Экономики. – Ф.5675. Оп. 1. Д.1. Л. 90.). В связи с голодом осенью 1921 г. казахское и русское население десятками и сотнями хозяйств снималось с насиженных мест и направлялось русское – на запад и север, а казахское – на юго-восток.

После гражданской войны, в годы так называемого восстановительного периода, приток переселенцев в Семиречье почти полностью прекратился. Те же небольшие группы переехавших крестьян размещались, главным образом, в старых переселенческих поселках и казачьих станицах, не затрагивая казахского и киргизского землепользования. Накопившиеся к моменту Октябрьской революции земельные конфликты не могли быть разрешены только одним прекращением переселения. Необходимость радикального пересмотра земельных отношений выдвинула в качестве одного из главных мероприятий землеустройство переселенцев.

Основная задача Советской власти в вопросе землеустройства заключалась в ликвидации революционными методами вопиющих несправедливостей и конфликтов, созданных царской переселенческой политикой. В 1918-1919 гг. русское крестьянство хотя и было затронуто политическими процессами, происходящими в стране, тем не менее, его собственнические интересы не были серьезно нарушены, сохранялись еще привилегии переселенческого и казахского населения.

Туркестанское бюро ЦК ВКП (б) в постановлении от 20 марта 1920 г. констатировало «крайнюю запутанность земельного вопроса в Семиреченской области, чрезвычайную обостренность в отношении пришлого и коренного населения». В связи с этим в 1921-1922 гг. была проведена земельно-водная реформа, вернувшая коренному населению Семиречья около 150 тысяч гектар земли (Центральный государственный архив Республики Казахстан. – Ф.Р–74 Оп.1.Д.284.Л.53). В этот период задачами Народ-

ного Комиссариата Земледелия являлось уничтожение национального неравенства, ликвидация земельных захватов русского населения, конфискация имущества зажиточных крестьян, возвращение земли аулам, недавно смещенным со своих землепользований и пережившим в связи с этим острый кризис своего хозяйства, а также полное искоренение эксплуатации земледельческой бедноты зажиточными слоями русского крестьянства и киргизского байства, исправление и упорядочение земле- и водопользования коренного населения и крестьян-переселенцев, привлечение населения к коллективным формам хозяйствования и упорядочение существующих хозяйств, то есть уже начинался процесс подлинного Советского строительства, от которого в достаточной мере страдало и население, и хозяйство (Центральный государственный архив Республики Казахстан. – Ф. Р-74. Оп.4.Д.26. л.1 и об.).

Реформой была установлена очередность землеустраиваемого населения: к первой очереди, имеющего право на землеустройство по месту фактического землепользования, отнесено было все население Семиречья, прибывшее в область до 19 февраля 1918 г. и занимавшееся сельским хозяйством. Ко второй очереди было отнесено население, прибывшее в Семиречье до 30 октября 1922 г., оно устраивалось на излишних землях после землеустройства первой очереди. К третьей очереди отнесено было все население, прибывшее в Семиречье до декабря 1924 г. и землеустройство которого стало возможно на свободном земельном фонде, который должен был выявиться при сплошном землеустройстве (Центральный государственный архив Республики Казахстан. – Ф.Р – 74 Оп.1.Д.116.Л.22).

Однако, в ряде положений реформы содержались политические ошибки. Так, авторы реформы не сумели сочетать национального и классового начала. Они пошли по пути противопоставления казахского аула переселенческой деревне в целом. Поэтому в среде получивших землю и переселенческие постройки оказались не только безземельные батраки-казахи, но и баи, а в числе выселенных переселенцев оказались значительные группы бедняцких и середняцких хозяйств. В течение первой половины 1921 г. в Туркестане было ликвидировано значительное число русских и меннонитских хозяйств. Во второй половине 1921 г. ликвидация переселенческих хозяйств была продолжена. Все эти мероприятия проводились частично по прямым решениям республиканских организа-

ций, частично по инициативе самого казахского и киргизского населения или отдельных низовых органов власти. Реформа, с одной стороны, способствовала развитию казахского и киргизского земледелия, а с другой – замедлила восстановление переселенческого земледелия.

В начале 1922 г. были изданы приказы №3 и №4 Талгарского волисполкома о выдворении крестьян-самовольцев, переселившихся до 1916 г., по прежним местам приписки. Только за период работы с 16 мая по 16 июня 1922 г. Алматинская уездная землеустроительная комиссия определила, что из селения Александровского подлежат выселению по месту приписки 23 хозяйства, из станции Илийской – 8 хозяйств; был ликвидирован поселок Нижне-Алексеевский (№ 1 Джанашар, возникший на оброчной статье), в котором было 46 дворов, из коих 12 дворов выселялись по месту своей приписки, а остальные 34 двора вселялись в селение Александровское; как нетрудовые хозяйства были намечены к выселению из села Александровского 17 хозяйств, из станции Илийской – 22 хозяйства. Этой же комиссией были устроены временно выселенные из Копальского уезда 26 хозяйств, из Лепсинского – 1 семья. Они были распределены по поселкам следующим образом:

- в Лепсинский уезд направлено 16 семей
- в Дмитриевку .....12 семей
- в Троицкую ..... 6 семей
- в Осташкино ..... 1 семья
- в Александровское ..... 3 семьи
- в Маловодное ..... 4 семьи
- в Иссык ..... 1 семья
- в Большую станицу ..... 3 семьи
- в Николаевку ..... 7 семей

Выселяемые крестьяне из Копальского и Пишпекского уездов устраивались на временные квартиры и им предоставлялось право заготовки сена, землю для посевов им не предоставляли за неимением таковой, да и орудий труда у них не было ввиду конфискации имущества. В отчете члены землеустроительной комиссии записали: “Экономическая целесообразность требует, чтобы, во-первых, соседние уезды более осмотрительно действовали в деле выселения, признавая, что время к тому упущено. Одновременно с окончанием посевной компании, во-вторых, необходимо выселяемым предоставить право собрать и вывезти хоть часть своих посевов”. Комиссия предоставила крестьянам, как подлежащим выселению, так и взятым на учет, отсрочку выселения до уборки урожая, мотивируя это тем, что на новых местах выселяемые по-

сеять уже не смогут, а создавать искусственно кадры голодающих нецелесообразно. Работа может оживиться по открытии кредитов (Государственный Архив Алматинской Области. – Ф.137. Оп.1. Д.59. лл. 55 об, 56 и об.,57 и об.).

Комиссией по землеустройству была подготовлена учетная ведомость о движении выселяемых граждан, согласно земельной реформе, на 1922 год. Всего из Алматинского уезда было выселено 278 семей крестьян в количестве 1424 (или более) человек. Эти данные свидетельствуют о размерах выселения крестьян по земельной реформе. Так, только из селения Казанско-Богородского по разным мотивам выселялось 76 семей в числе 419 человек, в селении Самсоновском выселялась 61 семья (320 чел.), в Каскелене – 71 семья (368 чел.), в станице Ново-Российской выселялось 39 семей (210 чел.) (Государственный Архив Алматинской Области. – Ф. 137. Оп.1. Д.60. л 49).

Подобное положение дел осложняли отношения между русскими крестьянами и киргизским населением. Крестьяне посылали ходяков в Москву с жалобами на несправедливость при проведении земельной реформы. В связи с этим, по просьбе ТурЦИКа (Туркестанский Центральный Исполнительный Комитет), Президиум ВЦИКа в лице председателя ВЦИК М.И. Калинина и секретаря ВЦИК А.Енукидзе принял Обращение “Ко всему населению Семиреченской области” от 1 августа 1922 г., в котором признал, что “при спешном проведении земреформы могли иметь место отдельные ошибки”. В Обращении отмечалось, что отныне никакого выселения и конфискации скота не будет, а в дальнейшем будет проводиться только землеустройство неустroенных еще русских и киргиз, причем, в первую очередь, подвергшихся выселению и вселению в порядке проведения земреформы. В воззвании говорилось: “Пусть русский крестьянин твердо знает, что слухи о выселении всех русских из Семиречья – белогвардейская выдумка, пусть точно знает киргизское население, что никаких самовольных захватов земли и скота русскими крестьянами Советская власть не допустит, а виновные в этом будут сурово караться”. ВЦИК призывал всех трудящихся – русских и киргиз, дунган и таранчей (уйгуров) к мирному труду и братскому сотрудничеству на хозяйственном поприще (Государственный Архив Алматинской Области. – Ф. 137. Оп.1. Д.129. л.257).

Необходимо отметить, что постоянно возникавшая необходимость в переселении на территорию современного Казахстана и Центральной

Азии в 1918-1921 гг. требовала определения позиции государства в отношении переселяющихся крестьян. Сложившееся положение свидетельствовало о существовании в Европейской России потоков переселенцев, а с другой – об отсутствии возможности где-либо их устроить (Вощинин В.П., 1921:139).

30 декабря 1922 г. на I съезде Советов была подписана Декларация об образовании СССР и Союзный Договор. Новым Советским государством одним из направлений аграрной и социально-экономической политики было признано переселение за Урал и принято решение о начале подготовки переселенческого фонда. Необходимость переселения обосновывалась задачами подъема экономики страны – не только сельского хозяйства, но и промышленности, транспорта, увеличения экспорта продукции из районов, богатых различными природными ресурсами. Советское государство находилось в состоянии кризиса хлебозаготовок. Для увеличения поставок сельскохозяйственных продуктов Советская власть начала проведение политики оседания кочевников и полукочевников с целью занятия ими земледелием, уплаты земельного налога в государственную казну, укрепления международных отношений и вовлечения их в орбиту проводившейся внутренней политики государства. Российское крестьянство, мигрировавшее за Урал, должно было стать тем буфером между кочевниками и государством, который способствовал бы укреплению позиций Советской власти на местах.

С 1922 г. все исследовательские работы в области изучения эволюции и динамики сельского хозяйства были возложены на органы статистического управления. ЦСУ Казахской Советской Социалистической Республики отвечал на вопросы комиссии, что обследование и изучение деревни производится путем: а) разработки материалов сельскохозяйственных переписей, с 1921 г. носящих характер выборочных пяти- и десятипроцентных исследований крестьянского хозяйства в целях учета населения, скота (по видам и возрастам), посевных площадей; б) разработки материалов анкетного характера. Обследованию подвергаются сельское и земледельческое хозяйство, являющееся главным объектом государственного обложения. В 1922 г. в КССР (Казахская Советская Социалистическая Республика) была произведена 10%-ная сельскохозяйственная гнездовая перепись, результаты ее были опубликованы в сборнике «Сельское хозяйство КССР» (Издательство КЦСУ, 1924 г.).

В 1923 г. были проведены динамические исследования, которые были подвергнуты первичной сводке. В 1924 г. было проведено 5%-ное весеннее обследование. Материалы исследований крестьянских хозяйств предполагалось опубликовать для руководства или государственных органов КССР (Центральный государственный архив Республики Казахстан.- Ф.Р-74. Оп.2. Д.487. Лл. 4,5 и об.).

Наркомат земледелия КССР докладывал председателю СНК СССР А.И. Рыкову, что в 1925 г. работа в деревне намечается по двум направлениям: 1. изучение изменений форм крестьянского хозяйства, настроений крестьянства, его достижений за время революции; 2. преломление земельной политики Советской власти среди киргизского населения, отражение новых форм хозяйствования оседающего киргизского населения на его быт, психологию и прочее (Центральный государственный архив Республики Казахстан. – Ф.Р – 74 Оп.2. Д.487.ЛЛ.12 и об.).

Председатель ЦИК КазАССР докладывал в Президиум ВЦИК, что после проведения земельной реформы в Джунтысуйской (Семиреченской) губернии, выдворенные русские хозяйства были предоставлены сами себе и землеустроивались самостоятельно там, где заставлял их процесс землеустройства. Такое положение выселенных крестьян продолжалось до 1926 г. Местные губернские земельные управления (ГубЗУ) неоднократно рассматривали вопросы о судьбе потерпевших. Совнарком РСФСР 29 марта 1926 г. постановил отпустить для оказания ссудной помощи выселенным хозяйствам 400 тысяч рублей. Однако, было переведено 212017 рублей, за счет которых была оказана помощь только 2359 хозяйствам из общего числа выселенных 4367 хозяйств. КазНаркомЗему 22 июля 1925 г. было предложено принять меры к устройству переселенцев в летний период 1925 г., возместить стоимость отобранных у них построек, а также предоставить смету на хозяйственное их устройство на новом месте (Центральный государственный архив Республики Казахстан. – Ф.Р-74. Оп.4.Д.684. л.5).

Советское правительство в данный период уделяло большое внимание развитию деревни. В июле 1924 г. в Москве была создана комиссия под руководством А.И. Рыкова по регулированию вопросов обследования и изучения деревни. Задачей ее было выяснить, как обследуется и изучается современная деревня, наметить меры, которые необходимо предпринять для улучшения изучения деревни и направить по курсу по-

литики правительства и партии. Комиссия постановила обязать ЦСУ, Госплан, Сельскосоюз, отдел по работе в деревне ЦК РКП (б), наркомат земледелия РСФСР и наркомземы других республик, а также Туркестанский Совнарком представить комиссии справку, в которой осветить вопросы о применяемых ими методах обследования и изучения деревни; о тех сторонах крестьянской жизни и сельского хозяйства, которые преимущественно подвергаются обследованию; о проведенных уже с 1 января 1922 г. обследованиях, о том, как были использованы результаты этих обследований партийными органами и советскими учреждениями (Центральный государственный архив Республики Казахстан. – Ф. Р-74 Оп.2.Д.487.Л.3).

В 1924 г. в СССР было установлено единое союзное гражданство. С этого же времени начинается разработка новой системы государственных мероприятий по организации переселения и культурно-экономического оживления окраин СССР, изменяется идеология государства в отношении миграции крестьян, соответственно изменяется и риторика Советской власти. Так, на заседании Президиума ЦИК СССР 10 апреля 1925 г. рассматривался проект постановления ВЦИК СССР «Об учреждении Центрального колониционного комитета при ЦИК СССР и проект положения об этом комитете». Члены Президиума ЦИК постановили заголовок проекта принять в следующей редакции: «Об учреждении Всесоюзного переселенческого комитета при ЦИК Союза ССР» (Российский Государственный Архив Экономики. – Ф.46. Оп. 2. Д.4. Л.32), то есть вместо понятия «колонизация», подразумевающего захват новых территорий и хозяйственного освоения пустующих окраинных земель своей страны, противоречащего официальной доктрине, теперь власть употребляет вполне мирное понятие в духе марксистской идеологии – «переселение».

В задачи Всесоюзного переселенческого комитета входило общее руководство переселенческой политикой в СССР. В состав Всесоюзного переселенческого комитета вошли представители всех союзных республик и ряда общесоюзных органов, включая ЦСУ СССР.

14 сентября 1925 г. был принят проект Постановления Президиума ВЦИК по вопросу урегулирования земельных отношений в КССР и Киргизской Автономной Области. В целях урегулирования земельных отношений в КССР и КАО, в дополнение к изданным Положениям о землеустройстве кочевого и полукочевого

населения КССР и бывшей Туркестанской ССР, ВЦИК постановил: «1.подтвердить закрытие Казакской Республики и КАО для переселения в ее пределы крестьян-земледельцев, впредь до особого распоряжения центрального Правительства.

2.в целях прекращения дальнейшего самовольного переселения в Казакстан и КАО, широко опубликовать по Союзу ССР распоряжение о запрещении ходачества и переселения на территорию КССР и КАО с предупреждением для имеющих намерения переселиться граждан о запрещении надления землей самовольных переселенцев и об отсутствии для таковых льгот по проезду как в Казакстан и КАО, так и обратно.

3.широко распространить в районах мест выезда переселенцев (через волостные и сельские советы), а также на путях движения и на переселенческих пунктах в доступной пониманию крестьян форме, сведения о невозможности поселения их на территории Казакстана и КАО с указанием и разъяснением разорительных последствий самовольного переселения для самих переселяющихся.

4.переселенцев, прибывших в Казакстан и КАО до 1 ноября 1925 г., признать имеющими право на получение наделов и устройство их наравне с коренным туземным населением, как в поселках, признанных установленным порядком многоземельными, так и на землях госфонда, выявляемого в результате землеустройства коренного и старожильского населения.

Беженцы империалистической и гражданской войны, возвращающиеся из Китая, землеустраиваются по возможности, на старых местах своего жительства»(Российский Государственный Архив Экономики.- Ф.5675.Оп. 1. Д.1. Л.91-92 об.).

Такой запрет всяких самовольных переселений крестьян в пределах Туркеспублики был связан в первую очередь с трудностями в проведении земельной реформы, для предотвращения путаницы в надлении землей. Однако, вскоре, Постановлением ВЦИК СССР от 19 сентября 1925 г. была образована комиссия для рассмотрения вопросов землеустройства и землепользования в пределах Казахстана и Киргизской АО, которая отмечала, что Всесоюзный переселенческий комитет, осознавая необходимость ограждения населения Казахстана и Киргизской АО от притока самовольных переселенцев, затрудняющих планомерное землеустройство районов, но вынужденный считаться с результатами стихийного процесса миграции, предложил

выработанный им проект Постановления Президиума ВЦИК по вопросам урегулирования земельных отношений в КССР и КАО, в котором были высказаны следующие соображения: во-первых, предоставление права местным органам КССР и КАО выселения в административном порядке всех вновь прибывающих самовольных переселенцев не может быть допущено, т.к. согласно статье 7 Конституции СССР для граждан союзных республик устанавливается единое союзное гражданство, что обуславливает полную свободу передвижения в пределах Союза. Согласно ст.22 Конституции РСФСР объявляется противоречащим Основному Закону республики какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств, или ограничение их равноправия.

Ст.222 Земельного Кодекса РСФСР с поправками, касающихся автономных республик, рассматривала переселение и ходатайство в автономных республиках делом свободным и добровольным. Принудительное переселение (а следовательно, и выселение) могло быть допущено лишь в исключительных случаях ЦИКом с соответствующей Автономной Республикой по представлениям Наркомзема этой республики, утвержденным Федеральным комитетом по земельному делу.

При этом расходы по переселению и землеустройству переселенцев на новых местах должны были быть им возмещены за счет общегосударственных либо местных средств. Ст.223, 224, 225 предусматривали лишь открытие или закрытие переселения, проведенного в плановом порядке. Т.о., ни один гражданин не мог быть выселен из пределов республики или области и единственное, что можно было сделать в отношении такого гражданина – отказать ему в отводе земли, если он не нашел общества, принимающего его в порядке ст.46 Земельного Кодекса или, если в распоряжении земельных органов не было свободных запасных земель, предназначенных для трудового пользования; во-вторых, комиссия признала, что все переселенцы, прибывшие до 1918 г., землеустраиваются наравне с коренным туземным населением (Российский Государственный Архив Экономики. – Ф.5675. Оп. 1. Д.1. Л. 90).

В 1925-1927 гг. изъятие земель сменилось сплошным землеустройством казахского землепользования, проводившегося на основе принятой установки V краевой партконференции о первоочередности землеустройства казахского населения. Эта установка впоследствии была отменена. Однако именно она явилась наиболее

удобным прикрытием для всех извращений и перегибов земельных органов того периода.

На заседании президиума ВЦИК СССР 16 марта 1927 г. было принято решение о создании коллективных и советских хозяйств в деревне (Российский Государственный Архив Экономики. – Ф.46. Оп. 2. Д.6. Лл. 139-140). Уже в отчетном докладе Казрайкома VI партконференции прямо указывалось, что «ввиду сплошного землеустройства коллективные хозяйства не землеустраивались, так как это землеустройство рассматривалось как нарушение в порядке сплошного землеустройства» (Центральный Государственный Архив РК. – Ф. Р – 74. Оп.1. Д. 284. Л. 54).

В это же время происходила ожесточенная борьба вокруг вопроса о земельных нормах. В связи с этим вопросом развернулась широкая дискуссия между так называемыми «националистами» и «шовинистами» и о судьбах земледелия в Казахстане вообще. «Националисты» выдвинули программу, сводившуюся к необходимости консервации и «защиты» кочевого скотоводческого хозяйства, т.е. дискредитировалась возможность создания самостоятельного казахского земледелия как отрасли хозяйства. «Шовинисты», в свою очередь, не считались с огромным значением животноводства в Казахстане, не соглашались с необходимостью предварительной ликвидации последствий царской колонизации и устройства всего местного населения. Они требовали немедленного открытия Казахстана для переселения крестьянских индивидуальных хозяйств, требовали немедленного ограничения казахского землепользования нормами чисто земледельческого хозяйства и передачи под переселение всех полученных таким образом «излишков» земель.

По данным регистрации переселенцев с 1922 г. по 1925 г. (включительно) в Казахстане прошло 3733 семей, или 20368 чел., из них около 17450 чел. – в 1925 г. (Российский Государственный Архив Экономики. – Ф.5675. Оп. 1. Д.1. Л. 90). Председатель Всесоюзного Переселенческого комитета М.И. Лацис отмечал, что землеустройство такого количества переселенцев, составлявших всего 0,32% по отношению к старожильческому населению, не может лечь непосильным бременем на земельный фонд Республики, а потому Всесоюзный Переселенческий Комитет полагает, что право на получение наделов может быть предоставлено всем прибывшим в Казахстан до 1 ноября 1925 г., т.е. по тот срок, в который могло стать известным на местах вы-

хода переселенцев о Постановлении от 14 сентября 1925 г. Отмечалось, что никаких очередей наделения устанавливать не следует, т.к. наделение пойдет в порядке закрепления за переселенцами занятых или свободных земель (если этим не будут нарушены интересы местного населения), а также в порядке землеустройства коренного и старожильческого населения, тем более, что согласно Положению о землеустройстве в кочевых и полукочевых районах Туркестанской и Киргизской республик (ст.3 и 4) в порядке землеустройства подлежат наделению землей все наличные к моменту составления проекта землеустройства трудовые хозяйства всех типов (Российский Государственный Архив Экономики. – Ф.5675. Оп. 1. Д.1. Л. 90- 91 об.).

К середине 1920-х годов проявились отрицательные последствия земельной реформы – произошел перегиб в пользу национального уклона – против переселенцев, игнорирование интересов русских крестьян привело к обратному движению крестьян в Европейскую часть СССР. В докладе Киргизского экономического совещания за 1923-1924 гг. в качестве причин бегства переселенцев из Казахстана называются земельные споры и «недоразумения между русским и киргизским населением, переходящие в нежелательные столкновения» (Народное хозяйство Казахстана. 1928.№1).

И даже в 1929 г. последствиями этого явились «недостаточность и неуверенность в землепользовании», а отсюда – и «ежегодное недоиспользование значительного количества земли», как отмечала Джетысуйская плановая комиссия. В отчетном докладе Джетысуйского Губкома РКП (б) за 1925 г. указывается на медленные темпы проведения землеустройства как на основной тормоз расширения посевных площадей и интенсификации земледелия (Центральный Государственный Архив РК. – Ф.Р – 74 Оп.1.Д.284.Л.54).

На заседании Президиума ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 14 сентября 1925 г. рассматривался вопрос о землеустройстве и землепользовании в Казахстане и Киргизской АО, в результате чего постановили: «2. Воспретить всякое переселение в Казахстан и КАО из других республик, областей и губерний, впредь до нового распоряжения Президиума ВЦИК. 3. Предложить ЦИКу Казахстана отменить свое Постановление от 11 апреля 1925 г. о запрещении переселения в КССР, самовольного переселения внутри ее и о мероприятиях в отношении землеустройства уже переселившихся. 4. Поручить ЦИКу Казахстана согласовать

Положение о землеустройстве в кочевых и полукочевых районах Туркестанской АССР от 10 мая 1923 г. с Положением о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения КазССР от 17 апреля 1924 г., разработать в кратчайший срок проект согласования указанных «Положений» и представить таковой через Федеральный Комитет по землеустроительному делу на утверждение Президиума ВЦИК» (Российский Государственный Архив Экономики. – Ф.5675. Оп.1. Д.1. Л.93).

Таким образом, основные мероприятия Советской власти в восстановительный период по отношению к крестьянам-переселенцам, во-первых, не способствовали выделению земли в самостоятельную отрасль народного хозяйства; во-вторых, порождали межнациональные трения; в-третьих, явились этапом подготовки для перехода к землеустройству колхозов и совхозов.

Обсуждение

Перед союзными и автономными республиками была поставлена задача разработать план переселенческих мероприятий. На заседании Президиума Всесоюзного Переселенческого Комитета, состоявшемся 26 января 1926 г. при участии представителей Госплана РСФСР, Народного Комиссариата финансов, Комитета земледелия, в целях увязки переселенческих мероприятий в автономных республиках РСФСР с общим планом мероприятий в СССР, было согласовано и произведено распределение 2 млн. рублей, отпускаемых по бюджету СССР на переселение и землеустройство по 10 автономным республикам, из них Казахской Республике отпускалось 1250 тыс. рублей. Предполагалось выдавать кредиты на ссуды для приобретения сельхозинвентаря, рабочего скота, лесоматериалов на 32799 хозяйств, землеустроенных в 1922-1925 гг., на 12900 хозяйств, землеустраиваемых в 1925-26 гг. и на 8000 хозяйств, выселенных при проведении земельной реформы. За счет чрезвычайного фонда подлежало отпуску: ссуды 50% хозяйств из числа 12900 хозяйств, землеустроенных в 1925-26 гг. по 100 руб. на хозяйство – 650000 рублей, ссуды 75% из числа 8000 хозяйств, выселенных при проведении земельной реформы по 100 руб. на хозяйство – 600 тыс. рублей (Российский Государственный Архив Экономики. – Ф.5675. Оп.1. Д.1. Лл.100, 101 и об.).

Та острота, которую приняло переселенческое дело в большинстве республик, потребова-

ла от Всесоюзного Переселенческого Комитета срочной выработки общесоюзного плана переселения, увязав в этом плане разнообразные интересы и потребности республик с общими политическими и экономическими задачами СССР. В этих целях настоятельно требовалось сосредоточить в Комитете все имеющиеся в отдельных республиках в законченном виде: а) перспективные планы переселенческих мероприятий, а также операционные планы 1925-26 гг. со сметами к ним; б) данные о состоянии земельного фонда с указанием распределения его между различными категориями землепользователей; в) данные об избытках или недостатках земельного фонда по отдельным районам и в целом по республике по сравнению с потребностью в нем; г) данные о количестве населения, которое можно было без ущерба для республик принять в ее пределы, как безусловно избыточное (Российский Государственный Архив Экономики. – Ф.5675. Оп.1. Д.1. Лл.135). Правительства союзных республик должны также были составить перспективные планы внутри- и межреспубликанских переселений.

18 января 1928г. ЦИК совместно с СНК СССР принял Постановление «О задачах переселения, его организации, основах составления планов переселения и о порядке финансирования переселенческих мероприятий», в котором говорилось, что при составлении общесоюзного плана переселения и проведении его в жизнь необходимо исходить из необходимости прочного хозяйственного освоения необжитых и малообжитых территорий, имеющих экономическое и политическое значение, и использования их природных богатств в целях увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции, разгрузки перенаселенных районов в целях улучшения хозяйств остающегося в них населения и урегулирования самовольного переселения.

Всесоюзному Переселенческому Комитету при Центральном Исполнительном Комитете Союза ССР поручалось при составлении общесоюзного переселенческого плана обеспечить путем заселения рациональное использование вновь орошаемых районов Средней Азии на основе плана развития хлопководства, а также использования богарных и орошаемых земель в районах строящейся Туркестано-Сибирской железной дороги. Рекомендовалось учитывать интересы местного хозяйства и обеспечивать земельные потребности местного населения в заселяемых районах при составлении общесоюзного плана переселенческих мероприятий и

при практическом осуществлении их, для чего переселенческие мероприятия должны были в полной мере согласовываться с мероприятиями по землеустройству.

Постановление официально определило роль Всесоюзного Переселенческого Комитета как главного органа по организации и управлению переселением, в функции которого входило открытие направлений переселения; распределение контингентов переселенцев по районам на основании планов переселения; согласование планов переселения с планами развертывания промышленности, определив размеры потребной для этого рабочей силы; разработка и внесение на утверждение законодательных органов Союза ССР проекта постановления о льготах, поощряющих переселение в отдельные районы; составление плана перевозок переселенцев по железным дорогам и водным путям сообщения; контроль за правильным расходованием средств, выделенных государством на мероприятия по проведению переселения.

А к общесоюзному бюджету относились все расходы, связанные с заселением переселенческих фондов: расходы по обследованию, изучению и выявлению переселенческих фондов и связанному с этим межселенному, а в случае изъятия от населения земель и по внутриселенному землеустройству, по разбивке переселенческих фондов на участки, проведению дорог, расчистке лесных площадей, обводнению и производству прочих видов мелиорации, необходимых для приведения фондов в состояние, годное к немедленному использованию; на содержание дополнительных штатов центральных переселенческих аппаратов; по выдаче ссуд переселенцам, водворяемым на переселенческие фонды общесоюзного значения; расходы по медико-санитарному, агрономическому, ветеринарному, культурно-просветительному и прочим видам обслуживания переселенцев в малообжитых и необжитых районах в течение не менее года по заселении; все расходы, связанные с передвижением переселенцев и обслуживанием их в пути. Правительствам союзных республик предлагалось в месячный срок внести в законодательство этих республик изменения, вытекающие из настоящего постановления (<http://lawru.info/dok/1928/01/18/n1201363.htm>).

Заключение

Попытки республик «наглухо закрыть свои границы от вторжения неплановых переселен-

цев» не были поддержаны Всесоюзным Переселенческим Комитетом СССР. Процесс переселения крестьянства из европейской части СССР привел к изменению социально-демографической характеристики населения Казахстана. Но в конце 1920-х годов стало ясно, что крестьянское переселение, которому правительство уделяло большое внимание, было достаточно

затратным и не соответствовало новым социально-политическим задачам страны, оно пошло на спад и, в конце концов, было отменено. Однако, изучение истории переселения и подчинения этого процесса задачам Советской власти является весьма важным опытом для проведения миграционной политики Республики Казахстан.

Литература

- Базанова Ф. Н. (1987). Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР: национальный аспект. Алма-Ата : Казахстан. 154с.
- Асылбеков М. Х., Галиев А. Б. (1991). Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980). Алма-Ата : Ғылым. 191 с.
- Алексеевко Н. В. (2001). Историческая демография Казахстана. Усть-Каменогорск: Изд-во ВКГУ. 67 с.
- Гужвенко Ю.Н. (2009). Восточный Казахстан: этносоциальные отношения в 1990-е – начале 2000-х годов. М.: Восточная литература. 199 с.
- Центральный Государственный Архив РК. Ф.Р – 74 Оп.2.Д.480.Л.1
- Центральный Государственный Архив РК. Ф.Р – 74 Оп.1.Д.284.Л.51
- Российский Государственный Архив Экономики. Ф.5675. Оп. 1. Д.1. Л. 90.)
- Центральный Государственный Архив РК. Ф.Р–74 Оп.1.Д.284.Л.53
- Центральный Государственный Архив РК. Ф. Р-74. Оп.4.Д.26. л.1 и об.
- Центральный Государственный Архив РК. Ф.Р – 74 Оп.1.Д.116.Л.22
- Государственный Архив Алматинской Области. Ф. 137. Оп.1. Д.59. лл. 55 об, 56 и об.,57 и об.
- Государственный Архив Алматинской Области. Ф. 137. Оп.1. Д.60. л 49
- Государственный Архив Алматинской Области. Ф. 137. Оп.1. Д.129. л.257
- Вошинин В.П. (1921). Переселение // О земле. Вып. 1. Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. М.. С.139.
- Центральный Государственный Архив РК. Ф.Р – 74 Оп.2.Д.487.ЛЛ. 4,5 и об.
- Центральный Государственный Архив РК. Ф.Р – 74 Оп.2.Д.487.ЛЛ.12 и об.
- Центральный Государственный Архив РК. Ф. Р-74. Оп.4.Д.684. л.5.
- Центральный Государственный Архив РК. Ф. Р–74 Оп.2.Д.487.Л.3
- Российский Государственный Архив Экономики. Ф.46. Оп. 2. Д.4. Л.32.
- Российский Государственный Архив Экономики. Ф.5675. Оп. 1. Д.1. Л.91- 92 об.
- Российский Государственный Архив Экономики. Ф.5675. Оп. 1. Д.1. Л. 90.
- Российский Государственный Архив Экономики.Ф.46. Оп. 2. Д.6. Лл. 139-140.
- Центральный Государственный Архив РК. Ф.Р – 74 Оп.1.Д.284.Л.54
- Российский Государственный Архив Экономики. Ф.5675. Оп. 1. Д.1. Л. 90.
- Российский Государственный Архив Экономики. Ф.5675. Оп. 1. Д.1. Л. 90- 91 об.
- Народное хозяйство Казахстана. 1928.№1
- Центральный Государственный Архив РК. Ф.Р – 74 Оп.1.Д.284.Л.54.
- Российский Государственный Архив Экономики. Ф.5675.Оп.1. Д.1. Л.93.
- Российский Государственный Архив Экономики. Ф.5675.Оп.1. Д.1. Лл.100, 101 и об.
- Российский Государственный Архив Экономики. Ф.5675.Оп.1. Д.1. Лл.135.
- Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 18 января 1928 «О задачах переселения, его организации, основах составления планов переселения и о порядке финансирования переселенческих мероприятий». //http://lawru.info/dok/1928/01/18/n1201363.htm

References

- Bazanova F.N. (1987). Formirovaniye i razvitiye struktury naseleniya Kazakhskoy SSR: nacionalny aspekt. [Formation and development of the Kazakh SSR population structure: the national aspect]. Alma-Ata: Kazakhstan, 154 s.
- Asylbekov M. Kh., Galiev A.B. (1991). (1987). Socialno-demograficheskiye process v Kazakhstane (1917-1980). [Socio-demographic processes in Kazakhstan (1917-1980)]. Alma-Ata, 191 s.
- Alekseenko N.V. (2001). Istoricheskaya demographiya Kazakhstana. [Historical demography of Kazakhstan]. Ust-Kamenogorsk, 67 s.
- Guzhvenko Yu.N. (2009). Vostochny Kazakhstan: etnosocialnye otnosheniya v 1990-e – nachale 2000-h godov. [East Kazakhstan: ethno-social relations in the 1990s-early 2000s.]. – Moscow: Eastern literature, 199 s.

- Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Kazakhstan. [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F.74, Op.2, D.480, L.1.
- Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Kazakhstan. [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F.74, Op.1, D.284, L.51.
- Rossiyskiy Gosudarstvennyj Arhiv Ekonomiky. [Pussian State Archive of Economics]. F.5675. Op.1, D.1 L.90.
- Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Kazakhstan. [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F.74, Op.1, D.284, L.53.
- Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Kazakhstan. [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F.74. Op.4. D.26. L.1 i ob.
- Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Kazakhstan. [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F.74. Op.1. D.116. L.22.
- Gosudarstvennyj Arhiv Almatinskoy oblasti. [State Archive of Almaty Region]. F. 137. Op.1. D.59. Ll. 55 ob, 56 i ob., 57 i ob.
- Gosudarstvennyj Arhiv Almatinskoy oblasti. [State Archive of Almaty Region]. F. 137. Op.1. D.60. L. 49.
- Gosudarstvennyj Arhiv Almatinskoy oblasti. [State Archive of Almaty Region]. F. 137. Op.1. D.129. L. 257.
- Voshchinin V.P. (1921). Pereselenie. //O zemle. Vyp.1. Sbornyk statey o proshlom i buduschem zemelno-khozyaystvennogo stroitelstva. [Resettlement. On the Land. Issue 1. Collection of articles on the past and future of land and economic construction]. M., S.139.
- Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Kazakhstan. [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F.74, Op.2, D.487, Ll. 4,5 i ob.
- Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Kazakhstan. [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F.74, Op.2, D.487, L. 12 i ob.
- Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Kazakhstan. [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F.74, Op.4, D.684, L. 5.
- Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Kazakhstan. [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F.74, Op.2, D.487, L.3.
- Rossiyskiy Gosudarstvennyj Arhiv Ekonomiky. [Pussian State Archive of Economics]. F.46. Op.2. D.4. L.32.
- Rossiyskiy Gosudarstvennyj Arhiv Ekonomiky. [Pussian State Archive of Economics]. F.5675. Op.1. D.1. Ll.91-92.
- Rossiyskiy Gosudarstvennyj Arhiv Ekonomiky. [Pussian State Archive of Economics]. F.5675. Op.1. D.1. L.90.
- Rossiyskiy Gosudarstvennyj Arhiv Ekonomiky. [Pussian State Archive of Economics]. F.46. Op.2. D.6. Ll.139-140.
- Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Kazakhstan. [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F.74, Op.1, D.284, L.54.
- Rossiyskiy Gosudarstvennyj Arhiv Ekonomiky. [Pussian State Archive of Economics]. F.5675. Op.1. D.1. L.90.
- Rossiyskiy Gosudarstvennyj Arhiv Ekonomiky. [Pussian State Archive of Economics]. F.5675. Op.1. D.1. Ll.90-91.
- Narodnoye khozyaystvo Kazakhstana. [The national economy of Kazakhstan]. 1928, No.1
- Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Kazakhstan. [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F.74, Op.1, D.284, L.54.
- Rossiyskiy Gosudarstvennyj Arhiv Ekonomiky. [Pussian State Archive of Economics]. F.5675. Op.1. D.1. L.93.
- Rossiyskiy Gosudarstvennyj Arhiv Ekonomiky. [Pussian State Archive of Economics]. F.5675. Op.1. D.1. Ll.100-101.
- Rossiyskiy Gosudarstvennyj Arhiv Ekonomiky. [Pussian State Archive of Economics]. F.5675. Op.1. D.1. L.135.
- Postanovleniye CIK SSSR, SNK SSSR ot 18 yanvarya 1928 "O zadachah pereseleniia, ego organizacii, osnovah sostavleniia planov pereseleniya i o poryadke phinansirovaniya pereselencheskih meropriyatij". [Resolution of the CEC USSR, CPC USSR of January 18, 1928 "On the tasks of resettlement, its organization, the fundamentals of creating resettlement plans, and the financing of resettlement measures"]. //http://lawru.info/dok/1928/01/18/n1201363.htm

G. Habyzhanova¹ , A. Koshymova² , N. Baygaraev³

¹Doctor Historical Science, e-mail: gulnara02011966@mail.ru

²PhD, Senior Teacher, e-mail: akosh.kno@gmail.com

³PhD doctor, acting Associate Professor, e-mail: nurlan.baygaraev@kaznu.kz

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

THE ROLE OF OGUZ TRIBES IN ETHNOGENESIS OF TURKIC PEOPLE: AS AN EXAMPLE OF KAZAKH OF MIDDLE ZHUZ

The role of the Oghuz in the formation of the Kazakh people is a less studied problem in historiography. The significance of the study is due to the fact that in recent years historical studies and studies of oral folklore (chronicles, legends, etc.) have been published, as well as considering the appearance of tribal signs (tamgas), one can determine the active role of Oguzes in the formation of tribes from ancient times. In this regard, the article considers the role of the Oghuz in the formation of the Kazakh clans and tribes.

The history of the Kazakh people rooted in the history of tribes is studied on the basis of the unity of the composition of clans, tribes and the region. It is important to always take into account the fact that the tribes that make up the Kazakh people, like the Zhalaiyrs, Naimans, Kanles, Konyrats, Adai, Zhappas, etc. their ethnic origin is associated with the Oguzes. A distinctive feature of the study of the history of the Kazakh people begins with the history of the Oghuz, Kypchaks and other Turkic-speaking associations and is directly related to their history.

Key words: oghuz, kazakh people tribes, ethnogenesis, chronicles.

Г. Хабижанова¹, А. Кошымова², Н. Байгараев³

¹тарих ғылымдарының докторы, e-mail: gulnara02011966@mail.ru

²PhD, e-mail: akosh.kno@gmail.com

³PhD докторы, доцент м.а., e-mail: nurlan.baygaraev@kaznu.kz

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Оғыз тайпаларының түркі халықтарының этногенезіндегі орны: Орта жүз қазақтары мысалында

Қазақ халқының қалыптасуындағы оғыз компонентінің рөлі тарихнамада назардан тыс қалып келе жатқан мәселе болып табылады. Зерттеудің маңыздылығы соңғы жылдардағы тарихи зерттеулер мен ауыз әдебиеті үлгілерін (шежіре деректері, шежірелік аңыздар) заттай деректердің маңызды бір тобы ру-тайпа таңбаларының пайда болуын зерттеу барысында қазақ халқын құрап отырған ру-тайпалардың қалыптасуында оғыздық компоненттің ежелгі дәуірлерден бастап белсенді рөл атқарғанын көруге болады. Сондықтан мақалада қазақ ру-тайпаларының қалыптасуындағы оғыздардың рөлі талданады.

Ру-тайпалар тарихымен терең байланысқан қазақ халқының тарихы тікелей рулық-тайпалық құрылымдар мен аймақтардың бірлігі негізінде зерделенеді. Мұндайда әрқашан ескеруді қажет ететін маңызды мәселе – қазақ халқын қалыптастырып отырған жалайыр, найман, қаңлы, қоңырат, адай, жаппас және т.б. осы тәріздес үлкен-үлкен рулар өздерінің этникалық бастауларын оғыздармен байланыстырады. Арғы тегін оғыздардан, қыпшақтардан және т.б. әртүрлі түркітілдес бірлестіктерден бастау қазақ халқының, ұлтының өзіне ғана тән тарихи ерекшеліктерін айқындауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: оғыз, қазақ халқы, ру-тайпалар, этногенез, шежіре.

Г. Хабижанова¹, А. Кошымова², Н. Байгараев³

¹доктор исторических наук, e-mail: gulnara02011966@mail.ru

²PhD, e-mail: akosh.kno@gmail.com

³PhD доктор, и.о. доцента, e-mail: nurlan.baygaraev@kaznu.kz

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Роль племени огуз в этногенезе тюркских народов: на примере казахов Среднего жуза

Роль огузов в становлении казахского народа является мало изученной проблемой в историографии. Значимость исследования обусловлена тем, что за последние годы были опубликованы исторические исследования и исследования устного народного творчества (родословная, легенды и т.д.), в которых утверждается, что по появлению родовых знаков (тамги) можно определить активную роль огузов в становлении родовых племен с древнейших времен. Связи с этим в статье рассматривается роль огузов в становлении казахских родов и племен.

История казахского народа, корнями связанная с историей родовых племен, изучается на основе единства состава родов, племен и региона. Здесь важно всегда учитывать то, что родовые племена, составляющие казахский народ, как джалайыры, найманы, канлы, коньраты, адай, джаппас и др. свою этническое начало связывают с огузами. Отличительной чертой истории казахского народа является то, что она начинается с истории огузов, кыпчаков и других тюркоязычных объединений и напрямую связана с их историей.

Ключевые слова: огузы, казахский народ, племена, этногенез, генеалогия.

Introduction

The beginning of history of Kazakh people starts from Hun, Sak, Turkic people and they are their direct historical successors. The most important fact is that ancient history of Kazakh people inseparable from history of ancient Turkic history. Therefore, as other Turkic language speaking people, history of Kazakh people cannot be considered separately from the history of ancient Turkic people. The role of Oguz component in the formation of Kazakh people is an issue that has been beyond the historiography. The importance of research is that historical research of the recent years and samples of folklores (genealogical data, genealogical myths), one group of the material data – formation of tribal symbols shows that from ancient eras Oguz component played great role in the formation of tribes that contain Kazakh people. Therefore, the article studies the role of Oguz in the formation of tribes of Kazakh.

Oghuz-Kazakh: ethnogenesis of Kazakh people

he tribes lived in close relations with each other in middle ages. According to the traditions of that time, the territory and sometimes state took the name of the ruling tribe. We can see that from the data of unknown Persian author who states the following: “The territory between Volga and Don was called “Khazar steppe” due to Khazars who settled here, now it is called “Kypshak steppe”. The Persian poet,

traveler, and state official from Merv city Nasyr Khosrou in 1045 called the territory between Altay to Volga as Deshti Kypshak, which mean “Kypshak steppe”. Before that Arab geographers called this territory “Oguz steppe”. That means if powerful tribe settles the territory of other tribe that territory took name of the ruling tribe. However, that doesn't mean that tribes previously settled on that territory leave that land. Part of previous tribes stayed on that territory and accepted domination of more powerful tribe. Later they mixed up with each other and merged, and sometimes they reserved their culture and language (Omarbekov, Nogaybayeva, Koshymova, 2017).

As majority of Oguz tribes influenced the formation of ethnogenesis of Kazakh tribes, we can see that ethnical relations of Oguz with Kazakh people were continuous. For example, Oguz was the combination of tribes such as Ush Oguz, Segiz Oguz, Togyz Oguz, On Oguz, Otyz Oguz. Segiz Oguz is translated as “eight” from Mongol language and they are ancestors of Naiman tribe. This union was called previously as “Segiz Oguz”, and later their neighbors called them “Tzu-bu”, and in XI-XII centuries they were called “Naiman”.

Historians determined that Segiz Oguz are from Turkic language speaking group, and started paying importance in the research of the ancient history of Naiman in the history of Segiz Oguz union. Researchers has been studying the origin of the name of Segiz Oguz and discussing viewpoints on tribes that compose the union. These theories came from Chinese data that mentions the unions which

compose from eight tribes. Professor T.Omarbekov studying this issue, states that so called “Eight countries of Nums” are far from Segiz Oguz in terms of chronological edge and territorial location. Moreover, researcher shows that tribal names (Tzu-tze-li (Chuchers), I-shi-ui-ho, Shi-ho, Navei, Binmo (Dyan-mo), Nei-hoi-tzi, Si-ven, Tzi-mou-tze) of eight Ulys (Bu) mentioned in second “Lao-Chi” doesn’t contain Turkic words, because they are names from ancient Manchurian language (The history of the Kazakh..., 2008: 197-198).

Analysis of Chinese chronologies determines that Segiz Oguz union composed from Telek (Telgek) tribes. Sometimes they are called as Gaogui tribes. From abovementioned data we can see that after power of Sir-enda (Seyanto) and Uigyr (Yaghlakar)

against tribal union called Togyz Oguz ruled by Uigyr there was formed a new union called Segiz Oguz in middle of VIII century (Bregel, 2003).

It is known that when Togyz Oguz union was formed ruling tribe Uigyr conquered Basmyl and East Karluk tribes. However, T.Omarbekov shows in his work on research of history of Kazakh tribes that six arys of Telek – Bugu, Hun, Bayrku, Tongra, Syge, Kibi didn’t join Toguz Oguz, and they had equal rights with them (The history of the Kazakh..., 2008: 199]. Perhaps, Ulys protesting against Uigyr in the west united and formed Segiz Oguz union. Its tribal composition changed and other protesting against Uigyr tribes joined them. Analysis on Chinese data information shows the initial composition of Segiz Oguz as bellows:

Table 1 – Initial composition of Segiz Oguz

Segiz Arys (Oguz)							
↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓
Bulashyk	Eder	Suba	Naghar	Oguz	Yuregir	Yadyr	Kyrghut

The tribes shown in this list are tribes located in north-west of Togyz Oguz. Their neighbors in south were their enemy called Kuighyr (Uigyr). As mentioned above, other neighboring tribes such as Monden, Tanaghyr joined Oguz who were protesting against Uigyr. “West Ubir and north of Agni in Aktau” was settled by Bulashyk, Eder, Suba, Naghar, Ogyz, Kyrghut, Yadyr, Yuregir, Kybyt neighboring tribes (The data on Kazakh..., 2006: 122). They are called Segiz Oguz. After collapse of Sir-Enda, tribes on the west of Altyntau such as Tarinak, Zyban, Darkyt tribes joined Segiz Oguz. They could send army of 10 thousand people (The history of the..., 2008: 121-122). As we can see, above mentioned tribes composed of Ogyz arys and probably due to number of tribes composing it, this union was called Segiz Oguz. Initially they were called Segiz Arys and later it took the name Oguz arys – Segiz Ogyz union. The name of Segiz Oguz of these eight tribes can be found in El Etmish Kagan’s tomb epigraph.

During the protest against Uigyr, Segiz Ogyz had to temporarily unit with Togyz arys which was mentioned as Togyz Ghu in Chinese data. They were neighboring tribes settled on the east of Kuighyr tribes. These unions’ names were called later as

Togyz Baiyrku, Segiz Baiyrku. Due to Baiyrku’s domination during the protests against Uigyr, the union was called Baiyrku confederation or union.

According geographic term – “jer-bajyrku” in the interpretation of researcher K.Sartkozhauly to Kultegin text, Baiyrku confederation located in the territory from South East Inshan hills to North West of Akku lake. It is approximately on longitude of 1050-1110 and latitude of 420-510. Scientists divide Baiyrku into two groups – Togyz Oguz and Segis Oguz. Baiyrku confederation on Jer-Baiyrku territory has 17 major tribes. After formation of United Turk Kaganate, 17 Baiyrku tribes were divided into two groups and located on two wings. Togyz Oguz composed from nine tribes entered Teles wing, and Segiz Oguz composed of eight tribes were in Tardush wing. Later Togyz Oguz were called Kereit, Segiz Oguz were called “Segiz” or “Naiman”.

Formation of ethnical and tribal composition of Oguz is closely connected with West Jetisu. Oguz confederation was formed as a result of mixture with locals in South and West Kazakhstan. Majority of Kangar-Pecheneg and some tribes settled in Syrdarya, Aral, and north Caspian territory joined it.

As ancestors of Naiman which was formed from Oguz tribal unions were originated from Telek (Teglek) tribes expanded on large territory of nomads. They lived as close relatives with various ethnical groups. Therefore, scientists were searching for ethnical origin of Naiman tribes from neighboring tribes. For example, Kyrgyz scientist T.Akerov estimate that ancestors of Naimans are from Kyrgyz tribe called Az [Usun]. Moreover this author anticipates that Naimans are close relatives with Tatars. According to him, Anchi Tatar, Togyz Tatar, Otyz Tatar, Kara Tatar, Ak Tatar, Sary Tatar and etc. are Turkic tribes which had to call themselves as Tatars during era when power of Tatars increased. Which means that Naimans can be relatives with Ak and Kara Tatars (Akerov, 2005: 183-184). There are many researchers who states in scientific literature their opinions about ethnical relations of Naimans, Kereys and Merkits with Kyrgyz. Such closeness could take place when these tribes migrated to Tien-Shan during Mongol invasion. This opinion is supported by scientist as Han Zhulin, P.Pachnevskim E.Kychanov. E.Kychanov shows Merkit and Tatar apart from above mentioned tribes.

Naimans are known as tribal union since VIII century. A.Sh.Kadyrbayev states as other authors that Naimans were initially called Segiz Oguz tribes: "During Liao Dynasty Segiz Oguz union composed of eight tribes continued to exist, but Mongol language speaking Kidans gave them Turkic name "eight tribes, union" which means in Mongol "Naiman" (Kadyrbayev, 1990: 44). Researcher supports this opinion information on relations of Naiman, Kerei, Merkit with Kyrgyz shown in Chinese data and Rashid-ad-Din, Ata Malik Juveini's work (Kychanov, 2003: 11). It is also known that they were in close relations with Oguz confederations. The specialist of Yuan period, Chinese scientist Han Zhulin considers Naimans as a part of Enisey Kyrgyz who migrated to the south after collapse of Yuan Dynasty in first half of the X century. His theory is based on the reason that the name of Naiman was always used together with Kyrgyz name in "Manas" poem. P.Rachnevski also wrote that Naiman and Kerei were a part of Kyrgyz people or a part of ethnos of Kyrgyz Kaganate. E.Kychanov supports P.Rachnevski's viewpoint (Kychanov, 1990: 103-104). Part of researchers is searching for an answer if Naiman are Turkic or Mongol. Among European historians, one of the scientists who shows the interest to Turkic tribes' history Abraham Konstantin D'Osson in his work in German language called «Geschichte der Mongolen con Dschingis

Khan bis Tamerlan» [History of Mongol. From Chyngiz Khan to Tamerlan"] using Rashid-ad-Din, Juveini's works and other Middle Age Armenian, Georgian, and Russian data, shows that Naiman is Turkic tribe (D'Ohsson, 1834). German orientalist Julius von Klaproth (Klaport, 1812) and Henry Hoil Howorth (Howorth, 1876: 20) support his theory. A.Mokeyev states as a result of archeological research that among those who delivered Mongol culture to Tien-Shan there was Naiman tribes as well. The author says that after conquering Juan-Juans, Kidan tribes were called "Segiz" tribe which means "eight" in Mongol (Mokeyev, 2010). One of the interesting topics for researchers is history of Naiman during Mongol invasions. According to J.S. Hudya-kov, in XII century Naimans settled in West Mongolia. In the middle of XII century Naiman commander Narkez Tayan and Eniyat Kaan "conquered Kyrgyz tribes" settled along Ertis river and plateau neighboring Uigys in Turfan (Khudyakov, 1995: 73). However, in 1199 Naiman's Khan Buiryk lost to Chingiz Khan and run to Kem-Kemdjiut region of Kyrgyz. S.M.Abramzon Naimans in Shaarikhan (Uzbekistan) had minor tribe Bulghashy-Naiman (Abramzon, 1990: 49). M.Tynyshbayev shows that major tribes of Kazakh such as Uisin, Zhalaiyr, Kangly, Arghyn, Kongyrat, Kerei, Kypshak, Alshyn, including Naiman (Tynyshpaev, 1991: 37-38).

History science Doctor B.B.Karibayev and Candidate of History science associate professor M.S.Nogaybayeva stating that in 1219-1224 before Mongol invasion in head with Chingiz Khan, that is end of XII c. – beginning of XIII c. one of the tribes who migrated from Mongolia to Kazakhstan was Naiman, estimates the territory of neighboring countries as follows: "Main location of Naiman in east – upper part of Selenga and Orhon rivers, in west – Tarbagatai mountains, in north – Tannu-Oladan, south – Altai mountains; neighbors in west – Kangly, north – Kyrgyz, east – Kereit and Merkit" (Nogaybaeva, 2015: 81). As we can see, Naiman were neighboring with Kyrgyz and had close relations. We can state that a part of Naiman joined Kyrgyz and merged with them during Mongol invasions. Generally speaking, not only Naiman, ethnical formation of many Kazakh tribes is closely connected with neighboring tribes, in particular with Mongols.

M.Tynyshbayev giving the list of Kazakh tribes, for the first time wrote the full composition of it and the origin of each tribe's name. According to him, "Kangly, Uisin, Uak, Kypshak are Turkic tribes; Zhalaiyr (Eke-Mongol), Argyn, Kerei, Naiman,

Kongyrat (Kok (Eke) – Mongol) are Mongol tribes. Alshyn could be mix of Turkic and Mongol tribes’ names (Slavic, Turkic, Mongol)”; Mentioned tribes

can exist among other Turkic language speaking people. They can be shown as follows (Tynyshpaev, 1991: 151).

Table 2 – Names of Kazakh tribes among Turkic people:

Tribes	Crimea Tatars	Karakalpak	Kyrgyz	Uzbek	Turkmen	Bashkir	Tatar
1	2	3	4	5	6	7	8
Zhalaiyr		+					
Kerei	+	+			+	+	
1	2	3	4	5	6	7	8
Naiman	+	+	+				+
Oshakty				+			
Kangly				+			

As we can see from the table, some Kazakh sub-tribes joined other tribes. However, as it was mentioned above, these tribes had Oguz root.

Ethnical history of Oguz starts from ancient ages. One of the scientists who researched this issue S.G.Agadjanov determining the territory of Oguz based on data, investigated where Oguz tribes lived and their influence on formation of ethnical-political unions and direct factors which affected it (Agadzhanyan, 1969: 4). Oguz tribes not only influenced on formation of Turkic people, but also it is considered to be one of Turkic tribes. A group of scientists headed by L.N.Gumilev determined that ethnical beginning of Oguz take from Turkic Tiugiu. Kazakh are direct successors of Turks. Kazakhstani scientist Zh.O.Artykbayev wrote that ethnical traditions of ancient Turks continued in Kypshak and Oguz. Togyz Oguz tribal union was formed in Turk Kaganate in the beginning of VII century. They settled in Central Asia. In the middle of VII century Oguz tribes from Jetisu had to migrate to lower flow of Syrdarya, while Kyrgyz in IX century moved Oguz out of Ystykkol region to Xinzyan in East Turkistan. In Xinzyan Togyz Oguz mixed up with Uigyr tribes, and later accepted the ethnical name of Uigyr (Margulan, 1985: 194-195). Oguz ethnical groups formed in South and West Kazakhstan in IX-X centuries. Their ethnical composition were formed from ethnical groups living near Syrdarya river and Aral-Caspian steppe and nomadic tribes of Jetisu and Siberia.

As we said, Oguz tribes had particular influence on history of Kazakh people. Nowadays many researchers state that Oguz played great role in ethnical formation of Naiman, Kerei, Uak tribes. Historical data has information that Oguz are ancestors of Kazakh people. Academician A.H.Margulan gives his opinion on this issue as follows: “According to their genealogy Kazakh believes that they are relatives with Turkpen. In the book called “Genealogy of Kypshak” there is an information that “Alasha Khan had two sons, one of them had son Seyilkhan, who had eight successors of Turkpen, and other son had son Zhaiylkhan, who had successors Kypshak, Kazakh, Karakalpak. Turkmens came from Boz Ok, while Kazakh came from Ush Ok” (Margulan, 1985: 200-201).

In well-known “Diwani lughat-at Turk” it says: “Oguz is one of the Turkic tribes, Oguz are Turkmen. They have twenty two successors, and each has symbol and signs for cattle. They can recognize their cattle by their signs” (Makhmoud Kashkari, 1997: 85].

Here it says that Oguz are one of Turkic tribes. In this case we can state that tribe was divided by Turkic language speaking people and mixed with them. However, we can to research deeply the statement of Mahmoud Kashkari that “Oguz are Turkmens”. He showed every (twenty two) tribes’ name and symbols, stating that “above mentioned tribes are the main successors of Oguz, which has their region. The names of these tribes are the names

of their ancestors that formed them” (Makhmoud Kashkari, 1997: 56). Therefore, Oguz was union of major tribes. Its formation was long and complicated process.

Academician V.V. Bartold while researching about origin of Turkic people, rulling traditions of each tribe, lifestyle, and traditions mentioned which tribe had longest influence and power among all Turkic tribes. He says: “The name of Chigil in XI century was used for many Turkic people. According to Mahmoud Kashkari, Oguz called all Turks, from Amu-Darya to China, by name Chigil (Bartold, 1993: 58).

Main land of Oguz in VI-VII centuries was from Orhon river in current Mongolia to the west – Jetisu area, to Syr river area. Kazakh historian studied the reason of migration of Turkic tribes, located in Mongol Ustyurt in IX-XII centuries, from east to west (Kinayatuly, 2001: 80).

Ethnical name “Oguz” is known in Chinese chronology as “Uguan” since VI century. Oguz tribes initially settled in East Turkistan to Ystykkol area started migrating to Jetisu and Syrdarya since VII century. Majority of their tribes fought for power after collapse of West Turk and Turkesh Kaganates, when in 766 Karluk came to power in Jetisu. Therefore, Oguz tribes located in this area moved to lower part flow of Syrdarya. Thus, they formed powerful state in this area in second half of VIII century. In the beginning of IX century Oguz conquered Pechenegs and Kangly (in some data shown as “Kangar, “Kanghar,” “Kanggar”) tribal unions and moved to lower flow of Syrdarya. In IX century invaded Aral area. Famous archeologist academician S.P. Tolstov says in his work “Guz steppe” written based on ancient records and archeological data, that in the end of IX century Oguz conquered Pechenegs in Russian land and occupied Volga area (Tolstov, 1947:34).

Oguz and Turkmen tribes in Oguz and Seljuk states played important role in history of Eurasia. Majority of Oguz tribe joined Kazakh, Uzbek, Karakalpak, Bashkir, and Tatar.

In two centuries time settling in the territory of Kazakhstan Oguz had cultural, economical, ethnical relations with other Turkic tribes. As a result, Oguz became one of the powerful tribes in Kypshak, Golden Horde, Nomadic Uzbek state, Kazakh Khanate.

Generally speaking, formation of any nation is done as a result of merging with other nation. Therefore, we can state that Oguz confederation was formed based on the assimilation with local and other elements migrated to this area and ethnical synthesis. Kangar-Pechenegs joined other tribes settled in Aral,

Syrdarya, and North Caspian region after losing to Oguz. There are Hindu-European races as well. Particularly, it relates to Alans and Astars settled on Aral Sea and east Caspian coasts. Moreover, before existence of Oguz, in VI-IX centuries Badjgards, Nukards, and Badjnas settled in the west of Aral Sea experienced such assimilation. It can be proved by Turkic ethnical name of “Bessary”.

One of the successors of Boyars in Transylvania is Basarabs (Bessarabs). Initially, people settled in Dnestr-Prut between I-II B.C. were called “bessarab” [“bessary”]. After that in 1349-1357 this region was called “besarab land” in Moscow charters. One of the historical names of Moldavia is Bessarabia. In the list of tribes we can see subtribe Bessary among Kazakh tribes Kangly, Kypshak, Shapyrashty, Tana, and Berish, and subtribe Bessary in Oshakty tribe, and Besshary subtribe among Uzbek tribes. Therefore, the theory of well-known Turkologist academician V. Gordlevski that name of Bessarabia came from Kypshak Khan’s Basarab (Baizhumin, 2013:21).

According to some historical-chronological signs, before “Kypshak period” Bessary was nomadic Bulgarian or Uyz tribe. In XIV century during Bulgarian-Serb war famous Moldovan ruler Joann Basarab supported Bulgaria. Moldovan Walahs [Bulgarians] and Alans led by him joined anti-Serbian coalition supporting Golden Horde (Baizhumin, 2013: 21-22).

It can be considered that group of Bojban tribe from Kongyrat in Middle Zhuz could have direct ethnical relations with Oguz. Linguistic analysis led to the following theories.

“Even though Kongyrat had one symbol of independence, they had two slogans: “Mukamal” and “Alatau”. According to the myth, Sary, Sapar, Bojban were moved by Zhamanbai’s children. These five tribes formed a union called “bes Ata” and they accepted the slogan of Sangyl “Mukamal”. Every tribe included in “Bes Ata” had their own slogans. Namely, Sapar tribe had “Aitu”, Sary had “Barky”, Bojban had “Kainak”. Regarding the slogans of Zhamanbai’s successors: Karasha and Zhanai tribes had “Koken”, Akbolat and Kairak had “Sapak” (Turgunbaev, 2016: 152). Abovementioned Zhamanbai’s successors – Bojban are settled in Bogen settlement in South Kazakhstan, Besaryk rural area of Zhanakorgan region of Kyzylorda oblast.

It is important to give information on formation of Kongyrat: “Malybi was unique person of his era. He was smart commander of three Zhuz who could protect them from enemies. He had two wives:

Kundyz and Zhezbike. With older wife they had Kunti and grandchildren Supy and baki. Supy had Mangytai, Sengil; Baki had Kudaiberdi; Kudaiberdi had four sons: Zhaulybai, Amanbai, Sudembai, Suinbai. With the second wife they had Tuki, and grandchildren Baikoshkar, Akkoshkar, Zhaulybai; Baikoshkar had Akbolat; Akkoshkar had Kairak and Bojban. All these successors formed nation called Kongyrat” (Alpysbes, 2015: 139).

Kazakh National Encyclopedia there are following information: “Bojban is a Kazakh tribe. According to genealogy, it came from Kongyrat tribe of Middle Juz. In genealogical myths there is an information about successors of Bojban batyr. Alpamys batyr – son of Baibori bai and his son Jadiger were famous successors of Bojban. Other successors of Bojban are Kozhagul, Zhaukim, Itemgen, Kulym, Bekarys, Tokpak, Zhумыk, Urzhyk. Their slogan was Alatau, their symbol was entry way” (Bozhban, 1996: 354).

O.D.Bekzhan states that they have several proofs that above mentioned Bojban from Kongyrat tribe could be Bodjman who formed the basis of Kokturik Kaganate: “First proof is: tribal genealogy has some data that Bojban is well-known Alpamys batyr. Kazakh Encyclopedia has the following information about Bojban: “Bojban is a successor of Kotenshi sub-tribe in Kongyrat tribe in Middle Juz. According to genealogy, Bojban has eight successors, namely, Urshyk, Zhумыk, Kozhagul, Zhaukim, Itemgen, Kulym, Bekarystan, Tokpak. According to myth, Bojban is a successor of Alpamys batyr from Zhideli-Baisyn, in childhood he was adopted by Kotenshi. Along with successors of Kotenshi – Sary, Sapar, Mangytai, Sangyl they formed “Bes Bojban”. Bojban settled in southwest of Shymkent uezd and both sides of Syr river until October revolution. Their symbol is common symbol of Kongyrat – entryway (II)” (Bozhban, 1973: 371).

The author based on above-mentioned information attempted to find connection between Alpamys batyr from genealogical and folklore data and Bojban. In general, we can consider several variations and differences in data where one data shows that Bojban was successor of Alpamys batyr, other data states that Alpanys is successor of Bojban, and another data informs that Bojban and Alpamys was one person’s name. For example, “one data says that “Bojban” is a successor of Alpamys batyr from Zhideli Baisyn, who was adopted by Kotenshi in his childhood, while another data shows that Alpamys batyr was “Bojban” (Sadibekov, 1994). Analyzing data, above-mentioned researcher who studied

connection between Alpamys and Bodjman, state that they can be considered as two persons in epos who lived in various periods. For example, “Korkyt Ata Book” has information that Alyp Bamsy is Alpamys, and manas, Alpanys, Alyp Bansy, Bodjman are one character. “Name of Alpamys came from name of Bodjman Kagan. Its origin came from mixing up the syllables in the word. For example, there are some Kazakh names that was formed from changing syllable-words, such as Baibori – Boribai, Baisary-Sarybai, respectively Bodjman could be changed as Manbodj. First syllable “man” could be changed as “man/ban/ pan”, and last syllable “bodj” changed as “bosh/bos”, where first letter B could be replaced by B/M/N letters. Therefore, name of Manas was changed as Banbos/Bannas/Mannas/Manas. Similarly, mamysh/Manmush/Mammush/Mamush could be formed, as Manash was changed from Mannash. It is clear that in the name of Alpamys “Pamys” could be changed from Panmys/Pammys/Pamys (Bekzhan, 2011: 93].

According to another etymological analysis, the term “Boz ok” from “Oguzname” and “Korkyt Ata book” in division of “Ush ok” and “Boz ok” was conserved in Bojban name of Kongyrat. It can be explained as following: “boz+ok+an” = “bozogon” = “bojyban”, “bojban”. Taking the rules of linguistic changes into account, we can say that sound “k” can change as “g”, and suffix “-an” is plural ending in Persian language. All these components form the term “boz oktar” (Koshym-Nogai, 2003: 314-315). Here we can give an example of national etymology from “Kongyrat genealogy” of Esirkep Karibaiuly: “Called by honorable father “Bozjigitim”, “Boz-janym”, he was called “Bojban” (Konyrat shezhiresi, 1992: 9]. Moreover, there is an explanation from some genealogies, that Zholdybai was calm and quiet person, who kept silent and pale (boz), therefore he was called “Bojban” (Konyrat shezhiresi, 1992: 65).

One of famous folklore works “Alpamys batyr” has information that son of Baibori – Alpamys was ancestor of the Bojbans. This composition has origin from Oguz poem “poem about Baibori’s son Bamsy-Bairak”.

Academician Alkei Margulan gives the same opinion. He writes the following: Poem “Alpamys” is an ancient poem of many tribes, one type of “Bamsy” poem. It is heritage famous from Altai Mountains to Central Asia and Caucasus. Oguz-Kypshak tribes keeping it in memory for thousands years, turned it to great myth. Kazakh, Karakalpak, Uzbek poets reserved it in initial form to our decades. Particularly in Kazakh and Karakalpak, the

ancient plot and the structure of “Alpamys” poem was kept by Kongyrat originated from Oguz. They settled in two regions. One of them – Syrdarya river area – territory of Oguz, another one is Zhideli Baisyn – along Amudarya river, external Oguz territory. Successors of ancient Oguz – Kongyrat tribe settled in Saryarka, Torgai, Tobyl, Zhaiyk in the summer, while in the winter they moved to warmer place – Syrdarya, Amudarya area... Kongyrat from Zhideli Baisyn were settled in Saryarka. Only in last centuries their territory was reduced. This can be seen from unchanged plot of “Alpamys” poem in both nations” (Margulan, 1985: 22).

There is no disproving information against what Alkei Margulan mentioned, who always search for historical truth from national data.

Abilgazy in his work “Turkmen genealogy” mentioning the names of sons of Oguz khan’s six sons from second wife, quotes the following lines: “...Sorky was Sorkyhi at that time”. Sorky could

be the name of Sorkuik (Surkiik) tribe born from orphans in Kongyrat tribe.

The conclusion from above stated, historical data shows influence of Oguz tribes on formation of new ethnical unions in Kazakh tribal unions and until today we can find Oguz signs in their ethnical compositions.

Conclusion

In conclusion, we can see the influence of Oguz in formation Middle Juz of Kazakh in ethnical terms. Particularly, it can be proved by history of Naiman which was called Segiz Oguz at that time. Moreover, while considering tribal genealogy of Kongyrat, we can see ethnical name of Oguz had influence on some tribes of Middle Juz. This can be proved by folklore data as well. Therefore, we can firmly state that Oguz were very close with tribes that formed Kazakh nation.

References

- Abramzon C.M. (1990). Kirgizy i ih etnogeneticheskie i istoriko-kulturnye svyazi [Kyrgyz and their ethnogenetic and historical-cultural ties]. Frunze.
- Aghazhanov S.G. (1969). Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednei Azii 9-13 vv [Essays on the history of the Oguz and Turkmen Central Asia 9-13 centuries]. Ashgabat: «LYM». 295 p.
- Akerov T. (2005). The ancient Kyrgyz and the Great Steppe. (in the footsteps of ancient Kyrgyz civilizations). Bishkek. 252 p.
- Alpysbes M. (2015). Ul'tshezhiresindegi aitaly el analary men hanymdar [Famous mothers and women of the nation's chronicle]. Ladies and Gentlemen of the Kazakh Khanate: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. (Astana: «Forma Plus»). pp. 132-145.
- Baizhumin Zh. (2013). Turan. Adamzat kogamynnyng tarihinu kozqaras [A glance at the history of human society], Almaty: «Arys». 170 p.
- Bartold V.V. (1993). Turki: Dvenadsat lektsii po istorii turetskikh narodov Srednei Azii [Turks: Twelve Course of the history of Turkic people of Middle Asia]. Almaty: Zhalyn, 192 p.
- Bekzhan O.D. (2011). Kone turki kul zhazyndagy belgisiz erindik buyndy ekinshi kirigingki dauyssydzardyyng magynasy men tangbasy [The meaning and the symbol of the second intermittent consonant of an unknown lip joint in the ancient Turkic ash writing]. Bulletin PGU. Philological Series. №2. pp. 91-110.
- Bozhan (1999). Qazaqstan ulttyq entsiklopediiasy [Kazakhstan: National Encyclopedia]. editor A. Nysanbayev. Almaty: «Kazakh Encyclopedia», 720 p.
- Bozhan (1973). Qazaqstan sovet entsiklopediiasy [Kazakh Soviet Encyclopedia]. Almaty, T.2, 371 p.
- Bregel Yuri (2003). An historical atlas of Central Asia. Brill Leiden: Boston, 109 p.
- Chronicle of Kongyrat [Kongyrat shezhiresi]. (1992). According to Esirkep Karibayuly compiled and supplemented by Koshym-Nogai B.S. Almaty: Zhalyn, 80 p.
- D'Ohsson A.K. (1834). der Mongolen con Dschingis Khan bis Tamerlan. Amsterdam: Tableau historique de l'Orient. 335 p.
- Howorth H.H. (1876). History of the Mongols: from the 9th to the 19th Century. London: Burt Franklin, Vol. 1. 745 p.
- Kadyrbayev A.Sh. (1990). Irantsy i turki v Kitae i Sentralnoi Azii 13-14 vv [Iranians and Turks in China and Central Asia of the 13th-14th centuries]. Alma-Ata, 160 p.
- Khudyakov Yu.S. (1995). Kyrgyzy na prostoraх Azii [Kyrgyz in the vastness of Asia]. Bishkek: Kameks-Detai; Soros Foundation Kyrgyzstan», 232 p.
- Kinayatuly Z. (2001). Mongol ustirtin meken etken songy turki taipalary [Mongolian superficial Turkic tribes who inhabited the last: 9-12 century]. Astana: Elorda, 208 p.
- Klaport Yu. (1812). Opisaniye poezdok po Kavkazi i Gruzii v 1807 i 1808 godah po prikazaniyu russkogo pravitelstva Iuliusom fon Klaportom, Pridvornym sovetnikom Ego Velichestva imperatora Rossii, chlenom Akademii Sankt-Peterburga i t.d. [The description of trips to the Caucasus and Greece in 1807 and 1808 under the command of the Russian government by Julius Fon Claprod, Court assistant of the United Kingdom, the emperor of Russia, member of the Academic Republic etc.]. Bulletin of Europe. №2. 221 p.

Koshym-Nogai B.S. (2003). Til ushyndagy tarihy ("Biraz soz qazaqtyn tubi qaidan shyqqany turaly") [History at the tip of the tongue ("A few words about where the Kazakh roots came from")]. Til ushyndagy tarihy . Almaty: Zhazushy, 496 p.

Kychanov E. (2003). Velichie i padenie Kirgizskogo kaganata [The greatness and fall of the Kyrgyz Kaganate. The newspaper «Word of Kyrgyzstan»]. 4th november. №20. P. 11.

Kychanov E. (1990). Iuan-Min dooryndagy kyrgyzdar (13-15 kylymdar) [Kyrgyz's in the Yuan-Min (XIII-XV centuries)] / E.Kychanov, T.Beishenaliev. Ala Too. (Frunze), №7. P. 123-138.

Margulan A. (1985). Ezhelgi jyr, anyzdar [Ancient legends, myths]. Almaty: Writer, 368 p.

Mahmud Kashgari (1997). Turik tilinin sozdigi: (Diuanı lugat-it turik) [Turkish Dictionary: ("Diuanı lugat at-Turik")]. 3-volume collection of essays] translated into Kazakh, greeting and scientific concepts Post A.Egewbay. Almaty, Hunt, T.1. 590 p.

Mokeyev A.M. (2010). Kyrgyzy na Altae i na Tian-Shane [Kyrgyz in the Altai and the Tien Shan]. Bishkek: «Manas», 280 p.

Nogaibaeva M.S., Karybaev B.B. (2015). Mongol zhaulap alushylygyna bailyanysty Qazaqstan aumagyna taipalardyn qonys audary [Migration of tribes to the territory of Kazakhstan due to the Mongol invasion. Problems of formation of ethnic territory of the Kazakh people] Monography, editor T.Omarbekov. (Almaty: Kazakh University), P. 80-87.

Omarbekov T., Nogaybayeva M.S., Koshymova A.O. (2017). Kazak Türklerinin Oluşumunda Oğuzların Rolü: Etnik ve Coğrafi bütünleşme/ The Role of Oguzs in the formation of Kazakh Turkic: Ethnical and Geographical Integration. Milli Folklor. №71. S. 79-92.

Sadibekov Z. (1994) Qazaq shezhiresi [The Kazakh chronicle]. Tashkent: Uzbekiston, 103 p.

Nayman Qazaq ru-taipalarynyng tarihy. (2008). T 10. [Naiman. The history of the Kazakh tribes and clans]. Almaty: "Alash" Historical Research Center, T.10, 1-book. 457 p.

Qytai zhylnamalaryndagy kazakh tarihyng derekteri (2006). [The data on Kazakh history in the Chinese Chronicle] 2-book. AD 275-840 / Scientific supervisor Zh. Myrzahanuly. Almaty: Oner, 2006. 344 p.

Tynyshpaev M. (1991). Aktaban shuburyndy [Great Disasters...]. Alma-Ata: Zhalyn, 152 p.

Tolstov S.P. (1947). Goroda guzov (istoriko-etnograficheskie etudy) [Cities of Guzes (historical and ethnographic studies)]. Soviet Ethnography. Moscow, №3. P. 55-102.

Turgunbayev E.M. (2016). Shezhire – tarihi-ethnographyalyk derek. [Shezhire (Chronicle) is a historical and ethnographic source]. Almaty: Kazakh University, 234 p.

N. Alpysbaeva¹ , Zh. Dyussebekova²

¹candidate of historical sciences, acting professor, e-mail: nurzipakz@mail.ru

²master of sciences, lecturer, e-mail: zhanna2991@gmail.com

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

FOREIGN EXPERIENCE OF INFORMATIZATION OF THE ARCHIVAL INDUSTRY

Informatization of archival institutions is one of the priority directions of development of archival business in Kazakhstan. The most important problems of this process are the introduction of information technologies in the archival industry, the automation of the scientific References apparatus, open access to information, and the creation of archives of electronic documents. It is the study of foreign experience in the field of informatization that can give a positive effect in determining the most rational methods and ways of development for the domestic archival industry. Currently, many archives around the world use the ability to present archived documents to users in electronic form. Some experience in this field has been accumulated abroad. Of great interest is the experience of the countries of the near and far abroad that have achieved significant results in the informatization of the archival industry on the example of the Republic of Belarus, China and Korea, which gives an overall picture of informatization on a global scale.

Key words: Informatization, National Archival Fund, automated information system, electronic archive, integrated archival management system, foreign experience, electronic document.

Н. Алпысбаева¹, Ж. Дюсембекова²

¹тарих ғылымдарының кандидаты, профессор м.а., e-mail: nurzipakz@mail.ru

²магистр, оқытушысы, e-mail: zhanna2991@gmail.com

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Архив саласын ақпараттандырудың шетелдік тәжірибесі

Архив мекемелерін ақпараттандыру – Қазақстандағы архив ісін дамытудың басым бағыттарының бірі. Бұл үрдістің маңызды проблемалары – архив саласына ақпараттық технологияларды енгізу, ғылыми-анықтамалық аппараттарды автоматтандыру, ақпаратқа ашық қол жетімділік және электронды құжаттардың архивін құру. Ақпараттандыру саласындағы шетелдік тәжірибені зерттеу, отандық архив саласын дамытудың ең тиімді әдістері мен тәсілдерін анықтауда оң нәтиже бере алады. Қазіргі уақытта әлемнің көптеген архивтері пайдаланушыларға архив құжаттарын электронды түрде ұсынады. Шетелде осы салада белгілі бір тәжірибе жинақталған. Архив саласын ақпараттандыруда айтарлықтай нәтижелерге қол жеткізген жақын және алыс шетелдердің тәжірибесі, соның ішінде Беларусь Республикасы, Қытай және Корея тәжірибелері үлкен қызығушылық тудырады, ол әлемдік ауқымда ақпараттандырудың жалпы көрінісін түсінуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: ақпараттандыру, ұлттық архив қоры, автоматтандырылған ақпараттық жүйе, электронды архив, біріктірілген архивті басқару жүйесі, шетелдік тәжірибе, электронды құжат.

Н. Алпысбаева¹, Ж. Дюсембекова²

¹к.и.н., и.о. профессора, e-mail: nurzipakz@mail.ru

²магистр, преподаватель, e-mail: zhanna2991@gmail.com

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Зарубежный опыт информатизации архивной отрасли

Информатизация архивных учреждений – одно из приоритетных направлений развития архивного дела в Казахстане. Важнейшими проблемами этого процесса являются внедрение информационных технологий в архивную отрасль, автоматизация научно-справочного аппарата, открытый доступ к информации, создание архивов электронных документов. Именно изучение зарубежного опыта в сфере информатизации может дать положительный эффект в определении наиболее рациональных методов и способов развития для отечественной архивной

отрасли. В настоящее время во многих архивах мира используется возможность представления пользователям архивных документов в электронной форме. За рубежом накоплен определенный опыт в этой области. Большой интерес представляет опыт стран ближнего и дальнего зарубежья, а именно Республики Беларусь, Китая и Кореи, достигших значительных результатов в информатизации архивной отрасли, который дает общую картину информатизации в мировом масштабе.

Ключевые слова: информатизация, национальный архивный фонд, автоматизированная информационная система, электронный архив, интегрированная система управления архивами, зарубежный опыт, электронный документ.

Introduction

Today an informatization has penetrated into all spheres of human life and activity, society and the state. In modern archival science, the issues of informatization and the formation of a new methodology for archival work are related to the penetration of information technologies into the archive industry. Archival informatization is a process of improving technologies for processing archival documents by introducing theoretical and applied developments of computer science into archival business, as well as using computer equipment and software in the work of archives.

Since the 1990s, archival institutions in foreign countries have been moving to the stage of informatization. At the same time, international standards of description are further developed in accordance with the level of development of information technologies, as well as national concepts for the development of the information infrastructure of society. National integrated information systems are being created and accessed via the Internet.

The mass digitalization of archival heritage has enabled more researchers to work with them, including those who are geographically remote. The document becomes open and accessible due to network technologies. Issues of classification and systematization are solved, computer data banks of archival documents are formed, which together contributes to the solution of document management problems. The tasks of universalization of document management tools, development of common standards and classification schemes for archival documents are becoming urgent. But at the same time, there are new problems related to ensuring long-term storage of electronic documents.

Therefore, the study of foreign experience in the field of information in the archive industry allows us to conclude that it is necessary to improve the research and methodological work of the archives of the Republic of Kazakhstan.

Historiography of the problem

Questions of research and description of electronic information are considered in the works of foreign researchers. The possibility of historical and cultural use of electronic forms of presentation and preservation of information was noted by V. Bush. The idea of infostructure was outlined by him in "As We May Think" in the *Atlantic Monthly* (Bush 1987: 254-261). It is one of the precursors of the scientific approach to the study of an electronic source.

H. Dollar (Ch. Dollar) is among the first researchers of electronic documents, one of the founders of the Archive school of the University of British Columbia, author of the book "Authentic Electronic Records: Strategies for Long Term Access" (Ryskov 2004: 14).

The issues of theory and practice of source analysis of electronic texts received a comprehensive coverage in the research of S. Schreibman, R. Siemens, and J. Schreibman. Unsworth (J. Unsworth). The innovations that occur in modern humanitarian thought, which the authors emphasize are related to the computerization of scientific knowledge. The collective publication covers the problem of methodology for studying digital information (a Companion to digital humanities ... 2004: 145-254).

Constructive suggestions about the need to develop a common methodological platform were made already in the 1990s. J. McGann and P. Shillingsburg, et al., who saw e-text primarily as a product of social interaction between multiple agents: the author, editor, publisher, and so on (Schreibman 2002: 288-291.). The researchers' achievement is to develop General classification criteria and methodological approaches for studying electronic texts from the point of view of archival science. Attention was drawn to their dynamism, i.e. variability, their content, time and place of appearance as features that make it difficult to attribute them.

The practice of analytical reviews of electronic resources has increasingly attracted researchers, so A. McMichael associates the beginning of involvement in the scientific turnover of electronic data with the formation of historical scientific and educational websites, h-net (History-net) (McMichael 1998: 88).

In this area, special mention can also be made of the publications of S. Smith (Smith 1998: 2), Yu. Daniel, (Daniel 2004: 293-301).

As part of the historiographic review, it is worth noting the work of researchers from the CIS countries, primarily Russia. The application of information theory to the study of historical sources is associated with the name of I.D. Kovalchenko (Kovalchenko 2004: 486). L.I. Borodkin devoted his works to the study of historical Informatics (Borodkin 2008: 8), interdisciplinary synthesis in historical research is considered in the works of V.I. Vladimirov (Vladimirov 2005:192), G V. Mozhaeva (Mozhaeva 2004: 58-78). The processes of Informatization of archival business in Russia are covered in the works of Yu.Yu. Yumasheva (Yumasheva 2017: 40), the use of information technologies in the archival sphere is considered in the work of L. p. Afanasyeva (Afanasyeva 2010:406), the theory and practice of information management in the digital economy are considered in the works of M. V. Larin (Larin 2018:279).

If the work of the Belarusian researcher V. L. Nosevich highlights the main activities of Belarusian archives on the introduction of modern information technologies, including the digitization of documents and providing access to archival information on the Internet (Nosevich 2013: 67-70), then the problems of legal regulation of the Informatization of archival business in Belarus are considered in scientific publications by E. p. shcherbatsevich (shcherbatsevich 2014: www.pravo.by).

In Kazakhstan, the problems of studying electronic information are presented in the works of S.A. Zhakisheva (Zhakisheva 2019: 234), K.A. Alimgazinov (Alimgazinov 2014: 348), B. Dzhaparov (Dzhaparov 2014: 16-26), V.M. Chuprov (Chuprov 2018:103-104), and others.

Currently, it is important to expand the theoretical developments in Kazakhstan's historiography devoted to the Informatization of archival business, the study of electronic documents as historical sources, and directions of domestic research based on interdisciplinary synthesis. In this regard, the study of archival documents as sources in the digital environment deserves serious attention from domestic researchers.

Modern trends of automation and informatization of archival business in the Republic of Belarus

Let's focus in more detail on the process of informatization of archival business in the Republic of Belarus.

In the Republic of Belarus, comprehensive automation of the main areas of work of state archives in 2003-2015 was carried out in accordance with the government-approved strategy for the development of the information society in the Republic of Belarus for the period up to 2015, the State program "Archives of Belarus" for 2011-2015, and the industry strategy for automating the archive industry in the near future (2005-2010) (Sherbatsevich 2019: www.pravo.by). The main goal of the state program "Archives of Belarus" is to preserve and replenish the National Archive Fund (hereinafter-NAF) of the Republic of Belarus as an integral part of the historical, cultural, information and intellectual property of the people of Belarus, creating conditions for ensuring broad access of citizens to information resources (<http://archives.gov.by>). Among the identified tasks there are ensuring the safety and replenishment of the NAF of the Republic of Belarus; expanding access to archival documents and providing citizens, society, and the state with retrospective document information; introduction of information products and technologies in the field of archives and records management.

Informatization of the Belarusian archives is developing in three directions. The first of them is to provide acquisition of new types of documents that are initially created in digital form ("digital-born", as they are called recently). For this purpose, in 1998, the Belarusian research center for electronic documentation (Belnitsed) was established in the structure of the archival industry. One of its statutory functions is the state storage of electronic documents of the National Archive Fund. For this purpose, the center has an archive of electronic documents. By the time it was commissioned in 2000, it was the first specialized archive of this kind in the post-Soviet space and one of the first in the world.

The second direction is the creation and implementation of application programs that automate the work of archivists. This applies to traditional activities aimed at accounting, ensuring the safety of paper documents, and managing access to them. The strategy of automation of the archival industry planned until 2010 provided for the creation of a standard information system "AIS archive ED" which automates all the main activities of archivists.

Now this system is put into commercial operation in almost all state archives (5 central and 25 regional and zonal) and in regional government bodies.

The third area of greatest interest is the creation of digital copies of paper documents, scientific References apparatus for them, as well as providing access to archival information through Internet technologies (Nossevich 2013: 69).

Since October 1st, 2012 an online access to the test version of the State stock catalog containing the names and brief annotations of funds stored in all state archives has been opened. This was the first step towards placing a scientific References device on the Internet.

The first experience of creating descriptions in accordance with the ISAD (G) standard was gained by Belarusian archivists when working on the project “Documentary heritage of the Polish-Lithuanian Commonwealth”, which was carried out within the framework of the UNESCO Program in 2009 jointly by employees of archives and libraries in Belarus, Lithuania, Poland, Russia and Ukraine, with BelRCED (Belarusian Research Center for Electronic Documentation) acting as the coordinator. In 2011, the Automated information system (hereinafter – AIS) of the state archive and the automated information system summary for management bodies (AIS summary) were put into commercial operation. The AIS of the state archive consists of a single database (hereinafter-DB) and seven interrelated software modules: “Acquisition”, “Personal funds”, “Accounting”, “Security”, “Scientific References apparatus”, “Use”, “Administrator”. Summary AIS allows you to integrate data accumulated in the AIS databases of state archives, and generate reporting and statistical information. The consolidated AIS consists of a single database and three interconnected software modules: “Acquisition”, “Stock catalog” and “Administrator”.

In 2012, within the framework of the state program “Archives of Belarus”, a project was launched to create a system of open access to documents of the National Archives Fund. This will be the first information system in the archive service of Belarus based on the ISO 14721:2003 standard “Open archive information system. References model».

In 2013, a separate AIS of audiovisual documents was developed for the Belarusian state archive of the FVSD (Film Visual Sound Documents) in connection with the specifics of film and photo documents (hereinafter – FPVD). The digitization of Sound and Visual documents in Belarus started at

the same time as the European archives. Along with photographic materials, archival audio documents are being digitized especially actively, and digitizing film materials is somewhat more difficult. Professional high-quality equipment for digitizing films is very expensive. Therefore, Belarusian TV companies are provided with archival film materials on magnetic tapes in the Betacam and DVCAM standard.

Currently, the main tasks of Belarusian archivists are to ensure the acceptance of electronic documents for storage, and therefore, by 2020, Belarus will begin accepting electronic documents for storage in state archives.

Thus, modern information technologies are being actively introduced in the archive industry of Belarus: digitization of documents, provision of online access to archival information on the Internet, introduction of AIS, open access system, and storage of electronic documents.

Informatization of archives in China

Of great interest is the experience of foreign countries that have achieved significant results in the Informatization of the archive industry on the example of China and Korea, which gives an overall picture of Informatization on a global scale.

Electronic documents have appeared in the archives of the PRC since the end of 1980. a Number of regional archives began to purposefully form digital archive resources in three ways:

- by accepting electronic original archived documents from the record management services;
- digitization of traditional documents stored in archives;
- use of electronic documents.

In order for electronic documents to meet the established requirements, the State interdepartmental joint meeting on electronic document management was established in 2009. It unites a number of specialized central departments for managing records management, archival documents, and information technologies. For the management of electronic archival documents, the State archive administration of China has developed industry standards such as the “Metadata standard for official electronic documents”, “Standard format for ensuring the long-term preservation of electronic documents”, “Package of electronic documents in XML format”. In the field of long-term preservation of electronic information, the National natural science Foundation of China discusses problems related to ensuring the safety of electronic documents, issues

of standardization and development of common strategies (Khrantsovskaya 2009: <http://rusrim.blogspot.ru>).

In 2012, with the support of the State interdepartmental joint meeting, the state archive administration of the PRC developed a Procedure for transmitting and receiving electronic archival documents, which defines the duties of the staff and the organization of work.

During the testing, it was possible to establish a References system for transmitting and receiving electronic archival documents. In addition, a procedure for long-term storage of electronic archival documents, a project for organizing and storing electronic archival documents, a list of metadata of electronic archival documents, and a draft test of electronic archival documents used for quality assessment were prepared. In 2014, after the completion of the pilot projects, the relevant experience was distributed throughout the country.

For the further development of digital archives, a number of tasks have to be solved. So, since 2015, the staff has started to develop new universal functions of the electronic document management system, taking into account the latest technologies. In the second half of 2016, a standard was developed for the unification of electronic document management systems created by different companies, and for the preparation of shared access to data from any digital archive. According to the latest program of the state archives administration of China, by the end of 2020 in all provincial, city, and County archives, the proportion of digitized permanent storage documents should be 30-60%, 40-75%, and 25-50%, respectively.

On July 27th, 2016, the Chinese government released “The national strategy for the development of informatization”, which consists of three stages:

The first of them will be completed in 2020, by which time the PRC should take the leading positions in key technologies of the IT industry, and Informatization should become the leading driving force of modernization.

The second stage will last until 2025. The authorities expect that a group of multinational corporations will appear in China during this period.

The third stage will last until 2050. according to the plan, by this time China will have strengthened its status as a cyber power (national strategy for the development of informatization).

To date, a number of interdisciplinary research projects in the field of information development are planned in the people’s Republic of China:

1. “Studying the formation of collective memory

in the era of transformation of society and the evolution of information carriers” (2013-2014).

2. “Study of identification and capture of electronic documents” (2010-2015).

3. “Exploring the relationship between document classification and archival description” in the framework of the lifecycle management concept (2013-2015).

4. Review of “National and international achievements in electronic document management” (2009-2015).

5. “Strategies and methodologies for implementing metadata schemes for electronic documents” (2013-2016).

6. “Initiatives in the field of open electronic document management” (2014-2016) (<http://www.tsutmb.ru>).

Thus, the informatization of archives in China is presented in the organization of electronic document management (LAN); in the processes of cataloguing, descriptions, and search archived information; to organize the use of documents (e-manuals and copies); in securing (regulation of climate archives, digital restoration).

Korea’s experience in managing and storing electronic documents

The archive system of the Republic of Korea is no less significant. It began to form in the period after the country’s liberation from Japanese colonization and developed in close relationship with socio-political and economic transformations. In the early 1950s, a systematic collection of historical documents on the activities of entrepreneurs, tax policy, and other areas of public life created since the Japanese conquest of Korea was started. Then there was a period of establishing state control over the maintenance and preservation of public documentation, and developing legal documents on business management. In August 1969, the government archives and Records Service was established in Seoul, under the Ministry of government administration. This archive has received the status of a special authorized state body with the right to control the quality of archival work and records management in the country. In November 1984, due to the increase in the volume of documents that were subject to state storage, a branch of the archive was opened in Busan and a repository was built, which is now called the “History Repository”. In July 1998, after the reorganization of the Ministry of government administration into the Ministry of government administration and

internal Affairs, the head office of the Government archive with a record-keeping service from Seoul was moved to Daejeon.

In the period 1999-2004, the legal framework regulating work with documents and archival storage was improved. On January 29, 1999, the law Public Records Management Act was adopted for the first time. In April 2004, the Government archive with records management is renamed the national archive and records Management (<https://cyberleninka.ru/article/n/arhivy-respubliki-koreya-istoriko-dokumentalnoe-nasledie/viewer>).

The period since 2005, marked in the country as the “Era of the evolution of the Korean archival system”, has been marked by a significant strengthening of the legal framework for archival Affairs. In April 2007, amendments were made to the law “on the management of public (public) documents”, and a resolution was adopted on the procedure for its application. The law is aimed at legal regulation of relations between departments and archives for the collection, storage, accounting and use of both traditional and electronic documents. The law “Presidential Records Act” was adopted, and in July of the same year – a resolution on its application. This preceded the opening of the Archive of the President of the Republic of Korea. In October 2007, the national archives and records management service was renamed the national archives of Korea (NAC). In November 2008, construction of a new building was completed in Seoul, where the opening ceremony of the NAC was held in December. It currently houses the National repository (NARA Repository). In 2013, the National archives building in Daejeon was built. In the past, 2016, the Archive of the President of the Republic of Korea was relocated to a new building in Sejong.

In the period of 1999-2004, the legal framework regulating work with documents and archival storage was improved. On January 29, 1999, the law “on the management of public (public) documents” (Public Records Management Act) was adopted for the first time. In April 2004, the Government archive with records management is renamed the National Archive and Records Management (<https://cyberleninka.ru/article/n/arhivy-respubliki-koreya-istoriko-dokumentalnoe-nasledie/viewer>).

The period since 2005, marked in the country as the “era of the evolution of the Korean archival system”, has been marked by a marked strengthening of the legal framework for archives. In April 2007, amendments were made to the law “on the management of public documents”, and a resolution

was adopted on the procedure for its application. The law is aimed at legal regulation of relations between departments and archives for the collection, storage, accounting and use of both traditional and electronic documents. The law “on presidential documents” (Presidential Records Act) was adopted, and in July of the same year – a resolution on its application. This preceded the opening of the Archive of the President of the Republic of Korea. In October 2007, the national archives and records management service was renamed the national archives of Korea (NAC). In November 2008, construction of a new building was completed in Seoul, where the opening ceremony of the NAC was held in December. It currently houses the National repository. In 2013, the National archives building in Daejeon was built. In the past, 2016, the Archive of the President of the Republic of Korea was relocated to a new building in Sejong.

The system for storing documents in the National storage facility in Seoul is standard, and the standards for temperature and humidity, light, security, fire, and other modes are strictly maintained. Attention is drawn to the use of modern information technologies to ensure accounting, control over the safety and maintenance of scientific References apparatus (hereinafter-NSA). A system of RFID technologies (bar-coding of cases) has been introduced, which allows for rapid search and control of their movement within the archive.

Of particular interest is the best practices of the Republic of Korea in managing and storing electronic documents. Public administration in the Republic of Korea is based on e-government. Since 2010, Korea has maintained its top position in the UN e-Government Survey to assess the level of e-government development in the country.

The history of creating information systems related to document management begins in 1999. Then the Law on managing records of a state institution was adopted. A three-stage record management system was created that includes record creation, record management, and archive management.

In 2006, the law was completely changed to strengthen these steps and manage recording procedures, both for electronic and traditional documents. The amendments to the law made it possible to transform a simple electronic document system intended only for signing documents into an integrated “Service management system”, which already had various functions, such as electronic signature, management, document registration, reporting, video conferences, etc.

Since 2004, institutions have started implementing the “Records Centre System” for managing records created from the document creation system. Each institution selected one of the certified commercial programs that met their needs. During the implementation process, there were difficulties connecting this software to the “Central archive management System” (CAMS), developed in 2006 by the national archives of Korea. To solve this problem, NAC developed the standard “record management system” (RMS) software for government agencies and distributed it to nearly 750 institutions. Since 2007, the electronic document management system has been switched to a paperless basis.

The “records management system” (RMS) is a standard system that each institution introduces for record-keeping processes in RMS are organized to perform accounting tasks, regardless of the creation of an electronic record. Documents on traditional media created in structural divisions are registered, digitized and placed in the system.

Transmitted electronic records are stored on the server after sequential procedures, such as checking metadata and checking for viruses. Documents with a retention period of more than 10 years are converted to a long-term storage format (NEO-NAK, s Encapsulated Object), developed by NAC in 2008. NEO-format is an XML-encapsulated format consisting of an object with an electronic signature and certification information used in this electronic signature, which ensures the reliability and integrity of electronic records for a long time.

Created official documents are transferred annually to the “file Records” block, which is a set of “Case” folders. They contain electronic documents consisting of the main document and its Annex. The original document created in various formats is saved. Then each document is converted to PDF A-1, according to ISO 19005-1. The entire Case folder is then converted to NEO format, which includes certification information belonging to the institution, the signed object of the original documents, PDF files, and associated metadata.

The Central archive management system (CAMS) is an integrated archive management system that provides functions such as receiving, storing, recording, using documents, etc.

Every year, each institution prepares lists and files for more than 10 years of storage, which are transferred from the “records management system” (RMS) to the Central archive management system (CAMS) either online or offline via recording on portable devices. Transmitted electronic documents

are stored in the receiving domain then moved to an isolated domain for quality control. At this stage, files are scanned for viruses, visualized and verified that the certificate used to sign files is valid and that the file formats match the technical specifications. After all checks, electronic records are signed electronically using the NAC certificate and transferred to the storage domain. To ensure security, electronic file repositories are geographically separated and located in different cities.

Documents on paper and other media stored in the NAC are digitized and entered into the CAMS system as planned.

Since 2007, the national archives of Korea has established and operated a “long-term verification System” to manage long-term verification data and provide certificate verification services. It is associated with four certification authorities for administrative, educational, military, and civilian domains to collect their certificate revocation lists.

The system also provides online access to archive information of interest. A full-scale transfer of electronic documents has been started since 2015. Now the national archives of Korea is tasked with creating an advanced record management system in accordance with the digital environment, including the expansion of cloud technologies.

The successful implementation of e-government was facilitated by the strengthening of the legal framework for documentation and archival Affairs of the Republic. Today, South Korea has 65 national standards that facilitate the management of archives within certain norms, including the production and management of electronic records. In addition, to increase the level of archive management, each Agency should be provided with special personnel for document management. By 2017, the level of provision of special personnel was 73% (Organization of archival business... 2019: 51).

Much attention is paid to the promotion of archival heritage. All NAC buildings have exhibition halls where permanent and temporary thematic expositions are presented. In addition to documents and photos, items of state symbols, awards, gifts, etc. are displayed. It should be noted that special visiting programs have been developed for school students, including Junior classes, where the material is presented in an interactive form. The exhibition is also available online at the web portal of the company.

The archive system of Korea is similar to the archive system of Kazakhstan. The same principles and methods of storage, acquisition, and use are applied. Archivists in Korea focus

a lot of attention on the problem of ensuring the safety and use of electronic documents in the long term. A policy is being developed to improve preservation functions to extend the durability of originals, high-quality preservation processing to create master copies, adopt a policy for using a single format to ensure cost effectiveness, and promptly expand, modify, and replace digital preservation systems.

Conclusion

Thus, based on the analysis of foreign experience, we can draw a number of conclusions:

Trend of distribution of electronic documents in practice public administration is common.

To date, there is no sufficient legal framework for electronic documents and electronic archives. In this regard, it is necessary to develop state standards for media, description and storage of electronic documents and databases, and technological regulations for the migration of electronic documents at different levels (transfer of electronic documents and databases to departmental archives, and from departmental archives to state archives). For the

archive industry of the Republic of Kazakhstan, such a regulatory and methodological document is required. Therefore, at present, in connection with the digitization of archival documents and the creation of an electronic archive, there is an urgent need to improve the legal and methodological base of the archival sphere, which will give an additional impetus to the development of the archive industry in Kazakhstan.

The introduction of information technology in the archive sector, leads to a specific revision of the content of archival work, the development of new approaches to the preservation of retrospective information, methodical work, including the creation of an electronic archive, automation of the ongoing work of archival institutions in the stages of gathering, recording, transfer to state storage and use of documents of national archive Fund of Kazakhstan.

The article was made in the framework of the scientific project AP 05135746 «Improvement of methods of archiving storage of documents under conditions of informatization: implementation of international experience in state archives of Kazakhstan».

References

- Schreibman S., Siemens R., Unsworth J. (2004). *A Companion to Digital Humanities*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd. 611 p.
- Alimgazinov K. (2014). *Sovremennye tekhnotronnye istochniki: informatsionnyi analiz istoricheskikh gipertekstov* [Modern Technonronic sources: information analysis of historical hypertexts]. Monographiya. Almaty: Eltanym. 348 s.
- Archivy Belarusi. [Archives of Belarus]. [El. resource]. Access mode: <http://archives.gov.by>. Date of issue: 20.08.2019.
- Afanasieva L.P. (2005). *Avtomatizirovannye arhivnye tehnologii*. [Automated archive technologies]. Federal. Agentstvo po obraz.gos. obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego prof.obraz.. M.: RGGU. 406 s.
- Borodkin L.I., Garskova I.M. (2008). *Priortety sovremennoi istoricheskoi informatiki: tehnologii e-Science* [Priorities of modern historical Informatics: e-Science technologies] // *krug idey: mezhdisciplinarnye podhody v istoricheskoi informatike: Trudy X konferencii*. M.: MGU. S. 8.
- Bush V. (1987). *As We May Think. The Origins of information science* / edited by A.J. Meadows. London: Taylor Graham. 261 p.
- Vladimirov V.N. (2005). *Istoricheskaya geoinformatika: geoinformacionnye sistemy v istoricheskikh issledovaniyah*. [Historical Geoinformatics: geographic information systems in historical research]. Barnaul: Izd-vo Altayskogo un-ta. 192 s.
- Dzhaparov B.A. (2014). *Informacionnye tehnologii – budushee arhivnogo dela* [Information technology – the future of archives] // *Voprosy documentooborota*. №12(60). S. 16-26.
- Zhakisheva S.A. (2019). *Kliometriya: osnovy kvantitativnoi istorii i istoricheskoi informatiki: uchebnoe posobie*. [Cliometrica: basics of quantitative history and historical Informatics]. Almaty: Kazakh universiteti. 234 s.
- Kovalchenko I.D. (2003). *Metody istoricheskogo issledovaniya*. [Methods of historical research]. Izd. 2-e, dop. M.: Nauka. 486 s.
- Larin M.V. (2018). *Informacionnoe obespechenie upravleniya* [Management information support]: uchebnoe posobie. Moskva: RGGU. 279 s.
- McMichael A. (1998). *The Historian, the Internet, and the Web: A Reassessment* // *Perspectives on History*. №36:2 (February). [El. resource]. Access mode. URL: <http://www.historians.org/perspectives/> (date of issue: 20.05.2019)
- Mozhaeva G.V. (2004). *Informaciya kak istoricheskaya kategoriya: k voprosu ob informacionnom istochnikovedenii*. [Information as a historical category: on the issue of information source studies] // *Rol' informacii v formirovanii i razvitii sociuma v istoricheskom proshlom*. M.: IVI RAN. S. 58-78.
- Nosevich V.L. (2013). *Informacionnye tehnologii v arhivnoi sluzhbe* [Information technology in the archive service]. // *Informatika*. №2. S.67-70.

Nacional'naya strategiya razvitiya informatizacii v Kitae. [National strategy for the development of Informatization in China]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://baikal24.ru/text/28-07-2016/kitae/> (data obrash'eniya: 20.08.2018).

Ryskov O.I. (2004). Issledovanie normativno-metodicheskogo obespecheniya i praktiki primeneniya elektronnykh dokumentov v deyatel'nosti federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti Rossiiskoi Federacii [Research of normative and methodological support and practice of applying electronic documents in the activities of Federal Executive authorities of the Russian Federation]: 1993–2004 gg.: avtoref. k.i.n.: 05.25.02. Moskva. 26 s.

Schreibman S. (2002). Computer-mediated Texts and Textuality: Theory and Practice // *Computers and the Humanities*. №3. P.288–291.

Smith C. (1998). Can You Do Serious History on the Web? // *Perspectives on History*. №36:2(February). [el.resource] URL: <http://www.historians.org/perspectives/> (date of issue: 02.02.2019);

Daniel J. Cohen. (2004). History and the Second Decade of the Web // *Rethinking History*. Vol.8. №2.P.293-301. [el.resource]. URL: <http://chnm.gmu.edu/> (date of issue: 20.05.2019).

Solomagina E.A. Informacionnye tehnologii v arhivnom dele Kitaya. [Information technology in the archives of China]. [Elektronnyi resurs]. Acces mode: URL:http://www.tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/vseross/startuet_priemnaya_kompaniy (date of issue: 20.05.2019).

Sherbacevich E.P. Pravovoe regulirovanie obsh'estvennykh otnoshenii v sfere informatizacii [Legal regulation of public relations in the field of Informatization] // Nacional'nyi centr pravovoi informatiki Respubliki Belarus'. [Elektronnyi resurs]. Access mode: URL: www.pravo.by/conf2010/reports/Sherbacevich.doc. (Data dostupa: 24.11.2014).

Chuprov V.M. (2018). Iz istorii informatizacii arhiva Prezidenta Respubliki Kazakhstan: proshloe, nastoyash'ee, budush'ee [From the history of Informatization of the archive of the President of the Republic of Kazakhstan: past, present, future] // *Voprosy dokumentooborota*. № 7-8. S.103-104.

Hramcovskaya N.A. Obespechenie dolgovremennoi sohrannosti elektronnoi informacii v Kitae. [Ensuring long-term security of electronic information in China]. [Elektronnyi resurs]. Access mode. URL:http://rusrim.blogspot.ru/2009/11/blog-post_18.html (date of issue: 20.05.2019).

Horhordina T.I., Popov A.V. Arhivy Respubliki Koreya: istoriko-dokumental'noe nasledie. [Archives of the Republic of Korea: historical and documentary heritage]. [Elektronnyi resurs]. Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhivy-respubliki-koreya-istoriko-dokumentalnoe-nasledie/viewer> (Data dostupa: 24.11.2014).

Yumasheva Yu.Yu. (2017). Istoriografiya nauchnykh issledovaniy informatizacii arhivnogo dela v Rossiiskoi Federacii [Historiography of scientific research on the Informatization of archives in the Russian Federation] (nachalo 1990-h – 2016 gg.): avtoref. dis. na soisk. uch.st.d.i.n...Moskva. 40 s.

G. Ksenzhi¹ M. Kulshigashova²

¹d.h.s., Professor, e-mail: migkz@ya.ru

²m.a.s., e-mail: moldir060691@gmail.com

Kazakh National Agrarian University, Kazakhstan, Almaty

CLASSIFICATION OF CARTOGRAPHIC MATERIALS OF XVIII-XIX CENTURIES ON THE HISTORY OF KAZAKHSTAN

The priority task of the Russian Empire, in order to successfully advance into the depths of the Kazakh steppes, was a cartographic study. The greatest contribution to the topographic study of the territory of Kazakhstan was made by officers of the Military Topographic Depot and members of the Russian Geographical Society. In the process of studying the history of Kazakhstan in modern times, the task of identifying, describing and further using cartographic sources inevitably arises. In order to successfully study the spatial aspects of the historical process, orienting in a huge number of maps of all kinds and types, as well as systematization and storage, the article analyzes classification problems and provides a brief overview of Russian cartographic materials on the history of Kazakhstan in the XVIIIth and XIXth centuries, from the collection of documents collected during the study. The classification should satisfy the logical requirement of the study. The basis for the classification of identified old maps was laid down the main features: territorial, chronological, thematic, scale, purpose and content. In this case, first of all, the dominant feature of the map was taken into account and the classification was carried out according to it, additional features were secondary and filled the classification.

Key words: interdisciplinary study, Kazakh steppe, Russian Empire, old maps, classification, description.

Г. Ксенжик¹, М. Кулшигашова²

¹т.ғ.д., профессор, e-mail: migkz@ya.ru

²т.ғ.д., профессор, e-mail: moldir060691@gmail.com

Қазақ ұлттық аграрлық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

XVIII-XIX ғғ. Қазақстан тарихы картографиялық материалдардың жіктеуі

Қазақ даласына сәтімен дендеп ену мақсатында Ресей империясының басымдықты міндеті картографиялық зерттеу болды. Әскери-топографиялық депо офицерлері мен Орыс географиялық қоғамының мүшелері Қазақстан аумағын топографиялық зерттеуге аса көп үлес қосты. Жаңа замандағы Қазақстан тарихын зерттеу барысында картографиялық дереккөздерді анықтау, сипаттау және алдағы уақытта пайдалану міндеті тұратыны сөзсіз. Тарихи процестің кеңістіктік аспектілерін табыспен зерттеу, сан алуан түрдегі және типтегі неше түрлі карталардың зор мөлшерінде бағдар табу, сондай-ақ жүйеге келтіру және сақтау мақсатында мақалада жіктеу мәселелері талданды және зерттеу барысында жиналған құжаттар жинақтамасынан алынған XVIII – XIX ғғ. Қазақстан тарихы бойынша орыстың картографиялық материалдарына қысқаша шолу жүзеге асырылды. Жіктеу зерттеудің логикалық талабын қанағаттандыруы тиіс. Анықталған ескі карталарды жіктеу негізіне негізгі белгілер алынды: аумақтық, хронологиялық, тақырыптық, масштабтық, мақсаты мен мазмұны. Бұл ретте бірінші кезекте картадағы үстем белгі ескерілді және ол бойынша жіктеу орындалды, қосымша белгілер екінші дәрежелі болды және жіктеуді толықтырды.

Түйін сөздер: пәнаралық зерттеу, қазақ даласы, Ресей империясы, ескі карталар, жіктеу, сипаттама.

Г. Ксенжик¹, М. Кулшигашова²

¹Д.и.н., профессор, e-mail: migkz@ya.ru

²Д.и.н., профессор, e-mail: moldir060691@gmail.com

Казахский национальный аграрный университет, Казахстан, г. Алматы

Классификация картографических материалов XVIII – XIX вв. по истории Казахстана

Приоритетной задачей Российской империи в целях успешного продвижения вглубь казахских степей являлось картографическое исследование. Наибольший вклад в топографическое исследование территории Казахстана внесли офицеры Военно-топографического депо и члены Русского географического общества. В процессе изучения истории Казахстана нового времени неизбежно встает задача выявления, описания и дальнейшего использования картографических источников. В целях успешного изучения пространственных аспектов исторического процесса, ориентирования в огромном количестве карт всевозможных видов и типов, а также систематизации и хранения в статье проанализированы проблемы классификации и осуществлен краткий обзор русских картографических материалов по истории Казахстана XVIII – XIX вв. из коллекции документов, собранных в ходе исследования. Классификация должна удовлетворять логическому требованию исследования. В основу классификации выявленных старых карт были положены основные признаки: территориальный, хронологический, тематический, масштабный, назначения и содержания. При этом, в первую очередь, учитывался доминирующий признак у карты и выполнялась по нему классификация, дополнительные признаки являлись второстепенными и восполняли классификацию.

Ключевые слова: междисциплинарное исследование, казахская степь, Российская империя, старые карты, классификация, описание.

Introduction

A cartographic study of the Kazakh steppes is mainly related to the interest of the Russian Empire in the colonial seizure of the adjacent territory of Kazakhstan and, as a result, the increased demand for accurate and operative information about the features of the area. The evolution of cartographic materials was influenced by the improvement of the technical equipment of the army of the Russian Empire. The study of cartographic materials of the XVIII – XIX centuries of the history of Kazakhstan presents particular interest, in view of the fact that they are sources of a comprehensive study of history and allow for a visual demonstration of the general context of the events of the true historical and cultural environment in Kazakhstan in time and space. It should be noted that the vast majority of researchers so far have attracted a fairly limited range of cartographic materials as historical – cartographic sources, and there are no special studies on this subject. Moreover, the maps themselves are essentially not analyzed at all in historical and historical-geographical literature. Moreover, the maps themselves are essentially not analyzed at all in historical and historical-geographical literature. Such a statement of the problem draws attention to the fact that in the historical literature the principles of map classification were not investigated and the analysis and review of cartographic materials on the history

of Kazakhstan in modern times were not carried out. The proposed classification scheme for cartographic material is based on a direct analysis of archival complexes of Russian maps of the XVIII – XIX centuries by the history of Kazakhstan and knowledge of qualification systems of the past period.

Materials and methods

The methodological basis of the study was the principle of interdisciplinarity, which involves the interaction of various methods. When reconstructing a holistic picture of the study, we relied on a holistic array of source research base:

- Russian cartographic materials on the area of resettlement of the Kazakh families, which formed the basis of the study, research and stored in the archives and libraries of Russia and Kazakhstan. The study used cartographic materials, including: Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow, Russian Federation), Russian State Military Historical Archive (Moscow, Russian Federation).

- Legislative documents of the Russian Empire, confirming the procedure for surveying territories and reflecting the legislative principles of administrative-territorial reforms in Kazakhstan, namely: about landcards and drawings of sovereigns (PSZRI -1. T. VI, 1720: 141); about the procedure for land surveying and the production of land surveys (PSZRI – 1. T. XXIX, 1806: 266), etc.

- Studies of pre-revolutionary, Soviet, Russian, foreign and domestic authors involved in the study of the history of cartography.

As the main research methods, we use the cartographic method, which allows us to trace the evolution of the ideas and methods of cartography, aimed at obtaining information on the qualitative and quantitative characteristics of maps, studying the dynamics of historical events of their relationships and the ability to perform classification of cartographic material. One of the effective methods for studying the contents of old maps to identify their reliability as historical sources is the method of comparing cartographic works, which allows you to compare maps of different times and analyze their contents and identify which classification group belongs to. The description method allows a systematic, logical and orderly search for interesting historical facts.

Discussion

One of the priorities in world history is historical cartography, which allows us to classify and rethink cartographic sources from new methodological positions. Studying the problems of classification and source study of Russian cartographic material of the history of Kazakhstan of the XVIII – XIX centuries is vital, as it contributes to the successful conduct of scientific research, as well as the systematization and storage of old maps. In modern historiography, the issue of classification and description of cartographic material on the history of Kazakhstan of the XVIII – XIX centuries is practically not studied. Nevertheless, the comprehension of certain aspects of the study was carried out as part of a study of the history of cartography in a number of pre-revolutionary, Soviet, Russian, foreign and Kazakhstan scientists.

Pre-revolutionary historiography has a tendency to study the activities of officers of the General Staff of the Russian Empire and the formation of borders in the context of the tsarist government's policy. Nevertheless, a number of studies are very valuable in our days, the works include: N.V. Sokolov (Sokolov 1872), E.A. Koversky (Koversky 1893), V.V. Witkowski (Witkowski 1904), L.S. Bagrova (Bagrov 1914:1-4) etc.

Soviet historical science was dominated by work on the study of source studies and the methodology of the old cartographic material, the specific features of cartographic documents. In this regard, the most interesting are the works of such authors as: L.A. Goldenberg (Goldenberg 1965), O.M. Medushevskaya (Medushevskaya 1977), K.A. Salish-

chev (Salishchev 1990), S.I. Sotnikova (Sotnikova 1989), etc.

In modern Russian historiography, they pay attention to the cartographic study of Russia and the general problems of the theory of the cartographic method of research, in particular: A.S. Postnikov (Postnikov 2007), A.M. Berlyant (Berlyant 2002), V.S. Kusov (Kusov 2003), O.N. Kationov (Kationov 2007), etc.

British cartographer D.B. Harley (Harley 1975) considers a technique for researching old maps. Among external sources that could shed light on old maps, the author names a wide variety of materials – catalogs, prospectuses of publications and other documentary, graphic and oral sources. The American professor, Dr. Mark Bassin (Bassin 1999), widely uses the methods of historical geography and cartography in historical research. The author's publications contribute to the development of studies on the methodological issues of historical cartography. The German researcher D. Dalman (Dalman 2009) is an expert on the history of the annexation of Siberia and the Far East to the Russian Empire. The author is engaged in the history of Russian cartography and early descriptions of Siberia. He notes in a historical study that territorial divisions in Asia took shape as a result of the struggle for power and hegemony between the British and Russian empires. Kazakh historian I.V. Erofeeva (Erofeeva 2011: 330 – 358) one of the first Russian researchers drew attention to the importance of using geographical maps as historical sources.

In these studies, only fragmentary information is given on the classification and reviews of cartographic material on the history of Kazakhstan of the XVIII – XIX centuries. Nevertheless, studies of scientists of the pre-revolutionary and modern period provide an opportunity to comprehensively and objectively solve the tasks of the work. For a deep understanding of the political, social and cultural life of the Kazakh society of the XVIII – XIX centuries there is a need to resort to source study and classification of cartographic material, which is caused by the enrichment of the knowledge of world historical science in historical cartography. Due to its interdisciplinarity, this direction brings to its arsenal scientific achievements and methodological knowledge from disciplines distant from history. The front-end development of cartographic materials using interdisciplinary approaches will expand the scope of the study and will allow us to combine the available scattered information on the history of Kazakhstan in modern times.

Results

The classification of the identified Russian cartographic materials of the XVIII – XIX centuries according to the history of Kazakhstan, the following features were laid down: territorial, chronological, thematic (socio-economic, historical, geological, population, borders, roads, others), scale (small-scale, medium-scale and large-scale), purposes (scientific, cultural, educational, academic) and content (general geographic; thematic maps, special). In this case, the dominant feature of the card was taken into account in the first place and classification was carried out according to it, additional features were secondary and made up for the classification. Depending on the practical need, it is more expedient to carry out the classification on one basis or, in some cases, simultaneously on several grounds, their combinations and complexes, for example (territorial, chronological, scale and thematic). Additional, but effective signs of classifying maps include, for example, the date the map was compiled, the date the events were displayed on the map, author, title, place of publication, handwritten, language, era, and method of disclosing content (atlases, globes). Most of the cartographic materials that we have identified, according to the degree of severity of the mathematical basis and in the terminology of the study period, are entitled as “land card”, “map” and “plan”. They are represented by two main types of maps: general geographical and thematic. A fairly significant number of cards can be classified as political and administrative, which reflects their main content and purpose.

Among the large number of cartographic materials identified and digitized by us, the series of manuscript maps of the XVIII – XIX centuries is of particular scientific interest which for the first time in the history of cartography of Eurasia depicts various regions of Kazakhstan. As an example of classification, review, and description and assessment of source-study significance, let us dwell on landcards compiled by decision of the Orenburg Governor’s Chancellery of December 9, 1752. The general list includes the “General card of the Orenburg province and adjacent places”, as well as ten landcards supplementing it, six of which are directly related to the territory of resettlement of Kazakh clans. Of greatest interest to researchers is the “General Landcard of the whole Orenburg region with the introduction of both parts of the Kazan and Siberian provinces and other Asian possessions and departments of the Orenburg region” (RGADA F. 192. Op.1. D 7). The map is handwritten, colored, decorated with draw-

ings. There is a degree grid. No scale. The borders are marked on a manuscript colored landcard, the region’s hydrogrid, mountains and lakes, part of the Caspian Sea and settlements are depicted. On the map in large letters the territory “Steppe of nomadic Kyrgyz Kaysakov” is designated, thereby unambiguously identifying this region as a traditional area of settlement of Kazakh clans and occupying the territory from the Yaik River to the Irtysh River. On the landcard, the channels of the longest and largest rivers of Kazakhstan are quite reliably shown: Yaik (Ural), Irtysh, Syr – Daria, Tobol, Uy, Ishim with tributaries. The northwestern coast of the Caspian Sea and the North Zaisan Lake (Zaysan) are depicted. The Aral Lake is shown more full-flowing than on modern maps and with receiving tributaries, the territory of the Aral possessions is marked to the south of it. Stationary settlements on the map are represented by Russian fortresses and outposts. Along the Yaik shore, all the fortifications built by then were marked: Guryev (modern Atyrau), Iletskaya, Orskaya, Tanalytskaya; on the Uy river: Ust-Uyskaya, Nurtamyshskaya; on the Irtysh River: Chernolutskaya, Zhelezinsky, Yamyshevskaya, Semipalatinsk. The cities of Tashkent, Turkestan and the old town of Saraichik are designated. An important caravan route was recorded on the map – the Nogai road, which connected in the XVIII century Kazakh steppe with the Volga-Yaitsk interfluvium. Shown are the border lines bordering the Orenburg province and the “Steppe of nomadic Kyrgyz Kaisaks”, the study of which is of scientific importance in studying the history of the formation of the borders of Kazakhstan. According to the developed classification, this map is handwritten, geographic, and small-scale.

A good example of a thematic historical map from the collected collection is the handwritten “General map of Russia. Historical map of the Russian Empire. 1793, September 2” (RGADA F. 192. Op. 1. D. 11). This thematic map was one of the first to have the title “Historical map” in the title. It reflects historical phenomena and events, in conjunction with geographical factors. The map shows the “acquisition” of the Russian Empire after the war with Turkey. The term “general map” in its title corresponds to a small-scale geographical map of the country and a modern overview, general geographical map. General maps were carried out using the generalization process, since it is impossible to show all objects with all the features and details on a small-scale map. Therefore, the process of selecting and summarizing the objects displayed on the map was used, which is called generalization, which

allows emphasizing the main geographical features. The designation “general card” was first officially introduced by the General Regulations in 1720, in its special chapter “On landcards and drawings of sovereigns” (PSZRI 1720:141). This term was used in Russia until the beginning of the XX century. Gradually disappeared with the development of large-scale classifications of geographic maps, accompanied by a change in terminology. Карта цветная. The card is color. There is a degree grid. A large amount of historical data is written on the margins of the map. In large letters on the map, the location of the Younger and Middle Zhuz of Kazakhs is marked («The steppe of the roaming Kirghiz Kaisaks of the Lesser Horde»). The hydrogrid and mountains are shown. Names of geographical objects are absent. These maps are important for researchers studying the influence of geopolitical events of modern times on the formation of borders. The scientific information relating to the territory of Kazakhstan on this issue is reflected in the comments under paragraph VII, located on the edges of the map: “Upon the seizure by Russians of Siberia, a border was established with the Chinese Empire only, starting from the Eastern Ocean and ending in the Sayan Mountains. From this place to the west to the Caspian Sea, due to the circumstances of neighboring peoples, the borders were repeatedly changed at different times for safety from raids from the Omsk fortress to the bottom along the Irtysh, and to the west along Tobol, and along the Uy River to the Urals, and along the Urals to Guryev The fortresses built then constituted the Russian border. But then the small and middle Kyrgyz Horde came under the patronage of the Russian Scepter, and the latter, after the Chinese ruined the Zyungar villages, spread to the Irtysh River and the Ulun-tan ridge. That is, their nomads and uluses are now reckoned with the Russian Empire, and from the Sayan mountains to the Uluntan ridge, and to the Caspian Sea, the border has established itself, which is indicated by orange paint, ”the map legend says. The map presented in the review allows researchers to establish the historical relationship of political and natural objects with migration processes in the territory of the Eurasian continent in modern times.

Of great practical importance for the development of scientific knowledge about the historical past of the Kazakh people of the new era is the general geographical small-scale map of the first half of the 19th century. “The middle Kyrgyz-Kaisak horde and adjacent to this horde and possessions.” 1833 Handwritten. It was compiled during an expedition for the Military Topographic

Reconnaissance of the Omsk Region, appointed in 1832 under the leadership of the General Staff, Lieutenant Colonel Butovsky. Omsk 1833 M.: 150 miles in an inch. The map was compiled by the topographer Babikov. Drafted by topographer Tsikarev, Mayorov and Lebedev (RGVIA F. 846. Op. 16, T.3. D. 20305). The map is color, there is a degree grid. This map is notable for its legend and accompanying explanatory information (inventory and conventional signs). The map is oriented north. The image of the terrain is presented prospectively, with strokes and washing. The inventory presents the history of cartographic surveys, a list of routes of topographers, and who made travel notes while exploring the Kazakh steppe. It was noted that when compiling the map, the following instrumental surveys and data from other maps were used, namely: “1) the Siberian line taken instrumentally from 1819 to 1826 by topographers under the leadership of the General Staff Colonel Dyakonov. 2) A part of the materials of the military topographic reconnaissance of the Omsk Region, which was instrumentally taken in 1832 by other topographers, was used. 3) Map of lands belonging to the Kyrgyz Cossacks, in the description of the Kyrgyz Kaisak hordes and steppes. Works of Levshin in 1832. 4) Map of Bukharia, compiled in 1820 by Colonel Meyendorf. 5) A map compiled by Lieutenant Colonel Nabokov from the description of G. Shangin in 1816. 6) A map of part of Middle Asia, composed at the Depot of Maps in 1816. 7) Atlas of the world of the five parts of the world, 1827”. When compiling the map, the following descriptions were used: “1) Descriptions of the official of the 12th grade Leshchev in 1821. from the fortress of Semipalatinsk towards the city of Koshkar to the ridge of the snowy mountains of Ala-tau. 2) Topographer Kozlov, description of the removed route in 1824 from the Peter and Paul Fortress to the city of Kokchetau. 3) Sotnik Shakhmatov, a description of the route taken in 1825 from the Semipalatinsk fortress to seven rivers and Sieberstein’s remarks about seven. 4) Topographer Kozlov and Kokulin, a description of the route taken in 1829 from the outpost of Semiyarsky to the Chu River. 5) Esaul Potanin, a description of the route taken in 1829 from the Petropavlovsk Fortress to Kokand. 6) Sotnik Shakhmatov and topographer Kozlov description of the route taken in 1830 from the Peter and Paul Fortress to Lake Kurgaldzhina. 7) Khorunzheva Rybin description of the route taken in 1830 from the Siberian redoubt to the tract Aman-Karagay. 8) Sotnik Petrov description of the route taken in 1830 from the Nikolayevskaya fortress to the Chaptyrghan tract. 9). Yesaul Gerasimova

description of the route taken in 1830 from the Ust-Kamenogorsk fortress to the nomadic Kirdzhinsky volost and to the site of the current settlement of the Karkaraly district. 10) Khorunzheva Dedova description of the route taken in 1830 from Ford Koryakovsky to Bayan – Aulsk district. 11) Sotnik Shakhmatov description of the route taken in 1831 from the Karkaraly district to Lake Kurgaldzhinsky and back through the Akmola district along the Ishim River”.

In the preparation of the manuscript map, travel logs and other information were used: “1) Information from Ataman Telyatnikov, written in 1803 when examining the route from the Semiyarsky outpost to Tashkent. 2) Putintsev College Registrar from the Bukhtarminsky fortress to the Chinese cities: Chuguchak and Kuldzhi. 3) Provincial Secretary Bubentsev written in 1813, when exploring the route from the fortress of Semipalatinsk to the vicinity of the city of Aksu. 4) The journal of the Tara merchant Niyazy Aytykin conducted by him in 1827 from Omsk to Kokand and with notes about the area. 5) Information about many places in this part of Asia received from the foreman Jazy-Dzhanov, who was awarded a cash reward and a medal for showing the ways of the Russian expedition and caravans”. This information allows you to perform a source analysis of cartographic material and is of scientific interest for researching the history of development of the territory of Kazakhstan. The map shows emerald deposits (Lake Karasor), mineral springs, mud, shows a detailed hydro network, mountains, lakes (salted, fresh), part of the Caspian Sea, wells, natural tracts with names, sands, channels of dried rivers. These data are of interest to researchers of Kazakh geographical names and ecologists. The map shows borders, fortresses, outposts, settlements, orders, a place for settling the Aman-Karagaysky district, cities, caravan roads. The locations of the Kazakh zhuzs were determined: “Small Kyrgyz – Kaisak Horde”, “Middle Kyrgyz – Kaysak Horde”, “Big Kyrgyz – Kaysays Horde”. The map contains great historical and ethnographic information, which fairly reliably and in detail reflects the spatial localization of the resettlement of Kazakh families: Kireyevtsy, Uvakovtsy, Uvak-Kireyevtsy, Atygay, Kanzhigaly, Karabalyk, Syugur, Tyuben Chikty, Tanabuga-Kuldyunun, Kipchak, Karsalovtsy-Gilder, Karatamyr – Sarygaska, Toka Chumekevtsy, Dzhapsas-Kireyit, Altyn-Alchyntsi, Kidel-Turu-Aigy, Arginty, Kryk-Maltyk, Chak-Chak-Dzhugary Chikty, Tyuben Dzhugary Chikty Arginty, Baganalinty, Noga. Karaulty, Bagyshevtsy, Nogai and Kyldy, Chancharovtsy,

Basenteytsy, Taraklinty, Karpykovets, Kalkamanovtsy, Ochinty, Kuyanchi-Tagayevtsy, Kardzhinty, Semiz – Naimans, Dzhelair, Kungyr-Burykovtsy, Dulatsy, Kaptagamaytsy. Chaprastins, Kaptagamays. The map of the “Middle Kyrgyz-Kaisak horde and neighboring hordes and possessions” is noteworthy in that it allows you to visually check and compare written and oral sources about the nomadic Kazakh tribes and their locations. The map shows the tract Jailma peak Kalkaman, where in 1817 the Sultan Bukey – Charak – Khapov was elevated to the khanate dignity. The winter Khan’s nomad was noted in the Lesser Kirghiz – Kaisak Horde, and in the Great Kirghiz – Kaisisk Horde, the nomads of the Sultans of Suvan and Syuk Ablaykhanov. The location of the graves is defined on the map: Dzhanibek (Sary-Kul Island), Ak – Murza (Akchat Sands), Jedbirak (Aral-Bai), Bai Murza, Asche Bulak, Supanyina Beketa, Tyulen, Kusak, Kyaka (Utvinskaya Valley), Kadyr -Hoji (Sary-kul island), Bayanas (Tus-tyube), Muldatorun (Saramasasat Bay of the Aral Sea). This data is of value to researchers of genealogies (zheshire), the spiritual heritage of the Kazakh people and ethnographers. There is useful and scientific information for archaeologists about the location of ancient buildings: Harlystam, Sulutam, Bytigay (Lake Chalkar), Uuset (Kara-Su Bay of the Caspian Sea), an ancient stone dwelling (Kungur River), an ancient fortification near the river Karatal.

With the beginning of the mass migration movement in the Steppe region of Kazakhstan in the second half of the XIX century the process of land surveying begins. With the help of boundary plans, the tasks of identifying and graphically accounting land suitable for resettlement were solved: “A plan is a large-scale image. It has no degree grid. The scale of the plans ranged from 40 fathoms to 2 versts per inch ” (Eroshkina, 1997: 133).

Cartographic material according to the “plan” classification from our collection includes: “The boundary plan of the Turgai region of the Irgiz district and the city of Irgiz and its pasture lands”, performed by specialist Konkov on June 21, 1891 under No. 3799. The work was done by a surveyor of the 1st category of the boundary office of the adviser Urachovykh (RGADA. F. 1354. Op. 1. D. 1). The plan shows the city of Irgiz with its surroundings. It was noted that “under the Irgiz estates there were 1080 fathoms, under the city garden 3 tithes 840 fathoms, under the gardens 5 tithing, 423 tithias 1800 fathoms under the pasture; 120 fathoms under hay mowing, -10 acres of 2280 soot allocated for livestock feed. In the city of Irgiz

there are the following number of souls: hereditary noblemen – 108, clergy – 1, hereditary honorary citizens – 4, Kyrgyz and philistines – 54, villagers and Cossacks – 83, military estates – 166, reserve and retired lower ranks with their families – 43, 94 foreign citizens, 66 Tatars, peasants, Bashkirs and Kyrgyz, temporarily residing, 66 reserve Cossacks, and a total of 547 souls”. The boundary plan was certified “from the Kirghiz of the Kizilyar volost of the first aul Amin Tbeskhanbaev, who, due to illiteracy, applied his tamga, from the Kyrgyz of the 2nd aul Berden Taibeshtbekbaev, from the Kyrgyz of the Amankul volost of the fourth aul Kungbai Baimuratov, etc. The plan is of scientific interest for researchers studying the history of the formation of cities in Kazakhstan and the socio-economic history of the new time, as well as for those interested in the history of their family. Due to the large-scale and large volumes, the “plans” are still the least studied compared to other maps.

Conclusion

Thus, the scientific classification of cartographic materials on the history of Kazakhstan of the XVIII – XIX centuries should be based on in-depth knowledge of the history of cartography, socio-economic and political conditions, as well as the level of development of cartographic thought in the period of creation of the studied works and knowledge of qualification systems of the past period. The

theoretical rationale for the classification of maps should be based on an analysis of the diversity, the study of the origin of cartographic materials, the identification of various types of maps in historical development, the identification of special features, features, elements inherent in specific maps. A prerequisite for effective classification for researchers in Kazakhstan is the coverage of the entire diversity of cartographic material of modern times. The basis of the classification of Russian cartographic material XVIII – XIX in the history of Kazakhstan are the following signs: geographical (territory) and source study (date, content). The information content of the maps is enhanced by using their joint study with other materials (statistical descriptions of regions, counties, etc.). Introduction to the scientific revolution, cartographic materials of the new time, different in classification, will allow the scientific community of Kazakhstan to visually trace the process of historical development of a particular phenomenon and find the right solution to the complex issues of the ethnic, military-political and socio-economic history of the Kazakh people.

The research was carried out within the framework of the project with state funding of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (MES RK) №AP05131222 «Cartographic materials on history of Kazakhstan XVIII – early XX centuries: in the context of the formation of state borders»

References

- Bagrov L.S. (1914) Kartografiia Aziatskoi Rossii [Cartography Of Asian Russia]. S.1 – 4 // Atlas Aziatskoi Rossii. Sankt-Peterburg: Pereselencheskoe upravlenie.
- Bassin M. (1999) Imperial Visions: Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840-1865 [Imperial Visions: Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840-1865]. New York. 280 s.
- Berliant A. M. (2002) Kartografiia. [Cartography]. Moskva. 336 p.
- Vitkovsky V.V. (1904) Topografiia. [Topography]. Sankt- Petersburg. 568 p.
- Goldenberg L.A. (1965) Semen Ul'ianovich Remezov: Sibirskii kartograf i geograf (1692-posle 1720). [Semyon Remezov: Siberian cartographer and geographer (1692-after 1720)]. Moskva 265 p.
- Dalman D. (2009) Siberiten vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. [Siberiten vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart]. Munchen. 559 s.
- Erofeeva I.V. (2011) Geograficheskie karty XVIII veka: kak istochnik po istorii, etnologii i istoricheskoi toponimike Kazakhstana [Geographic maps of the XVIII century: as a source for the history, ethnology and historical toponymy of Kazakhstan] // History of Kazakhstan in documents and materials. Almaty. P. 330 – 358.
- Eroshkina A.N. (1997) Rossiiskaia istoricheskaia kartografiia: (XV – nach. KhKh vv.). [Russian historical cartography: (XV-early XX centuries)]. Moskva. 206 s.
- Kationov O.N. (2007) Kartograficheskoe soprovozhdenie gosudarstvennoi politiki po osvoeniiu Sibiri v XVII – nachale XX veka // Rol' gosudarstva v khoziaistvennom i sotsiokul'turnom osvoenii Aziatskoi Rossii XVII – XX veka. Sbornik materialov regional'noi nauchnoi konferentsii. [Cartographic support of state policy on the development of Siberia in the XVII-early XX century // The role of the state in the economic and socio – cultural development of Asian Russia XVII-XX century. Collection of materials of the regional scientific conference]. Novosibirsk. S.217-226.
- Koversky E.A. (1893) Ob»iasnitel'naia zapiska k otchetnym kartam astronomicheskikh, geodezicheskikh i topograficheskikh rabot, proizvedennykh v Rossii // Zapiski Voennno – topograficheskogo otdela Glavnogo shtaba. [Explanatory note to the reporting

maps of astronomical, geodetic and topographic works performed in Russia // Notes Of the military topographic Department of the General staff]. Sankt-Petersburg. 51 s.

Kusov V.S. (2003) Pamiatniki otechestvennoi kartografii. [Monuments of Russian cartography]. Moskva. 146 s.

Medushevskaya O.M. (1977) Teoreticheskie problemy istochnikovedeniia. [Theoretical problems of source studies]. Moskva. 86 s.

Postnikov A.V. (2007) Stanovlenie rubezhei Rossii v Tsentral'noi i Srednei Azii (v KhVIII – XIX vv.). [Formation of borders of Russia in Central and Central Asia (in XVIII – XIX centuries)]. Moskva. 416 s.

Salishchev K.A. (1990) Kartovedenie. [Cartography]. Moskva. 400 s.

Sokolov N.V. (1872) Istoricheskii ocherk deiatel'nosti korpusa voennykh topografov 1822 – 1872. [Historical sketch of the activities of the corps of military topographers 1822 – 1872]. Sankt-. Petersburg. 791 s.

Sotnikova S.I. (1989) Kartograficheskie dokumenty gosudarstvennykh arkhivov. [Cartographic documents of the state archives]. Moskva. 86 s.

PSZRI (1720) Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabria 1825 goda. SPb., 1830. 48 t. [Full Set of Laws of the Russian Empire. The collection first: from 1649 to December 12, 1825. SPb., 1830. 48 vol]; t. 6. 1720. № 3534. 815 s.

RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov). [Russian state archive of ancient acts]. F. 192. Op.1. D. 7.

RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov). [Russian state archive of ancient acts]. F. 192.Op. 1. D. 11.

RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov). [Russian state archive of ancient acts]. F. 1354. Op. 1. D. 1.

RGVIA (Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv). [Russian state military-historical archive, Moscow]. F. 846. Op. 16, T.3. D. 20305.

Harley J.B. (1975) Cartography in the traditional Islamic and South Asian Society. [Cartography in the traditional Islamic and South Asian Society]. Chicago, 578 s.

Z. Maidanali

Ph.D., Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: zeremmm@mail.ru

IMPERIAL TRADITIONS AND SYMBOLS OF THE NOMADIC SOCIETY: THE MODERN PARADIGM AND TRENDS

Main conceptual positions and methodological paradigms to problem imperial traditions and symbols of the nomadic society are considered in the article. The study of concrete historical events and processes associated with nomadic structures provides the ground for the formulation and analysis of conceptual, methodological problems. Reconstruction of the political-administrative and system-structural model of the Mongolian empire promotes a deepening of understanding of general trends and directions in studying the modern movement of historical knowledge in the issues of interconnection and interaction of the political and social system of nomadic societies. Modern historical science aims to conduct a systematic analysis of the Mongolian society proper, its social structure and social organization, the identification of the basic and significant prerequisites for the formation of the empire, the nature of its socio-political and administrative-managerial position. Mobility, the dynamism of political processes in nomadic societies led to instability and mobility of the whole structure, and cardinal changes led to the transformation of the whole system as a whole.

Key words: Empire, symbols, traditions, nomadic society, the scientific paradigm, ideology.

З. Майданали

т.ғ.к., доцент, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: zeremmm@mail.ru

Көшпелі қоғамдағы империялық дәстүрлер және символдар: заманауи парадигмалар мен тұжырымдары

Мақалада көшпелі қоғамдағы империялық символдар және дәстүрлер секілді саяси құбылыстар туралы концептуалды тұжырымдар мен парадигмалар қарастырылады. Көшпелі құрылымдармен байланысты нақты-тарихи оқиғалар мен үдерістерді зерделеу методологиялық мәселелерді алға қойып, сараптаудың негіздерін қалайды. Моңғол империясының саяси-басқару және жүйелілік-құрылымдық моделін қайта құрастыру жалпы үрдістер мен бағыттарды тереңдеп түсінуге және көшпелі қоғамдардың саяси және әлеуметтік жүйелерінің өзара байланысы мен өзара іс-әрекеттері мәселелері бойынша тарихи білімнің заманауи қозғалысын зерделеуге жәрдемдеседі. Қазіргі тарих ғылымының мақсаты көшпелі қоғамның әлеуметтік құрылымы мен қоғамдық ұйымдастырылуын, империя құрылуының айшықты алғышарттарын, әлеуметтік-саяси және әкімшілік-басқару жағдайын жүйелі сараптау болып табылады. Көшпелі қоғамдардағы саяси үдерістердің ұтқырлығы мен айнымалылығын туындатқан және мұндай түбегейлі жүйені толықтай трансформацияға алып келген болатын.

Түйін сөздер: империя, символдар, дәстүрлер, көшпелі қоғам, ғылыми парадигмалар, идеология.

З. Майданали

к.и.н., доцент, Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: zeremmm@mail.ru, к.и.н.

Имперские традиции и символы кочевого общества: современные парадигмы и тенденции

В статье рассматриваются концептуальные заключения и методологические парадигмы о таких политических явлениях, как имперские символы и традиции в кочевом обществе. Изучение конкретно-исторических событий и процессов, связанных с кочевыми структурами, создает почву для постановки и анализа концептуальных, методологических проблем. Реконструкция политико-управленческой и системно-структурной модели Монгольской империи способствует углублению понимания общих тенденций и направлений в изучении современного движения

исторического знания в вопросах взаимосвязи и взаимодействия политической и социальной систем кочевых обществ. Современная историческая наука ставит целью проведение системного анализа кочевого общества, его социальной структуры и общественной организации, выявление основных и значимых предпосылок образования империи, характера ее социально-политического и административно-управленческого положения. Мобильность динамичность политических процессов в кочевых обществах приводили к неустойчивости и подвижности всей структуры, и кардинальные изменения вели к трансформации всей имперской системы в целом.

Ключевые слова: империя, символы, традиции, кочевое общество, научные парадигмы, идеология.

Introduction

Considering different approaches and trends in the study of the nature of nomadic statehood, the researcher comes to the conclusion that the most historical researches are based on the original nature of nomadism and the position that nomadic societies have less specialized and structurally differentiated socio-economic organization. Eurocentric theories of the emergence and development of the state imply a centralized political power that monopolizes (or delegates) management and regularly collects taxes on more or less defined territory, and in turn, on the territory of Eurasia, the processes are more complex and ambiguous. Special attention of modern science is focused to the problem of development of nomadic state traditions and institutions. The evolution and transformation of historical views within the framework of the formational and civilizational approaches is very similar. It has gone from thinking about the static nature of nomadic society to creating theories about the special way of development and the exclusive influence of neighboring sedentary tribes. In Russian historiography in the late XX-early XXI centuries there was question about «steppe culture» as an alternative to the development of civilization, which, of course, was an appeal to the civilizational approach. There are a number of theories that explain in different ways the basic laws of the origin, further change, and sometimes vanishing of complex human systems.

Methods of research

Modern methodology defines new approaches to the study of the functions of the ruler, which became wider, and the hierarchy of subordination and dependence in Mongolian society is much more complex and diverse. According to the scientific concept of T.I. Sultanov, the supreme power of the medieval Mongols was based on the right to reign of any representative of the “altanurug” of Genghis Khan and was established on the kurultai of the princes and the highest aristocracy. At the same

time, in the ulus-states, the succession of power was correlated taking into account political traditions and specific circumstances (Suitanov, 2008, p. 228]. Russian author S.A. Vasyutin rightly notes: “... the concept of the” dual nature “of nomadic empires developed by nomadist in recent decades is undoubtedly positive, but even it cannot give exhaustive answers. Apparently, we must take into account that the administrative systems of nomadic empires, as a complex and multifaceted phenomenon, cannot be described with the help of unambiguous definitions. ... A certain internal differentiation of administrative institutions and political activities in nomadic empires allows us to talk about different layers in the pre-state and early state political cultures of nomads” (Vasyutin, 2004, p. 270). The modern methodology of political and social anthropology has brought to the fore the historiographical research of American and European scientists. According to American researchers, the monotonous cycles of the rise and fall of empires show no signs of evolutionary change. In this regard, entire anthropological schools in Europe and America consider nomadic societies as completely stagnant, devoid of proper historical development. One of the most prominent researchers of the American school of anthropology T. Barfield put forward a proposal to study the mechanisms of the regularity of the existence of nomadic society, as well as the transformations and changes that occurred during the period of interaction with sedentary tribes. The author proposes to consider the history of nomadic societies (the most complex as “nomadic Empire”) as the result of not internal development, but direct contact with agricultural and sedentary tribes. In the later stages of the Chinese centralized empires, their rulers turned to nomadic leaders for help, which for some period extended the existence of a dynasty, but finally depleted the economic resources of the state. T. Barfield considers nomadic culture as a special system, changes in which are determined by the need to adapt to specific natural and social conditions. The logical consequence of this concept was the conclusion about the relationship

of socio-political processes in China with various forms of social development among the nomads. Typologization of processes that took place in Central Asia, the so-called cycles of power-became the basis of T. Barfield's theory (Barfield, 2009, p. 44-55). Representatives of the evolutionist theory believe that the highest point of development of the former nomadic empires and the classic example of steppe statehood is the Mongol Empire.

Research paradigms in their comparative analysis identify similar features in the description of specific forms of power among nomads, but different accents are placed. Some proceed from the assessment of the management structures directly nomads, others attach special importance to the essence of the entire military-hierarchical organization of empires, aimed at subordinating dependent tribes and taking away from them part of the surplus product. As the American author A.M. Khazanov notes: "to some extent, social stratification in nomadic societies could be enhanced when the nomadic aristocracy managed to subdue other groups of nomads. ... in socio-political terms, the problem was in the absence of a sufficiently strong enforcement apparatus" (Khazanov, 2006, p. 479). Conceptual positions and methodological approaches of the last decades show that the dynamics of the evolution of social relations in nomadic empires was not one-line and one-vector. Russian historical science in the person of the famous researcher D.G. Savinov suggested a system of ethno political stratification of nomadic societies. Based on the author's conceptual attitudes, the structure of nomadic society did not change within the newly created state associations and represented a kind of "core" of social organization from the hunnu era to the period of the Mongol Empire. Developing the theoretical and methodological foundations of the problem, D.G. Savinova notes: "the main forces of the ethnos-elite have always been aimed at creating a multi-ethnic state education in order to use the economic potential of different cultural and economic areas...Dependent tribes, especially those belonging to the same (or close) economic and cultural type as the ethnos-elite, have always sought to get out of the existing protectorate system, to change the political hegemony and create their own statehood..." (Savinov, 2005, p.5).

Imperial traditions and symbols

Thus, the complex nature of administrative institutions of nomads makes it promising to apply the system principles of analysis of power structures in nomadic empires. Considering the dynamism

of political processes in nomadic formations, the ratio of subsystems was unstable and flexible, and tremendous changes in the ratio of subsystems led to the transformation of the entire system as a whole. Following the modern movement of historical thought and research paradigms, multifactorial as a military-political pressure (mostly the interests of China and competing nomadic elites were united), the presence of internal contradictions in the ruling clan or among different tribal groups, the deterioration of environmental conditions and military defeats led to the fall or collapse of nomadic formations. Considering the cyclical nature of political processes in Eurasia, the end of one nomadic Empire was usually the beginning of the history of another. Such processes could lead to the complete elimination of the organizational structures of the Empire and the formation of a segmented ethno-political space. Thus, the integrative nature of the information contained in all these sources allows the historian to present a characteristic of nomadic political structures. In the course of our review, there were raised some issues of "mythologizing" of history and to realize theoretical breakthrough in historical science it is necessary to develop new approaches in research work, needed on many factors, primarily the development of interdisciplinary dialogue as a medium for the development of progressive methods of research work. The development of modern scientific knowledge has shown that progress is impossible without taking into account the scientific methodology and the goal of historical science in debunking of all kinds of myths and creating a critical, organic history.

The sequence of historical thinking, concrete historical and retrospective analysis, modeling and reconstruction methods, as well as other modern theoretical and methodological approaches shows that related structures and genealogies caused the "dispersion" and centrifugal nature of nomadic societies. However, in nomadic confederations, the military-hierarchical bodies of political management were closely intertwined with the tribal segments, while at the same time they towered over them, controlled them, and organized their effective use in accordance with the goals of the imperial leadership. The actualization in modern historical science of such layers as "Imperial Confederation of nomads", "nomadic political system", "political and legal relations" in nomadic associations and their construction on the basis of new historical methods allows us to present a complete model of the complex process of development of nomadic statehood. The appeal to the problem of "nomadic empires"

is caused by the need to identify new, alternative theoretical and methodological constructions in relation to the problems of dialectical development of nomadic political formations. For a long time, historical science has been solving one of the main issues – how and why there were “transcontinental nomadic super states”. The history of the nomadic formations of Central Asia and their political structures is still one of the most important objects of study. New approaches and system analysis take into account that in different research studies and discourse occurs processes of various directions.

The appeal to the problem of imperial traditions and symbols is caused by the need to identify new, alternative, promising theoretical and methodological constructions in relation to the problems of dialectical development of nomadic political formations. New approaches and system analysis take into account that in research studies and discourse of Imperial structures are observed processes of different directions. The content of methodological approaches in one way or another depends on the researcher, on the specific conditions of his work, as well as many other factors. At every moment, the history is a representation of the past, corresponding to the knowledge attained. Since society is constantly in motion, in development, the ways of its knowledge change accordingly, and cannot stand still. The development of modern scientific knowledge has shown that development is impossible without a combination of the role of worldview and socio-historical knowledge.

The modern methodology of political and social anthropology has brought to the fore the research of American and European scientists. According to American researchers, the monotonous cycles of the rise and fall of empires show no signs of evolutionary change. In this regard, entire anthropological schools in Europe and America consider nomadic societies as completely stagnant, devoid of proper historical development.

One of the most prominent researchers of the American anthropological school T. Barfield proposed to study the mechanisms of the regularity of the existence of nomadic society, as well as the transformations and changes that occurred during the period of interaction with sedentary tribes. The author proposes to consider the history of nomadic societies (the most complex as “nomadic Empire”) as the result of not internal development, but direct contact with agricultural and sedentary tribes. In the later stages of the Chinese centralized empires, their rulers turned to nomadic leaders for help, which for some period extended the existence of a dynasty, but

finally depleted the economic resources of the state. T. Barfield considers nomadic culture as a special system, changes in which are determined by the need to adapt to specific natural and social conditions. The logical consequence of this concept was the conclusion about the relationship of socio-political processes in China with various forms of social development among the nomads. Typologization of processes that took place in Central Asia, the so-called cycles of power-became the basis of T. Barfield’s theory (Barfield, 2009, p. 44-55). Western author J. Bentley points to the contribution of nomads to the transcontinental circulation and transmission of cultural and technological artifacts and innovations (Bentley, 1993). Modern theories draw common points between the history of continental empires, Alfred Rieber notes that “the Imperial system consists of a set of symbols, institutions and spatial relationships that determine the power of the ruler and the ruling elite” (Rieber, 2004, p. 34]. As it follows from the development of historical thought, the imperial idea was personified by the image of the ruler and the author focuses on three circumstances: the concept of power became part of the moral and religious ideas, they were associated with traditions and myths, the language of politics turned them into visible symbols and written texts. The concept of power became a part of moral or religious ideas, they were associated with traditions and myths (Rieber, 2004, p. 39). Modern historical science believes that it is productive to consider these relationships from the point of view of the “theory of elites”, when “on the one hand, within a new political association there is a higher elite from among the conquerors, and on the other, an elite is formed or maintained from the autochthonous mass of people, whose representatives reach great heights in the social hierarchy”. Modern author A. A. Tishkin (Tishkin, 2004, p. 8) notes that as a result of interaction, the nomadic elite often became a “double elite” in relation to the already dominant class, openly appropriating the surplus product and widely participating in various spheres of activity. V.V. Trepavlov (Trepavlov, 1993, p. 14) reflecting on the existing models of development of nomadic society, noted two main trends: 1. the establishment of a despotic centralized monarchical government; 2. the consolidation of gradually disintegrating tribes with the adaptation of tribal institutions to the functions of the super-tribal power structure. Analyzing the socio-political organization of nomadic empires, the researcher suggests that they were like stages of a single process of development of the social system of nomads.

At the present stage of development of historical science and its theory as historical knowledge, there is an urgent need for the formulation and analysis of various conceptual problems. One of the most difficult to comprehend and distinguishing in the level of generalization and coverage of historical reality are the conceptual conclusions about such a political entity as the "nomadic Empire". The change of methodological paradigms revealed different approaches and principles of research of the problem of existence and functioning of the "nomadic Empire". Modern historical science determines the presence of early state elements in the Imperial structures of the nomads.

Examining the cause-and-effect relationships in the political culture of the Mongol Empire, it was revealed that the idea of citizenship was taking root, and the influence of the great Khan was based not so much on personal authority, but on the power of the military-state machine, which he represented. The sacred role of the Khan, inherited from Genghis Khan, was important only among the nomads. Despite all the inconsistency of the inheritance system, there was a tradition of transferring power, which was legitimized by the Council of nobles-the *kuriltai*. The definition of the Mongol and other nomadic empires as "super-complex chiefdoms" reveals a number of contradictions in the logical constructions of the proponents of this concept. The Genesis of hierarchical structures in nomads is associated only with war, plunder, conquests of neighbors and primarily farmers, a key role in nomadic empires is assigned to exopolitic forms of exploitation, the classification of these empires is based on different forms of relationships with sedentary agricultural tribes (typical, tributary, conquering). At the same time, characterizing the type of administrative system of the "nomadic Empire" all the above-mentioned factors recede into the background, and the main criteria is the essence of power within the nomadic community itself (Vasyutin, 2004, p. 273). V. Dode in the article «Imperial culture. Symbols of legitimation of belonging to the Empire in the suit of nomads of the Golden Horde " determines that the external ideological justification of the power of the Genghisids was expressed in the accepted symbols of the Khan's investiture. At the same time, the social leaders of the conquered tribes sought to show personal loyalty to the state, which was expressed in external signs that identified the individual with the submitted Empire. The expression of their involvement in the Mongol state required the execution of certain symbols that had to be understood in a multi-ethnic environment...

Thus, the Mongols ' choice of Royal insignia was based on ideas about the world order. The ensign, umbrella, and chair of the ruler marked the center of the universe associated with the figure of the ruler, who personified this center, and indicated its sacred function" (Dode, 2005, p. 27).

The historical knowledge based on comparative and retrospective analysis shows numerous historical examples of the middle ages, where nomads related groups of different ranks were real elements of internal socio-economic, political and mental relationships. Therefore, based on the current state of historical science and its evidence base, it is impossible to consider their presence as an unambiguous argument in favor of the pre-state character of the social system of nomads. The sequence of historical thinking and concrete historical analysis, modern methodological approaches show that related structures and genealogies caused the "dispersion" and centrifugal nature of nomadic societies. However, in nomadic empires, the military-hierarchical bodies of political management were closely intertwined with the tribal segments, at the same time towered over them, controlled them, and organized their effective use in accordance with the goals of the Imperial leadership.

The well-known nomad scholar A.M. Khazanov, implementing specific research tasks, established that the existence in the Mongol Empire of the concept of a ruler whose power was sanctioned by Heaven, obviously, has undergone some development. In the preceding nomadic States, heaven first sanctioned the power of the kagans over their own people; in the Mongol Empire, it gave them power over the whole world. According to the author, the Turkic kagans, and perhaps their predecessors – the *syunnu*, promoted the idea of the divine origin of their power, their Heaven-sanctioned right to rule the people and the Kingdom, but their claims never featured faith in the heavenly Mandate to rule the whole world (Khazanov, 2008, p. 399).

Exploring the nature of power in Mongolian society, the author notes that the only goal that they proclaimed was to subordinate the world to the power of the Golden Genghis Khan family. "In the Mongol Empire, and then in all the States of the Genghisids, the nomads always occupied a dominant position. Many of them migrated to the conquered countries, but even there they continued to lead a nomadic lifestyle. The Mongol ruling elite also did not want their sedentarization....in all States of the Genghisids, and even in many States of their successors, such as the Timurids, the military elite consisted of nomads and in ethnic and tribal terms

has always been closely associated with the rulers” – sums up A. M. Khazanov (Khazanov, 2008, p. 397). The simulation of Implementation turned Genghis Khan not so much into a political, but also to some extent a religious leader. The ways of how determines cyclical changes in the structure of power. V.V. Trepavlov argumentatively notes: “the Doctrine of Supreme power in the Mongol Empire was formed mainly on the basis of the ancient Turkic concept: the title of Kagan was restored, the full formula of titles was revived, reflecting the connection of the Kagan with the Sky” (Trepavlov, 1993, p.74). The Western Explorer J. Fletcher reveals the basic principles and methods of management of Mongol society, notes that “the ideological means of strengthening the control of the Khan was the belief in Tengri universal, giving victory to God, who as a horsemanship, worship of fire, ...as well as the monotheism itself, which came from the ancient Aryans, some of whom migrated to Iran and India, and others remained in the steppes. The idea of a universal Supreme God ... contains the possibility of a single universal sphere on earth, the probability that the Supreme God can appoint a single ruler to establish his rule over the entire universal sphere” (Fletcher, 2004, p. 231).

Ye.I. Kychanov drawing historical parallels and modeling the management systems of nomadic societies determined that all the known large nomadic states of Central Asia had such an attribute of statehood as sovereignty, expressed in the supremacy of the ruler’s power (shanyu, Kagan, Khan) inside the country and its independence outside. According to the researcher, this feature is expressed in the manifestation of the sovereignty of the Supreme power and its bodies to resolve criminal and civil cases in the prescribed manner. Law as a set of sanctioned or established by the Supreme power of the rules had its source as the rules of customary law, recognized by the sovereign Supreme power, the state, and new, established by the Supreme power, the state rules (Kychanov, 1997, p. 301). According to T. May (May, 2012, p.165): «The terminology for the civil administrators of the Mongol Empire adds to the difficulty of understanding how the Mongols ran their empire. Throughout the sources three titles are mentioned in several places. Most often the chronicler referred to the terms without further explanation and modern scholars have struggled to define them. One problem is that each term originates in different language, darughachi from Mongolian, basqaq from Turkic and shanna from Persian». Y. Shamiloglu (Shamiloglu, 2019, 19) defines the fundamental aspects of state organization as:

1. In the Chingizid states of Eurasia, any socio-

political group that could act in accordance with three other socio-political groups to establish a “land”, according to an agreement with a “sovereign, was a” ruling tribe “by definition to form a” state “.

2. Each ruling tribe was a socio-political group, united around a center of power on the basis of a common ideology. The “ruling tribe” could be abandoned or joined to it, and thus, ordinary membership in it was changeable and dynamic, and was not limited, static and unchanging.

3. The center of power in each ruling tribe was a special hierarchy, headed by a leader or Bey, independent of the ruling Genghisid dynasty. this leader or bay came from earlier leaders of the ruling tribe.

4. The basis of unity within the ruling tribe was a common ideology. This ideology can be defined as certain shared by all faith in the kinship between members of the ruling tribe.

5. Each of these four “ruling tribes” participated in the formation of one state and another, different from it.

6. There could be several “ruling tribes” with the same name due to the great geographical extent of the Mongolian world empire.

7. One of these “ruling tribes” and especially the leader of this “ruling tribe” within the “state” had special responsibilities in managing this “state” as the first among equals (*primus inter pares*), blunting as an expression of the interests of his “land”.

Continuing the research traditions of previous generations and using a set of techniques of critical analysis, S.A. Vasyutin points out: “the Peculiarity of all nomadic empires, including the Mongol, is that the ratio of chieftain and early state components of power is unstable and flexible. In such formations, periodically there were “rollbacks” to archaic institutions of management, which could result in the collapse of the organizational structures of the early state” (Васютин, 2005, p. 57). The researcher emphasizes the role of the Supreme ruler in the Mongol Empire, who combined the functions of a traditional clan leader, the head of the supertribal confederation of nomads (complex or supercomplex chiefdom) and the head of a multicultural (with a nomadic and sedentary population) political education. Common to all types of nomadic empires was a certain entropy of the behavior of the Supreme rulers (the transition from charismatic to traditional domination). Defining the essence and nature of power in nomadic empires, as well as those who personified it (nomadic leaders), S. A. Vasyutin comes to the conclusion that they were complex and internally structured political phenomena (Vasyutin, 2005, p. 68).

Conclusion

The presented historiographical review shows the complex and ambiguous nature of the imperial traditions and symbols of government, which makes it promising to apply the system principles of analysis, an integrated approach to the consideration of power structures of political nomadic systems. Research practice shows that it is necessary to take into account the problems of continuity, analogies and special features of state traditions in nomadic empires. This makes it necessary for researchers to take a diversified approach to the problems of studying imperial traditions and their systematization and reconstruction as a difficult complex of different types and models of power, united in a single imperial structure. The study of specific historical events and processes associated with nomadic power structures creates the ground for the formulation and analysis of conceptual conclusions and methodological approaches.

The effectiveness of theoretical and methodological constructions sets the researchers the task of studying the administrative institutions of nomadic formations, the new quality of scientific knowledge requires their reconstruction as a difficult complex of different types and models of power, united in a single imperial structure. At the present stage of development of historical science, experts are interested in developing criteria, models and typologization of structures of nomadic society, which would allow you to definitely speak out on the problems of the political and administrative system of the Mongol Empire. Thus, the complex and ambiguous nature of the development of political institutions of nomads makes it promising to apply the system principles of analysis of power structures, social system and features of the process of transformation in nomadic empires. Thus, in the system analysis of political institutions of nomads, it is necessary to consider the complex of elements that make up the interpenetrating and interacting subsystems.

References

- Barfield T.J. *Opasnayagranica: kochevyemperiii Kitaj (221 g. Do n.eh. – 1757 g. n.eh.)* [Dangerous frontier: nomadic empires and China (221 BC – 1757 AD)]. Ed. Ruhlyadeva D.V., Kuznecova V.B. Sankt-Peterburg.
- Bentley J. (1993) *Old world Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-modern Times*. New York.
- Vasyutin S.A. (2004) *Mongolskay imperia kak osobaya forma ranney gosudarstvennosti? Mongolskaya imperia I kochevoimir* [The Mongol Empire as a special form of early statehood? The Mongol Empire and the nomadic world] Ulan-Ude.
- Vasyutin S.A. (2008). *Likivlasti (k voprosu o prirodevlasni v kochevih imperiahk)*// *Mongolskaya imperia I kochevoi mir*. [The faces of power (to the question about the nature of power in nomadic empires) // the Mongol Empire and the nomadic world]. Ulan-Ude.T.2.
- Dode V. (2005) *Imperskaya cuitura. Simvolil egatimacii prinadlegnosti k imperii v costume kochevnicov Zolotoy Ordy*. // *Vostok. Orients*. №4.
- Riber A. (2004) *Sravnivaya continentalnyi imperii/Rossiyskaya imperia v sravnitelnoy perspechnive*[Comparing continental empires//Russian Empire in comparative perspective]. *Sbornikstatey*. Moskva.
- Savinov S.G. (2005) *Drevne turkskie plemene v zerkale arheologii*. SPb, FilologicheskifacultetSPbGU.
- Sultanov. T.I. (2008). *Chingizhan I chingizidi..sudbi I vlast*. [Genghis Khan and Genghis Khan. The fate and power].Almaty.
- Tishkin. A.A., Dashkovski P.K. (2003). *Socialnaya struktura I sisteme mirovozzreniy naselenia Altaya skifskoy epohi* A.A. Tishkin. [Social structure m a system of philosophy population of the Altai in the Scythian epoch]. Barnaul.
- Trepavlov V.V. (1993) *Gosudarstveniy story MongolskayaEmperia XIII v. : problem istoricheskoypreemstvennosti*[The state system of the Mongol Empire, XIII century: the Problem of historical continuity] Moskva.
- Fletcher J. (2004). *Srednevekovimongoli: ekologicheskie I socialnieperspektivi*// *Mongolskaya imperia I kochevoi mir*. [The medieval Mongols: ecological and social prospects of the Mongolian Empire and the nomadic world. ulanude]. Ulan-Ude.
- Hazanov A.M. (2006). *Kochevnikii evraziiskih stepey v istoricheskoy retrospective*// *Ranee gosudarstvo. ego analogi I alternativa*. *Sbornik statey*. [Nomads of the Eurasian steppes in historical retrospective// the Early state, its alternatives and analogues: Sat. article]. Volgograd.
- Hazanov A.M. (2005). *Muhamed b Chingizhan v sravnenii: rolreligioznogofaktora v sozdaniimirovihimperii*// *Mongolskaya imperia I kochevoi mir*. [Muhammad and Jenghiz Khan compared: the religious factor in the creation of global empires// the Mongol Empire and the nomadic world], Ulan-Ude.T.2.
- Kichanov E.I. (1997). *Kocheviegosudarstvaotgunnov do mangurov*. [Nomadic States from the Huns to the Manchus]. Moskva.

Литература

- Барфилд Т.Дж. (2009) *Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э.-1757 г. н.э.)* Санкт-Петербург.
- Bentley J. (1993) *Old world Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-modern Times*. NewYork.

- Васютин С.А. (2004). Монгольская империя как особая форма ранней государственности? (к дискуссии о политических системах кочевых империй)//Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, Т.1.
- Васютин С.А. Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях)// Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005.Т.2.
- Доде В. (2005) Имперская культура. Символы легитимации принадлежности к империи в костюме кочевников Золотой Орды//Восток.Orients. №4.
- May T. (2012) The Mongol conquests in world history,London, Reaktion Books.
- Шамильоглу Ю. (2019) Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде. Казань.
- Рибер А. (2004) Сравнимая континентальные империи// Российская империя в сравнительной перспективе. Москва.
- Савинов Д.Г. (2005)Древнетюркские племена в зеркале археологии.СПб:Филологический факультет СПбГУ.
- Султанов Т.И. (2008) Чингиз-хан и чингизиды. Судьбы и власть. Алматы.
- Тишкин А.А.(2004) Введение: кочевники, монголосфера и цивилизационный процесс// Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ.
- Трепавлов В.В. (1993) Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. Москва.
- Флетчер Дж. (2004). Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы// Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ.
- Хазанов А.М. (2006) Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе// Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. ст. Волгоград.
- Хазанов А.М. (2005) Мухаммед и Чингис хан в сравнении: роль религиозного фактора в создании мировых империй// Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ.
- Кычанов Е.И. (1997) Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. Москва.

Б. Кумеков¹ , **З. Картова²**

¹академик НАН РК, д.и.н., Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Международный институт кипчаковедения, Казахстан, г. Алматы, e-mail: bkumek@mail.ru

²к.и.н., Северо-Казахстанский Государственный университет имени М. Козыбаева, Казахстан, г. Петропавловск, e-mail: kartov_m@mail.ru

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ВАКУФНОЙ ГРАМОТЫ АМИРА ТИМУРА,
ВЫДАННОЙ ТУРКЕСТАНСКОЙ МЕЧЕТИ
ХОДЖА АХМЕТА ЯСАВИ
В КОНЦЕ XIV – НАЧАЛЕ XV ВЕКА**

Статья посвящена источниковедческому анализу формуляра вакуфной грамоты, выданной Амиром Тимуром Туркестанской мечети Ходжи Ахмета Ясави в конце XIV – начале XV века. Это один из ранних документов, связанный с социально-экономической историей городов Южного Казахстана. Длительное время грамота считалась поддельным документом. Вместе с тем анализ формуляра и устойчивые обороты, применявшиеся к средневековым актовым источникам, позволяют подвергать сомнению вопрос о поддельности данного документа. В результате текстологического анализа определено, что условный формуляр вакуфной грамоты соответствует всем структурным компонентам средневековых ярлыков, широко применявшихся в канцелярии золотоордынских и послезолотоордынских государств. В условном формуляре этой разновидности документа можно выделить три части (начальный протокол, основная часть, конечный протокол) и 8 статей формуляра.

Следует принять во внимание, что публикация вакуфной грамоты, выданной Амиром Тимуром Туркестанской мечети Ходжи Ахмета Ясави в конце XIV – начале XV века, имеет огромное значение для исторической науки. Источник может быть использован в научных исследованиях как важнейший автохтонный и аутентичный источник средневековья, содержащий подлинные сведения о социально-экономической истории, формах землевладения и религиозной жизни средневековых городов Южного Казахстана.

Ключевые слова: вакуфная грамота, условный формуляр, источниковедческий анализ, ханский ярлык, средневековый источник.

B. Kumekov¹, Z. Kartova²

¹Academician of the National Academy of Sciences of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences, Al-Farabi Kazakh National University, International Institute of Kipchak studies, Kazakhstan, Almaty, e-mail: bkumek@mail.ru

²Candidate of Historical Sciences, M. Kozybaev North Kazakhstan state University, Kazakhstan, Petropavlovsk, e-mail: kartov_m@mail.ru

**A source study analysis of Amir Timur's vacuum diploma issued
by the Turkestan mosque of Khoja Ahmet Yasavi at
the end of the XIV- beginning of the XV century**

The article is devoted to a source study of the form of the waqf certificate issued by Amir Timur of the Turkestan mosque of Khoja Ahmet Yasavi in the late XIV – early XV centuries. This is one of the earliest documents related to the socio-economic history of the cities of southern Kazakhstan. For a long time, the letter was considered a fake document. At the same time, the analysis of the form and steady turnovers applied to medieval acts of sources makes it possible to question the falsity of this document. It is determined that the conditional form of the waqfic literacy corresponds to all the structural components of medieval labels that were widely used in the chancellery of the Golden Horde and post-Golden Horde states. In the conditional form of this kind of document, you can distinguish three parts (initial protocol, main part, final protocol) and 8 articles of the form.

It should be taken into account that the publication of the waqfic diploma issued by Amir Timur to the Turkestan mosque of Khoja Ahmet Yasavi at the end of the XIV – beginning of the XV centuries is of great importance for historical science. The source can be used in scientific research as the most im-

portant autochthonous and authentic source of the Middle Ages, containing genuine information about the socio-economic history, forms of land ownership and religious life of the medieval cities of southern Kazakhstan.

Key words: waqfic literacy, conditional form, source study, Khan's label, medieval source.

Б. Көмеков¹, З. Картова²

¹ҚР ҰҒА академигі, т.ғ.д, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Халықаралық қыпшақтану институты, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: bkumek@mail.ru

²т.ғ.к., М. Қозыбаев атындағы СҚМУ, Қазақстан, Петропавл қ. e-mail: kartov_m@mail.ru

**XIV ғ. аяғы – XV ғ. басында Әмір Темірдің Түркістандағы
Қожа Ахмед Ясауи мешітіне берген в
вакуфтік жарлықтың деректанулық талдауы**

Мақала XIV ғасырдың аяғы – XV ғасырдың басында Әмір Темірдің Түркістандағы Қожа Ахмед Ясауи мешітіне берген вакуфтік жарлықтың деректанулық талдауына арналған. Бұл жарлық ортағасырлық Қазақстанның оңтүстік қалаларының әлеуметтік-экономикалық тарихына қатысты ең алғашқы құжаттардың бірі. Ұзақ уақыт бойы Әмір Темірдің вакуфтік жарлығы жалған құжат болып саналды. Сонымен бірге, ортағасырлық деректерінің мәтіндерінде қолданылған форма мен тұрақты айналымды талдау осы құжаттың жалған екендігіне күмән келтіруге мүмкіндік береді. Вакуфтік жарлықтың мәтнінде қолданған шартты формуляры Алтын Орда кезінде және Алтын Ордан кейін құрылған мемлекеттерінің кеңселерінде кеңінен қолданылатын барлық құрылымдық компоненттеріне сәйкес келетіндігі анықталды. Құжаттың шартты формуляры үш негізгі бөлімнен құрастырылған (кіріспе хаттама, негізгі бөлім, қорытынды хаттама) және формулярдың 8 бөлігі қамтылған. Әмір Темір XIV ғасырдың аяғы – XV ғасырдың басында Қожа Ахмед Ясауи мешітіне берген вакуфтік жарлықтың жариялануы тарих ғылымы үшін үлкен маңызға ие екенін ескеру қажет. Дереккөзді ғылыми зерттеулерде орта ғасырлардың маңызды автохтонды және шынайы құжаты ретінде пайдалануға болады. Дереккөзде оңтүстік Қазақстанның ортағасырлық қалаларының әлеуметтік-экономикалық, аграрлық және діни өмірлеріне қатысты маңызды мәліметтер сақталған.

Түйін сөздер: вакуфтік жарлық, шартты формуляр, деректанулық талдау, хан жарлықтары, ортағасырлық дерек.

Введение

Важнейшим автохтонным и аутентичным источником конца XIV – начала XV вв. является вакуфная грамота, данная Амиром Тимуром Туркестанской мечети Ходжи Ахмета Ясави. Это один из ранних документов, связанных с социально-экономической историей Южного Казахстана, согласно которому Амир Тимур жаловал в конце XIV – начале XV века мавзолею Ходжи Ахмеда Ясави в вакуф ряд орошаемых земель вместе с арыками.

Оригинал вакуфной грамоты хранится в фонде документов Института востоковедения имени Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан (г. Ташкент). Там же хранится рукописная копия вакуфной грамоты Амира Тимура, переписанная в 1920-21 годах бывшим сотрудником Института востоковедения АН РУз Ибадуллахом Адидовым (Муминов, Кумеков, Султонов, Шуховцов, Кенжетасев, Кабылова, Утепбергенова, Айбасов, 2017: 136-137).

Документ введен в научный оборот на заседании Туркестанского кружка любителей архео-

логии 29 августа 1897 года Н.П. Остроумовым. 16 октября 1897 года на заседании Туркестанского кружка любителей археологии был показан оригинал документа и помещено краткое палеографическое описание источника. Полный текст, набранный арабскими литерными на таджикском языке, был также напечатан в «Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии» (год третий, Ташкент, 1898 год) (Диваев 1901: 1-13). Перевод грамоты с персидского оригинала был осуществлен А.А. Диваевым под заглавием «Жалованная грамота, данная Тимуром Туркестанской мечети Азрета Ясави» и зачитан на заседании Туркестанского кружка любителей археологии 12 января 1898 года (Байтанеев Б.А., 2004) «Собрание решило через областную администрацию собрать все необходимые сведения о вакуфах, упоминаемых в грамоте, и сообщить их барону В.Р. Розену. А также принять все меры по охране письменного памятника и его права, выраженные в вакуф-наме» (Байтанеев Б.А., 2004)

Перевод на русский язык впервые опубликован в Ташкенте в «Туркестанских ведомостях» в 1901 году. В 1910 году Н.П. Остроумов обра-

тился к изучению этого документа во второй раз. Русский перевод жалованной грамоты вместе с исследованиями А. Диваева в переводе на казахский язык был опубликован в г. Туркестане в 2006 году. (Муминов, Кумеков, Султонов, Шуховцов, Кенжетаяев, Кабылова, Утепбергенова, Айбасов, 2017: 134).

Даже предварительное ознакомление с русским переводом, выполненным А.А. Диваевым, показывает, что текст жалованной грамоты эмира Тимура, выданной Туркестанской мечети Азрета Ясави, отличается от других ярлыков по строению абстрактного формуляра. Необходимо провести источниковедческий анализ текста ярлыка с учетом сопоставления устойчивых статей формуляра с ханскими ярлыками периода XIII-XV веков. При этом будут привлечены научные методы, широко используемые во вспомогательных исторических науках – дипломатике, палеографии и источниковедении.

Источниковедческий анализ формуляра грамоты

Вакуфная грамота, выданная мавзолею Ходжи Ахмеда Ясави Амиром Тимуром в конце XIV века, часто использовалась в качестве важнейшего источника в трудах и научных изысканиях ряда ученых в советский период. Естественно, изучение было проведено в контексте методологических установок того периода развития исторической науки.

В работе К.А. Пищулиной «Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVII вв.» грамота упоминается в качестве источника по социально-экономической истории Южного Казахстана (Пищулина, 1969: 9). М.Е. Массон при изучении истории возникновения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави приводит краткое содержание вакуфной грамоты, выданной мавзолею Тимуром в конце XIV века (Массон, 1929: 39-40). В 60-е годы XX века текст грамоты был использован А.Е. Ереновым в монографии «Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов» для анализа феодально-земельных отношений в Средней Азии (Еренов, 1960: 46-54). Естественно, изучение было проведено в контексте методологических установок того периода развития исторической науки.

В ряде работ О.Д. Чехович аутентичность данного источника неоднократно подвергалась сомнению. Вот, что пишет автор по поводу подлинности документа: «С первого же взгляда вы-

зывает сомнение самый вид бумаги и чернил этой грамоты (то и другое очень плохого качества). ... Среди обрывков его незаметно вклеен кусочек другой более плотной и лощеной древней бумаги с оттиском печати, приписываемой Тимуру. Резкое различие между самой бумагой и той бумагой, на которой оттиснута печать, не оставляет сомнения в том, что здесь мы имеем факт умышленной грубой подделки» и это был единственный аргумент в пользу поддельности документа (Чехович, 1980: 43). В то же время, востоковед А. Ахмедов, изучавший документы хивинских ханов, высказал мысль о том, что печати на многих средневековых аутентичных источниках умышленно вырывались. Амир Зекргу также предполагает, что это был своеобразный способ погашения документа (Исмоилов, 2014). Следовательно, можно предположить, что отсутствие печати и вклеивание его в более позднее время не является подтверждением поддельности документа. Первый переводчик текста ярлыка А.А. Диваев указывает на то, что «в тексте грамоты в трех местах имеются наклейки, по которым текст воспроизведен или восстановлен позже» (Диваев 1901: 10). По данным М.Е. Массона, «текст грамоты подтверждали, как это было принято всеми правителями, которые подчиняли себе город. А в конце XVI века вакуфная грамота Тимура была подтверждена шайбанидом Абдаллах-ханом» (Массон, 1929: 39-45).

Возможно, при процедуре подтверждения были утеряны корроборация и удостоверительная часть формуляра и при его восстановлении текст недостаточно точно был воспроизведен. Да и зачем нужно было подтверждать поддельный документ?

Также не совсем обоснованным и вызывающим сомнение кажется обстоятельство, что в 70-е гг. XX века все грамоты Амира Тимура были преподнесены как поддельные документы. К примеру, в работе О.Д. Чехович «Обзор археологии Средней Азии» упоминается, что В.В. Бартольд опубликовал ярлыки XV-XVII вв. «один из которых, приписывавшийся Тимуру, разоблачен В.В. Бартольдом как подделка второй половины XVI в.» (Чехович, 1969: 39-48). Это известная научной общественности грамота, выданная от имени Амира Тимура в 803 (1400–1401 гг.) о назначении шайх ал-исламом города Сыгнака Сирадж ад-Дин-шейха и передаче ему во владение нескольких участков земли на арыках Ордакент, Кизил-Тал, Туман, Бузгил-Узак в местности Чихил-Тугай по одному тепе на каждом арыке и о пожаловании ему тарханства.

В.В. Бартольд, который ввел в научный оборот текст грамоты, хранившейся в Сыр-Дарьинском областном правлении (дело № 197), пишет следующее: «самый старый документ относится к 803 (1400–1401 гг.) и приписывается Тимуру; но придаваемый здесь Тимуру ханский титул, который он никогда не носил, и другие особенности стиля возбуждают большие сомнения в его подлинности» (МИКХ, 1969: 317-318). Вызывает также сомнение употребление в ярлыке названия реки Сыр-Дарья, встречающегося в источниках более позднего периода. В.В. Бартольд сомневается в подлинности документа и относит подделку грамоты ко второй половине XVI века. В тоже время он указывает, что несмотря на это, ценность ее для науки несомненна, так как длительное время она выполняла роль официально-го документа.

Подлинность еще одной жалованной грамоты Амира Тимура от 780/ 1378-1379 гг. «оспаривается на следующих основаниях: Тимур не носил титул «хан», обозначенного в первой строке этого документа... Кроме того, почерк насталик, которым написан документ, во времена Тимура для этой цели не употреблялся, он был введен позже.» (Чехович, 1980: 43]. Данный редкий документ в качестве «Ярлыка милостивого», выданный в 1378-1379 гг. Амиром Тимуром потомкам Абу Муслима, жителям массива Дархан-ата в Хорезме, хранился в архиве хивинских ханов в качестве важного и святого документа (Исмоилов, 2014).

Таким образом, речь идет о подлинности не только одного, а всех трех документов Амира Тимура – жалованная грамота от 780/1378-1379 гг., грамота 803/1400 – 1401 гг. и вакуфная грамота, выданная мечети Ахмета Ясави. Возможна ли такая устойчивая тенденция в создании серии «поддельных документов», принадлежащих Амиру Тимуру?

Подложность этих документов ни в коем случае не означает, что они не могут быть использованы в исследовательской практике, так как сама публикация источника имеет важное значение для исторической науки. Источник может быть использован в исследованиях, так как «то, что на основании этого документа могли быть получены другие, говорит за то, что в XVI веке он обладал реальной силой, а потому и представляет глубокий интерес». В среднеазиатских канцеляриях существовала «традиция взамен устаревших документов, текст которых становился нечитаемым, выдавать их копии, которые пользовались силой оригинала» (Mc Chesney R.D.,

2014). Такие копии оформлялись в полном соответствии с подлинниками, в некоторых случаях на них наклеивались вырезанные с оригинала печати, что могло, конечно, вызвать сомнения в подлинности документа. В.П. Юдин в комментариях и историко-источниковедческом исследовании к документу отмечает: «Возможно, ярлык эмира Тимура претерпел процедуру подобной замены, а переписчик более позднего времени снабдил, по простоте душевной, имя Тимура титулом хана, которого тот действительно никогда не носил» (МИКХ, 1969:353). В исследовательской практике встречаются подобные случаи, например, тарханный ярлык Тимура-Кутлука 1398 года не имеет печати, несмотря на это, длительное время он используется и изучается как источник по истории Золотой Орды (Радлов, 1888: 26).

Даже предварительное ознакомление с русским переводом, выполненным А.А. Диваевым, показывает, что текст жалованной грамоты эмира Тимура, выданной Туркестанской мечети Азрета Ясави, отличается от других ярлыков. В связи с этим принадлежность документа к ярлыкам мы можем доказать только после обстоятельного выявления всех устойчивых статей его конкретного формуляра. Следует провести критику источника по дипломатическому анализу, так как нельзя забывать, что «в русских версиях чувствуется тенденция не точно документально, а интерпретационно-смыслового перевода, что необходимо учитывать при идентификации русских версий терминов с их тюркоязычными оригиналами» (Григорьев, 2004: 24)

Формуляр ярлыка состоит из следующих устойчивых статей:

- инвокация (богословие);
- интитуляция (адресант);
- инскрипция (адресат);
- нотификация (извещение);
- диспозиция (определение);
- санкция (предписание);
- корроборация (удостоверение);
- эсхатокол (конечный протокол).

Попытаемся последовательно реконструировать каждую из названных частей относительно грамоты Амира Тимура.

1. *Инвокация (богословие)*. Формулой богословия в грамоте является мотивированный указ, составленный из многочисленных религиозных терминов и выражений. «Нет существующего и достойного бога для поклонения, кроме высочайшего и достойнейшего единого Бога, и Мухаммед его посланник, да будет благослове-

ние Божье над ним, над его наичистейшим семейством, приверженцами и всеми его последователями, идущими по пути истинной веры!» (Диваев 1901: 3). Большинство ярлыков XIV–XV вв. имели такие начальные формулы, как, например, богословие тарханного ярлыка 1453 года крымского хана Хаджи-Гирея, которое начиналось так: «Во имя аллаха, милостивого, милосердного, Силою единого аллаха и чудесными деяниями Мухаммеда, Силою вечного бога, покровительством Мухаммеда, посланника аллаха» (Малов, 1953: 190). В грамоте эмира Тимура богословие написано по аналогии с монгольскими формулами золотоордынской эпохи, но, несомненно, в соответствии с мусульманскими канонами.

При составлении этого ярлыка характерно арабское влияние, что подтверждает Т.И. Султанов: «В мусульманских странах нарицательное имя бога употребляется в начале писем и деловых документов как благоприятное предзнаменование» (Султанов, 1978: 248). Наличие богословия доказывает, что язык текста ярлыка скорее всего персидский, так как если бы «тексты документов сборника ханских ярлыков были написаны уйгурцей, то для их формуляров статья «богословие» исключается» (Григорьев, 1981: 130). Приблизительно то же самое пишет и А.П. Григорьев: «Причину отсутствия богословия (в ярлыках русским митрополитам – З.К.) можно видеть в том, что оригинал грамоты был написан буквами уйгурского алфавита. Богословие присутствовало только в документах арабского письма» (Григорьев, 2004: 47). Следовательно, наличие данной статьи формуляра в ярлыке эмира Тимура свидетельствует не только о языке документа, но и о времени составления источника.

2. *Институция (адресант)*. Здесь выражение: «удостоенного милостью и наградою Всевышнего Творца, Эмира-Темира-Гурагана, да сохранит Бог навсегда владения его, увековечит Бог добродетель его к его народу», несомненно, указывает на обозначение адресанта. Текст ярлыка содержит ряд оборотов и терминов, подтверждающих то, что эмир Тимур является на данный момент правителем: «сохранит его владения... увековечит добродетель». Такое обращение может относиться только к живому лицу, в данном случае к адресанту (Григорьев, 1977:40).

Т.И. Султанов подчеркивает, что в жалованных грамотах сочетаются, как правило, «адресант и богословская преамбула и начальная формула имеет значение обоснования божественным промыслом права адресанта на составление документа» (Султанов, 1978: 48-49). Здесь мы видим формулировку мотива божественного покровительства царствующему роду эмира Тимура: «Дальнейшее процветание и изобилие в дни великой эпохи зависит от благоденствия и здравия царя великих государей, обладателя счастливого созвездия, служащего родником чудотворения и благоденствия, Эмира-Тимура-Гураган-Богадура, сына Эмира Тарогая, упокоенного в раю». (Диваев, 1901: 4).

3. *Инскрипция (адресат)*. Адресат в ярлыке выражается весьма отчетливо. Перед именем владельца ярлыка указывается на его кровное родство с самим великим Ходжой Ахметом Яссавийским. В ярлыке сказано: «Мир-Али-Ходжа-Шейх, сын Хасан-Шейха, есть один из потомков великого Садр-Шейха. Садр-Шейх имеет прозвище «Хильвати-Шейх» и приходится родным братом великого Азрета-Ходжа-Ахмеда-Ясавийского» (Диваев, 1901: 5).

4. *Нотификация (извещение)*. Статья основной части, извещающая или уведомляющая, составляет основной компонент формуляра ярлыков. В нашем тексте она состоит из двух частей: первая – извещает о назначении Мир-Али-Ходжа-Шейха мутавалием, со всеми вытекающими отсюда правами, и вторая – о назначении границ и владений вакуфа (сойюргала). Объектом права вакуфопользования являлась не просто земля, а земля орошаемая. Вместе с землей и водой в собственность переходила и оросительная система, сооруженная на этой земле. В самих ярлыках указывалось, какие именно оросительные каналы и районы переходили в вакуф. Например, вакуф, переданный мечети Ходжа Ахмета Ясави, состоял «из одного арыка воды под названием «Янгича», берущего свое начало из родника «Ходжа-Тумасы», с прилегающими с обеих сторон к этому арыку землями. Граница этих земель проходит через Акджарскую дорогу и подходит к Азрету-Кулил-хайр-Ата» (Еренов, 1960: 49). В ярлыке также подтверждается землевладение в виде вакуфа Азрета-Сагди-Ваккаса на два коша земли с водой в районе арыка Мир-Кара-Су и Хаджи-Маялка в районах арыков Саганак и Чорнак.

К земельным угодьям, перешедшим в собственность духовенства, были отнесены также сады. Например, участок, занятый под этим садом, имел, по-видимому, значительную территорию, так как для ухода за ним ярлыком предписывалось «иметь двух садовников, знающих обязанности садовника» (Диваев, 1901: 5).

К земельным угодьям, перешедшим в собственность духовенства, были отнесены также сады. Например, участок, занятый под этим садом, имел, по-видимому, значительную территорию, так как для ухода за ним ярлыком предписывалось «иметь двух садовников, знающих обязанности садовника» (Диваев, 1901: 5).

Помимо садовников, предполагалось держать при вакуфе: «два человека водоносцами и подметальщиками, назначенные из местных жителей, и люди эти должны быть в силах исполнять эту работу безукоризненно и безпорочно, находясь безотлучно на месте и заботясь о своем деле». За добросовестную работу данная категория лиц, это и оговаривается в тексте ярлыка, должна была получать «ежегодно по сто двадцати батманов зернового хлебного продукта на содержание каждого ...» (Диваев, 1901: 5).

5. *Диспозиция (определение)*. Диспозиционная часть обязательно присутствует в формуляре у тарханных ярлыков, вакуфные же ярлыки не содержат оборотов-распоряжений с указанием на налоги и повинности. Грамота эмира Тимура является вакуфной, так как в ней закреплено землевладение, принадлежащее религиозному учреждению, не нуждавшемуся в освобождении от налогов и поборов (Nobuaki K., 2004). В связи с этим данная статья формуляра в ярлыке отсутствует.

6. *В ярлыке эмира Тимура санкция (предписание)* занимает значительное место и состоит из трех клаузул-статей: обязательственная, ограничительная и угрожающая. В обязательственной статье перед держателем ярлыка ставятся определенные условия. Права мутавали по управлению вакуфным хозяйством и землями все же были ограничены. Запрещалось совершение всевозможных сделок с землями, принадлежащими мечети, следовательно, и оросительными каналами, а также не допускался переход вакуфа в наследство другим лицам. Например, в тексте ярлыка мы читаем: «Вакуф этот ни в коем случае не подлежит продаже, не может перейти в наследство как собственность, не может быть отдан ни под каким предлогом в дар кому-либо в окончательном или в не окончательном виде. Вакуф сей должен быть сохранен в целостности, в том самом виде, из чего он состоит» (Диваев, 1901: 8).

Таким образом, можно предположить, что распределять землю по собственному усмотрению, равно как и совершать различного рода дарение и наследование, входило в компетенцию только верховного правителя (хана). Все, кому принадлежала земля, так или иначе были ограничены в правах на нее.

7. *Корроборация (удостоверение)* – сведения об удостоверительных знаках документа, всегда встречающиеся в тексте актов, – в ярлыке Тимура отсутствует. На изголовке подлинной грамоты имеется золотой слепок печати эмира Тимура. Следовательно, изначально ярлык был

подтвержден, на что указывает А.А. Диваев (Диваев, 1901: 1).

8. *Эсхатология (конечный протокол)*. Место написания, как и дата выдачи ярлыка Тимура, отсутствует, вместо этого в конце текста имеется четверостишие. По смыслу оно не относится к ярлыку. А.А. Диваев отмечает, что грамота заканчивается «четырёхстишьем, писанным другим почерком в позднейшее время» (Диваев, 1901: 13).

Приведем его полностью, в таком виде, в каком оно опубликовано у А.А. Диваева:

«Не было подобного Тимуру-Гурагану царя,
Появился он на сей мир в 735 году;
В 771 году он завоевал всю вселенную,
А в 807 году оставил сей мир».

То, что данный текст приписан позднее, очевидно.

Отсутствие корроборации и эсхатологии затрудняет определение времени выдачи ярлыка. Но, судя по тексту инскрипции, адресант является на данный момент правителем: «И вот, в эти счастливые дни, которые совпали со днями, когда Всевышний Бог открывает своим избранным рабам двери хранилища милосердия, он, питая надежду на великое возмездие Всевышнего и прося заступнических молитв святого и благочестивого хозяина могилы (т.е. Азрета-Султана), учредил несколько вакуфов во имя Султана пути к истине, Султана правоты и истины, лучшего мистика, мистика предводителя совершеннейших людей, первенствующего в свое время святого, благодатнейшего султана-Ходжа-Ахмеда-Ясавийского, да осветит бог могилу его лучем своего блеска». Скорее всего, ярлык был написан в период правления эмира Тимура, т.е. в конце XIV – начале XV вв. Более того, «эти счастливые дни», по нашему мнению, подразумевают определенные мусульманские религиозные праздники, во время которых преподносились жертвоприношения религиозным учреждениям и великим святым, в данном случае Ходжа Ахмеда Ясави.

Заключение

Таким образом, анализ внутренней формы и конкретного формуляра жалованной грамоты дает следующие результаты:

1. Дипломатический анализ подтверждает, что грамота эмира Тимура является вакуфным ярлыком. Структура документа соответствует актовым источникам XIV–XVI вв. В условном формуляре этой разновидности документа мож-

но выделить три части (начальный протокол, основная часть, конечный протокол) и 8 статей формуляра. Мы видим, что все статьи начального протокола ярлыка (инвокация, интитуляция, инскрипция) присутствуют в жалованной грамоте Тимура. В основной части документа, которая состоит из нотификации, санкции и corroborации, есть все элементы вакуфного (сойюргального) ярлыка. Конечный протокол (эсхатокол) отсутствует.

Первый переводчик текста ярлыка А.А. Диваев указывает на то, что «в тексте грамоты в трех местах имеются наклейки, по которым текст воспроизведен или восстановлен позже» (Диваев, 1901:9). По данным М.Е. Массона, «текст грамоты подтверждали, как это было принято всеми правителями, которые подчиняли себе город. А в конце XVI века вакуфная грамота Тимура была подтверждена шайбанидом Абдаллах-ханом» (Массон, 1929: 40). Возможно, при процедуре подтверждения были утеряны corroborация и удостоверительная часть формуляра и при его восстановлении текст недостаточно точно был воспроизведен.

2. Некоторое усложнение стиля и увеличение текста ярлыка отражает, в известной степени, могущество адресанта и адресата. Упоминание имени эмира Тимура в интитуляции, в силу исключительности его статуса в обществе, отразилось на начальном протоколе формуляра (Почекаев, 2006: 25). В сравнении с аналогичными ярлыками в тексте этого документа интитуляция занимает значительное место. В формуляре ярлыка содержатся незначительные изменения.

3. В XIV–XV вв. появились новые устойчивые редакции формул адресата оповещения, диспозиций и санкции, так как с превращением ярлыков в официальную делопроизводственную документацию разрабатывались их новые разно-

видности. Это свидетельствует, что со временем утрачивается не только внешняя форма, но искажается и внутреннее содержание источника. Что связано не только с существенными изменениями развития самой внутренней логики исторической науки и концептуальных подходов в плане методологии, но и с изменением текстов как официальных документов на протяжении их многовекового функционирования.

4. Необходимо провести реконструкцию формуляра текста жалованной грамоты эмира Тимура. Условный формуляр золотоордынских ярлыков состоит из нескольких смысловых фрагментов статей и компонентов (статей условного формуляра). Порядок их расположения должен соответствовать формуляру жалованных ярлыков, выданных в данный период. Переведенный текст грамоты эмира Тимура объединяет в себе отнюдь не однородные смысловые фрагменты. При чтении этого довольно трудно читаемого текста, исследователь все же получает некоторое представление о его содержании. Почти каждый сохраненный смысловой кусок не соответствует принятой в XIII–XVI вв. форме написания жалованных ярлыков. Необходимо расставить все обороты-статьи формуляра на свои места, т.е. так, как должен писаться документ согласно конкретному формуляру.

5. Публикация вакуфной грамоты, выданной Амиром Тимуром Туркестанской мечети Ходжи Ахмета Ясави в конце XIV – начале XV века имеет огромное значение для исторической науки. Источник может быть использован при научных исследованиях как важнейший авторитетный и аутентичный источник средневековья, содержащий подлинные сведения о социально-экономической истории, формах землевладения и религиозной жизни средневековых городов Южного Казахстана.

Литература

- Байтанеев Б.А. (2004) А.А.Диваев – очерк жизни и деятельности. Шымкент-Алматы, 256 с.
- Григорьев А.П. (2004) Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб., 270 с.
- Григорьев А.П. (1981) Пожалование в ярлыке Тохтамышша. // Востоковедение. Вып. 8. Л., С. 126-136.
- Григорьев А.П. (1977) Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII–XV веков. // Востоковедение. Вып. 3. Л., С. 132-156.
- Диваев А.А. (1901) Жалованная грамота, данная Тимуром Туркестанской мечети Азрета Ясави: (Перевод с персидского). // Туркестанские ведомости. Ташкент, №39, 41. – С. 1-13.
- Еренов А.Е. (1960). Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алматы, 238 с.
- Исмоилов М.М. (2014) Из истории изучения документов Центральной Азии. // Изучение письменного наследия народов Центральной Азии., <http://elar.urfu.ru/bitstream>
- Малов С.Е. (1953) Изучение ярлыков и восточных грамот. // Академику В.А. Гордлевскому к его 75-летию. Москва. 1953. – С. 187-195 .

- Массон М.Е. (1929). О постройке мавзолея Ходжа Ахмета в г. Туркестане. // ИСАГО., Ташкент, Т. XIX., С. 39-45.
- Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). (1969). – Алматы, 560 с.
- Mc Chesney R. D. Waqf in Central Asia: Four Hundred Years in the History of a Muslim Shrine, 1480-1889. (2014). Princeton University Press. Princeton.
- Муминов А.К., Кумеков Б.Е., Султонов У.А., Шуховцов В.К., Кенжетаяев Д.Т., Кабылова А.С., Утепбергенова У.А., Айбасов А.А. (2017). Исторические документы мавзолея Ходжа Ахмада Йасави. Астана: Мастер ПО ЖШС, 216 с.
- Nobuaki K. (2004). The Waqf of a Timurid Amir. Persian Documents. Routledge. New York.
- Пищулина К.А. (1926). Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVII вв. // Казахстан в XV–XVIII веках (вопросы социально-политической истории). Алматы, С. 5-49.
- Почкаев Р.Ю. (2006) Ярлыки ханов Золотой Орды: историко-правовое исследование. Автореф. дисс. кандид. ист. н. Санкт-Петербург, 38 с.
- Радлов В.В. (1888) Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука. // ЗВО(И)РАО. Т.3, вып. 1-2. Санкт-Петербург, С. 1- 40.
- Султанов Т.И. (1978) Письма золотоордынских ханов. // Тюркологический сборник за 1975 год. Москва. 1978., С. 234-285.
- Чехович О.Д. (1969). Задачи среднеазиатской дипломатики. // Народы Азии и Африки, № 6. Москва, С. 39-48
- Чехович О.Д. (1980). Обзор археологии Средней Азии. // Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. Москва, С. 267-280

References

- Baytaneev, B.A. (2004) A.A. Divayev – ocherk zhizni i deyatelnosti [A.A. Divayev – an essay on life and activity]. Shymkent-Almaty, 256 s.
- Grigoryev A.P. (2004) Sbornik khanskikh yarlykov russkim mitropolitam [Grigoriev A.P. Collection of Khan labels to Russian metropolitans. Sankt-Peterburg, 270 s.
- Grigoryev A.P. (1981) Award in the label Tokhtamysh. // Oriental Studies. Vol. 8. L., S.126-136.
- Grigoryev A.P. (1977) The evolution of the addressee form in the Golden Horde labels of the 13th – 15th centuries. // Oriental studies. Vol. 3. – L., S. 132-156.
- Divayev, A.A. (1901) Zhalovannaya gramota, dannaya Timurom Turkestanskoy mecheti Azreta Yasavi: (Perevod s persidskogo) [Letter of Grant, given by Timur to the Turkestan Mosque of Azret Yasavi: (Translation from Persian)]. Turkestanskiye vedomosti, 39, 41, S. 1-13
- Erenov, A.E. (1960). Ocherki po istorii feodalnykh zemelnykh otnosheniy u kazakhov [Essays on the history of feudal land relations among the Kazakhs]. Almaty
- Ismoilov M. M. (2014) From the history of the study of documents of Central Asia. // Studying the written heritage of the peoples of Central Asia. <http://elar.urfu.ru/bitstream>
- Malov S.E. (1953) The study of labels and oriental letters. // Academician V.A. Gordlevsky to his 75th birthday, Moskva, S.187-195
- Masson, M.E. (1929). O postroyke mavzoleya Khodzha Akhmeta v g. Turkestane [About the construction of the Khoja Ahmad Yasavi mausoleum in Turkestan]. Tashkent.
- Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy) [Materials on the history of the Kazakh khanates of the XV – XVIII centuries. (extracts from Persian and Turkic writings)]. (1969). Almaty 560 s.
- McChesney R. D. Waqf in Central Asia: Four Hundred Years in the History of a Muslim Shrine, 1480-1889. (2014). Princeton University Press. Princeton.
- Muminov, A.K., Kumekov, B.E., Sultonov, A.A., Shukhovtsov, V.K., Kenzhetaev, D.T., Kabylova, A.S., Utepbergenova, U.A., & Aybasov, A.A. (2017). Istoricheskiye dokumenty mavzoleya Khodzha Akhmada Yasavi [Historical documents of the Khoja Ahmad Yasavi mausoleum]. Astana.
- Nobuaki K. (2004). The Waqf of a Timurid Amir. Persian Documents. Routledge. New York.
- Pishchulina, K.A. (1926). Prisyrdarinskiye goroda i ikh znacheniye v istorii kazakhskikh khanstv v XV–XVII vv. [Prisyrdarya cities and their significance in the history of the Kazakh khanates in the XV – XVII centuries]. Kazakhstan v XV–XVIII vekakh (voprosy sotsial'no-politicheskoy istorii) – Kazakhstan in the XV – XVIII centuries (issues of socio-political history). Almaty. 5-49.
- Pochkaev R.Yu. (2006) Labels of the khans of the Golden Horde: historical and legal research. Abstract. diss. Candidate East. N., Sankt-Petersburg, 38 p.
- Radlov V.V. (1888) Labels of Tokhtamysh and Temir-Kutluk. // ZVO (I) RAO. T.3, no. 1-2. Sankt-Petersburg, S. 1-40.
- Sultanov T.I. (1978) Letters of the Golden Horde khans. // Turkological collection for 1975. M., S.234-285.
- Chekhovich, O.D. (1969). Zadachi sredneaziatskoy diplomatiki [The tasks of Central Asian diplomacy]. Narody Azii i Afriki – Peoples of Asia and Africa, 6, S. 39 – 48
- Chekhovich O.D. (1980). Obzor arkheografii Sredney Azii [Overview of Central Asian Archeography]. Srednevekovyy Vostok. Istoriya, kultura, istochnikovedeniye – Medieval East. History, culture, source study, 267-280

Г. Файзуллина

кандидат исторических наук, доцент, Университета «Туран»,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: galiyf2@yandex.ru

МУЗЕОЛОГИЯ КАК НАУКА: КАЗАХСТАНСКИЕ РЕАЛИИ

Музеологию как науку можно определить, рассмотрев её со следующих основных аспектов – понятийный аппарат, система подготовки кадров, специализированные научные институты, профессиональные сообщества и периодические издания. Исследование направлено на изучение, описание, обозначение проблемных вопросов в рамках заявленной темы. Его актуальность обусловлена необходимостью систематизации и описания казахстанских музеологических исследований по истории, теории и практике музейного дела, прежде всего, периода независимости в Казахстане. В силу несформировавшейся музеологической традиции, разобщенности музейных институций из-за географической отдаленности наблюдается разрозненность музеологических исследований и музейных практик. Результаты исследования привели к следующим выводам: музеология как наука в Казахстане ещё в начале пути своего становления; большинство исследований публикуются в рамках профильных наук или акцентируют внимание на истории музеев, не имея при этом теоретического характера; отсутствует возможность изучения всего поля наработанного материала. В статье впервые предпринята попытка осмысления казахстанских музейных реалий в плане теоретического анализа музеологического поля исследований. Предложены пути решения проблемы и обозначены возможные шаги по выводу казахстанской музеологии на более высокий научный уровень.

Ключевые слова: музеология, музейное дело, музеи Казахстана, профессиональные музейные сообщества, музейные издания, профессиональная подготовка музейных сотрудников.

G. Fayzullina

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, University of Turan,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: galiyf2@yandex.ru

Museology as a Science: Kazakhstan Realities

Museology as a science can be defined, having considered it from the main positions – a conceptual framework, the system of employees training, specialized scientific institutions, professional communities and periodicals. The research is aimed to studying, description, designation of problematic issues within the announced subject. Its relevance is defined by the need of systematization and the description of Kazakhstan museum researches on history, the theory and practice of museum matter, first of all, of the independence period of Kazakhstan. Owing it to not fully formed museum traditions, versatility of museum institutions due to geographical remoteness of different regions of the country, the separation of museum researches and museum practices. As a result of a research the conclusion that Museology as science in Kazakhstan is at the beginning of a way of the formation is drawn. The majority of researches have no theoretical character and are published within professional directions of the museums or focus on history of the museums. At the same time, there is no possibility of studying the whole field of the acquired material. In the article an attempt of theoretical judgment of the Kazakhstan museum realities within the aspect of the theoretical analysis in the professional field of researches is made for the first time. Solutions to a problem and possible steps on a way to put the Kazakhstan museology to a higher scientific level are offered.

Key words: museology, museum sector, museums of Kazakhstan, professional museum communities, museum periodicals, professional training of museum employees.

Ф. Файзуллина

Тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, Тұран университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: galiaf2@yandex.ru

**Музеология ғылым ретінде:
қазақстандық шынайылықтар**

Музеология ғылымының негізгі аспектілері – түсініктеме аппараты, кадрларды даярлау жүйесі, бағытталған ғылыми институттар, кәсіби қауымдастықтар және мерзімдік басылымдар. Зерттеу жұмыстары тақырып барысында негізделген сұрақтардың мәселелерін, оларға талдау және сипаттама беруді қамтиды. Оның өзектілігі музей ісінің тарихы, теориясы мен практикасы бойынша қазақстандық музеологиялық зерттеулерді жүйелеу қажеттіліктерінен туындаған, ең алдымен, кезеңін. Музеологиялық дәстүрлердің қалыптаспау нәтижесінде, оның ішінде музей институттарының географиялық кеңістікте алшақтықта болуы, музеологиялық зерттеулер мен музей тәжірибелердің жік-жікке бөлінуі байқалады. Зерттеу нәтижесінде келесі қорытындыға келуге болады: музеология ғылым негізінде Қазақстанда бастау алу кезеңінде тұр, авторлардың көбі өз зерттеулерін профильдік ғылыми басылымдарда жариялайды немесе назарын музей тарихына бөледі, оның үстіне олардың теориялық сипаты да жоқ; зерттеу нәтижесінде қалыптасқан ақпарат көздерін зерттеуге толық мүмкіндіктің жоқтығы. Мақалада тұңғыш рет қазақстандық музейлердің шынайы жағдайының көрінісі және олардың кәсіби кеңістіктегі теориялық талдау мәселесіне талдау жасалған. Сондай-ақ, мәселенің шешу жолдары ұсынылып, қазақстандық музеологияны жоғары ғылыми деңгейге шығару жолдары көрсетілген. Түйін сөздер: музеология, музей ісі, Қазақстан музейлері, кәсіби музей қауымдастықтары, музей баспалары, музей қызметкерлерін кәсіби дайындау.

Түйін сөздер: музейтану, музей ісі, Қазақстан музейлері, кәсіби музей қауымдастықтары, музей басылымдары, музей қызметкерлерін оқыту.

Введение

В 2018 году в Казахском национальном университете им. аль-Фараби в рамках образовательной программы «БМ041900 – Музейное дело и охрана памятников» стала возможной подготовка специалистов уровня PhD (доктор философии), т.е. мы можем говорить о том, что музейное дело Казахстана с первым выпуском докторантов обретет дипломированных теоретиков, способных выявлять, анализировать и решать специфические музеологические проблемы. Но прежде чем проявлять бурную радость, необходимо понять, какая база теоретических знаний накоплена в Казахстане на сегодняшний день в этой области научных знаний, от чего могут отталкиваться нынешние магистранты и докторанты, выбирая свой путь и направление исследований. В этом контексте приоритетными становятся поиски ответа на вопрос – может ли музеология считаться наукой в Казахстане в настоящее время или она только имеет перспективу стать таковой после интенсивной работы нескольких выпусков обозначенной программы КазНУ им. аль-Фараби? Надо признать, что это слишком широкое поле исследования, охватить которое возможно только совместными усилиями музейного сообщества Казахстана и в довольно продолжительное время. В данной же статье,

скорее лишь будут обозначены «болевы́е точки» исследуемой темы. Соответственно, предметом исследования является музеологическое знание в Казахстане в контексте смежных наук гуманитарного профиля, традиционно представленных в музее – искусствоведения, истории, источниковедения, археологии и этнографии.

Методология и источники

В процессе исследования была использована методологическая совокупность общих идей, подходов и принципов, среди которых главным был культурологический подход, т.к. знание о музее, принципах его функционирования и развития не может рассматриваться вне осознания его места в общей картине представлений о культуре.

Анализ материала основан на принципе историзма, т.к. прослеживаются трансформации, которые отразились в процессе формирования системы научных музеологических знаний в Казахстане. Применение исторического метода позволило ограничить хронологический период исследования периодом независимости (с 1991 года по настоящее время) и обозначить очередной пик интереса к теме в настоящее время.

Сравнительный и системный методы позволили выявить общие закономерности развития

различных направлений становления и развития музеологии в Казахстане. Так были выделены элементы, которые входят в систему музеологии как науки (терминологический аппарат, профессиональные издания, подготовка кадров и др.); проведен анализ характера отношений между элементами (их общая зависимость от терминологической проблемы); изучено взаимодействие системы музеологических знаний с профильными науками, представленными в музеях Казахстана.

Историография

Алгоритм любого научного исследования предполагает, в первую очередь, изучение источников и литературы по заявленной теме. В нашем случае отечественных обобщающих работ нет. При этом, есть опыт подобных актуальных исследований, например в России. Так, в 2018 году вышла в свет монография российского ученого В.Г. Ананьева «История зарубежной музеологии: Идеи, люди, институты», в которой автор характеризует основные этапы эволюции зарубежной музеологии и содержание наиболее значимых концепций в общем контексте культуры (Ананьев, 2018). Данная работа представляет пример презентации теоретической базы и алгоритм изучения музеологии как науки. Однако, необходимо отметить, в то время как В.Г. Ананьев большое внимание уделяет национальным российским и международным профессиональным организациям, в нашем исследовании вопрос истории казахстанских национальных музейных организаций и их взаимодействие с международными остается на периферии внимания, т.к. уже был отдельно представлен в другой статье (Файзуллина, Плетникова, 2017). Историографический анализ состояния теоретического изучения музейного дела Казахстана прописан в сжатом виде в нашем вступительном тексте к сборнику статей «Современный музей в Казахстане: вопросы, факты, мнения» (Файзуллина, Асанова, Джасыбаев, 2012: 5-8). На сегодняшний день это самый популярный и цитируемый, например, студентами, историографический текст по музейному делу Казахстана в период независимости. При этом спустя пять лет после выхода сборника, судя по публикациям после 2012 года, «фактов» стало больше. Активно стали публиковаться авторы на страницах периодических изданий и материалах конференций, исследования которых проводились в музеях в рамках профильных дисциплин (в первую оче-

редь, археологии, этнографии и искусствоведения), больше представлены исследования и описания коллекций, чаще – атрибуция отдельных предметов.

Однако в контексте данного исследования нас больше интересуют «вопросы и мнения» казахстанской музеологии.

Изучение музейного дела Казахстана долгое время ограничивалось историческим подходом, и в работах освящались в основном отдельные этапы истории музейного дела, этапы формирования основ и структуры музеев, научно-исследовательская, культурно-просветительская деятельность и кадровые вопросы. Этим темам были посвящены кандидатские диссертации: А.К. Кайназаровой, исследовавшей зарождение и деятельность историко-краеведческих музеев как очагов культурно-просветительной работы с момента их возникновения до 1925 года (Кайназарова, 1995); А.Г. Ибраевой, охватившей период 1920-1940 годов (Ибраева, 1999); С.Т. Тайман, изучавшей деятельность республиканских музеев в 1946-1970 годах, когда в СССР музеи четко знали свое место в системе идеологического воспитания советских людей (Тайман, 1999); Б.К. Саранкуловой (2006) и М.З. Мусахановой (2007), уделившим внимание деятельности музеев в период независимости с 1991 по 2004 годы. Также, докторская диссертация А.Г. Ибраевой, которая хронологически охватывает наибольший временной отрезок (1831-2006 гг.) (Ибраева, 2010). История формирования палеонтологических коллекций в историко-краеведческих музеях Северного и Восточного Казахстана в 1991-2006 годах освещена в кандидатской диссертации В.Н. Алиясовой (работа защищена в Российской Федерации) (Алиясова, 2009). Эти работы знаменовали собой необходимое в процессе становления любого научного направления накопление фактического материала. Поэтому вполне понятным является повествовательный характер данных работ, где изложение фактов превалирует над теоретическим обобщением.

Исторический контекст большинства отечественных исследований по музейному делу свидетельствует о сложившейся школе историков музейного дела, о разработанности темы, о сформировавшейся единой картине, хронологически охватывающей период с XIX в. по настоящее время. Однако исторический подход ограничивал возможности проблемного изучения материала. Первые попытки в этом направлении были предприняты Г.Ш. Файзуллиной (2005) и К.Н. Райымхан (2010).

В диссертации Г.Ш. Файзуллиной анализируются наиболее актуальные проблемы деятельности современных казахстанских музеев. Данная работа занимает особое место в ряду выше перечисленных диссертационных исследований музейной проблематики, так как является, по существу, первой работой в истории музеологии республики в области разработки теоретических проблем данной области знаний (шифр специальности – «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных памятников», а не обычный для всех других – «История Казахстана»). Необходимо отметить, что особенность данного современного этапа развития и состояния изучения музейного дела Казахстана состоит в том, что данная тема получила освещение только на уровне диссертационных исследований.

Тема работы К.Н. Райымхан – «Музейные предметы как исторический источник (на примере музеев Казахстана)». Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в работе впервые интерпретируются содержание и значение музейных терминов, анализируются основы классификации музейных источников и определяются объект и научные направления музейного источниковедения. И хотя данная работа также была написана в историческом контексте, но в ней уже рассматривается такая теоретическая проблема как место и роль музейного предмета в развитии исторических знаний, исследуется проблема музейных терминов, весьма актуальная для казахстанских музеев.

Особняком стоит публикация «Музеи Казахстана в XXI веке. Анализ ситуации» (авторы Кожаметов Б.К., Сафарова Г.М., Усманова Э.Р.), в которой приводятся результаты аналитического исследования, проведенного по заказу Министерства культуры и информации РК среди 66 музеев Казахстана в 2008 г. Поскольку статья была опубликована в российском издании, широкому кругу исследователей в Казахстане она не известна.

Основной вопрос. На фоне внедрения образовательных программ по музейному делу в университетах Казахстана особенно актуальным становится вопрос – насколько в Казахстане музеология является самостоятельной наукой, вписанной в реестр других наук? Достаточно ли упоминания музеологии в названии кафедры, чтобы обозначить её реальное существование? Какие характеристики определяют науку?

Существуют общие признаки для всех наук. «В широком смысле наука включает в себя все

условия и компоненты соответствующей деятельности:

- разделение и кооперацию научного труда;
- научные учреждения, экспериментальное и лабораторное оборудование;
- методы научно-исследовательской работы;
- понятийный и категориальный аппарат;
- систему научной информации;
- всю сумму накопленных ранее научных знаний» (Наука. Википедия).

Если кратко, то наука, чтобы считаться таковой, должна иметь свой понятийный аппарат, систему подготовки кадров, специализированные научные институты, профессиональные сообщества и издания. Итак, рассмотрим насколько глубоко и обширно казахстанская музеология может заявлять о себе в соответствии с этими пунктами.

1. Понятийный аппарат.

1.1. При том, что в зарубежной музеологии иногда ставится о правомерности использования литературного подхода к описаниям музейных предметов (например, Pearce S. (2007)), в Казахстане актуально рассмотрение комплекса специфического терминологического музейного терминологического аппарата. Как упоминалось выше, есть исследование Райымхан К.Н. (Райымхан, 2010) – «Музейные предметы как исторический источник (на примере музеев Казахстана)» (на каз.яз). Автор опубликовал статьи в журналах как в разделах содержания «Музейное дело», так и в «Источниковедение и историография»¹, а также статьи, касающиеся именно определения терминологического аппарата музейного дела Казахстана (Райымхан, 2009 а, б).

Учитывая то, что в Казахстане музей в современном понимании был заимствован как европейская культурная форма, до сих пор большой проблемой для музеев является проблема использования тех или иных терминов на трех языках. И эта проблема присутствует там, где есть «трудности перевода» (Файзуллина, 2009; Файзуллина, Егизбаева, 2007). Это отразилось в неопределенности использования слов «музей» и «мұражай» в названиях и официальных документах музеев. Или – перевод казахского слова «жадигер» – экспонат, музейный предмет? У двух возможных вариантов в русском языке разные контексты. Это отразилось на использовании данного термина в законодательных актах, связанных с музейным делом. Кроме того,

¹ Из 5 публикаций автора в Вестнике КазНУ – 2 в разделе «Источниковедение и историография».

трудности накладываются на хронологическую сетку развития музеев (см. подробнее: Файзуллина, 2012). В настоящее время с этим разобрались – принят международный термин «музей», в последних музейных законодательных актах присутствует правильное использование понятий «предмет музейного значения», «музейный предмет» и «экспонат». Однако в них же есть

расхождение понимания и применения традиционного музейного понятия «основной фонд».

1.2. Терминологическое обозначение области изучения музеев и их развития, музейного дела или музеологии отразилось на истории названия разделов в содержании Вестника КазНУ, историческая серия (в год выходит 4 номера).

Год	№	Название раздела	Количество статей
2002	1(24)	Научная жизнь	1 (про музей)
2003 2004 2005	–	–	–
2006	1(40)	Музей ісі	1
2007	2(45) 4(47)	Музей ісі	4 1
2008	1(48) 4(51)	Музей ісі	2 3
2009	1(52)	Музей ісі	1
2010	3(58)	Музей ісі	1
2011	1(60) 2(61)	Музей ісі	2 2
2012	–	–	–
2013	3(70) 4(71)	Музейтану Музей ісі	2 1
2014	–	–	–
2015	1(76) 2(77) 3(78)	Музей ісі / Музейное дело	1 3 (1 статья на англ. яз.) 3
2016	1(80) 2(81)	Museology Музей ісі / Музейное дело	1 статья на англ. яз. 4 (1 статья на англ. яз.)
2017	1(84)	Музей ісі және ескерткіштерді қорғау / Музейное дело и охрана памятников	4 (1 статья на англ. яз.)
2017	2(85)	Археология, этнология и музейное дело	
2018	1(88) 2(89) 3(90)	Нет отдельных разделов	1 1 1
2019	1(92)	Нет отдельных разделов, но есть – «Научная жизнь»	1 (про издание музея)

Всего за 18 лет в 23 номерах Вестника были опубликованы 41 статья на музейную тему. Её появление в Вестнике в 2002 году было отмечено в разделе «Научная жизнь», где была опубликована статья Ж.К. Таймагамбетова «Музей палеолита Казахстана» (каз.яз). Условное «закрытие» отдельного обозначения этой темы произошло в том же разделе в 2019 году публикацией ста-

тьи Калыша А.Б. и Исаевой А.И. «Научно-этнографическая энциклопедия ЦГМ РК». Начиная с 2006 года можно наблюдать, как постепенно пришло понимание того, что и археология, и этнология, и музеология (музейное дело) утратили четкие границы своего исследовательского поля, сегодня стали актуальными синергия и междисциплинарность.

Система подготовки специалистов.

2.1. Эта тема неразрывно связана с предыдущей. В настоящее время в Казахстане есть два образовательных учреждения, в которых готовятся специалисты, т.е. их квалификация подтверждена соответствующими дипломами об образовании. Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауэзова (Шымкент) – факультет педагогики и культуры; кафедра всеобщей истории и музейного дела; специальность 5В041900 – Музейное дело и охрана памятников; бакалавр. Со специальностью всё логично, но ... нет магистратуры и докторантуры. Готовят практиков, но не теоретиков. Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы) – факультет истории, археологии и этнологии; кафедра археологии, этнологии и музеологии; программа: 6М041900 – Музейное дело и охрана памятников; бакалавр искусства, магистр искусствоведческих наук, магистр искусствоведения, PhD (доктор философии), т.е. фактически этот университет выпускает специалистов для художественных музеев.

Таким образом, сегодня музейный специалист в Казахстане готовится на стыке таких наук, как педагогика, культурология, история, археология, этнология, искусствоведение, музейное дело и охрана памятников. Естественно, что каждый музей хочет принять на работу не просто специалиста в музейном деле, но и имеющего определенные знания в соответствии с профилем музея. Но тогда встает вопрос – есть ли такая специфика подготовки именно музейных кадров? Российский квалификационный стандарт предполагает три спецификации для музейного сотрудника – хранитель музейных ценностей, специалист по учету музейных предметов, экскурсовод (гид)². И определяют эти стандарты в рамках специальности «Государственное право. Юридические науки» (Хмельницкая: 2013).

² «Профессиональные стандарты носят комплексный характер и раскрывают необходимые для выполнения работником трудовых функций знания и умения. Поддержание в актуализированном состоянии информации о востребованных и перспективных профессиях, современных требованиях к работникам и учет этих требований в системе подготовки кадров должно обеспечиваться государством. Повышение профессионального уровня работников оказывает существенное влияние на производительность труда, снижение издержек работодателей на адаптацию работников при трудоустройстве, а также на конкурентоспособность работников на рынке труда» – <https://www.audit-it.ru/articles/personnel/a110/873731.html>

При этом если говорить об инновационных подходах, то, как сказала Ете Сандал, Председатель Европейского музейного форума, директор-основатель Женского музея в Дании и Музея мировой культуры в Швеции: «Самые передовые музеи не относятся ни к одной из существующих категорий ... к такому сложному материалу, как XXI век, нельзя подходить с точки зрения отдельных дисциплин» (Сандал, 2019).

2.2. Как в Казахстане обстоит дело с повышением квалификации специалистов? Ведь чаще всего в музеи приходят сотрудники с профильным образованием, и их надо знакомить с музейной спецификой. Ответ на этот вопрос сложный, подробно в рамках данной работы его рассмотреть невозможно. Необходимо лишь отметить, ещё в начале 2000-х годов областные историко-краеведческие музеи, осознав свою ответственность за будущее историко-культурного наследия страны, на своих территориях взяли на себя ответственность за подготовку музейных кадров и обеспечение их методической литературой. Так, например, в Костанайской области с 2003 года по 2013 год отдельной графой по музейным публикациям шли «Методические издания» (в 2016-17 гг. – буклеты, продолжение серии «Методическая копилка»). Другие областные музеи организуют семинары, издают методическую литературу для поддержки профессиональных стандартов в музейном деле в своих регионах. Проводятся конкурсы профессионального мастерства. Из последних реалий: в 2013 году историко-краеведческий музей Семей организовал Республиканский конкурс экскурсоводов и продолжал его проводить впоследствии уже на областном уровне; в 2019 году в Атырау состоялся Республиканский конкурс музейных сотрудников им. Н.Улькенбаева; Национальный музей РК ежегодно проводит профессиональные конкурсы. В своё время качественную профессиональную подготовку через систему семинаров и конкурсов проводила неправительственная организация Центр современной культуры «Дешти-Арт» (Караганда).

Специализированный научный институт

Несмотря на то, что у нас в стране есть Казахский научно-исследовательский институт культуры, всё руководство научной музейной областью теоретически, по статусу отошло к Национальному музею РК. Хотя, несомненно, первопроходцем в продвижении идеи музея как научного центра является Центральный государственный музей РК. Именно благодаря упорству его директора Нурсана Алимбая в Концепции

культурной политики РК (2014 г.) музеи названы «опорными центрами развития науки и исследовательской деятельности», что, впрочем, признается многими представителями музейного мира. Например, (Ken Arnold: 2016) отмечает: «Существование любого музея (независимо от его предмета) решительно выражается в жизненности его программ, основанных на исследованиях». Обсуждаются вопросы о месте научных музеев, о роли науки в музее (Cárdenas: 2017). В ЦГМ РК приоритет отдается профильным наукам (археологии, этнографии и источниковедению), что подтверждается изданием результатов по научным проектам этого музея, в первую очередь, Энциклопедии «Традиционная система этнографических категорий, понятий и названий у казахов» (Т. 1-5). Результаты же научно-прикладного исследования «Музейное дело в Казахстане: становление, тенденции развития, проблемы» (2005-2007 гг.) так и не были изданы. Если анализировать списки научных публикаций сотрудников этих музеев, то в силу объективных и субъективных причин главными музейными науками в нашей стране являются археология и этнология (этнография). При этом Совет по музеям при Министерстве культуры и спорта РК называется «Художественным». Видимо, потому что у нас есть ещё одна главная наука – искусствоведение, что и подтверждается Концепцией культурной политики РК «До 2030 года Казахстан должен стать одним из международных центров развития исторической науки, археологии и искусствоведения».

Можно констатировать факт того, что основными музеологическими исследованиями в Казахстане являются исследования в соответствии с профилем музеев. На втором плане (а иногда – и на третьем) находятся такие основные направления исследовательской деятельности музеев:

- создание единой музейно-информационной среды;
- разработка научных концепций для музеев;
- исследования в области комплектования фондов;
- рекомендации по безопасности и хранению фондов;
- научное проектирование экспозиций и выставок;
- изучение историографии музееведения;
- изучение межмузейных отношений;
- исследования в области внутримузеевской и межмузейной коммуникаций;
- интерпретация коллекций.

Как упоминалось выше, судя по публикациям в материалах конференций, дело продвинулось в отношении изучения музейных предметов и коллекций. И, в конце концов, все диссертации, защищенные на музейном материале Казахстана, были в рамках изучения истории музеев и музейного дела.

Одна из важных составляющих научно-исследовательской работы – научные конференции, регулярно организуемые музеями. Заслуживает уважения в вопросе продвижения «музея в науке» совместная организация с 2015 года ЦГМ РК и КазНУ им. аль-Фараби «Оразбаевских чтений»³. В данном случае ЦГМ РК признан авторитетным центром в изучении профильных наук и поддерживает тесную связь с научным учреждением.

Информационная обеспеченность. Специализированные научные издания

Сегодня – это журнал «Мәдени мұра» / «Культурное наследие». Вот презентация журнала с сайта Национального музея РК (Сайт музея): «Его история начинается с 2002 года. Тогда в городе Туркестане проходила II Республиканская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы музейного дела Казахстана: опыт и перспективы». В соответствии с предложениями этой конференции была начата работа по изданию журнала, содержание которого было бы посвящено музейному делу. Организационные мероприятия начались незамедлительно, и через месяц в Министерстве культуры и информации был зарегистрирован новый журнал «Қазақстан музейлері». После того государственная программа «Мәдени мұра» начала свою деятельность, тематическая сфера журнала расширилась еще больше. И с 2007 года журнал начал выходить в свет под новым названием – «Мәдени мұра».

В начале 2014 года журнал переходит под крыло Национального музея РК. В связи с этим журнал, наряду с широким освещением тематики государственной программы «Мәдени мұра», стал касаться тем международной и отечественной музейной деятельности, уделяя особое внимание практической работе Национального музея – главного музея страны... постоянно публикуются научные материалы, глубоко затрагивающие вопросы истории, археологии, этнографии, этногенетики, этнолингвистики, литературоведения, культурологии и музееведения. Популяризация

³ Первое издание материалов конференции «II Оразбаевские чтения», 2010 г.

традиционных ценностей музеев Казахстана и других стран, а также экспонатов, найденных в последние годы – также входит в задачи издания. Журнал предполагает усилить работу по новому осмыслению национальной истории и древней культуры нашего народа. Вместе с тем будут подниматься вопросы изучения, восстановления и хранения историко-культурного наследия народа. Тираж журнала «Мәдени мұра» – 2400 экземпляров». Как видим, это не совсем узко специализированный музеологический журнал.

Вся сумма накопленных ранее знаний

Естественно, что эта сумма знаний отражается в публикациях, и любой поиск начинается с изучения фондов Национальной библиотеки РК (Алматы). Поиск по ключевым словам в электронной базе данных библиотеки выдает такие результаты: «музей» – 2951 (включены все публикации, статьи в газетах в том числе, за всё время, из всех стран); «музеи Казахстана» – 45 наименований; «музееведение» – 105; «музейное дело» – 95; «музейтану» – 17. Если смотреть на эти данные сквозь призму периода независимости Казахстана, то вполне ясно – не хватает теоретических исследований в области музеологии. Кроме того, в библиотеках не всегда есть полное представительство материалов конференций – «Бекмахановские чтения», «Оразбаевские чтения», «Аргынбаевские чтения», «Кадырбаевские чтения» и т.п. В них есть отдельные секции по музейному делу и новинки исследований следует искать там.

Существует небольшое количество казахстанских учебных пособий (см. Приложение), которые в основном созданы на основе популярных российских профессиональных изданий с привлечением казахстанского материала, по ним готовятся наши специалисты. В том числе и к казахстанскому полю музеологических исследований можно отнести высказывание В.Г. Ананьева: «Существующий корпус исследований можно условно разделить на два блока, точно соответствующих по своим внутренним характеристикам предложенному Л. Флеком разделению «журнальной науки» и «науки учебника». Для первой характерны такие черты, как временность и индивидуальность, личностный характер: «Фрагментарность проблем, случайность материала исследований <...>, технические подробности». Вторая же «возникает не путем компиляции или коллекционирования различных журнальных публикаций. Первое невозможно, поскольку журнальные публикации часто противоречат одна другой; второе так же не мо-

жет привести к замкнутой системе <...> Учебник возникает из индивидуальных работ, как мозаика из множества цветных камешков путем подбора и упорядоченного их составления». При этом, для «науки учебника», как правило, характерно стремление к нивелировке противоречий и отказу от детальности, а также сведение многообразия трактовок материала к одной, авторской концепции» (Ананьев, 2018 : 7).

Выводы

У казахстанской музеологии нет четкого самосознания и определения, что отражается в использовании терминологического аппарата. Музеология как наука в Казахстане ещё в начале пути своего развития. Большинство исследований не носят теоретический характер и публикуются в рамках музейного дела или профильных наук. При этом, нет возможности развития критической мысли в аспекте теоретического изучения всего поля наработанного материала, т.к. существует разобщенность исследований в разных регионах страны. В связи с этим на государственном уровне, в целях укрепления научной базы музеев и музеологии в Казахстане необходимо:

1) продолжить исследование «Музейное дело в Казахстане: становление, тенденции развития, проблемы», дополнив его новыми данными о развитии музеев в Казахстане после 2007 года;

2) организовать исследование музеев художественного профиля в Казахстане, как наиболее упорядоченной и продвинутой части музейного кластера (есть наука искусствоведение, специалисты музейного дела с образовательным статусом «искусствоведы»), и издать книгу справочного характера (какие, сколько, фонды, достоинства, публикации и т.п.);

3) инициировать исследовательские проекты «Музейные термины», «Историография и библиография музейного дела Казахстана в период независимости»;

4) создать единый интернет-портал, как коммуникационную площадку для разных направлений музейных исследований, где будет публиковаться библиография по музейному делу Казахстана, аккумулироваться своеобразная база данных всего, что делается в музеях Казахстана. И тогда Восток страны будет знать, что делает Запад, а Север – что публикует Юг. И тогда появится возможность выявлять новые, неисследованные темы, изучив уже накопленную информационную базу.

Литература

- Cárdenas, B. (2017) 'New possibilities for science museums: MuseologicalHow to cite Reflections Group, 1st edition'. JCOM 16(01), R02.
- Ken Arnold. (2016) Thinking things through: reviving museum research. Spring 2016, Science Museums and Research, Science Museum Group Journal // <http://journal.sciencemuseum.org.uk/browse/issue-05/thinking-things-through/>
- Pearce S. (2007) The Strange Story of the Thing, or The Material World in the Contemporary Novel // *Museological Review*. 2007. Is. 12. P. 33–41.
- Алиясова В.Н. (2009) Музеи Северного и Восточного Казахстана как центры сохранения и популяризации палеонтологических коллекций: автореф. ... к.и.н. Кемерово, 2009. 25 с.
- Ананьев В.Г. (2018) История зарубежной музеологии: Идеи, люди, институты. Москва: Памятники исторической мысли, 2018. – 392 с.
- Ибраева А.Г. (1999) Қазақстандағы музей жүйесінің қалыптасуы (1920-1940): т.ғ.к. ... автореф. Алма-Ата, 1999. – 26 б.
- Ибраева А.Г. (2010) Қазақстандағы музей ісі: қалыптасуы мен дамуының тарихи тәжірибесі (1831-2006): т.ғ.д. ... автореф. Астана, 2010. – 48 б.
- Кайназарова А.К. (1995) Музейное дело в Казахстане (1831-1925 гг.): автореф. ... к.и.н. Алматы, 1995. 24 с.
- Кожаметов Б.К., Сафарова Г.М., Усманова Э.Р. (2010) Музеи Казахстана в XXI веке. Анализ ситуации // *Материалы научно-практической конференции «Гороховские чтения»*. Челябинск, 2010. С. 95-128.
- Мусаханова М.З. (2007) Развитие музеев Казахстана (1991-2001 гг.): автореф. ... к.и.н. Алматы, 2007. – 26 с.
- Наука // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0>
- Райымхан К.Н. (2010) Музей жәдігерлері тарихи дереккөз ретінде (Қазақстан музейлері негізінде): т.ғ.д. ... автореф. Астана, 2010. 48 б.
- Райымхан К.Н. (2009 а) Музейлік деректанудың зерттеу нысаны // *Қазақстанның тарих ғылымы: дәстүрлер және қазіргі заман*. ҚР ҰҒА академигі А.Н. Нүсіпбековтың 100 жылдығына арналған халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. Алматы: Арыс, 2009. 179-183 бб.
- Райымхан К.Н. (2009 б) Музейтанудың ұғымдық және терминологиялық мәселелері // *Қазақстан Республикасы Орталық Мемлекеттік музейі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты «І Аргынбаев оқулары» атты республикалық ғылыми-практикалық конференция*, 2009, 12-13 қараша.
- Сайт Национального музея РК. <http://nationalmuseum.kz/fondy/zhurnal-m-deni-m-ra>
- Сандал Ева. Интервью // *The Art Newspaper*, № 75, июль-август, 2019. // http://www.theartnewspaper.ru/posts/7140/?fbclid=IwAR2tZP_cs-i0V1UH6_LbCBkKFMwIkSp_nWUU8vBj4TA2P54BucIhxSZTC-k_02.01.2020
- Саранқұлова Б.Қ. (2006) Қазақстан Республикасындағы музей құрылысы мен қызметі (1991-2004 жж.): т.ғ.к. ... автореф. Алматы, 2006. 26 б.
- Тайман С.Т. (1999) Қазақстанда мұражай жүйесінің дамуы: тәжірибелер және проблемалары (1946-1970 жж.): т.ғ.к. ... автореф. Қарағанды, 1999. 28 б.
- Файзуллина Г.Ш. (2005) Культурно-образовательная деятельность музеев Казахстана в период независимости (1991-2005 гг.): автореф. ... к.и.н. Москва, 2005. 26 с.
- Файзуллина Г.Ш. (2012) Хранение, состав и структура музейных фондов Казахстана в советский период сквозь призму терминологических проблем // «XXI ғасырдың басындағы Отандық археология және этнологияның мәселелері мен жетістіктері» атты Ә.М. Оразбаевтың 90 жылдығына арналған «IV Оразбаев оқулары» республикалық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. Алматы: Қазақ университеті, 2012. 397 бет. С.264-268.
- Файзуллина Г.Ш. (2009) Этнографизмы в музейной терминологии (к вопросу о стандартизации описаний предметов традиционных культур) // *Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения*. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009. С. 423-425.
- Файзуллина Г.Ш., Егизбаева М.К. (2007) К вопросу об атрибуции музейных предметов из этноконтактных зон (одежда казахов и татар Семипалатинской обл. в фондах ЦГМ РК) // *Алтае-Саянская горная страна и история освоения её кочевниками: сборник научных трудов*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 175-178 и др.
- Файзуллина Г.Ш., Плетникова Л.Н. (2017) Музейные сообщества в Казахстане: история и реальность // *Вестник КазНУ*. Серия историческая. №1 (84), 2017, с. 239–246.
- Файзуллина Галия, Асанова Салтанат, Джасыбаев Ермек. (2012) Современный музей в Казахстане: вопросы, факты, мнения / Сборник статей. – Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 316 с.
- Хмельницкая И.Б. (2013) Об уровнях квалификации работников сферы учетно-хранительской деятельности музея (к вопросу о разработке профессиональных стандартов) // *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусства*. – Москва, 2013. С.75-80.

Приложение (список учебных пособий)

На казахском языке:

- Раимханова К.Н., Хатран Д. Музей ісінің теориясы мен практикасы: Учеб. пособие. Алматы, 2002. 90 б.
- Мустапаев Д.Ө. Қазақстандағы музей ісінің тарихы: Оқу құралы. Түркістан: «Тұран» баспаханасы,, 2011. 200 б.
- Ибраева А.Г., Мұражайтану. Петропавловск, 2017 (2009 – Астана). 209 б.

На русском языке:

- Золотарева Л.Р. Музееведение: Учеб. пособие. Караганда: КарГУ им. Е.А. Букетова, 2007.
 Джанабаева Г.Д. Музееведение: Учеб. пособие. Алматы: Университет «Туран». 2011.
 Кульсариева С.П. Теория и практика музейной коммуникации: Учеб. пособие. Алматы: КазНУ, 2011. 73 с.
 Мийманбаева У.Д. Мировые музеи: Учеб. пособие. Алматы: КазНУ, 2012. 360 с.
 Муналбаева У.Д. Музейная педагогика. История, теория, практика: Учеб. пособие. Алматы: КазНУ, 2013. – 527 с.
 Шалгинбаева С.Х. Музеи под открытым небом: Учеб. пособие. Алматы: КазНУ, 2013. 100 с.
 Канаева Т.М. Музееведение: Электронное издание. Петропавловск: СКГУ им. М.Козыбаева, 2013. 100 с.

References

- Aliyasova V.N. (2009). Muzei Severnogo i Vostochnogo Kazakhstana kak tsentry sokhraneniya i populyarizatsii paleontologicheskikh kollektсий [Museums of North and East Kazakhstan as centers for the conservation and promotion of paleontological collections]: avtoref. ... k.i.n. Kemerovo, 2009. 25 p.
- Anan'yev V.G. (2018) Istoriya zarubezhnoy muzeologii: Idei, lyudi, instituty [History of Foreign Museology: Ideas, People, Institutions]. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2018. 392 p.
- Cárdenas B. (2017) 'New possibilities for science museums: Museological How to cite Reflections Group, 1st edition'. JCOM 16(01), R02.
- Fayzullina G.SH. (2005) Kul'turno-obrazovatel'naya deyatel'nost' muzeyev Kazakhstana v period nezavisimosti [Cultural and educational activities of museums of Kazakhstan in the period of independence] (1991-2005 gg.): avtoref. ...k.i.n. Moskva, 2005. 26 p.
- Fayzullina G.SH. (2015) Khraneniye, sostav i struktura muzeynykh fondov Kazakhstana v sovetskiy period skvoz' prizmu terminologicheskikh problem [Storage, composition and structure of museum funds of Kazakhstan in the Soviet period through the prism of terminological problems] // «XXI gasyrdyn basyndagy Otandyk, arkeologiya zhane etnologiyany maseleleri men zhetistikeri» atty A.M. Orazbayevtyн 90 zhyldygyna arналган «IV Orazbayev okulary» respublikalyk gylymi-tazhiribelik konferentsiya materialdary Almaty: Kazak universiteti, 2012. 397 bet. Pp.264-268.
- Fayzullina G.SH.(2009) Etnografizmy v muzeynoy terminologii (k voprosu o standartizatsii opisaniy predmetov traditsionnykh kul'tur) [Ethnographic in museum terminology (on the standardization of the description of objects of traditional cultures)] // Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: II Kuzeyevskiyе chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu R.G. Kuzeyeva – Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat, 2009. Pp. 423-425.
- Fayzullina G.SH., Pletnikova L.N. (2017) Muzeynyye soobshchestva v Kazakhstanе: istoriya i real'nost' [Museum communities in Kazakhstan: history and reality] // Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya. №1 (84), 2017, Pp. 239–246.
- Fayzullina G.SH., Yegizbayeva M.K. (2007) K voprosu ob atributsii muzeynykh predmetov iz etnokontaktnykh zon (odezhda kazakhov i tatar Semipalatinskoy obl. v fondakh CSM RK) [On the issue of attribution of museum objects from ethno-contact zones (clothing of Kazakhs and Tatars of the Semipalatinsk region in the funds of the Central Museum of the Republic of Kazakhstan)] // Altaye-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoyeniya yeyo kochevnikami: sbornik nauchnykh trudov – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007. Pp. 175-178 i dr.
- Fayzullina Galiya, Asanova Saltanat, Dzhasybayev Yermek. (2012) Sovremennyy muzey v Kazakhstanе: voprosy, fakty, mneniya [The modern museum in Kazakhstan: questions, facts, opinions] / Sbornik statey. Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 316 p.
- Ibrayeva A.G. (1999) Kazakstandagy muzey zhuesinín kalyptasuy (1920-1940) [Formation of the Museum System in Kazakhstan (1920-1940)]: t.g.k. ... avtoref. Alma-Ata, 1999. 26 p.
- Ibrayeva A.G. (2010) Kazakstandagy muzey isi: kalyptasuy men damuynyn tarikhi tazhiribesi (1831-2006): [The Museum of History: The Museum of the History of the Disappeared] t.g.d. ... avtoref. – Astana, 2010. 48 p.
- Kaynazarova A.K. (1995) Muzeynoye delo v Kazakhstanе (1831-1925 gg.) [Museology in Kazakhstan (1831-1925)]: avtoref. ... k.i.n. – Almaty, 1995. – 24 s.
- Ken Arnold. (2016) Thinking things through: reviving museum research. Spring 2016, Science Museums and Research, Science Museum Group Journal // <http://journal.sciencemuseum.org.uk/browse/issue-05/thinking-things-through/>
- Khmel'nitskaya I.B. (2013) Ob urovnyakh kvalifikatsii rabotnikov sfery ucheto-khranitel'skoy deyatel'nosti muzeya (k voprosu o razrabotke professional'nykh standartov) [On the qualification levels of workers in the field of accounting and storage activities of the museum (on the issue of developing professional standards)] // Kul'tura i obrazovaniye: nauchno-informatsionnyy zhurnal vuzov kul'tury i iskusstva. – Moskva, 2013. Pp.75-80.
- Kozhakhmetov B.K., Safarova G.M., Usmanova E.R. (2010) Muzei Kazakhstana v XXI veke. Analiz situatsii [Museums of Kazakhstan in the XXI century. Analysis of the situation] // Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Gorokhovskiyе chteniya» – Chelyabinsk, 2010. Pp. 95-128.
- Musakhanova M.Z. (2007) Razvitiye muzeyev Kazakhstana (1991-2001 gg.) [The development of museums in Kazakhstan (1991-2001)]: avtoref. ...k.i.n. – Almaty, 2007. 26 p.
- Nauka [The science] // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0> Rayymkhan K.N. Muzey zhədigەرlerі tarikhi derekkez retinde (K, azak, stan muzeyleri negizinde): t.g.d. ... avtoref. – Astana, 2010. – 48 b.
- Pearce S. (2007) The Strange Story of the Thing, or The Material World in the Contemporary Novel // Museological Review. 2007. Is. 12. P. 33–41.

Rayymkhan K.N. (2010) Muzeytanudıń ǵǵymdyk, zhǵne terminologiyalyk, mǵseleleri [The best examples of the museum are terminological issues] // K, azak, stan Respublikasy Ortalyk, Memleketтік muzeyi, SH.SH. Uǵelikhanov atyndagı Tarikh zhǵne etnologiya instituty «I Arǵynbayev ok, ulary» atty respublikalyk, ǵylymi-praktikalyk, konferentsiya, 2009,12-13 k, arasha.

Rayymkhan K.N.(2009) Muzeylik derektanudıń zertteu nysany [To a question about museum sources] // K, azak stannıń tarikh ǵylymy: dǵstırler zhǵne k, azirgi zaman. K, R YǵA akademigi A.N. Nıysıpbekovtıń 100 zhyldygyna arnalǵan khalyk, aralyk, ǵylymi-praktikalyk, konferentsiya materialdary. – Almaty: Arys, 2009. Pp. 179-183.

Sandal Yeva. Interv'yu // The Art Newspaper, № 75, iyul'-avgust, 2019. // http://www.theartnewspaper.ru/posts/7140/?fbclid=IwAR2tZP_cs-i0V1UH6_LbCBkKFMwIkSp_nWUU8vBj4TA2P54BucIhxSZTC-k

Sarankılova B.K. . (2006) K, azak, stan Respublikasyndagı muzey k, ırylysy men k, yzmeti (1991-2004 zhzh.) [The formation and activities of museums of the Republic of Kazakhstan]: t.ǵ.k. ...avtoref. – Almaty, 2006. 26 p.

Sayt Natsional'nogo muzeya RK. <http://nationalmuseum.kz/fondy/zhurnal-m-deni-m-ra>

Tayman S.T. (1999) K, azak, standa mırazhay zhıyuesiniń damuy: tazhibeler zhǵne problemalary [In Kzazazykhstan there is a great deal of damage: problems and problems] (1946-1970 zhzh.): t.ǵ.k. ...avtoref. – K, aragandy, 1999. 28 p.

Prilozheniye (spisok uchebnykh posobiy)

Na kazakhskom yazyke :

Raimkhanova K.N., Khatran D. Muzey isiniń teoriyasy men praktikasy // Ucheb. posobiye. Almaty, 2002. 90 b.

Mustapayev D.O. Kazakstandagı muzey isiniń tarikhy. Turkistan, 2011. 200 b.

Ibrayeva A.G., Mırazhaytanu. Petropavlovsk, 2017 (2009 – Astana). 209 b.

Na russskom yazyke :

Zolotareva L.R. Muzevedeniye / Ucheb. posobiye. Karaganda: KarGU im. Ye.A. Buketova, 2007.

Dzhanabayeva G.D. Muzevedeniye / Ucheb. posobiye. – Almaty: Universitet «Turan». 2011.

Kul'sariyeva S.P. Teoriya i praktika muzeynoy kommunikatsii / Ucheb. posobiye. Almaty: KazNU, 2011. – 73 s.

Miymanbayeva U.D. Mirovyie muzei // Ucheb. posobiye. Almaty: KazNU, 2012. 360 s. Munalbayeva U.D. Muzeynaya pedagogika. Istoriya, teoriya, praktika / Ucheb. posobiye. Almaty: KazNU, 2013. – 527 s.

Shalginbayeva S.KH. Muzei pod otkrytiym nebom / Ucheb. posobiye. Almaty: KazNU, 2013. 100 s.

Kanayeva T.M. Muzevedeniye: Elektronnoye izdaniye. Petropavlovsk: SKGU im. M.Kozybayeva, 2

А. Нуржанов

Институт археологии им. А.Х.Маргулана,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: arnabai@mail.ru

САКРАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ТУРКЕСТАНСКОГО ОАЗИСА

В данной статье автором рассматривается вопрос сакральных памятников Туркестанского оазиса. Несмотря на хорошо известные не только археологам, но и научной общности такие крупные городища, как Туркестан, Сауран и Сидак, достаточную информационную базу, степень изученности Туркестанского оазиса остается не соответствующей его культурно-историческому значению. Несомненно, Туркестанский регион с древнейших времен был не только хозяйственно-экономическим центром, но и местом, где возникло и развивалось в тесной взаимосвязи религиозное мировоззрение и кочевников, населявших территорию, начиная от Алтая, которые поклонялись богу Тенгри, и оседлого населения Турана, поклонявшегося Заратуштре. По этому поводу прав поэт М. Жумабаев, который сказал, что Туркестан – «ворота двух миров». В одном жизненном пространстве сосуществовали два вида религии: поклонение кочевников богу Тенгри и религия оседлых земледельцев – зороастризм.

Обобщение археологического материала, использование его в исторических, культурологических исследованиях дает возможность полнее представить историю жизни, культуры данного сакрального региона.

Ключевые слова: Туркестанский оазис, сакральные памятники, археологические исследования, Туркестан, Каратобе, Сауран, Сидак.

A. Nurzhanov

A.Kh. Margulan Institute of archaeology,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: arnabai@mail.ru

Sacred Monuments of the Turkestan Oasis

In this article, the author considers the issue of sacred monuments of the Turkestan oasis. Despite the well-known not only by archaeologists, but also of the initial community, such large settlements as Turkestan, Sauran and Sidak, the degree of study of the Turkestan oasis remains inconsistent with its cultural and historical significance. Undoubtedly, the Turkestan region since ancient times was not only an economic center, but also a place where the religious worldview and nomads inhabiting the territory, starting from Altai, who worshiped the god Tengri, and the settled population of Turan, worshiped Zarathushtra, arose and developed in close interconnection. In this regard, the poet M. Zhumabaev is right, who said that Turkestan is the "gateway of two worlds." Two types of religion coexisted in one living space: the worship of the nomad god Tengri and the religion of settled farmers – Zoroastrianism.

The generalization of archaeological material, its use in historical, cultural studies makes it possible to more fully present the history of life and culture of this sacred region.

Key words: Turkestan oasis, sacred monuments, archaeological research, Turkestan, Karatobe, Sauran, Sidak.

А. Нұржанов

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: arnabai@mail.ru

Түркістан оазисіндегі қасиетті ескерткіштер

Бұл мақалада автор Түркістан оазисіндегі қасиетті ескерткіштер туралы мәселені қарастырады. Түркістан, Сауран және Сидак сияқты ірі елді мекендерге белгілі археологтар ғана емес, сонымен бірге алғашқы қауым, жеткілікті ақпарат базасы болса да, Түркістан оазисін зерттеу дәрежесі өзінің мәдени және тарихи маңыздылығына сәйкес келмейді.

Түркістан облысы ежелден бері тек экономикалық орталық қана емес, сонымен қатар Алтайдан бастап Тәңір құдайына табынатын және Тұранның қоныстанған халқы Заратуштраға табынатын, орнықты және бір-бірімен тығыз байланыста дамып, діни дүниетанымы мен территорияны

мекендеген көшпенділердің орны болғандығы сөзсіз. Осыған орай, Түркістанды «екі әлемнің қақпасы» деп ақын М. Жұмабаев дұрыс айтады. Бір тіршілік ету кеңістігінде екі дін бірге өмір сүрді: көшпелі құдай Тәңірге табыну және отырықшы фермерлердің діні – зороастризм.

Археологиялық материалдарды жалпылау, оны тарихи, мәдени зерттеулерде қолдану осы қасиетті аймақтың өмірі мен мәдениеті тарихын толығырақ көрсетуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Түркістан оазисі, қасиетті ескерткіштер, археологиялық зерттеулер, Түркістан, Қаратөбе, Сауран, Сидак.

Введение

Понятие «сакральности» обычно связывают с религиозными мистическими представлениями о природе вещей, понятий или явлений. Слово «сакральный» происходит от латинского *sacer* (*sacri*) и имеет значение «священный». Оно употребляется для обозначения всех мировых религий с их различными формами проявления, древнейшими религиозными воззрениями и мифологией. Иными словами, сакральное – это все, что связывает человека с божественным, небесным миром предков на мировоззренческом уровне. Сакральную географию представляют как систему знаний о священных объектах на земной поверхности.

Методология исследования

Туркестан – сакральный город. В литературе «Туркестан» используется в качестве историко-географического понятия, определяющего расселение тюркоязычных народов Центральной Азии. В армянских и персидских источниках VI–VIII вв. данным термином обозначали территорию от Каспийского моря и Уральских гор до Алтая и Китая. Фактически под Туркестаном понималась территория от Урала до Алтая, от Каспия до Китая, включая Синьцзян, от современного Томска и Тобола до Ирана и Афганистана, охватывая в целом площадь более 3 млн км² (Түркістан. Халықаралық энциклопедия, 2000: 591).

В Туркестанском оазисе в античные времена (V–IV вв. до н.э. – IV–V вв.) существовало более 30 городов и поселений: Шаштобе, Коксарай-I, Казтобе, Мейрамтобе, Карачик-I–III, Актобе, Бершинтобе, Шаш-ана, Уштобе-I–III, Ясы, Сидак-ата, Шорнак, Майбалык, Окжетпес и т.д. (Кекілбайұлы, 2000: 20).

Одним из первых исследователей г. Туркестана является исследователь П.И. Рычков, опубликовавший в своей работе «Топография Оренбургской губернии» легенду о возникновении Туркестана, рассказанную переводчиком Ураз-

линым: «... сей город построен был от Жамшишаха иранского, который от начала персидской монархии был четвертый государь..., был с войском своим в великой Татарии, за потребное приказал для пристанищу войску своему построить три города. Первый из них указал Туркестан, другой Уtrar, третий Сауран...». П.И. Рычков указал, что Туркестан находится на месте прежнего Ясы и «ныне хотя и не заметен, но по древности надлежит ему перед всеми дать преимущество» (Рычков, 1887: 18-19).

Судя по археологическим и письменным источникам, некрополь г. Туркестан складывался постепенно на протяжении полутора тысяч лет (Смагулов, Григорьев, 1996: 72-78). В истории развития некрополя исследователями было намечено несколько этапов. На каждом из этапов менялось значение некрополя, что было обусловлено изменением статуса и социального состава погребенных, характера застройки и типов культово-мемориальных памятников, определявших его архитектурный облик.

К середине 60-х годов XIX в. относится начало изучения некрополя древнего Туркестана. Оно явилось следствием интереса исследователей к главной достопримечательности города – постройке Тимура: ханаке Ходжи Ахмеда Ясави. Святая могила находится в семантическом эпицентре уникального архитектурного комплекса. Его загадочный и аскетичный в своей незавершенности главный портал, графичная вязь полихромных орнаментов на фасадах, замысловатый декор на грандиозно бронзовом котле в центральном зале, изысканная резьба и драгоценная инкрустация на дверях главного входа – все это до сих пор производит неизгладимое впечатление на впервые оказавшегося у ее стен туриста или паломника (Смагулов, Григорьев, 1998: 64).

По предварительным данным археологических исследований, временной период зарождения некрополя относится к IV-V вв. н.э. (Смагулов, 1991: 17). В раннесредневековый период и вплоть до XIV в. на этом месте было расположено поселение Ясы, находившееся в окрестностях

города Шавгара – центра одноименного округа. Некрополь раннего и средневекового поселения Ясы был устроен на противоположном берегу речки. Она обозначалась на картах конца XIX в. и, возможно, сохранялась в течение некоторого времени как арык. Обычай устраивать некрополи за какой-нибудь водной преградой, отделявшей «мир мертвых» от «мира живых», был широко распространен в Средней Азии и получил отражение в мифологическом сознании древнего населения (Литвинский, 1972: 120).

Археологические исследования поселений и городов Средней Азии и Казахстана показали, что в VI-VII вв. их население придерживалось различных религиозных воззрений – зороастризм, манихейство, христианство, буддизм, и хоронило своих умерших согласно погребальной обрядности этих религий (Сенигова, 1967: 51-67).

По-видимому, населения Ясы в VI-VII вв. также было полирелигиозным, однако конкретных археологических материалов, говорящих об этом, не имеется. Из случайных свидетельств можно отметить материалы раскопок М.Е. Массона в 1928 г. Им были обнаружены у восточного минарета ханаки на глубине до 2,5 м от основания здания следы «древнего», т.е. домусульманского некрополя. Были найдены куски кожаных мешков, железные скобы от гробов, фрагменты керамики (Массон, 1929: 39).

Мусульманский период истории некрополя начал утверждаться с IX-X вв., о чем свидетельствуют найденные погребения, захороненные в стиле мусульманской традиции.

В 1166 г. на некрополе г.Ясы был похоронен известный суфийский проповедник Ходжа Ахмед. Остатки стены раннего мавзолея Ахмеда Ясави обнаружены в западной боковой грани северного поргала ханаки. Кроме того, при ремонтах или реставрациях различных частей памятника, особенно на крыше, неоднократно находили облицовочные кирпичи XII в (Массон, 1930: 4).

После погребения Ахмеда Ясави некрополь близ г.Ясы стал святым местом, а его могила – местом паломничества. Косвенно об этом свидетельствуют легенды (Zahide A.Y., 2019: 98). В них говорится, что на некрополе в г.Ясы, где Тимуром был построен культово-храмовый комплекс, за 200 лет до этого находились могилы различных святых-учеников и последователей Ходжи Ахмеда Ясави, которые были похоронены «один после другого» около мазара своего учителя (Смагулов, 1992: 156).

С ростом г. Ясы в XIV-XVI вв. район кладбища с ханакой вошел в городскую территорию. И если до этого времени некрополь г.Ясы функционировал как общегородской, где были погребены поклонники и последователи Ходжи Ахмеда Ясави, рядовые и зажиточные горожане, то теперь, по-видимому, городской некрополь был вынесен за пределы города. Место погребения около гробницы Ясави стало зависеть от социального статуса погребенного, его имущественного положения (История ..., 1979: 362).

По мусульманским поверьям погребение около могилы святого сулило покровительство (заступничество) последнего в загробном мире, и желающих быть похороненными поближе к мавзолею было слишком много. Таким образом, статус погребенных на некрополе древнего Туркестана повышался вместе с усилением роли г.Ясы-Туркестан в сырдарьинском регионе (AliApooshahr, 2018: 119).

В позднее средневековье некрополь г. Туркестан приобрел значение ханского. Это было связано с вхождением с конца XVI века в состав Казахского ханства и превращением его в столицу государства. Захоронения ханской знати сопровождалась возведением мемориальных культовых построек. Так вокруг мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави постепенно образовался средневековый ансамбль монументальных памятников культовой архитектуры XVI-XVII вв. К сожалению, эти памятники до нашего времени не сохранились (Гейнс, 1898: 274).

В настоящее время на некрополе древнего Туркестана археологами обнаружены остатки пяти мавзолеев, из которых один относится к XVв. (мавзолей Рабии Султан Бегум), а четыре – к XIV-XVII вв. (два восьмигранных мавзолея, Безымянный мавзолей и, так называемый, мавзолей Есим-хана).

Каратобе, старый Сауран

Городище Каратобе является памятником исторического города Сауран в период VII-XIII вв., расположенном в 40-42 км от г. Туркестана.

Топографию памятника можно описать как три ограниченных крепостными стенами пространства, почти строго концентрически вписанных друг в друга. Контур наружных стен описывает почти правильный круг диаметром 1900-2000 м с ломаным периметром стен, охватывающим площадь примерно в 3-3,5 км² и имеющим общую протяженность около трех километров (Муминов, 2003: 191).

О роли старого Саурана в эпоху исламского завоевания края в первой половине VIII в., как

о городе «Сулхан», месте, где происходили ожесточенные бои мусульман с неверными, говорится в «Насаб-нама» южноказахстанских ходжей. В частности, упоминается о Сауране как об эпицентре «войны за веру», завоевание которого явилось знаменем подчинения всего южноказахстанского региона арабо-мусульманскими войсками и обращение основной массы местных городских жителей в ислам.

В свете этих данных становятся понятными истоки южноказахстанских фольклорных преданий о множестве «святых-мучениках», связанных с такими древними городами, как Сайрам, Отрар, Сауран, бывшими в VIII в. оплотами борьбы с мусульманской экспансией, а после завоевания ставших форпостами распространения новой веры и культуры. Скорее всего, ранние пласты двух обширных некрополей являются следами тех событий, имевших трагический характер.

Данные некрополи фактически не исследованы археологами. На северном некрополе расчищены руины бывшего большого сырцового мавзолея, именуемого местным населением «Жалаулы-Ата Аулие». Мавзолей, по преданиям, связан с бывшим знаменосцем в войсках Исхакбаба, который заслужил подобного рода почести. Мавзолей окружен могилами разного типа и времени. Расчистка мавзолея позволила обнаружить вокруг саганы обломки каменной колонны с арабографичной надписью (ее фрагментом). Предположительно, каменные колонны являлись оформлением мечети-намазгох.

«Садуақас-Ата Аулие» – некрополь, расположенный в южной части городища, известен по преданию о праведнике из первых мусульманских миссионеров, известном своими деяниями в служении Аллаху, в честь которого, возможно, была воздвигнута массивная сагана над могилой. Помимо этого, на территории некрополя был обнаружен древний колодец, как полагается, со святой водой. Среди погребений вокруг саганы и колодца имеются погребения, совершенные в почти разрушившихся пахсовых квадратных оградках – «хазира».

Данный городской некрополь, как и некрополь Жалаулы-ата, до сих пор является местом активного паломничества и поклонения как населения местных аулов, так и приезжающих издалека паломников.

Связь древних городских некрополей с личностями раннеисламской эпохи позволяет предположить о возможном нахождении на некрополях Саурана большого количества погребенных борцов за веру.

Верхний рубеж интенсивной городской жизни на территории городища Каратобе, согласно проведенным археологическим исследованиям, примерно соответствует XIII в.

Сауран, некрополь Каракан-ата.

Значение городища Сауран, средневекового археологического памятника, сопоставимо со значением таких городов, как Отрар, Тараз, Сыгнак, имевших огромную роль в истории Казахстана.

Археологические исследования старого Саурана, начатые в 2004 г., позволили расчистить руины мечети «намазгох», остатки северных центральных ворот, а также Жума-мечеть XIV–XV вв., медресе начала XVI в., здание монументальной ханаки, расположенные на центральной городской площади.

Некрополь Каракан-аулие с мавзолеем Каракан-ата, расположенный в 120 км к востоку от крепостных стен сауранской калы, является великолепным образцом средневековой культуры Казахстана. Среди местных жителей ходит предание о захоронении Каракан ата в самом большом мавзолее. Местные легенды гласят о том, что в древние времена у жителей города Сауран скотина заболела болезнью каракан. Один из жителей, вместе со своей скотиной переночевав у некрополя, спасает скот от болезни. С тех пор, считая некрополь святым местом, здесь регулярно проводятся обряды поминовения (Смагулов, 2011: 31).

Свидетельством растущей популярности данного мазара являются различные знаки, устанавливаемые на некрополе. Совсем недавно (в 2013 г.) появился большой гранитный обелиск в память о неких героях – «предках Караханидов», принесших сюда ислам, а также железная арка.

Городище Сидак – доисламский культовый центр

Городище известно в археологической литературе со времен работ ЮКАЭ под руководством А.Н. Бернштама. Здесь был собран подъемный материал и снят план. Подводя итоги работ 1947 г., А.Н. Бернштам отметил необычную архаичность материалов, полученных при поверхностном осмотре памятника. Ряд признаков, присутствующих на керамике, «говорит о чрезвычайной архаичности материала Садык ата, о принадлежности этого городища в основном к концу I тысячелетия до н.э. и первым векам н.э., а характер материала (первой стадии существования города) свидетельствует о далеких западных и наиболее древних отблесках кангуйско-хорезмийской цивилизации (Бернштам, 1950: 82).

В цитадели Сидака в одном комплексе присутствуют два архитектурных типа святилищ: 1) с пристенным алтарем и нишей в стене над ним и 2) с полуовальным алтарем в центре помещения святилища.

Археологический памятник средневековой культуры Сидак, расположенный в 18 км от г. Туркестан, имеет среди местного населения свои легенды и предания о захоронениях на «тобе» (Сенигова, Бурнашева, 1977: 45–50).

Сакрализация памятника связана с тем, что данная крепость являлась храмом предков для влиятельного позднесарматского клана, а также захоронением на ней известного суфийского проповедника, миссионера Шайдаи-шейха. Предположительно, название Сидак ата/Сейдак ата является искаженным вариантом имени Шайдаи-шейх (Смагулов, 2006: 78–83).

Включение данного памятника в Государственную программу «Культурное наследие» в 2004 году привело к открытию уникального комплекса археологических материалов, способствующих всесторонне изучить вопрос культуры и идеологических взглядов населения Южного Казахстана в период V–VIII вв.

Вскрытый на цитадели Сидака комплекс культовых сооружений с его планировкой и структурой святилищ, жизнь которого (комплекса) прекратилась вследствие тотального пожара, возможно, связанного с нашествием арабо-мусульманских войск в Присырдарьинский регион в 20–40-х годах VIII в., позволяет находить аналогии с широким кругом памятников Присырдарьинского региона, Согды, а

также других историко-культурных областей Средней Азии. Однако вопрос религиозных верований населения того периода все еще остается дискуссионным.

Ряд находок (кости человеческих скелетов в обломках больших керамических сосудов), обнаруженных в найденном, благодаря углублению под уровень верхних горизонтов на цитадели Сидака, культового двора площадью, примерно равной 1000 м², позволяют выдвинуть мысль о значении культового двора как места поклонения предкам.

Раскопки ниже залегающих строительных горизонтов Сидака представляются трудозатратными, так как более древние периоды скрываются мощными поздними наслоениями (Смагулов, 2008: 378–408).

Заключение

Сакральные объекты Казахстана имеют тысячелетнюю историю, глубочайшие истоки. Они многообразны и различаются по содержанию и своим типологическим характеристикам. Они представлены объектами, начиная от глубокой древности до позднего средневековья. Эти объекты, являясь памятниками археологии, содержат в себе информацию по древнейшим религиозным воззрениям народов, ранее населявших Казахстан и сыгравших значительную роль в этногенезе казахского народа. Сакральные археологические объекты требуют дополнительного научного исследования, консервации и специального подхода к эксплуатации.

Литература

- Бернштам А.Н. (1950). Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. Алма-Ата: Известия АН КазССР. Серия археологическая. № 67. Вып.2. с.59-99.
- Гейнс А.К. (1898). Путешествие в Туркестан. Дневник, 1866. Собрание литературных трудов А.К.Гейнса. Т. II. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича. 742 с.
- История Казахской ССР (1979). Т.2. Алма-Ата: Наука.
- Кекілбайұлы Ә. (2000). Түркістан тағылымы. Тарихы терен Түркістан. – Алматы: «Білім» баспасы. 197 б.
- Литвинский Б.А. (1972). Курганы и курумы западной Ферганы. Москва: Наука. 258 с.
- Массон М.Е. (1929). О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда в городе Туркестане. Известия Среднеазиатского географического общества. Т. XIX. Ташкент. С.39-45.
- Массон М.Е.(1930). Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Ташкент. 21 с.
- Муминов А.К. (2003). Кокандская версия исламизации Туркестана. Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. Москва: Издательская фирма: «Восточная литература». 267 с.
- Рычков П.И. (1887). Топография Оренбургской губернии. Санкт-Петербург. С.18-19.
- Сенигова Т.Н. (1967). Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI-VIII вв.). Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата. С.51-67.
- Сенигова Т.Н., Бурнашева Р.З. (1977). Новые данные о городище Туркестан. Алма-Ата: Известия АН КазССР. Серия общественных наук. № 2. С.49-55.

Смагулов Е.А. (1991). Город Ясы-Туркестан: позднесредневековый феномен на торговых путях (некоторые итоги археологических исследований). Города и караван-сарай на трассах Великого Шёлкового пути. Труды Международного семинара ЮНЕСКО. Ургенч. С. 17-29.

Смагулов Е.А. (1992). Комплекс керамики из бадраба г.Эски-Туркестан. Ташкент. ИМКУ (История Материальной культуры Узбекистана). Вып. 26.

Смагулов Е.А. (2006). Соответствия в культовой архитектуре Еркургана и городища Сидак в Туркестанском оазисе. Роль города Карши в истории мировой цивилизации: материалы международной конференции, посвященной 2 700-летию юбилею города Карши. Ташкент – Карши. С.78-83.

Смагулов Е.А. (2008). Сидакский культовый центр в системе межрегиональных связей. Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент: материалы международной научно-практической конференции (16 октября 2008 г.). С. 378–408.

Смагулов Е.А.(2011). Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ Компани». 436 с.

Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П. (1996) (перезд.: Загадки древнего Туркестана. Алматы. 1998). Основные этапы формирования некрополя средневекового города Туркестан. Саясат.Информационно-аналитический бюллетень. Алматы. № 2 (9).

Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П., Итенов А. (1998). Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. Алматы: «Гылым». 232 с.

Туркістан. Халықаралық энциклопедия (2000). Алматы: «Қазақ энциклопедиясы» бас редакция.655 б.

Ali Anooshahr (2018). *Turkestan and the Rise of Eurasian Empires. A Study of Politics and Invented Traditions*, Oxford/New York: Oxford University Press. 209 pp.

Zahide AY (2019). Doğu türkistan’da Ahmet Yesevî, yesevîlik ve Yesevî geleneği. *Alevilik-Bektaşılık Araştırmaları Dergisi*. Istanbul. P.89-110.

References

Ali Anooshahr (2018). *Turkestan and the Rise of Eurasian Empires. A Study of Politics and Invented Traditions*, Oxford/New York: Oxford University Press. 209 pp.

Bernshtam A.N. (1950). Problemy drevnej istorii i jetnogeneza Juzhnogo Kazahstana [Problems of ancient history and ethnogenesis of South Kazakhstan]. Alma-Ata: Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Archaeological Series. No. 67. Issue 2. P. 59-99.

Gaines A.K. (1898). *Puteshestvie v Turkestan. Dnevnik, 1866* [Travel to Turkestan. Diary, 1866] Collection of literary works of A.K. Gaines. T. II. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Printing house. 742 pp.

Istorija Kazahskoj SSR [History of the Kazakh SSR] (1979). T.2. Alma-Ata: Science.

A. Kekilbayuly (2000). *Turkestan tagalymy* [Turkestan lessons] Turkestan with deep history. Almaty: Bilim Publishing House. 197 pp.

Litvinsky B.A. (1972). *Kurgany i kurumy zapadnoj Fergany* [Mounds and Kurums of Western Ferghana]. Moscow: Science. 258 pp.

Masson M.E. (1929). O postrojke mavzoleja Hodzha Ahmeda v gorode Turkestane [About the construction of the mausoleum of Khoj Ahmed in the city of Turkestan] News of the Central Asian Geographical Society. vol. XIX. Tashkent. P.39-45.

Masson M.E. (1930). *Mavzolej Hodzha Ahmeda Jasavi* [Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi]. Tashkent. 21 pp.

Muminov A.K. (2003). *Kokandskaja versija islamizacii Turkestana* [Kokand version of the Islamization of Turkestan] Devotees of Islam. The cult of saints and Sufism in Central Asia and the Caucasus. Moscow: publishing Company: “Oriental literature”. 267 pp.

Rychkov P.I. (1887). *Topografija Orenburgskoj gubernii* [Topography of the Orenburg province]. St. Petersburg. P.18-19.

Senigova T.N. (1967). *Voprosy ideologii i kul'tov Semirech'ja (VI-VIII vv.)* [Issues of ideology and cults of the Semirechye (VI-VIII centuries)] New in the archeology of Kazakhstan. Alma-Ata. P.51-67.

Senigova T.N., Burnasheva R.Z. (1977). *Novye dannye o gorodishhe Turkestan* [New data on the settlement of Turkestan] Alma-Ata: Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Series of social sciences. No. 2. P. 49-55.

Smagulov E.A. (1991). *Gorod Jasy-Turkestan: pozdnesrednevekovyj fenomen na torgovyh putjah (nekotorye itogi arheologicheskikh issledovanij)* [The city of Yasy-Turkestan: late medieval fan-fiction on trade routes (some results of archaeological research)] Cities and caravanserais on the routes of the Great Silk Road. Proceedings of the UNESCO International Seminar. Uргенч S. 17-29.

Smagulov E.A. (1992). *Kompleks keramiki iz badraba g.Jeski-Turkestan* [A complex of ceramics from badrab of Eski-Turkestan]. IMCU (History of Material Culture of Uzbekistan). Vol. 26, Tashkent.

Smagulov E.A. (2006). *Sootvetstvija v kul'tovoj arhitekture Erkurgana i gorodishha Sidak v Turkestanskom oazise* [Correspondence in the cult architecture of Yerkurgan and the Sidak settlement in the Turkestan oasis]. The role of the city of Karshi in the history of world civilization: proceedings of an international conference on the 2,700th anniversary of the city of Karshi. Tashkent – Karshi. P.78-83.

Smagulov E.A. (2008). *Sidakskij kul'tovyj centr v sisteme mezhregional'nyh svjazej* [Sidak cult center in the system of inter-regional relations]. Ancient and medieval urbanization of Eurasia and the age of the city of Shymkent: materials of the international scientific-practical conference (October 16, 2008). P. 378–408.

Smagulov E.A. (2011). *Drevnij Sauran* [Ancient Sauran]. Almaty: ABDI Company JSC. 436 pp.

Smagulov E.A., Grigoriev F.P. (1996) (reprint: The Mysteries of Ancient Turkestan. Almaty. 1998). Osnovnye jetapy formirovaniya nekropolja srednevekovogo goroda Turkestan [The main stages of the formation of the necropolis of the medieval city of Turkestan]. Sayasat. Information and analytical bulletin. Almaty No. 2 (9).

Smagulov E.A., Grigoriev F.P., Itenov A. (1998). Oчерki po istorii i arheologii srednevekovogo Turkestana [Essays on the history and archeology of medieval Turkestan]. Almaty: Gylm. 232 pp.

Turkestan Khalykaralyk enciclopediya [Turkestan. International Encyclopedia] (2000). Almaty: Kazakh Encyclopedia General Edition. 655 pp.

Zahide AY (2019). Dođu türkistan'da Ahmet Yesevî, yesevîlik ve Yesevî geleneđi. Alevilik-Bektaşılık Araştırmaları Dergisi. İstanbul. P.89-110.

Г. Омаров¹ , Б. Бесетаев² , С. Сагындыкова³

¹к.и.н., доцент, e-mail: gani_omarov@mail.ru

²магистр археологии и этнологии, e-mail: besetaev86@gmail.com

³магистр гуманитарных наук, e-mail: sagyndykova.symbat@gmail.com

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ АЛТАЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 2019 ГОДУ

В полевом сезоне 2019 г. были произведены археологические разведки на территории Курчумского и Зайсанского районов ВКО. В результате открыты поселенческие и погребальные комплексы эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. Зафиксировано новое местонахождение петроглифов эпохи раннего железа. Анализ топографии показал, что древнейшие некрополи были расположены в пойменной части реки; памятники эпохи бронзы расположены обособленно от других памятников региона. Поселения локализуются на ровных площадках урочищ, как правило, у подножия сопок. Согласно топографическому анализу, некоторые памятники эпохи железа по конструкции совпадают с такими поздними памятниками, как Дуаналы. Обнаружено новое средневековое городище у с. Жинишкесу (Зайсанский р-н, ВКО). По предварительному анализу подъемного керамического материала памятник датируется VII–IX вв.

Ключевые слова: Верхнее Прииртышье, поселения, поселение городского типа, могильники, петроглифы.

G. Omarov¹, B. Besetaev², S. Sagyndykova³

¹Candidate of historical sciences, docent, e-mail: gani_omarov@mail.ru

²Master in Archeology and Ethnology, e-mail: besetaev86@gmail.com

³Master of Humanities, e-mail: sagyndykova.symbat@gmail.com

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

Archaeological Surveys of the Altai Archaeological Expedition in 2019

In the field season of 2019, archaeological explorations were carried out on the territory of the Kurchum and Zaysan regions of East Kazakhstan region. As a result, settlement and burial complexes of the Bronze Age, Early Iron Age and the middle Ages were discovered. A new location of the petroglyphs of the Early Iron Age was recorded. An analysis of the topography showed that the oldest necropolises were located in the floodplain of the river; monuments of the Bronze Age are located separately from other monuments of the region. Settlements are localized on flat areas of tracts, as a rule, at the foot of hills. According to topographic analysis, some monuments of the Iron Age coincide in design with such late monuments as the Duanaly. A new medieval urban settlement was discovered near the village of Zhinishkesu (Zaysan district, East Kazakhstan region). According to the preliminary analysis of the lifting ceramic material, the monument dates back to us from the 7th–9th centuries.

Key words: Upper Irtysh, settlements, urban-type settlement, burial grounds, petroglyphs.

Г. Омаров¹, Б. Бесетаев², С. Сагындыкова³

¹т.ғ.к., доцент, e-mail: gani_omarov@mail.ru

²археология және этнология магистрі, e-mail: besetaev86@gmail.com

³гуманитарлық ғылымдар магистрі, e-mail: sagyndykova.symbat@gmail.com

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Алтай археологиялық экспедициясының 2019 жылғы археологиялық зерттеу жұмыстары

2018 ж. жазғы маусымында археологиялық барлау жұмыстары ШҚО Күршім және Зайсан аудандары территорияларында жүргізілді. Нәтижесінде қола, ерте темір және ерте ортағасырларға жататын қоныстар мен қорымдардың орындары ашылып отыр. Сонымен

бірге, ерте темір кезеңімен мерзімделетін петроглифтер анықталды. Ескерткіштердің орналасу топографиясын ескере отырып, ежелгі қорымдар уақытша су арналарының төменгі бөліктерінде орналасқандығын байқаймыз. Соның ішінде қола дәуірінің ескерткіштері негізінен ерте немесе кейінгі кезеңдердің жерлеу ескерткіштерінің маңында орналасқандығын байқауға болады. Қоныстардың орналасу ерекшеліктеріне келер болсақ, тау жоталарының жазық жерлерінде кездеседі. Ескерткіштердің арасында ерте темір және кейінгі уақытпен мерзімделетін Дуаналы қонысын жатқызуға болады. Барлау барысында Зайсан ауданына қарасты Жіңішкесу ауылының маңынан ортағасырлық қалашық типіндегі қоныс анықталды. Жинақталған қыштан жасалған көтерме материалдардың сараптамасы негізінде ескерткіш VII–IX ғғ. мерзімделеді.

Түйін сөздер: Жоғарғы Ертіс, қоныстар, қалашық типтес қоныс, қорымдар, петроглифтер.

Введение

Верхнее Прииртышье в административном плане почти полностью входит в Восточно-Казахстанскую область Республики Казахстан, состоящую из 15 районов. Среди них особое значение имеет территория Курчумского района, включающая в себя южные отроги Алтайских гор, северную часть долины Иртыша и Зайсанской котловины, связывающих остальной Казахстан с Синьцзяном. Однако, несмотря на многолетние археологические исследования (Свод..., 2006: 141–206), Курчумский район остается во многом еще малоизученным регионом. Эти обстоятельства существенно затрудняют изучение культурно-исторических процессов, проходивших здесь в древности и средневековье. Целью данной работы является введение в научный оборот информации о новых археологических памятниках, полученной в 2019 году в результате обследования региона. Среди основных задач определение их культурной и хронологической принадлежности, а также выявления закономерностей топографического расположения.

Методология и методика исследования

Археологические комплексы рассматриваются как результат деятельности человека, обусловленной рядом внешних факторов (ролью географической среды, миграций, традиций в культуре и в исторических процессах). Методика конкретных исследований включает, прежде всего, традиционные археологические приемы изучения: картографирование, планиграфические и стратиграфические наблюдения, классификацию вещевого комплекса, метод датированных аналогий, формально-типологический и технологический анализ, элементы и приемы статистики, ретроспективный метод. В работе реализован междисциплинарный подход, выраженный в использовании результатов исследо-

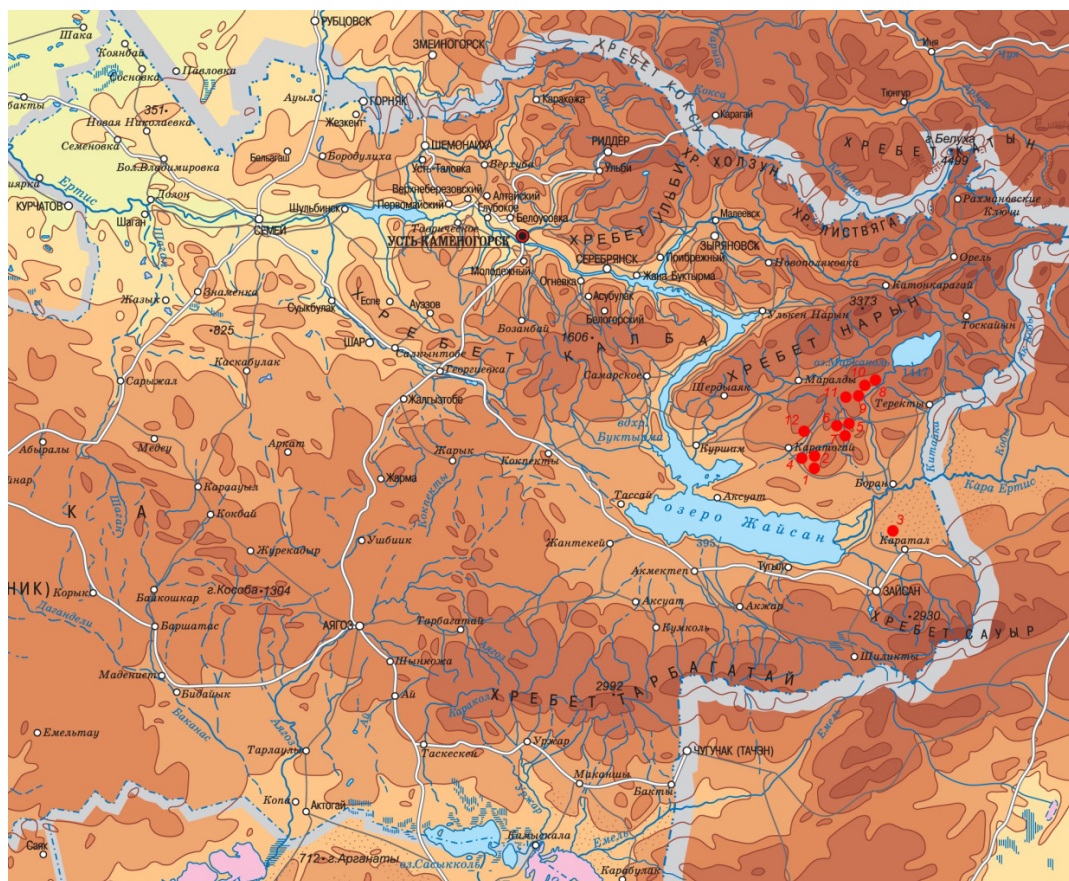
ваний археологического материала при помощи естественнонаучных методов.

Разведочные работы

В полевом сезоне 2019 г. Алтайской археологической экспедицией КазНУ им. аль-Фараби были проведены поисковые работы на территории Курчумского и Зайсанского районов ВКО. В результате разведок открыты: одно средневековое городище; два поселения раннего железного века; восемь могильников, предварительно датированных от эпохи бронзы до раннего средневековья и одно местонахождение петроглифов (Рис. 1).

Поселение-зимовка Дуаналы расположено в 2 км к ЮЗ от зимовки Кабыргатал в скалистом ущелье. Памятник представляет собой примыкающие друг к другу каменные сооружения размерами 4×4, 5×6, 8×8 и 7×10 м. В местности зафиксировано семь отдельно расположенных строений, количество помещений в которых варьируется от трех до семи. Стены построек состоят из параллельных каменных кладок. Промежутки между кладками заполнялись щебнем попеременно с камнями, таким образом, образуя монолитную стену толщиной 1,5–2 м. Предварительно обозначенный объект № 4 состоит из шести округлых сооружений, которые могут относиться к более ранним памятникам, возможно к эпохе бронзы (?).

Поселенческие комплексы сакского времени хорошо изучены А.З. Бейсеновым в Центральном Казахстане. По мнению исследователя, конструкция строения жилищ с широкими стенами в два ряда и топографическое расположение на небольших участках в районах возвышенностей обусловлены суровыми климатическими условиями региона (Бейсенов, 2015: 24–25). Подобные жилища встречаются на поселениях-зимовках сакского времени Керегетас-2, Сарыбуйрат, Тагыбайбулак в Центральном Казахстане (Бейсенов и др., 2017: 44–45).

Рисунок 1 – Расположение памятников на карте: 1 – поселение и местонахождение петроглифов Дуаналы; 2 – поселение Кабыргатал; 3 – поселение городского типа Жинишкесу; 4 – могильник Кабыргатал; 5 – могильник Себепбай; 6 – могильник Алушы; 7 – могильник Койтас; 8 – могильник Майкапшагай; 9 – могильник Карабура 1; 10 – могильник Карабура 2; 11 – могильник Сынтас; 12 – могильник Кумтобе

Основная масса подъемного материала представлена керамикой: фрагментами стенок сосудов красно-коричневого, темно-коричневого, светло-коричневого оттенков. Качество обжига у обломков разное. Предварительный анализ керамики показывает, что в керамике наблюдаются следующие примеси: крупно- и мелкозернистый песок, глина, реже кварц. Предположительно, фрагменты происходят от столовой и кухонной посуды. Толщина стенок варьирует от 4,4 мм до 9,2–10,2–10,4 мм. На некоторых обломках прослеживается тонкий слой ангоба светло-красного цвета.

На основании имеющегося подъемного материала, а также конструктивных особенностей памятник, вероятно, относится к раннему железному веку.

Помимо вышеуказанного, были обнаружены фрагменты каменных орудий, предметы из бронзы, куски железа (предназначение которых не определено), а также кости МРС. Сооруже-

ния, скорее всего, функционировали в этнографическое время, о чем свидетельствуют обнаруженные фрагменты посуды, стекла и др.

Поселение Кабыргатал расположено в 800 м к югу от одноименной зимовки. Сооружение состоит из двух помещений, которые примыкают друг к другу и находятся в западной части основного – большого строения. Размеры помещений основного сооружения составляют 17,5×12 м, малого – 5,2×4 м. Как и на предыдущем поселении, стены построек сооружены в виде двухрядной каменной кладки. Камни стен расположены преимущественно в горизонтальном положении. В юго-восточной части камни внутренней стенки расположены вертикально. Толщина стен в среднем составляет около 1,5 м. Предположительно памятник относится к раннему железному веку.

Поселенческие комплексы Восточного Казахстана малоизучены. В последующих полевых сезонах планируется заложить раскоп для опре-

деления конструктивных особенностей и точной датировки памятника, что является новым направлением в казахстанской археологии относительно данного региона.

Поселение городского типа Жинишкесу расположено в 200 м к востоку от одноименного села в Зайсанском районе (примерно в 30 км от г. Зайсан). Памятник, площадь которого составляет 13,5 га, растянут вдоль небольшой реки. Он состоит из небольших песчаных возвышенностей – дюн высотой от 1,5 до 1,8 м. В результате обследования территории явных признаков фортификационных сооружений не выявлено. Также было собрано значительное количество подъемного материала: фрагменты керамики, обломок зернотерки, фрагмент каменного орудия, железные крицы (смесь рыхлой железной руды и несгоревшего угля).

Керамику по функциональному назначению принято делить на три группы: кухонная, столовая, хозяйственно-бытовая. Условное выделение последней группы связано с неясностью назначения и фрагментарностью имеющегося керамического материала. Среди подъемного материала к кухонной посуде относятся фрагменты горловин, доньшек и обломки разных частей. Столовая посуда представлена фрагментами венчиков, доньшек и некоторых фрагментов тулова.

Схожие по технологии изготовления сосуды встречаются в материалах городищ киданьского времени Северной Монголии (Харинский, 2015: 326, 329, рис. 3, 15–16); по орнаментации керамические фрагменты были обнаружены на памятнике уйгурского времени Сангийн Толгой в Монголии (Баяр, Худяков, 2002: 107–117, рис. 3).

Разнообразие орнаментации керамической посуды на поселении городского типа Жинишкесу дает основание предполагать ее отнесение к самостоятельному центру ремесленного производства в рамках раннесредневековой культурной традиции, имеющего некоторые отличия в сравнении с основными соседними центрами, не исключая факт влияния особенностей культур с территории Монголии и Северного Китая (Кызласов, 1960: 58–60).

Изготовление керамической посуды и отработанный технологии в средневековых кочевых культурах считается важным показателем высокого уровня гончарного ремесленного производства. Подобный памятник с нехарактерным для региона керамическим комплексом встречается впервые. Памятник не имеет четко выраженных фортификационных сооружений.

Таким образом, по предварительному анализу подъемного керамического материала памятник датируется VII–IX вв. Возможно, выявленный памятник является одним из кимакских городищ. Ал-Идриси в своем описании шестнадцати кимакских городов упоминает, что двенадцать городов расположены к северо-востоку от хребта Гиргир (Тарбагатай), восемь из них на берегу р. Гамаш (Иртыш), который являлся основной территорией кимаков (Кумек, 1972: 76–77).

Могильник Кабыргатал расположен в 250 м к западу от одноименного зимника на низком участке ложбины. Памятник представляет собой одиночную прямоугольную в плане ограду размерами 7×5 м. Камни ограды уложены плашмя в два ряда. В центральной части имеется невысокое (0,3 м) преимущественно грунтовое возвышение. По конструктивным особенностям и топографическому расположению памятник предварительно датируется эпохой бронзы.

Могильник Себенбай расположен к северу в 2,5 км от с. Терискей Бокенбай в ущелье р. Терисайрык, рядом с одноименным зимником. Памятник представлен тремя округлыми оградками диаметром 7×7 и 8×8,5 м. На меньшем из них обнаружен каменный ящик. Третий объект был разрушен в результате хозяйственных работ. Подобные округлые каменные ограды с ящиком в центральной части встречаются в могильниках Койтас и Баймурат в Восточном Казахстане, которые относятся к андроновской культуре и датируются XVIII–XIV вв. до н.э. (Оразбаев, Омаров, 1998: 10–22).

Могильник Койтас расположен на небольшой возвышенности в 1,3 км к северу от с. Терискей Бокенбай. Могильник состоит из четырех небольших каменных курганов, имеющих высоту 0,3–0,5 м и диаметр от 4,5×5 до 7×7 м. Объекты расположены хаотично. Один из них имеет воронку размером 1,2×1,5 м. По конструктивным особенностям и топографии расположения объектов памятник, предположительно, относится к древнетюркскому времени.

Следующие объекты расположены в горной долине, в 20 км к северу, в южных отрогах Курчумского хребта на высоте 1500 м над уровнем моря. Относительная задернованность, а также густая растительность в указанной местности вызывают сложность при обнаружении и выявлении памятников.

Могильник Майкапшагай расположен на северо-восточной окраине долины, возле одноименной речки. При обследовании территории

была обнаружена вертикально врытая в грунт каменная стела, высота которой составляет 0,9 м. Нами был заложен шурф площадью 2×2 м, в результате которого был определен восточный край памятника, сооруженный из вертикально врытых плит. Определение культурно-хронологических рамок по конструктивным особенностям представляется затруднительным.

Могильник Карабура 1 расположен недалеко от родника Ортенбулак. Памятник состоит из семи объектов, расположенных бессистемно. Наземная конструкция погребальных сооружений представлена каменными курганами диаметром от 3 до 5 м и высотой около 0,3 м; прямоугольными оградами с каменным ящиком в центральной части, размеры которых составляют от 2×2 до 3×3 м. По конструктивным особенностям каменные курганы, предположительно, датируются древнетюркским временем, каменные ограды – эпохой бронзы.

Могильник Карабура 2 расположен в 0,6 км от памятника Карабура 1 на небольшой возвышенности. Памятник состоит из шести каменных курганов высотой от 0,3 до 1,5 м, диаметром от 4 до 12 м. На одном из них имеется неглубокая воронка размером 0,9×0,8 м. По конструктивным особенностям памятник относится к эпохе средневековья.

Могильник Сынтас расположен на относительной возвышенности в центральной части долины неподалеку от р. Томарбулак. На могильнике насчитывается более 20 каменных курганов высотой от 0,3 до 1,2 м, диаметром от 6 до 16,5 м. Курганы разделены на три группы, где основная группа расположена цепочкой по линии С–Ю. На одном из них расположена вертикально врытая стела у основания западной части высотой 1 м. На другом могильнике обнаружены две параллельно лежащие с восточной стороны каменные стелы. Предполагается, что изначальное положение каменных стел было вертикальным. Для выделения конструктивных особенностей курганного сооружения у основания с восточной стороны был заложен шурф площадью 2,5×2 м. Обнаружена каменная плита размерами 155×110×15 см. Анализ топографии памятника позволяет датировать его ранним железным веком.

Местонахождение петроглифов Дуаналы расположено в ущелье гранитных скал на берегу временного водотока, недалеко от одноименного поселенческого памятника, который был описан выше. Все изображения были выполнены способом выбивания как на горизонтальных, так и на

вертикальных плоскостях. Из-за отсутствия плоских плит, большинство рисунков выполнено сжато, они сильно сгруппированы. Преобладают изображения горного козла, реже оленей, показанные как одиночно, так и в составе композиций. Петроглифы преимущественно выполнены в скифо-сакском зверином стиле. Из-за денудационных процессов изображения не отчетливы.

Наскальные изображения региона подробно рассмотрены З.С. Самашевым. Аналогичные изображения известны в материалах местонахождений Нарбота и Окей, датируемых автором раннесакским временем (Самашев, 1992: 171–173, рис. 178–179). В целом, *изображения горных козлов в наскальных изображениях относятся к числу так называемых сквозных сюжетов. Тем не менее, во многих случаях по стилистическим особенностям можно определить их хронологический период. Это касается рисунков, выполненных в типично скифо-сакском зверином стиле* (Самашев, 2010: 144).

Случайная находка. Черешковый ромбический в сечении с удлинено-ромбической формой пера *железный наконечник стрелы* был найден Ж.К. Бокеншиевым в 2017 г. возле зимовки Таласбай, неподалеку от с. Терискей Бокенбай. Общая длина наконечника составляет 16 см, длина пера 3,8 см с заточенным острием и выступающим упором, линия наибольшего расширения приходится на его середину.

В раннем средневековье подобные наконечники стрел имелись на вооружении у древних тюрков в Центральной Азии (VII–VIII вв.) (Тетерин, 2004: 46–47, рис. 65). Железные стрелы с плоским в сечении пером вошли в употребление у воинов центральноазиатских народов еще в хуннское время (II в. до н.э. – V в. н.э.) (Худяков, 1986: 31–33, 38). В дальнейшем подобные стрелы активно использовались сяньбийцами, у которых на вооружении имелись плоские наконечники с асимметрично-ромбическим, удлиненно-ромбическим, вильчатым, секторным пером (Худяков, 2016: 106–107). Наконечники стрел подробно рассмотрены в книге Ф.Х. Арслановой (Арсланова, 2013: 62). Они появились в конце I тыс. н.э., однако наибольшее распространение получили в первой половине II тыс. (Бобров, Худяков, 2008: 101–102, рис. 19, 20–23).

Таким образом, в ходе археологической разведки в Курчумском и Зайсанском районах были выявлены новые объекты. Часть из них представляет собой одиночные или многочисленные объекты (поселения, курганы, ограды, выкладки, стелы). Некоторые из них находятся в ава-

рийном состоянии, определенная часть разрушена или разграблена в недалеком прошлом.

Результаты раскопок

В полевом сезоне 2019 г. Алтайской археологической экспедицией КазНУ им. аль-Фараби были исследованы погребальные памятники на территории Курчумского района ВКО. Раскопки велись на двух могильниках (Кумтобе и Алушы), расположенных в 13 км друг от друга.

Могильник Кумтобе расположен в одноименной местности в 1,3 км к северо-западу от села Енбек, который был выявлен нами в 2018 году. Могильник представляет собой разновременный некрополь, состоящий из 50 объектов: каменных курганов, выкладок, ящиков, квадратных и округлых оград (Омаров и др., 2018: 204). Площадь памятника распахана, в результате чего пострадали некоторые сооружения. В могильнике было исследовано два объекта.

Ограда №1 расположена в центральной части могильника и представляет собой небольшую возвышенность, состоящую из камней и грунта. Стенки ограды фиксируются отчетливо, камни были уложены плашмя, некоторые были вкопаны на ребро (Рис. 2). Размеры ограды – 3,5 × 3,45 м. Камни наземной конструкции из камней крупных и средних размеров: 90 × 37 × 16 см, 83 × 13 × 20 см, 67 × 43 × 9 см были уложены в один ряд, образуя в плане прямоугольную форму. Восточная часть стенки ограды была частично разрушена. Однако основная часть камней лежит на месте. В центральной части ограды была зафиксирована каменная циста прямоугольной формы, размером: 2,1 × 1,6 м, ориентирована по длине оси восток – запад. В западной части отсутствовала крышка перекрытия, в восточной части сохранилась. Циста сложена из крупных камней, уложенных плашмя в 10 рядов. Видимо, погребение было потревожено ранее грабителями, так как на глубине 0,7 м фрагменты костей (фрагменты черепа, челюсть, зубы, ребра, позвонки, фаланги рук и ног) погребенного фиксировались на разных частях и уровнях ящика. По предварительному анализу найденные зубы принадлежат разным по возрасту погребенным (взрослого и ребенка). Возможно, погребение было парным. Погребальный инвентарь отсутствует. По выявленной конструкции ограды и ящика погребение датируется нами XIII–IX вв. до н.э. Прямые аналогии данным сооружениям наблюдаются

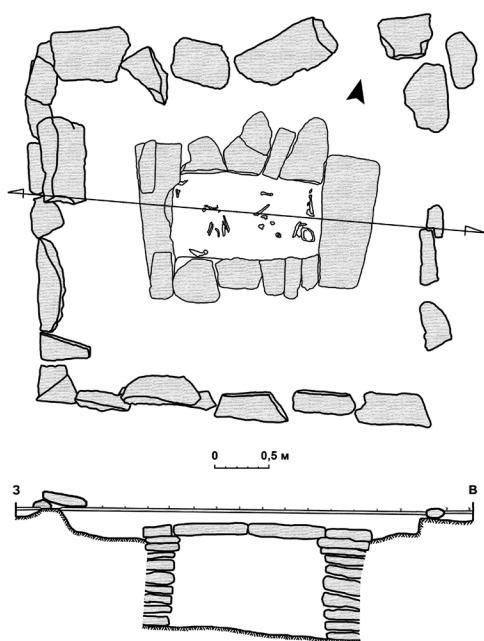
среди бегазы-дандыбаевских некрополей Центрального Казахстана – мавзолеев 3 Аксу-Аюлы II и др. (Маргулан, 1979: 57, рис. 32). Также погребения в виде цисты известны в могильниках Канай, Сарыколь 2, Усть-Буконь (Черников, 1960: 32, 200–201, табл. V, 2, VI), Айна-Булак-III в Восточном Казахстане, которые относятся к андроновской культуре и могут датироваться XVI–XIV вв. до н.э. (Дашковский, Самашев, Тишкин, 2007: 23–24, 33).

Каменный ящик №1 относится к могильнику Кумтобе, расположенному в 200 м к северу от исследованной ограды №1. Исследуемый объект представляет собой вертикально врытые четыре плиты, образуя прямоугольную в плане форму размером 1,1 × 0,7 м (Рис. 3). Погребение было ограблено ранее. При расчистке зафиксированы кости человека и МРС, расположенные в хаотичном порядке (фаланги и кисти верхней и нижней частей опорно-двигательного аппарата, фрагменты ребер, обломки трубчатых тазовых костей). По форме каменного ящика погребение было одиночным. Подобного типа каменные ящики встречаются довольно часто и относятся к эпохе бронзы.

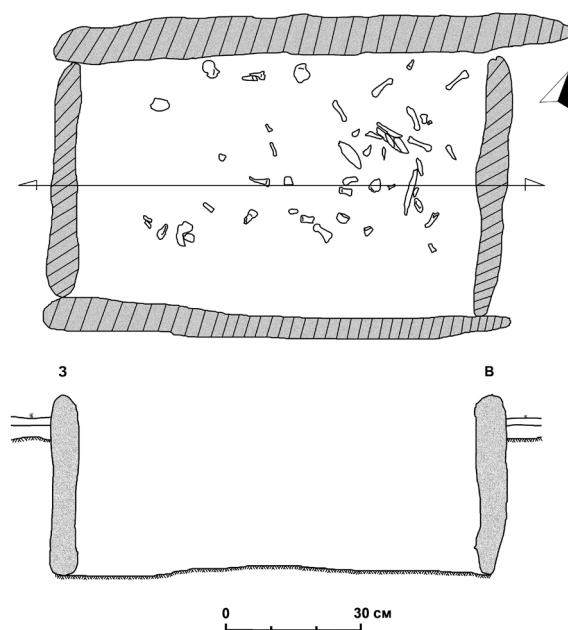
Могильник Алушы расположен на относительно небольшой по площади долине, которую окружают невысокие горные гряды в 1,7 км от с. Терискей Бокенбай рядом с одноименным родником. На памятнике насчитывается около 30 каменных курганов и округлых оградок. Объекты расположены преимущественно вдоль ручья.

Курган-ограда №1 расположен в центральной части могильника. Памятник представляет собой в плане округлую ограду из камней с небольшим возвышением в центральной части. Диаметр ограды составляет 6,6 × 6,5 м, высотой 0,2 м (Рис. 4). Размеры относительно крупных камней ограды составляет 70 × 22 × 10, 83 × 38 × 18, 77 × 34 × 14 см. Для изучения конструктивных особенностей нами была оставлена бровка шириной 30 см, вытянутая по линии оси запад – восток.

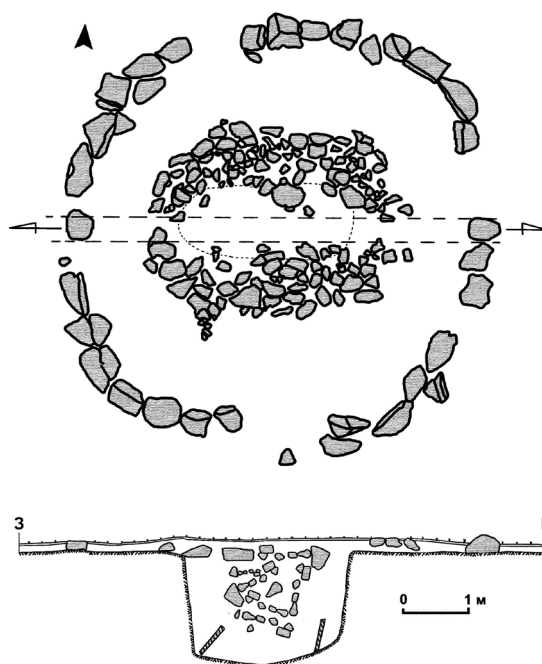
При расчистке центральной части каменной ограды выявлена каменная насыпь в плане овальной формы диаметром 3,5 × 2,6 м, вытянутая по линии бровки. После удаления камней в центральной части ограды на фоне материкового слоя могильная яма размером 2,6 × 1,2 м выделялась относительно рыхлым грунтом и камнями забутовки, вытянутая строго по линии 3–В, с закругленными углами.

Рисунок 2 – Могильник Кумтобе.
План и разрез ограды №1

Рисунок 3 – Могильник Кумтобе.
План и разрез каменного ящика №1

Рисунок 4 – Могильник Алушы.
План и разрез кургана-ограды №1

В могильной яме на глубине 0,2–1,5 м зафиксированы камни забутовки, представленные преимущественно округлыми относительно больших и средних размеров. Погребение было

разграблено ранее. На глубине 2 м обнаружены плиты, вероятно разрушенного грабителями каменного ящика. Сохранились лишь торцовые части каменного ящика. При расчистке дна

могильной ямы была зафиксирована *золотая серьга* (Рис. 5), изготовленная из тонкого листа, образуя форму в виде конуса. Для прочного соединения с разомкнутым кольцом, сделанным

из гладкой проволоки круглой в сечении, края фольги загибались. Общая высота серьги – 2,8 см, высота конуса – 1,1 см. Размер кольца – 1,8 × 2 см. Диаметр основания конуса – 1 см.

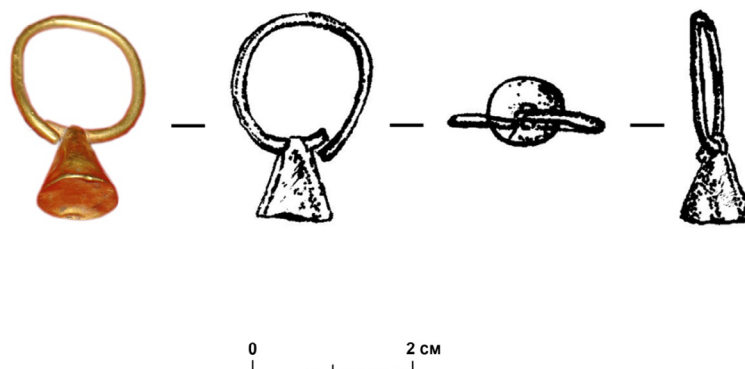

Рисунок 5 – Могильник Алушы. Золотая серьга конусовидной формы сакского времени из кургана-ограды №1

Также были зафиксированы несколько обломков бронзового украшения (?) в виде изогнутых полукругов толщиной около 2 мм. Кости погребенного, какие-либо другие сопроводительные инвентари в погребении отсутствуют.

Конусовидные серьги с разомкнутым кольцом сакского времени в значительном количестве распространены на Алтае, в Центральном Казахстане и подробно рассмотрены в работах К.В. Чугунова, А.А. Тишкина, А.З. Бейсенова, В.К. Федорова (Тишкин, 1999, с. 184–190; Чугунов, 2003, с. 386–395; Бейсенов, 2014, с. 121–128; Федоров, 2015, с. 69–79). Схожие конические по форме серьги имеются в савроматском могильнике Бесоба на Западе Казахстана (Kadyrbaev, 1981: 31–32, Abb. 3). Также, аналогичная серьга была зафиксирована в ограде алды-бельского типа №2 могильника Коо-1 в Восточном Алтае, где само погребение, в конструктивном плане очень схож с исследуемым памятником (Васютин, Садовой, 1999: 37, рис. 1).

В данном случае, стоит отметить, что зафиксированные серьги в савроматских памятниках, возможно, являются результатом коммуникаций населения (Бейсенов, 2014: 121), в той или иной мере этносоциокультурных процессов в савромато-сакском (VII–V вв. до н.э.) времени (Самашев, 2012: 10). В.К. Федоров, анализируя серьги, происходящие из могильников Сара, Бесоба, Покровка 2 и др., приходит к мнению, что происхождение их может быть связано как

с Передней, так и с Центральной Азией. Также автор не исключает конвергентное возникновение подобных сережек в разных регионах Азии (Федоров, 2015: 77).

Отсутствие костей и более информативных признаков в могильной яме исследуемой ограды №1 могильника Алушы затрудняет определение принадлежности погребения к «женскому» или «мужскому», так как в мерзлотных курганах скифского времени в Горном Алтае серьги встречаются в обоих погребениях. Женщины носили по серьге в обоих ушах, мужчины же только одну с левом ухе (Руденко, 1962: 21–23, рис. 19).

Таким образом, суммируя все вышеизложенные конструктивные особенности погребения и погребального инвентаря, памятник датируется нами VII–VI вв. до н.э.

Заключение

Восточно-Казахстанский регион является своеобразным центром различных культур в древности и средневековье. Можно говорить о политической консолидации здесь больших культурных регионов-лидеров, которые были очень тесно связаны между собой. Определение хронологии погребальных памятников, а также выявление культурных связей между синхронными этническими группами открывают новые горизонты в исследовании ключевых атрибутов

древних и средневековых кочевых культур. Актуальность и научная значимость изучения данного региона требует дальнейшего комплексного исследования памятников от эпохи бронзы до периода развитого средневековья.

Все вышесказанное будет подтверждено или опровергнуто в ходе запланированных в ближайшем будущем работ на данной территории. В свете изложенного следует отметить особую важность вводимых в научный оборот новых ма-

териалов, которые, несомненно, в той или иной степени могут способствовать реконструкции ряда важнейших аспектов сакской археологии.

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке бюджетной программы МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований на 2018–2020 гг.» № AP05134378 «Сакральное пространство и погребально-поминальные обряды населения Казахского Алтая от древности до средневековья».

Литература

- Арсланова Ф.Х. (2013). Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья // МИАК / Под ред. З. Самашева / Сост. Б.М. Хасенова. Т. 3. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 405 с.
- Баяр Д., Худяков Ю.С. (2002). Коллекция Уйгурской керамики с памятника Сангийн Толгой в Монголии // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ. С. 107–117.
- Бейсенов А.З. (2014). Серьги сакской эпохи // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. №6 (32). С. 121–128.
- Бейсенов А.З. (2015). Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. №6, часть 2. С. 22–31.
- Бейсенов А.З., Шульга П.И., Ломан В.Г. (2017). Поселения сакской эпохи. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола». 208 с.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. (2008). Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). Спб., Филологический факультет СПбГУ. 776 с.с илл.
- Васютин А.С., Садовой А.Н. (1999). К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения в раннескифское время (Восточный Алтай – могильник Коо-1) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, С. 35–38.
- Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А. (2007). Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан). Барнаул: Азбука. 96 с.
- Кумеков Б.Е. Государство кимаков XI–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. 156 с.
- Кызласов Л.Р. (1960). О южных границах государства древних хакасов в IX–XII вв. // Ученые записки. Вып. VIII. Абакан: Хакасское книжное издательство. С. 56–77.
- Маргулан А.Х. (1979). Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алматы: Наука КазССР. 360 с. с илл.
- Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Мерц И.В., Сагындыкова С.Т. (2018). Краткое сообщение о результатах археологической разведки на территории Курчумского района в 2018 году // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия: Исторические науки. №4 (91). С. 201–213.
- Оразбаев А.М., Омаров Г.К. (1998). Некоторые итоги археологического исследования Восточного Казахстана // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы. С. 9–70.
- Руденко С.И. (1962). Сибирская коллекция Петра I. Свод археологических источников. Вып. ДЗ-9. М.; Л. 52 с. с табл.
- Самашев З.С. (1992). Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Фылым. 288 с.
- Самашев З. (2010). Наскальные изображения Казахстана как исторический источник: дисс. ... д-ра истор. наук. Алматы: Изд-во КН МОН РК Институт археологии им. А.Х. Маргулана. 355 с.
- Самашев З. (2012). М.К. Кадырбаев и некоторые вопросы археологии раннего железного века Казахстана // Материалы III международной научной конференции «Кадырбаевские чтения-2012». Актобе. С. 6–20.
- Свод археологических памятников Восточно-Казахстанской области. (2006). Усть-Каменогорск: Изд-во Государственного фонда поддержки культуры и искусства. 254 с.
- Тетерин Ю.В. (2004). Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета. Вып. 1. С. 37–82.
- Тишкин А.А. (1999). Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: АлтГУ. С. 184–190.
- Федоров В.К. (2015). Серьги из могильника Сара в Оренбургской области // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №2 (29). С. 69–79.
- Харинский А.В. (2015). Северное пограничье империи Ляо // Вестник ИрГТУ. Серия: Гуманитарные науки. №10 (105). С. 323–331.
- Худяков Ю.С. (1986). Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука. 268 с.
- Худяков Ю.С. (2016). Железные наконечники стрел с Западного Памира // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 15, №3: Археология и этнография. С. 104–110.

- Черников С.С. (1960). Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. №88. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 272 с. с табл.
- Чугунов К.В. (2003). Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ. Кн. 1. С. 386–395.
- Kadyrbaev M.K. (1981). Denkmäler des Sauromatenadels in Westkasachstan // Das Altertum. Bd. 27. Heft I. S. 29–37.

References

- Arslanova F.Kh. (2013). OcherkirednevekovoiarkeologiiVerkhnegoPriirtysh'ya[Essays on medieval archeology of the Upper Irtysh]// MIAK / Podred. Z. Samasheva / Sost. B.M. Khasenova. Astana: Branch of the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan Publ., 405 p.
- Bayar D., Khudyakov Yu.S. (2002). Kolleksiya Uigurskoi keramiki s pamyatnika Sangiin Tolgoi v Mongolii [A collection of Uyghur ceramics from the Sangiyin Tolgoi monument in Mongolia]// Drevnosti Altaya. Gorno-Altaysk: Gorno-Altai State University Publ., p. 107–117.
- Beisenov A.Z. (2014). Sergi saks koy epokhi[Earrings of the Saka era] // Bulletin of Tomsk State University. Series: History. No. 6 (32), p. 121–128.
- Beisenov A.Z. (2015). Tsentralnyi Kazakhstan v rannem zheleznom veke [Central Kazakhstan in the Early Iron Age]// Historical and social Educational Ideas, vol. 7, no. 6, part 2, p. 22–31.
- Beisenov A.Z., Shulga P.I., Loman V.G. (2017). Settlements of the Saka epoch [Saka-era settlements].Almaty: Research Center for History and Archeology "Begazy-Tasmola" Publ., 208 p.
- Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. (2008). Vooruzheniye i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii v epokhu pozdnego srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.).[Armament and tactics of Central Asian nomads in the late Middle Ages and early New Times (XV – first half of the XVIII century)].St. Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg State University, 776 p.
- Chernikov S.S. (1960). Vostochnyi Kazakhstan v epokhu bronzy[East Kazakhstan in the Bronze Age]// Materials and research on archeology of the Union of Soviet Socialist Republics. No. 88. Moscow and Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics. 272 p.
- Chugunov K.V. (2003). Ser'gi ranneskijskogo vremeni Sayano-Altaya (proiskhozhdenie i tipologicheskoe razvitiye)[Earrings of the Early Scythian time of Sayano-Altai (origin of tradition and typological development)] // Istoricheskii opyt khozyaistvennogo osvoeniya Zapadnoi Sibiri. Book 1. Barnaul: Altai State University Publ., p. 386–395.
- Dashkovskii P.K., Samashev Z.S., Tishkin A.A. (2007). Kompleks arkeologicheskikh pamayatnikov Aina-Bulak v Verkhnem Priirtysh'e (Vostochnyi Kazakhstan).[Aina-Bulak archaeological site complex in Upper Irtysh's (East Kazakhstan)].Barnaul: Azbuka Publ., 96 p.
- Fedorov V.K. (2015). Ser'gi iz mogil'nika Sara v Orenburgskoi oblasti[earrings from Sara's grave in the Orenburg region]// Bulletin of archeology, anthropology and ethnography, no. 2 (29), p. 69–79.
- Kadyrbaev M.K. (1981). Denkmäler des Sauromatenadels in Westkasachstan // Das Altertum. Bd. 27. Heft I. S. 29–37.
- Kharinskii A.V. (2015). Severnoe pogranich'e imperii Lyao [Northern border's empire of Liao]// Bulletin of Irkutsk State Technical University Publ., no. 10 (105), p. 323–331.
- Khudyakov Yu.S. (1986). Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentralnoi Azii[Armament of the medieval nomads of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Science Publ., 268 p.
- Khudyakov Yu.S. (2016). Zheleznye nakonechniki strel s Zapadnogo Pamira [Iron arrowheads from the Western Pamirs] // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History and Philology. Vol. 15, no. 3: Archeology and Ethnography, p. 104–110.
- Kumekov B.E. (1972). Gosudarstvo kimakov XI–XI vv. po arabskim istochnikam [Kimaks State XI–XIVv. according to arab sources]. Alma-Ata: Nauka Publ., 156 p.
- Kyzlasov L.R. (1960). O yuzhnykh granitsakh gosudarstva drevnykh khakasov v IX–XII vv. [About the southern borders of the state of the ancient Khakasses in the IX th- XII th centuries] // Uchenye zapiski. Vol. VIII. Abakan: Khakass book publishing house, p. 56–77.
- Margulan A.Kh. (1979). Begazy-dandybaevskaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana [Begazy-Dandybaev's culture of Central Kazakhstan]. Almaty: Science the Kazakh Soviet Socialist Republic Publ., 360 p.
- Omarov G.K., Besetayev B.B., Merz I.V., Sagyndykova S.T. (2018). Kratkoe soobshchenie o rezul'tatakh arkeologicheskoi razvedki na territorii Kurchumskogo raiona v 2018 godu [Brief report on the results of archaeological exploration in the Kurchum region in 2018] // KazNU Journal of history, no. 1 (92), p. 201–213.
- Orazbayev A.M., Omarov G.K. (1998). Nekotorye itogi arkeologicheskogo issledovaniya Vostochnogo Kazakhstana [Some results of archaeological research of East Kazakhstan] // Problemy izucheniya i sokhraneniya istoricheskogo naslediya. Almaty, p. 9–70.
- Rudenko S.I. (1962). Sibirskaya kolleksiya Petra I. Svod arkeologicheskikh istochnikov [Siberian collection of Peter I. Arch of archaeological sources]. Vol. D3-9, Moscow and Leningrad, 52 p.
- Samashev Z.S. (1992). Naskal'nye izobrazheniya Verkhnego Priirtysh'ya [Rock paintings of the Upper Irtysh']. Alma-Ata: Gylim Publ., 288 p.
- Samashev Z. (2010). Naskal'nye izobrazheniya Kazakhstana kak istoricheskii istochnik: diss. ... d-ra istor. Nauk [Rock paintings of Kazakhstan as a historical source: Diss. ... Dr. history. Science]. Almaty: Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Institute of archaeology named after A.Kh.Margulan, 355 p.

Samashev Z. (2012). M.K. Kadyrbaev i nekotorye voprosy arkhologii rannego zheleznogo veka Kazakhstana [M.K. Kadyrbaev and some questions of the archeology of the early Iron Age of Kazakhstan] // Materialy III mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Kadyrbaevskie chteniya-2012". Aktobe, p. 6–20.

Svod arkheologicheskikh pamyatnikov Vostochno-Kazahstanskoi oblasti. (2006) [The arch of archaeological sites of the East Kazakhstan region.]. Ust-Kamenogorsk: Publishing House of the State Fund for the Support of Culture and Art, 254 p.

Teterin Yu.V. (2004). Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaya berel'skoy epokhi [Armament of nomads of the Altai Mountains of the Berel's era] // Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noi Azii. Vol. 1. Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk State University, p. 37–82.

Tishkin A.A. (1999). Ukrasheniya ranneskifskogo vremeni iz Altaya [Ornaments of early Scythian time from Altai] // Itogi izucheniya skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii. Barnaul: Altai State University Publ., p. 184–190.

Vasyutin A.S., Sadovoi A.N. (1999). K probleme rekonstruktsii traditsionnykh sistem zhizneobespecheniya v ranneskifskoe vremya (Vostochnyi Altai – mogil'nik Koo-I) [To the problem of reconstruction of traditional life support systems in the early Scythian time (Eastern Altai – grave's Koo-I)] // Itogi izucheniya skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii. Barnaul: Altai State University Publ., p. 35–38.

С. Биалов¹ , А. Тажекеев²

¹PhD докторант, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: seidaly.bilalov@mail.ru

²кандидат исторических наук, Кызылординский государственный университет имени Коркыт Ата, Казахстан, г. Кызылорда, e-mail: azik8484@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ГЛАВНЫХ ВЪЕЗДНЫХ ВОРОТАХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА ДЖАНКЕНТ В 2019 Г.

В статье приведены некоторые результаты комплексных археологических исследований на средневековом городище Джанкент в 2019 г. Начало современных археологических исследований городища Джанкент были заложены в далеком 1946 г., когда на памятнике побывал начальник Хорезмской археолого-этнографической экспедиции С.П. Толстов вместе с летной разведывательной группой, которая собрала подъемный материал и произвела глазомерный план городища. Стационарные археологические работы начались только в 2005 г. в рамках трехстороннего договора между Институтом Этнологии и Антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Институтом Археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК и Кызылординским государственным университетом им. Коркыт Ата МОН РК. За 15 лет полевых исследований накоплен огромный материал по материальной культуре племен, населявших городище Джанкент. Однако, до сих пор не были достаточно хорошо изучены оборонительные сооружения и устройство главных въездных ворот памятника. Чтобы заполнить вышеуказанный пробел в 2018 г. был заложен раскоп №7 на восточных воротах городища. За два полевых сезона на раскопе №7 было вскрыто 200 м² и выявлено несколько строительных горизонтов. Предварительно можно утверждать, что главные въездные ворота Джанкента были сооружены по аналогии близлежащих городов южного Хорезма.

Ключевые слова: Джанкент, огузы, средневековые памятники, низовья Сырдарьи, археология.

S. Bilalov¹, A. Tazhekeyev²

¹PhD doctoral student, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: seidaly.bilalov@mail.ru

²Candidate of Historical Sciences, Korkyt Ata Kyzylorda State University, Kazakhstan, Kyzylorda, e-mail: azik8484@mail.ru

Archaeological research on the main entrance gate of the medieval settlement Dzhankent in 2019

The article presents some results of integrated archaeological research on the medieval settlement of Dzhankent in 2019. Modern archaeological research the settlement Dzhankent started in the distant 1946, when the monument was visited by the head of the Khorezm Archaeological and Ethnographic expedition S.P. Tolstov with flight intelligence group, which brought together lift the material and produced a visual map of the site. Stationary archaeological research began only in 2005 as part of a tripartite agreement between the Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Maclay, Russian Academy of Sciences, the Institute of Archaeology. A.H. Margulan MES RK and Kyzylorda state University. Korkyt Ata MES RK. For 15 years of field research, a huge amount of material has been accumulated on the material culture of the tribes that inhabited the settlement of Dzhankent. However, until now, the defensive structures and the structure of the main entrance gate of the monument have not been well studied. To fill the above gap in 2018 was laid excavation number 7 on the Eastern gate of the settlement. During two field seasons, 200 m² were excavated at excavation 7 and several construction horizons were revealed. Previously, it can be argued that the main entrance gate of Dzhankent was built by analogy with the nearby cities of southern Khorezm.

Key words: Zhankent, Oguz, medieval monuments, the lower reaches of the Syr Darya, archaeology.

С. Билалов¹, Ә. Тәжекеев²

¹PhD докторанты, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: seidalov@mail.ru

²тарих ғылымдарының кандидаты, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университеті,
Қазақстан, Қызылорда қу, e-mail: azik8484@mail.ru

Ортағасырлық Жанкент қаласының басты қақпасында 2019 ж. жүргізілген археологиялық жұмыстардың нәтижелері

Мақалада ортағасырлық Жанкент қаласында 2019 ж. жүргізілген кешенді археологиялық зерттеулердің кейбір нәтижелері баяндалады. Жанкент қаласындағы қазіргі заманғы археологиялық зерттеулер сонау 1946 ж. ескерткіште Хорезм Археологиялық-Этнографиялық экспедициясының жетекшісі С.П. Толстовтың әуеден барлау тобымен бірге келіп, беткі қабаттан материалдар жинауынан және қалашықтың жоспарын сызудан бастау алады. Ескерткіште стационарлық археологиялық қазба жұмыстары 2005 ж. ғана басталды. Зерттеу жұмыстары РҒА Н.Н. Миклухо-Маклай атындағы Этнология және Антропология институты, ҚР БҒМ Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, ҚР БҒМ Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университеті арасындағы үш жақты келісім шарт негізінде жүргізіліп келеді. 15 жылдықдалалық зерттеулер барысында Жанкент қалашығында тіршілік еткен тайпалардың материалдық мәдениеті бойынша қомақты материалдар жинақталды. Алайда, әлі күнге дейін қаланың қорғаныс құрылыстары мен ескерткіштің басты қақпасының құрылысы тиісті дәрежеде зерттелмей келді. Жоғарыда айтылған ақтаңдақтарды толықтыру мақсатында 2018 ж. қаланың шығыс қақпасында №7 қазба салынды. Екі жылдық далалық қазба жұмыстары барысында №7 қазбада 200 шаршы метр жер аршылып, бірнеше құрылыс қабаттары анықталды. Алдын ала болжамдар бойынша Жанкенттің басты кіру қақпасы, көршілес өңірлердегі, Оңтүстік Хорезм қалаларының қақпаларына ұқсас салынғандық байқалады.

Түйін сөздер: Жанкент, оғыздар, ортағасырлық ескерткіштер, Сырдарияның төменгі ағысы, археология.

Введение

В полевом сезоне 2019 года археологические работы на городище Джанкент были продолжены на двух раскопах, Раскопы №1 и №7 (далее Р-1, Р-7). Р-1 был заложен еще 2005 г. в восточной части городища, и в общей сложности на сегодняшний день вскрыто более 1500 м² жилого комплекса (Билалов и др., 2018: 380-391). Р-7 был заложен в прошлом году (2018 г.) полевом сезоне в комплексе восточных въездных ворот городища.

Средневековое городище Джанкент расположено в 1,5 км от аула Жанкент Казалинского района Кызылординской области. Размер площади памятника, согласно топографической съемке 2005 года – 440 × (325) 225 м (Рисунок 1). Памятник имеет «Г»-образную форму, вытянутую с востока на запад, со значительным расширением в восточной половине. Стены построены из *пахсы*¹. Они хорошо сохранились лишь в восточной части. Вдоль них видны следы башен, расположенных друг от друга на расстоянии 40

– 45 м. Ворота находятся по центру восточной и западной стен. Посередине восточной стены находится хорошо сохранившееся предвратное сооружение в виде полукруглого выступа стены около 25 м длиной (с юга на север), с воротами, перпендикулярными стене, на северном конце. Выступ фланкирован двумя выносными башнями (Arzhantseva et al., 2017: 12).

Описание оборонительных сооружений Джанкента

Оборонительные сооружения городища представляют собой высокие валы, опоясывающие памятник по всему периметру с четырех сторон. Высота валов варьирует от 7,5 м до 9-10 м от окружающей поверхности. Лишь восточные стены памятника сохранились в виде гряд пахсовых стен высотой от поверхностей вала до 2,5 – 3 м с внутренней и 2 – 2,5 м с внешней сторон.

Пахсовые блоки в восточной стене выложены в несколько рядов. Толщина рядов достигает 90 – 110 см. Ширина блоков на сегодняшний день в некоторых местах достигает 100 – 150 см. Вероятно, во времена существования памятника (IX – XI вв.) ширина стен достигала 3,5 – 4 м. Такое предположение основано на эмпирическом материале, выявленном при расчистке стен цитадели городища, в северо-западном углу па-

¹ *Пахса* – блоки и слои глины, смешанной с водой и органическими и растительными добавками, чаще всего с рубленной соломой (саманом).

мятника, где ширина в верхней части северной стены ровна 4 м. У основания обводные стены достигают до 12 – 14 м (Harke et al., 2013: 23-24).

Восточная обводная стена вместе с валами и сохранившейся частью стен возвышается над окружающей поверхностью на 8-9 м.

Длина восточной стены составляет 334 м. Стену визуально можно разделить на северную и южную части.

Северная часть длиннее южной на 1/4, 192 м и 142 м соответственно. Начиная с крайней северной угловой башни усилена пятью выносными полукруглыми башнями. Размеры башен относительно друг друга одинаковы и составляют от 40 до 45 м, сохранились на 2,5-3 м в ширине и 3-5 м по длине, высота от обводного вала от 2 до 3-х метров. За крайней южной башней (северной части стены) стена продолжается еще на 45-50 м.

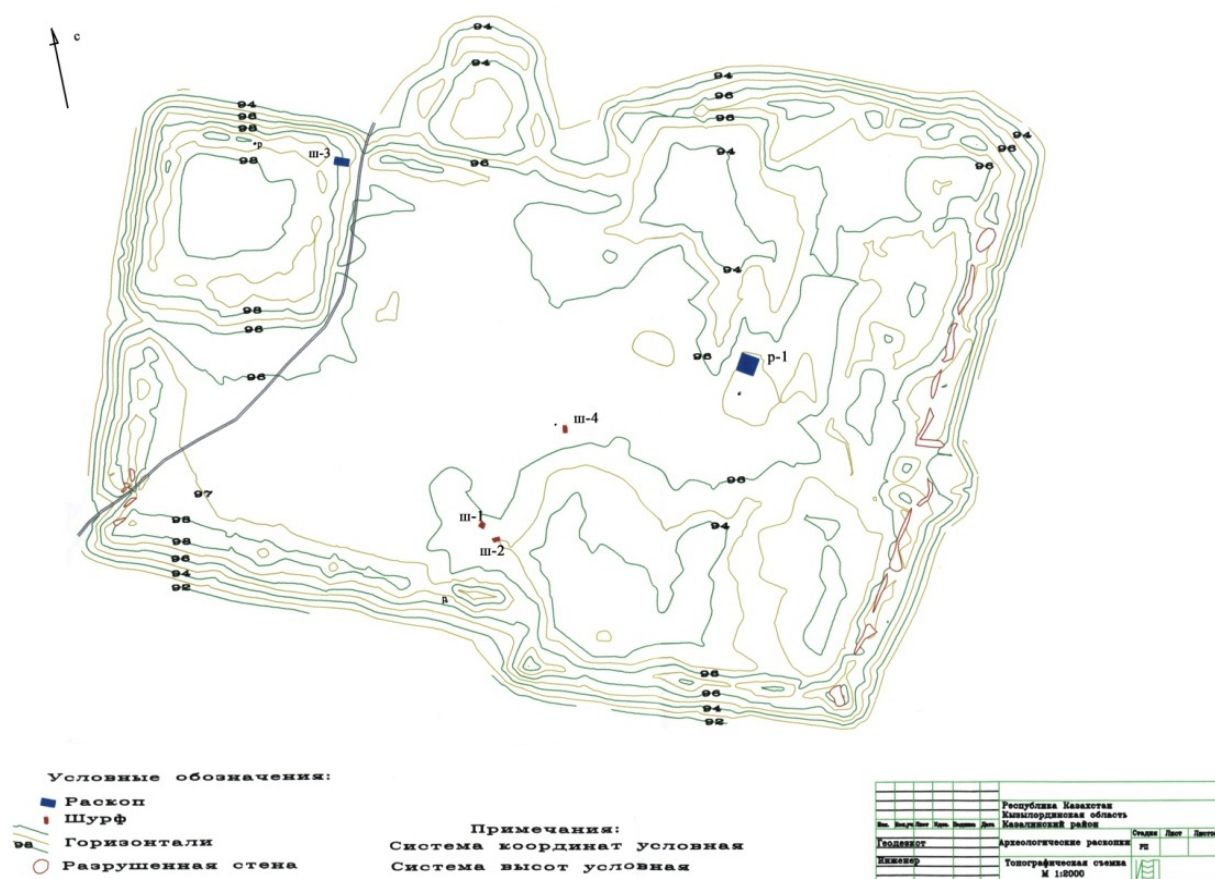

Рисунок 1 – Джанкент. Топографический план. 2005 г. Автор А.Черняев

Южная часть обводной стены начиная с крайней южной башни вдоль стены усилена тремя выносными полукруглыми башнями. Расстояние между башням также составляет от 40 до 45 метров, башни также сохранились на 2-4 м по ширине и 5-6 м по длине, высота от вала обводной стены – от 2,5 до 3,5 метров.

Длина южной части стены составляет от 135 до 145 м. Ближе к въездным воротам стена поворачивает на запад на 10-12 м и на месте торца северной части стены образует проход в городище (Рисунки 1, 2).

Описание въездных ворот Джанкента.

Въездные ворота памятника фланкировались двумя выносными башнями, ширина которых составляла 2-3 м, в длину северная сохранилась на 6-7 м, южная – 5-6 м. Между фланкирующими башнями сохранилось строение в виде дуги соединяющей башни между собой. Вероятнее всего, это остатки предвратного уступа, на котором располагался разводной мост через окружающий ров. Расстояние между фланкирующими башнями – 35-40 м.

Рисунок 2 – Джанкент. Общий вид городища. Вид с востока. Аэрофото Мартин Гоффриллер (Martin Goffriller) по международному проекту Djetiasar Documentation Project

С южной стороны на углу, где южная часть стены поворачивает на запад, пристроена полукруглая стена «щит», высота данной стены сохранилась на от 3,5 до 4,5 м, ширина у основания достигает 2,5-3 м, в верхней части сужаясь составляет 50-70 см, длина полукруга – 22-25 м (Рисунок 3).

Таким образом, въезд в городище был лабиринтообразным, то есть, входящие сначала упирались в стену-щит, поворачивали на право, затем, огибая стену-щит, поворачивали налево, и упирались в северную часть стены, повернув налево, шли через узкий коридор, между северной-щитом и восточной стеной упирались в «Г»-образный поворот южной части стены, снова поворачивали на право и только тогда могли попасть в город.

Защита въездных ворот Джанкента, таким образом, вероятно была спланирована по аналогии античных и средневековых хорезмских городищ, таких как Джанбас-кала (Лавров, 1950: 16-18), Топрак-кала (Толстов, 1948: 119-123), Кургашин кала (Лавров, 1950: 32.), Гульдурсун (Толстов, 1948: 177).

Угловые башни городища (две крайние башни на восточной стене, одна в центральной части северной стены и одна башня в юго-западном углу) несколько возвышаются от остальных башен, возможно, это связано с функцией повышенной оборонительной нагрузкой данных башен.

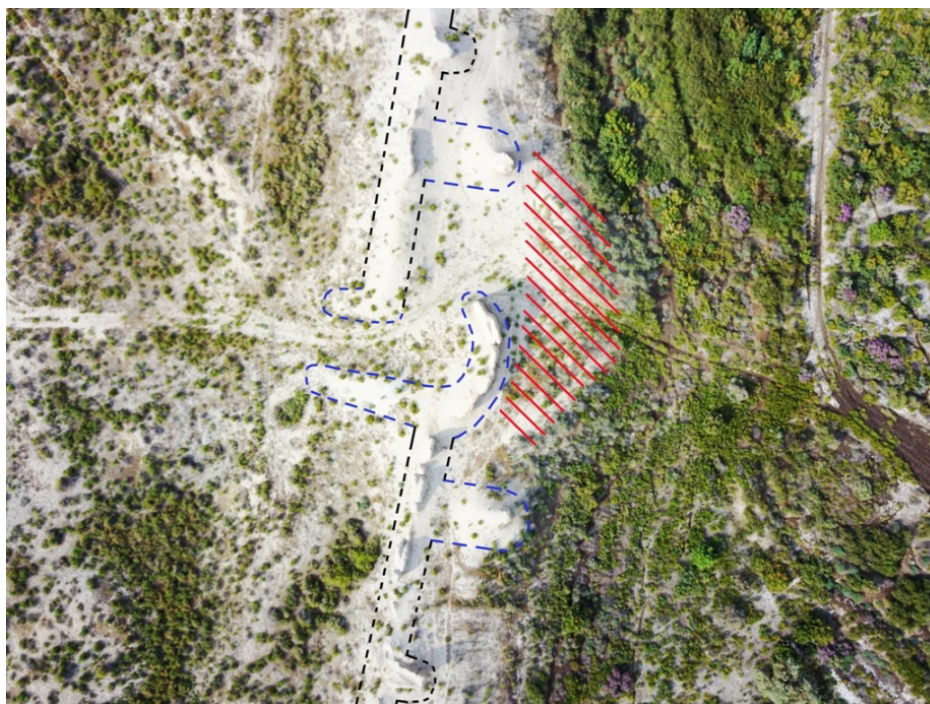
Описание палеоландшафта вокруг Джанкента

С восточной стороны городища прямо к подножью восточных стен примыкает низина, предположительно ров, вокруг городища. По результатам топографических съемок городища ранее предполагалось, что по всему периметру городища снаружи окружал ров шириной не менее 30-40 м, о котором свидетельствует низина вдоль восточной и южной стен памятника.

Однако, по наблюдениям последнего полевого сезона 2019 г. и по данным археологических разведок, вероятно, вокруг городища не было защитного рва. Была только заводь, питаемая старым руслом Сырдарьи – Ескидарияльком. То есть (близлежащая долина) пространство за восточными стенами памятника специально затапливалось и образовавшаяся озерная система с илистым дном (искусственно заболоченное пространство) служила природным защитным барьером с восточной и южной сторон на подступе к городищу.

Основной канал, подпитывающий искусственные озера, вливал от старого русла Ескидариялька севернее Джанкента, и миандрируя русло с восточной стороны городища, образует болотистую заводь и дальше на юго-востоке, в 8-10 км от памятника, вливает в древнее русло Кувандарьи (Krivonogov et al., 2014: 284-300).

Таким образом искусственно созданные озера (заболоченные участки) выполняли функции дополнительной линии обороны (Рисунок 4).

Рисунок 3 – Джанкент. Схема восточных въездных ворот. Аэрофото Мартин Гоффриллер (Martin Goffriller) по международному проекту Djettiasar Documentation Project.

Прямо напротив въездных ворот расположен высокий холм, предположительно служивший караван-сараям или контрольно пропускным пунктом в городище. За воротами с внешней стороны наблюдаются остатки строений, похожих на основания моста или разводного моста. То есть сообщение между холмом и воротами городища.

О том, что на территории к востоку от городища располагались озера, свидетельствует густая растительность, полупустынные многолетние растения тamarисковые (*Tamarix*, *Tamaricaceae*) и чингиль (*Halimodendron halodendron*).

Вышеуказанные многолетние тamarисковые часто встречаются в пустынных, полупустынных районах Казахстана и Средней Азии, где являются характерными и часто господствующими растениями. Обычны в тугайных лесах юга и запада Казахстана, где встречается около 20 видов. Многолетние кустарники в основном прорастают в низинах, где к поверхности земли близки грунтовые воды.

Чингиль – листопадный солеустойчивый и засухоустойчивый колючий кустарник высотой от 0,5 до 2-3 метров, сильно колючий, с колючками 2-6 см длиной. Чингиль хорошо выносит засоление почвы, светолюбив, засухоустойчив, обладает мощной и разветвлённой корневой си-

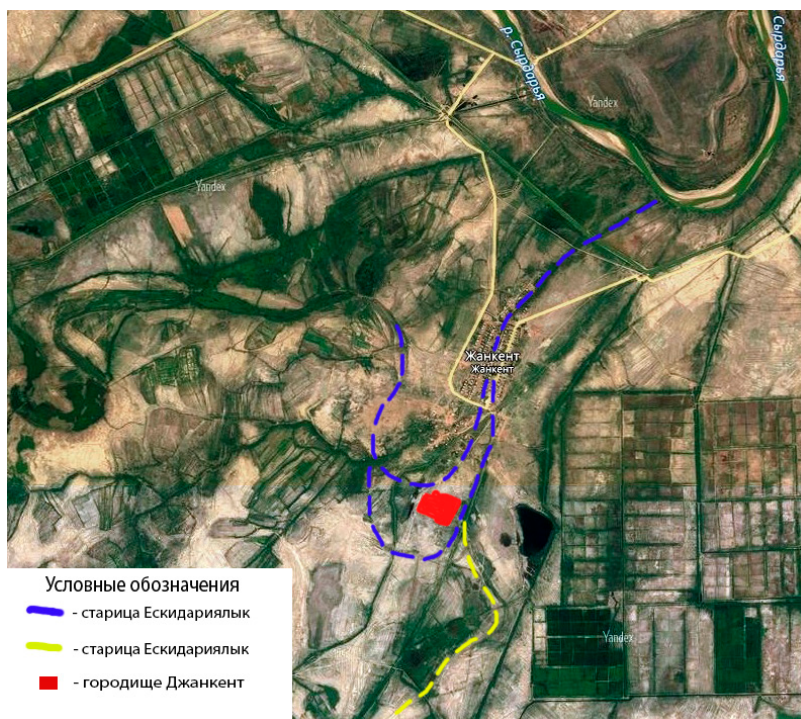
стемой, даёт обильную корневую поросль. Обычен в солонцеватых степях и пустынях, насолончаках, в тугайных сообществах (Рисунок 5) (Коровин, 1961: 440-446)

Геоморфологические исследования проведенные в прошлогодних полевых сезонах в окрестностях Джанкента, показали, что с восточной стороны городища находился водоем или может быть протекало русло реки.

Древние русла Ескидарялыка и Кувандарьи, которые проходили в 10-15 км южнее Джанкента, параллельно функционировали в период с конца VIII в. по IX – XII вв. нашей эры (Левина, 1996: 18-22)

Археологические работы на Раскопе №7

Раскоп №7 (далее Р-7) был заложен с южной стороны северной фланкирующей башни главных ворот, на углу, где северная часть обводной стены образует прямой угол с башней. Размеры Р-7 изначально составляли 9 × 3 м, так как раскоп задумывался как разрез снаружи обводной стены. Однако, после вскрытия нескольких фрагментов строений было принято решение расширить раскоп в южном направлении, и окончательный размер раскопа в 2018 году составил 9 × 14 м. Раскоп был условно разделен на квадраты по 3×3 м, обозначение квадратов проводилось в буквенном значении.

Рисунок 4 – Космическая фотосъемка окрестности Джанкента с предполагаемой старицей Есикадарялыка. (источник: yandex.kz)

Рисунок 5 – Джанкент. Восточные стены. Густая растительность в восточной части городища. Вид с востока.

В полевом сезоне 2019 года Р-7 был расширен в южном направлении. Была заложена прирезка с южной стороны размером 9×8 м, 72 м^2 . Таким образом общая площадь Р-7 составляет 198 м^2 . В нынешнем полевом сезоне было принято решение разделить раскоп по квадратам 2×2 м, и обозначить квадраты цифровой нумерацией. (Рисунки 6, 14).

Угловой квадрат на северо-западном углу имеет значение 100/100, первая цифра 100 –

первая линия раскопа, начинающаяся с севера, далее двигаясь на юг, обозначения каждые 2 м увеличиваются на одно значение. Вторая цифра (после слеша) по направлению с запада на восток уменьшается. После снятия верхнего наносного слоя в квадратах 104-108/100 начало проявляться «тело» обводной стены, то есть верхние ряды пахсовых блоков.

Блоки светло-голубого цвета, на вскрытом участке высота верхнего ряда достигает 60-70

см, длина блоков варьирует от 75 до 110 см. Плотные серовато-голубые блоки выложены на нивелировочный слой из светло-желтоватой глины. Ширину блоков измерить не представляется возможным. Вероятнее всего, блоки выкладывались в ширину несколько рядов, так как ширина вала стен сверху достигает 3-4 м.

Спускаясь по склону вала, в квадратах 105-108/99 был расчищен следующий, второй ряд пахсовых блоков под нивелировочным слоем. Между нивелировочным слоем и вторым рядом

блоков уложена камышовая (тростниковая) прослойка. На Джанкенте тростник при строительстве оборонительных сооружений использовался повсеместно как гидроизолирующий и как армирующий материал.

Второй нижний ряд блоков так же выложен на слое нивелировки. Сохранность блоков второго ряда позволяет определить высоту и длину блоков, но, так же как и с верхними рядами невозможно измерить ширину блоков. В профиль блоки имеют размеры 65-70 × 140-150 см (Рисунок 7).

Рисунок 6 – Джанкент. Р-7. Вид до начала раскопок. Вид с юга.

Нивелировочные слои между рядами блоков достигают в ширине до 20-25 см, слой светло-желтого цвета, возможно глина смешивалась с мелкодисперсным песком с берегов древних русел. Нивелировка между блоками выкладывалась в мокром виде, затем на нее клали прослойку тростника. Тростниковая прослойка всегда выкладывалась вдоль стен, то есть в длину, в верхних слоях ни разу не встречались следы прослоек тростника поперек (перпендикулярно стене) стен. И только после выше описанных приемов выкладывали ряды пахсовых блоков.

Под вторым рядом пахсовых блоков так же обнаружен нивелировочный слой. Однако, он в кв. 107-108/99-98 был заполнен строительным мусором из жженного кирпича большого формата, размерами 29-30 × 31 × 5 см. Жженные кирпичи такого формата во множестве были обнаружены на раскопках Цитадели городища на Р-2 и Р-6. На Р-2 во внутреннем северо-восточном углу цитадели, кв. 93-94/99 на глубине -58 см от основного репера зафиксирована ритуальная вымостка и об-

лицован внутренний фасад северной стены цитадели (Аржанцева и др. 2014, стр. 20, 56-58).

Жженные кирпичи большого формата были использованы так же при строительстве объектов 1-го строительного горизонта на Р-1 в центральной части городища (Сводный отчет, 2010. стр. 23-24, 108-109).

После расчистки слоя строительного мусора, на глубине -250 см от основного репера (далее ▼) вскрыт участок выкладки из сырцовых кирпичей, уложенных в один ряд. Ширина выкладки 105 см, размеры сырцовых кирпичей стандартны для периода существования памятника, 35 × 30 × 5,5 см. Возможно кирпичная выкладка в один ряд укладывалась под каждым нивелировочным слоем, однако в верхних рядах она не сохранилась. Длина выкладки составляет 5,5 – 6 м, она выложена прямо на следующий нижний слой забутовки или нивелировки (Рисунки 8, 8а).

На выкладке в кв. 105-106/99 вскрыты две неглубокие ямы размерами 55 см и 42-43 см в диаметре, глубиной до 25 см.

Рисунок 7 – Джанкент. Р-7. Паховые блоки второго ряда поздней стены. Вид с востока.

Рисунок 8 – Джанкент. Р-7. Участок выкладки из сырцовых кирпичей. Вид с юга.

Рисунок 8а – Джанкент. Р-7. Участок выкладки из сырцовых кирпичей. Вид с севера

По мере углубления по всей площади раскопа в кв. 104-108/97-98 на глубине -350 см от ▼, вскрыт участок выложенных сырцовых кирпичей с размытыми краями, участок занимает всю восточную часть раскопа 104-108/97. Во время расчистки затвердевшей глины и натеков начали проявляться остатки контура ранней оборонительной стены.

В верхней части ранняя стена сохранилась шириной до 2-х м. Однако, спускаясь вниз, она резко расширяется. Стена была выложена из паховых блоков, высота блоков не превышает 80-90 см (возможно этот ряд был самым нижним рядом ранней стены, так как под рядом паховых блоков выложены 2 ряда нивелировки с прослойками тростника) (Рисунки 9, 9а.). Ранняя

стена так же, как и поздняя, возможно была воздвигнута ступенчатым образом. Возможно между рядами блоков выкладывали ряд из сырцовых кирпичей квадратной формы, однако, на вскры-

том участке не удалось зафиксировать кирпичи из-за плохой сохранности глиняных форм. Участок находится на пологой поверхности, по которой стекали природные осадки.

Рисунок 9 – Джанкент. Р-7.
Контурь ранней стены. Вид с севера

Рисунок 9а – Джанкент. Р-7.
Контурь ранней стены. Вид с юга

На глубине -440 см от ▼ вдоль ранней стены вскрыт слой нивелировки под пахсовыми блоками. Возможно кладка из сырцовых кирпичей или блоков малого размера, сверху слоя уложена прослойка тростника. Ширина слоя за верхним рядом больших блоков составляет 60 см, высота 30 см. Вероятно, прежде чем выкладывать пахсовые блоки, укладывался слой желтоватой глины в мокром виде, сверху стлали слой тростника, затем укладывались блоки.

Под нивелировочным слоем желтого цвета на глубине -465, -470 см от ▼ обнаружен следующий (нижний) слой нивелировки, ее толщина так же выступает за толщину верхнего слоя на 30-40 см. Слой так же желтоватого цвета с прослойкой камыша (тростника) сверху. На отметке -494 см от ▼ археологические работы были остановлены. Основание ранней стены, нивелировочные слои, уходят под западный профиль. Западный профиль (слои под поздней обводной

стеной) был расчищен вертикально для стратиграфического анализа.

Вероятно, ранняя стена после завершения функционирования была забутована хозяйственными отходами.

В ранней стене с восточной стороны в кв. 105-106/97 вскрыт участок со следами ремонта. Ширина участка начинается в северной части (90-100 см) и сужается к югу в кв. 106-107/97 доходит до 40-50 см. Следов ремонта выдает желтоватый цвет глины, которая отличается от остальной части стены. Блоки ранней стены светло-голубого цвета.

Как отмечалось выше, ранняя стена начала проявляться на глубине -340, -350 см от ▼. Ни восточной, ни западной границы (ширины) ранней обводной стены расчистить до основания не представляется возможным, так как восточная часть уходит под бровку раскопа, западная часть – под профиль поздней стены.

Западный профиль под основными стенами (блоками) был специально расчищен вертикально для дальнейшего изучения. В описаниях методики возведения обводных стен городища

в предыдущих отчетах отмечалось, что стены возводились ступенчатым образом, о чем свидетельствуют верхние пахсовые блоки стены Р-7 (Рисунки 10, 11).

Рисунок 10 – Джанкент. Р-7. Общий вид раскопа с юга

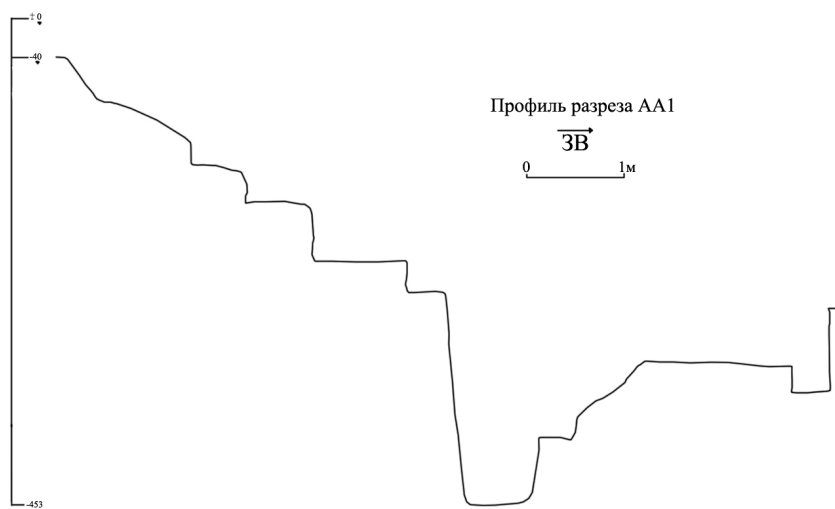

Рисунок 11 – Поперечный разрез Р-7 по линии запад-восток

Однако, под стенами всегда вскрываются толстые слои всевозможных нивелировок, забутовок, иногда выравнивания с выложенными в несколько рядов сырцовых кирпичей и мокрой глины, а также слои с бытовыми отходами (зола с пеплом) с фрагментами керамики, костями домашних и диких животных и строительного мусора, или просто сухого грунта с разно-размерными комьями глины.

Участок на Р-7 под стенами не является исключением. Но, на данном участке перед основной стеной вскрыт участок с ранней оборонительной стеной, и это обстоятельство многое проясняет в методике возведения основания под стенами. То есть, когда ранняя стена перестает функционировать и не отвечает требованиям (обветшание, не достаточная толщина, не целесообразность ремонта и т.д.) на рас-

стоянии в 6-8 м от стены с внутренней стороны возводят кирпичную (сырец) стену толщиной до 70-80 см высотой на уровне старой стены. Затем, вероятно это пространство разделяется мелкими стенами поперек на еще меньшие пространства и заполняется бытовыми отходами. Возможно это происходило не одновременно, а постепенно наращивались слои, поэтому в слоях присутствует множество тонких слоев золы и пепла, то есть заполненные пространства отходами время от времени поджигали в целях улучшения санитарных условий, и засыпали сухим грунтом или заливали мокрой глиной. Так же возможно, где оставались большие пологие пространства подравнивали толстыми слоями забутовок и выравнивали рядами сырцовых кирпичей (Рисунок 12). Вышеописанный способ применялся для экономии строительного материала. Такая методика

строительства оборонительных сооружений распространен по всей Средней Азии с древнейших времен и до нового времени (Воронина, 1952:31).

Когда все пространство поднимается до определенной высоты (скажем до уровня верха старой стены), сверху заливается толстый слой чистой мокрой глины для нивелировки, чтобы добиться 0° по горизонтали. Только после этих приемов строительства укладывали прослойку тростника, для гидроизоляции, и клали большие пахсовые блоки в несколько рядов, возможно в 4 или в 5 рядов высотой 90-110 см, шириной до 2,5-3,5 м (Вишневецкая, 2001:125).

Чрезмерная толщина основания обводных стен городища объясняется данной методикой строительства стен. Например на участке восточных стен толщина перед пахсовыми стенами достигает до 7-9 м (Рисунок 13).

Рисунок 12 – Джанкент. Р-7. Восточный фас поздней оборонительной стены.

Результаты геофизических исследований на памятнике показывают, что под обводными стенами цитадели и западной стеной городища выложен достаточно широкий стилобат толщиной не менее 3-4 м. Возможно геофизические приборы зафиксировали как стилобат раннюю стену Джанкента, которую, вероятно использовали как основание под вновь возведенные обводные стены (Arzhantsevaetal., 2012: 34).

На данном этапе исследований мы не предполагаем о методике строительства выносных башен оборонительных стен, однако, можно предположить, что они возводились подобным образом.

Описание профиля под поздней стеной: Высота профиля от верха до самой глубокой точки составляет 250 см. В северной части профиля в кв. 105-106/98 хорошо видны слои золы, пепла с угольками вперемежку с слоями глины, в большинстве своем слои глины были уложены в мокром виде. Толщина свиты слоев достигает 120-130 см. Сверху над слоями отчетливо виден толстый слой нивелировки (забутовки) в 30 см, которая прослеживается по всему профилю, и в некоторых местах толщина достигает 40-45 см. Вероятно, золисто-глинистые слои под забутовкой укладывались поочередно, то есть, за короткий промежуток времени, так как толщина каждого слоя в скоплении очень тонкие (Рисунки 12, 15).

Рисунок 13 – Джанкент. Р-7. Общий вид раскопа с юга

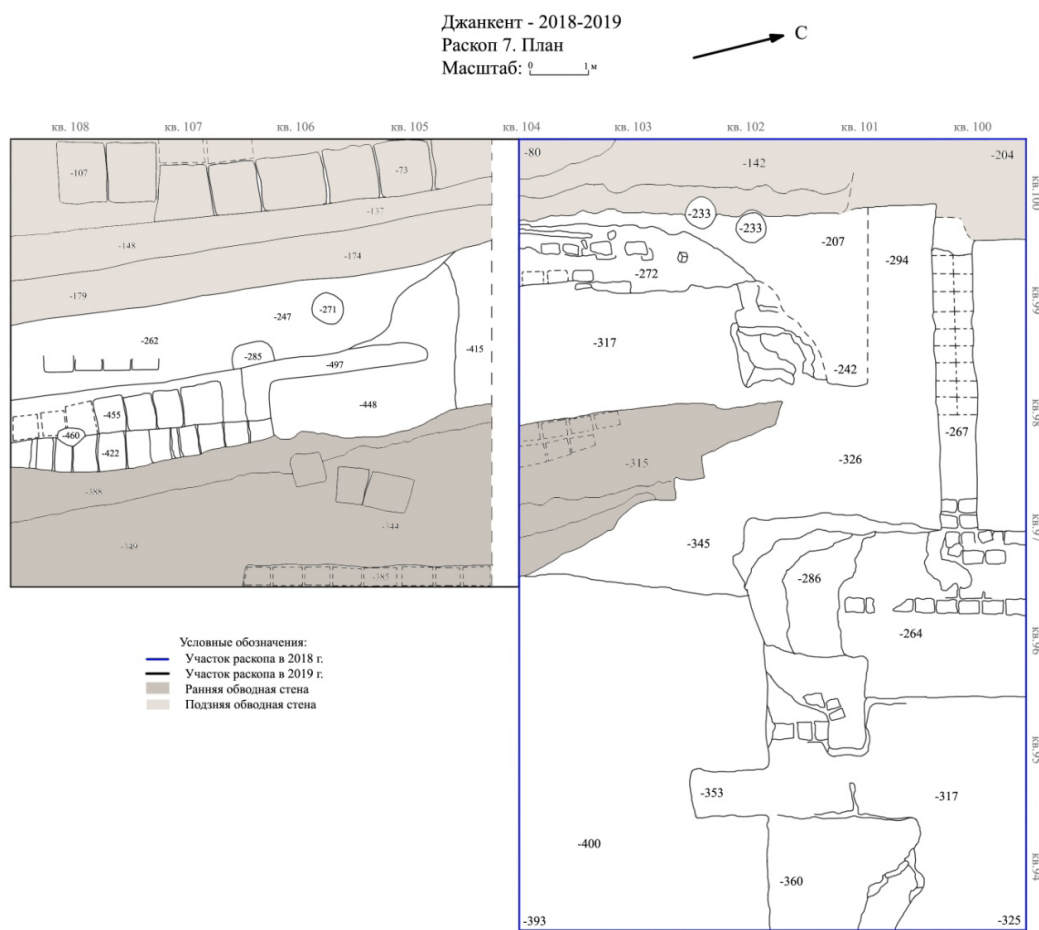

Рисунок 14 – Общий план Р-7

Направляясь к югу по профилю, начиная с кв. 106 и 107/98 не наблюдается скопления зольных слоев. На данном участке кв. 107-108/98 идет сплошная глина светло-желтого цвета до отметки -390 см от ▼, толщина слоя желтоватой глины достигает 120-130 см. Под

толстым слоем глины пролегает 30 см слой засыпки вдоль профиля.

Далее по всему профилю, начиная с отметки -395 см от ▼, наблюдается несколько слоев засыпки и нивелировки мокрой глиной толщиной до 15-20 см с вкраплениями карбонатов.

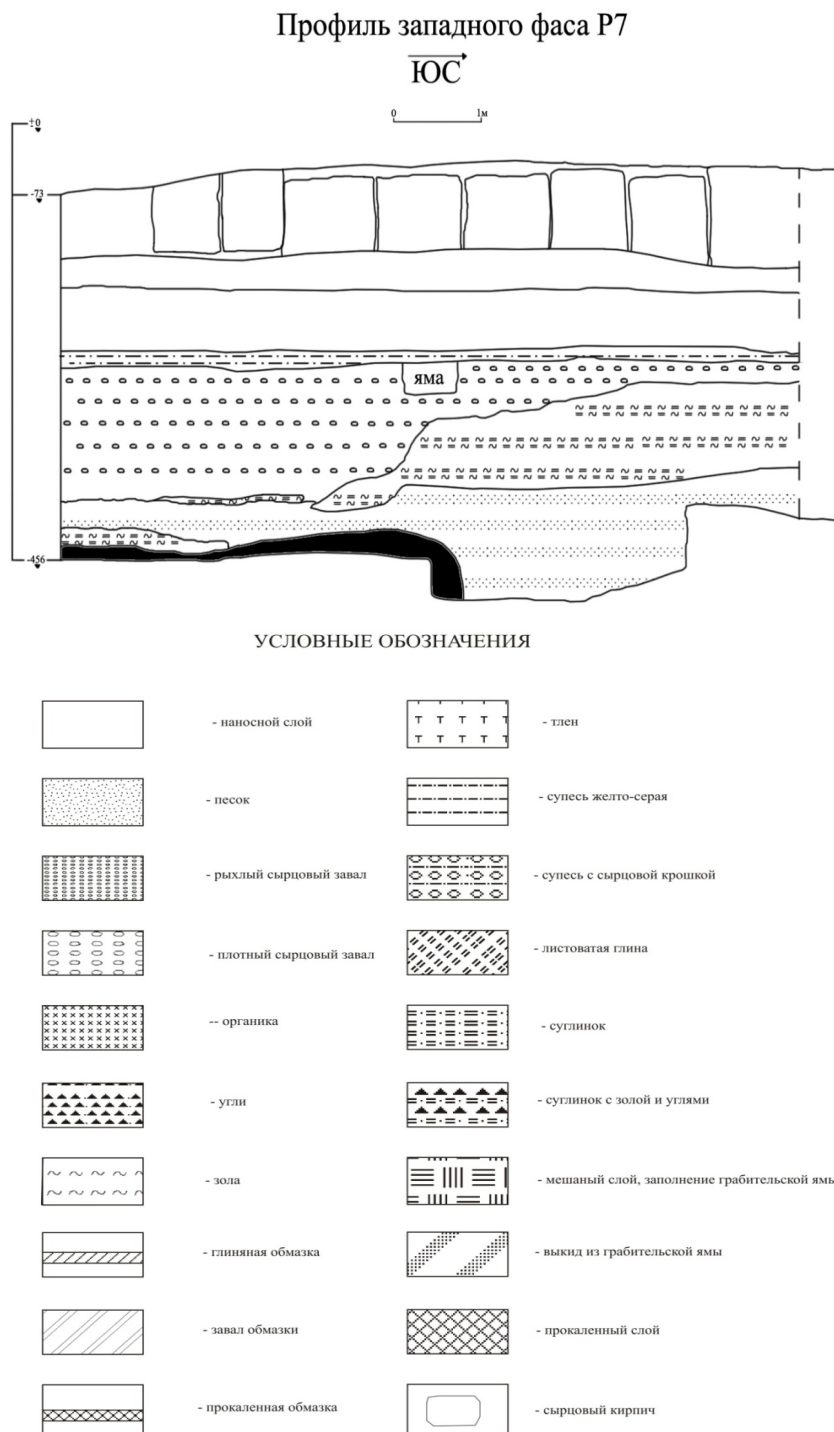

Рисунок 15 – Чертеж западного профиля Р-7

Слои не слишком отличаются по цвету, светло-серые тона чередуются со светло-желтыми прослойками глины и тонкими до 1,5-2 см слоями золы и пепла. Возможно нижние скопления слоев толщиной до 100-125 см являются остатками жизнедеятельности, то есть это слои обживания пристенных участков внутри городища.

В центральной части профиля на глубине -380 см от ▼ наблюдаются толстые слои обугленной органики с примесью сухого грунта с мелкими комьями глины, возможно следы пожарищ. Однако на данном этапе пока не обнаружены следы строительных конструкций (помещений).

Северный профиль раскопа Р-7 повторяет форму склона обводной стены в восточном направлении. Сверху до 2,5 – 3 м видны следы натека и крушений внешней «оболочки» стены. На глубине -350, -370 см от ▼ прослеживается несколько слоев нивелировки толщиной до 20-25 см с уклоном на запад. Между нивелировочными слоями выступают мелкие прослойки золы и пепла. На глубине -420 см от ▼ вскрыт участок очень твердой поверхности, которая возможна была фрагментом пахсовой стены или специально залитой глиной участок, которой затем очень плотно утрамбован. Вышеописанный участок

расположен перпендикулярно ранней стене. Твердый выступ светло-желтого цвета уложен на тонкий слой золы, под которым так же прослеживается плотный слой заливки (глины) в мокром виде. Возможно данный участок так же является следами ремонта ранней стены.

Кратко подытоживая описание северного профиля, можно резюмировать следующее. На глубине -350 см от ▼ обнаружены натеки и разрушения ранней стены с некоторым уклоном (в 3-4°) на запад. Эти следы разрушений сверху накрывают несколько слоев нивелировки, сначала под «новые стены» на глубине -280, -300 см от ▼, затем уже разрушения поздней стены накрывают оба периода (Рисунки 16, 17).

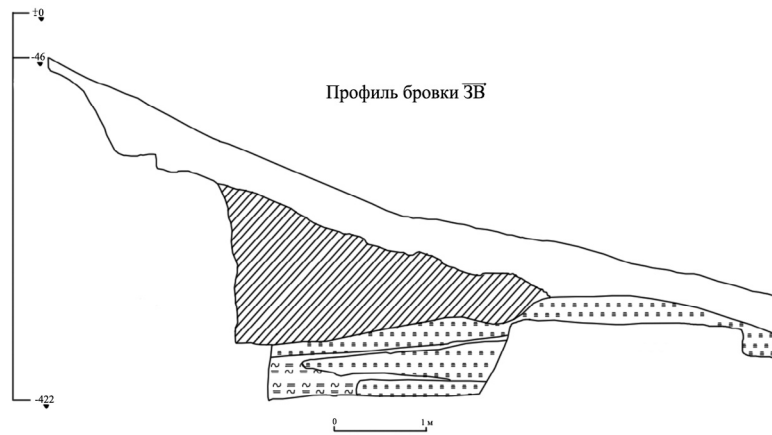
Немаловажное примечание, на северном профиле до глубины -350 см от ▼ отсутствуют золисто-глинистые прослойки. Видимо, бровка между раскопами 2018 и 2019 года была оставлена поверх перпендикулярного сооружения ранней стене или огромной яме. (Об этом может свидетельствовать полукруг без слоев на поздней стене) (Рисунки 13, 14).

На данном этапе археологические работы были остановлены, исследования будут продолжены в следующих полевых сезонах.

Рисунок 16 – Джанкент. Р-7. Северный профиль раскопа

Условные обозначения.

	Супесь		Слоистые напластования с включением золы и тлена
	Глина		Зеленый рыхлый слой с включением белесых прослоек
	Суглинок		Заполнение ямы и канавы
	Плотная зеленая глина		Угольные прослойки
	Плотный глинистый слой без включений		Включения карбонатов
	Плотный глинистый слой (Оплыв стены)		Включения костей
	Плотный голубовато-серый слой с различными включениями		Пахса
	Прокаленный суглинок		Материк
	Растительный тлен		Погребельная яма
	Рыхлый слой с включением песка		
	Рыхлый золистый слой с включением кальцинированных костей и комьев глины		
	Рыхлый, слоистый коричневый слой		
	Розовато-коричневый тлен с белесыми прослойками		

Рисунок 17 – Чертеж северного профиля Р-7

Заключение

В Присырдарьинском регионе Казахстана сырцовый кирпич и пахса нашли применение в основном в местах, где отсутствует месторождения камня. Кроме этого, они отличались особыми свойствами для фортификационных сооружений. Не было изобретено такого стенобитного орудия, которое было в состоянии проделать пролом в стене, сложенной из сырцового кирпича и пахсы. Степень противодействия комбинированных стен, в том числе из сырца и пахсы ударом стенобитных машин, была значительно больше. Обладающая амортизационными свойствами (по вертикали и по горизонтали) такая кладка ослабляла полученный удар благодаря мягкости сырцового материала. Еще, при чередовании глинобита и сырца кладка становится монолитнее кирпичной и почти не дает трещин (Нагиев, 2014: 28-30).

Легкий способ получения сырцовых кирпичей и глинобитных блоков тоже играл большую роль в их широком использовании. Обводя ров вокруг города, строители использовали откопанную землю для формовки сырцовых кирпичей и пахсы. Кроме того выкопанная земля использовалась для возведения глиняной платформы, стилобата под оборонительные сооружения. Стилобат под обводные стены – характерная черта для городов

и крепостей Средней Азии до Восточного Туркестана с античных времен. (Литвинский, 1987:183; Шишкина, Иневаткина, 2012:35).

Подводя итог, необходимо отметить, что строительная техника фортификационных сооружений средневековых городов нижнего течения Сырдарьи отражала уровень военного искусства своего времени и была приспособлена к военной технике – метательным орудиям, стенобитным машинам и приемам боя. Оборонительная система городов имела мощные крепостные стены, сильно укрепленные цитадели, башни различных форм, иногда широкие и глубокие оборонительные рвы. К сожалению, оборонительные сооружения многих городов Казахстана до сих пор остаются недостаточно изученными. Поэтому задачей данной статьи является лишь попытка охарактеризовать уровень организации обороны средневековых городов Нижней Сырдарьи на основе имеющегося археологического материала.

Данная работа была выполнена в рамках научного проекта «Этнокультурные связи тюрок-огузов с оседло-земледельческими племенами Приаралья в процессе становления городской культуры в низовьях Сырдарьи (I тысячелетие н.э.)», финансируемого по гранту Комитета науки МОН РК.

Литература

- Arzhantseva I.A., Modin I.N., Kats M.E. (2012) Geophysical prospecting of early mediaeval settlements of Eurasia // Geomorphic Processes and Geoarchaeology. From Landscape Archaeology to Archaeotourism International conference August 20–24, Moscow-Smolensk, Russia.
- Arzhantseva I.A., Härke H., Tazhekeev A.A. (2017) Between North and South: Dzhankent, Oguz and Khorezm. Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй. / III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей. // Владивосток: «Дальнаука». 320 с. ISBN 978-5-8044-1642-4 Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков.
- Harke H., Arzhantseva I., Tazhekeev A. (2013) Džankent – Eine frühmittelalterliche Stadt in Kasachstan // Archäologie in Deutschland. № 3.
- Krivosnogov S.K., Burr G.S., Kuzmin Y.V., Gusskov S.A., Kurmanbaev R.K., Kenshinbay T.I., Voyakin D.A. (2014) The fluctuating Aral Sea: A multidisciplinary-based history of the last two thousand years // Gondwana Research 26 284–300. journal homepage: [Электронный ресурс] www.elsevier.com/locate/gr (дата обращения 27.12.2019)
- Аржанцева И.А., Тажекеев А.А. и другие (2014). Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011-2014 гг.). Алматы: Изд-во «Арыс». 320 с.
- Аржанцева И.А., Эливинская Э.Д. и другие (2010). Сводный отчет об археологических работах на городище Джанкент в 2005-2007, 2009 годы. Кызылорда: Типография «Компас Кызылорда». 162 с.
- Билалов С.У., Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т. (2018) Итоги археологических исследований на городище Джанкент (2010-2017 гг.) // «Маргулановские чтения» Духовная модернизация и археологическое наследие». Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Алматы – Актобе. 639 с.
- Вишневская Н.Ю. (2001) Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н.э. – начало XIII в. н.э.), Монография. Москва, «Восточная литература» 2001. – 175 с. илл. ISBN 5-02-018207-9
- Воронина В.Л. (1952) Строительная техника древнего Хорезма. // ТХЭ, т.1, Москва. – стр. 87-104
- Коровин Е.П. (1961) Растительность Средней Азии и Южного Казахстана: монография / Е.П. Коровин; ред. К.З. Закиров. 2-е изд., доп., переработанное. Ташкент: Издательство Академии Наук УзССР., Книга 1. 452 с.: ил.

Лавров В.А. (1950) Градостроительная культура Средней Азии. Москва: Государственное Издательство Архитектуры и Градостроительства. 177 с.

Левина Л.М. (1996) Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. I -тысячелетие н.э. Москва: Издательская фирма Восточная литература РАН. 396 с.

Литвинский Б.А. (1987) Древнее и раннесредневековое архитектурно-строительное дело в Восточном Туркестане (в свете археологических открытий в Средней Азии). // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. Сборник статей. Москва. – с. 182-222.

Нагиев Г.Г. (2014) Техника строительства крепостных сооружений средневековых городов Азербайджана // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 5 (2). стр. 28-31;

Толстов С.П. (1948) Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. // Москва: Издание МГУ им. М.Ю. Ломоносова. 352 с. + 87 табл.

Шишкина Г.В., Иневаткина О.Н. (2012) Западные земли Самаркандского Согда. Типология археологических памятников // ПИФК, №4, с. 33-68.

References

Arzhantseva I.A., Modin I.N., Kats M.E. (2012) Geophysical prospecting of early mediaeval settlements of Eurasia // Geomorphic Processes and Geoarchaeology. From Landscape Archaeology to Archaeotourism International conference August 20–24, Moscow-Smolensk, Russia.

Arzhantseva I.A., Tazhekeyev A.A. idrugiyе. (2014). Kompleksnyye issledovaniya gorodishcha Dzhan kent (raboty 2011-2014 gg.). [Comprehensive studies of the ancient settlement Jankent (works 2011-2014)]. Almaty: Izd-vo «Arys». 320 s.

Arzhantseva I.A., Zilivinskaya E.D. i drugiyе (2010). Svodnyy otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na gorodishche Dzhan kent v 2005-2007, 2009 gody. [Consolidated report on archaeological work on the Zhan kent settlement in 2005-2007, 2009] Kyzylorda: Tipografiya “Kompas Kyzylorda”. 162 s.

Arzhantseva Irina, H. Härke, Tazhekeyev A.A. (2017) Between North and South: Dzhan kent, Oguz and Khorezm. Mezhdunarodnyy i Zapadom i dvizheniye kul'tur, tekhnologii i imperiy. / III Mezhdunarodnyy kongress srednevekovoy arkheologii yevraziyskikh stepey. // Vladivostok: «Dal'nauka». 320 s. ISBN 978-5-8044-1642-4 Otv.red. N.N. Kradin, A.G. Sitdikov.

Bilalov S.U., Tazhekeyev A.A., Darmenov R.T. (2018) Itogi arkheologicheskikh issledovaniy na gorodishche Dzhan kent (2010-2017 gg.) [The results of archaeological research on the settlement of Jankent (2010-2017)] // “Margulanovskiyе chteniya” Dukhovnaya modernizatsiya i arkheologicheskoye naslediyе». Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Almaty – Aktobe. 639 s.

Harke H., Arzhantseva I., Tazhekeyev A. (2013) Džankent – Eine frühmittelalterliche Stadt in Kasachstan [Dzhan kent – an early medieval city in Kazakhstan] // Archäologie in Deutschland. № 3.

Korovin Ye.P. (1961) Rastitel'nost' Sredney Azii i Yuzhnogo Kazakhstana: monografiya [Vegetation of Central Asia and Southern Kazakhstan: a monograph] / red. K.Z. Zakirov. 2-ye izd., dop., pererabotannoye. Tashkent: Izdatel'stvo Akademii Nauk UzSSR., Kniga 1. 452 s.: il.

Krivonogov S.K., Burr G.S., Kuzmin Y.V., Gusskov S.A., Kurmanbaev R.K., Kenshinbay T.I., Voyakin D.A. (2014) The fluctuating Aral Sea: A multidisciplinary-based history of the last two thousand years // Gondwana Research 26 284–300. journal homepage: [Electronic resource] www.elsevier.com/locate/gr (accessed 27.12.2019)

Lavrov V.A. (1950). Gradostroitel'naya kul'tura Sredney Azii. [Urban culture of Central Asia]. Moskva: Gosudarstvennoye Izdatel'stvo. Arkhitektury i Gradostroitel'stva. 177 s.

Levina L.M. (1996) Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletiyе do n.e. I -tysyacheletiyе n.e. [Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region. I millennium BC I-millennium AD] Moskva: Izdatel'skaya firma Vostochnaya literatura RAN. 396 s.

Litvinskiy B.A. (1987) Drevneye i rannesrednevekovoye arkhitekturno-stroitel'noye delo v Vostochnom Turkestane (v svete arkheologicheskikh otkrytiy v Sredney Azii) [Ancient and early medieval architectural and construction business in East Turkestan (in the light of archaeological discoveries in Central Asia)] // Tsentral'naya Aziya: novyye pamyatniki pis'mennosti i iskusstva. Sbornik statey. Moskva. – s. 182-222.

Nagiyev G.G. (2014) Tekhnika stroitel'stvakrepostnykhsooruzheniy srednevekovykh gorodov Azerbaydzhana [Technique of building fortifications of medieval cities of Azerbaijan] // Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh fundamental'nykh issledovaniy. № 5 (2). str. 28-31;

Shishkina G.V., Inevatkina O.N. (2012) Zapadnyye zemli Samarkandskogo Sogda. Tipologiya arkheologicheskikh pamyatnikov [Western lands of Samarkand Sogd. Typology of archaeological sites] // PIFK, №4, s. 33-68.

Tolstov S.P. (1948). Drevniy Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniya. [Ancient Khorezm. The experience of historical and archaeological research]. Moskva: Izdaniye MGU im. M.YU. Lomonosova. 352 s. + 87 tabl.

Vishnevskaya N.YU. (2001) Remeslennyye izdeliya Dzhigerbenta (IV v. do n.e. – nachalo XIII v. n.e.) [Handicrafts of Dzhigerbent (IV century BC – beginning of XIII century AD)], Monografiya. – Moskva, “Vostochnaya literatura” 2001. 175 s. ill. ISBN 5-02-018207-9

Voronina V.L. (1952) Stroitel'naya tekhnika drevnego Khorezma [Construction technology of ancient Khorezm] // TKHE, t.1, Moskva. str. 87-104

Қ. Ержан¹ , А. Әбубәкірова²

¹PhD, Қауымдастырылған профессор, Nur-Mubarak University,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: kalmakhanyerzhan@gmail.com

²PhD докторанты, Nur-Mubarak University,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: abubakirova_95@mail.ru

ДИНАРАЛЫҚ ЖӘНЕ КОНФЕССИЯРАЛЫҚ ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТАРДЫ РЕТТЕУДІҢ ӘЛЕМДІК ҮЛГІЛЕРІНЕ ДИСКУРСИВТІ ТАЛДАУ

Мақалада әлемдегі алдыңғы қатарлы елдердің діни жағдайды реттеуде қолданатын негізгі құралдары мен механизмдеріне дискурсивті талдау жасалады. Ғылыми зерттеудің негізгі мақсаты озық тәжірибеге ие мемлекеттердің жүйесін сипаттай отырып, жақсы нәтижеге қол жеткізуге мүмкіндік тудырған артықшылықтары мен мемлекеттегі діндер мен конфессиялар арасындағы салауатты қарым-қатынас орнатуға тосқауыл болған кемшіліктерін айқындап, оны өзіміздің тәжірибемізде қолданысқа ендіре алу мүмкіндіктерін қарастыру болып табылады. Ғылыми зерттеу нәтижесі ретінде ұсынылып отырған мақала ғылыми тұрғыда шетелдік дереккөздерден алынған нақты әрі сенімді мәліметтерді жеткізуімен, тәжірибелік тұрғыда ол мәліметтерді қолданысқа ендіре алудың шынайы мүмкіндігімен, осы тақырыпта зерттеу жүргізуші ізденушілерге қосымша құрал бола алуымен маңызды. Зерттеу жүргізу барысында жалпы ғылыми және жеке ғылыми әдістер, соның ішінде салыстырмалы әдіс, тарихи-хронологиялық, сараптау, талдау, сипаттау, құрылымдық-функционалдық секілді әдістер қолданылды. Зерттеу жұмысының нәтижесі ретінде батыстық елдердегі діни жағдайды реттеу тетіктерінің толыққанды талдамасы берілді.

Түйін сөздер: Конституция, мемлекет және шіркеу, діни сенім бостандығы.

K.Yerzhan¹, A. Abubakirova²

¹PhD, Associate Professor, Nur-Mubarak University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: kalmakhanyerzhan@gmail.com

²PhD doctoral student, Nur-Mubarak University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: abubakirova_95@mail.ru

Discursive analysis of world examples of regulation of interreligious and interconfessional relations

In the article, the main tools and mechanisms used by advanced countries of the world in the regulation of the religious situation are analysed discursively. The main goal of the study is to describe the system of states with advanced experience, considering the advantages, which created a possibility for getting good results and disadvantages that have become an obstacle in establishing healthy relations between religions and confessions in the state, to consider the possibility of their implementation. This article, as a result of the study, is of scientific importance, through the provision of accurate and reliable data from foreign sources, and of practical importance, as the possibility of applying this data in practice, and may become additional material for researchers on this theme. During the study are used general scientific and individual scientific methods, including comparative, historical and chronological, analytical, descriptive and structural-functional methods. As a result of the study, a comprehensive analysis of the mechanisms regulating the religious situation in Western countries was proposed.

Key words: Constitution, state and church, freedom of religion.

Қ. Ержан¹, А. Абубакирова²

¹ PhD, Ассоц.проф., Университет Нур-Мубарак, Казахстан, г. Алматы, e-mail: kalmakhanyerzhan@gmail.com

² PhD докторант, Университет Нур-Мубарак, Казахстан, г. Алматы, e-mail: abubakirova_95@mail.ru

Дискурсивный анализ мировых примеров урегулирования межрелигиозных и межконфессиональных отношений

В статье дискурсивно анализируются основные инструменты и механизмы, используемые передовыми странами мира в регулировании религиозной ситуации. Основная цель исследования – описывая систему государств с передовым опытом, рассматривая преимущества, создавшие возможность для достижения хороших результатов, и недостатки, которые стали преградой в установлении здоровых отношений между религиями и конфессиями в государстве, рассмотреть возможность их внедрения. Эта статья, как результат исследования, имеет научную значимость посредством предоставления точных и достоверных данных из зарубежных источников, и практическую значимость, как возможность применения этих данных на практике, и может стать дополнительным материалом для исследователей, проводящих исследование по этой теме. Автором использовались общенаучные и индивидуальные научные методы, в том числе сравнительный, историко-хронологический, аналитический анализы, описательный и структурно-функциональные методы. В качестве результата исследования был предложен комплексный анализ механизмов регулирования религиозной ситуации в западных странах.

Ключевые слова: Конституция, государство и церковь, свобода вероисповедания.

Кіріспе

Батыс Еуропа елдерінде мемлекет пен діни бірлестіктер арасындағы қарым-қатынастың негізгі үш үлгісі бар: айқындаушы (Ұлыбритания), серіктестік (Австрия, Бельгия, Германия, Португалия, Испания, Италия), бөлектеу (Франция, Нидерланд) (Мирошникова, 2005: 6). Мемлекет зайырлылығы және қоғам демократизациясы – Батыс Еуропа елдеріне тән ортақ ерекшелік және бұл жоғарыда аталған үлгілердің қайсысын ұстанатынына байланысыз жүзеге асып отыр. Кейбір мемлекеттерде нақты бір дін мемлекеттік дәрежеге ие болса, кейбірінде мемлекеттік шіркеу дәрежесі бекітілмеген.

Қазіргі кезеңдегі Батыс Еуропа елдерінде мемлекет пен шіркеу арасындағы қарым-қатынас демократизация мен секуляризация жағдайында орнықтырылып, Еуропалық Одақ құрылған кезеңнен бастап адам құқықтары мен бостандықтарын кепілдендіретін жаңа концепциялар негізінде жалғасын табуда. Ар-ұждан бостандығы мен діни бостандыққа деген құқықтар еуропалық елдердің Конституцияларында жазылған, ал Англия, Бельгия, Австрия секілді мемлекеттерде ар-ұждан бостандығына және діни бірлестіктер әрекеттеріне байланысты мәселелерді реттеу үшін арнайы мемлекеттік органдар құрылып, арнайы заңдар қабылданған. Батыс Еуропа елдеріндегі дінаралық және конфессияаралық қарым-қатынастардың рет-

телу үлгілерін нақты мемлекеттер мысалында қарастырсақ.

Әдіснама

Ғылыми зерттеу нәтижесі ретінде ұсынылып отырған мақала ғылыми тұрғыда шетелдік дереккөздерден алынған нақты мәліметтерді жеткізуімен, тәжірибелік тұрғыда ол мәліметтерді қолданысқа ендіре алудың шынайы мүмкіндігімен, осы тақырыпта зерттеу жүргізушілерге қосымша құрал бола алуымен маңызды. Зерттеу барысында жалпы және жеке ғылыми әдістер, соның ішінде салыстырмалы, тарихи-хронологиялық, талдау, сипаттау және құрылымдық-функционалдық секілді әдістер қолданылды.

Батыс Еуропа елдеріндегі дінаралық және конфессияаралық қарым-қатынастар

Австрия 1918 жылы өзін Республика деп жариялады. Қазіргі кезеңдегі мемлекет федеративті басқару формасына ие демократиялық республика болып табылады. Елде 1920 жылғы Конституция қызмет етуде (Окуньков, 2001: 25). Бұл Конституция бойынша діни тиістілікке байланысыз адамдар тең деп жарияланып, Рим-католик шіркеуі негізгі дін ретінде бекітілген. Елдегі діни ұйымдар дәрежесі 1874 жылғы шіркеулерді мойындау жайлы Заң негізінде және 1998 жылғы діни конфессионалды бірлестіктер дәрежесі жайлы Заң негізінде ретте-

леді. Австрия халқының көп бөлігі католиктер болғанымен, соңғы жылдары бұл шіркеу ерушілерінің саны азайып жатыр. Ватикан мәліметі бойынша, 2005 жылы Австриядағы католик шіркеуі мүшелері халықтың 68 пайызын құраса, тұрақты түрде шіркеуге тек 9 пайызы ғана келетін болған (Торкунов, 2012: 16). Католиктерден өзге елде лютерандар, православтар, кальвинистер, яһудилер, мұсылмандар өмір сүруде. Ал соңғы жылдары буддизм ерушілерінің және неоиндуистік жаңа діни қозғалыс өкілдерінің (Брахма Кумарис, Кришна санасы халықаралық қауымдастығы, Трансцендентальды медицина, т.б.) саны артуда (Торкунов, 2012: 18). Діни ұйымдардың негізгі үш түрі бар: ресми мойындалған діни қауымдастықтар; діни конфессионалды қауымдастықтар; ассоциациялар. 1874 жылғы Заңға сәйкес мойындалатын қауымдастықтар: Рим-католик шіркеуі, Лютеран шіркеуі, ислам үмбеті, яһуди діні, ортодоксальды, шығыстық ортодоксальды және методистік шіркеу, буддизм, мормондар, Иегова куәгерлері. Бұл қауымдастықтар салықтан босатылып, мемлекеттік мектептерде уағыз-насихат жұмыстарын жүргізе алады және мемлекет тарапынан қаржыландыруға ие бола алады. Жаңа діни қозғалыстар елде мойындалған діни қауымдастық дәрежесіне ие болу үшін, 1998 жылғы заңға сәйкес, кем дегенде 20 жыл тіршілік етіп, өз соңынан халықтың 0,2 пайызын ерте алу керек. Австрияда деструктивті культтер әрекеті 1998 жылы діни азшылыққа қатысты Батыс Еуропа аймағындағы ең қатал болып табылатын заңның қабылдануына алып келді. Заң бойынша «екінші деңгейлі дәреже», яғни конфессионалды қауымдастық ретінде мойындау 10 жылдан 20 жылға дейінгі сынақ мерзімімен 300-ден астам мүшесі бар болып табылатын жаңа діни қозғалыстарға беріледі (Робберс, 2009: 6). Сонымен қатар бұл топтардың ұстанымдары, доктриналары мен догматтары қоғамға сәйкестілік деңгейінің анықталуы мақсатымен Білім Министрлігі тарапынан тексерістен өткізіледі. Қазіргі кезеңде Австрияда он конфессионалды қауымдастық мойындалады: Баһаи бірлестігі, Баптистер, Евангелиялық одақ, Діни жаңару қозғалысы, Христиандар қауымдастығы, Еркін христиандар қауымдастығы, Құдайдың елуінші қауымдастығы, Жетінші күн адвентистері, Үнді діни қауымдастығы, меннониттер. Діни қауымдастық ретінде де, конфессионалды қауымдастық ретінде де мойындалмаған діни топтар елдегі қызметін жалғастыра алу үшін ассоциация ретінде мойындалуға өтініш бере алады.

Австрия Республикасы мемлекет пен діни бірлестіктер арасындағы байланысты зайырлылық үлгісіне сай дамытып отыр. Мемлекет конфессияаралық қарым-қатынасты реттеуде үлкен тәжірибеге ие болғандықтан және ислам мемлекеттерінен, ТМД мемлекеттерінен қоныс аударуға ниет білдірген азаматтар ағынына шектеу қойғандықтан ел ішінде діни негізде орын алатын қақтығыстар жоқ деуге болады.

Бельгия патшалығында 1831 жылы 7 ақпанда қабылданған Конституция әлі өз күшінде. Осы құжаттың 2 тарауында ел азаматтарының діни сенім бостандығына ие екендігі жазылған. Бельгияда мойындалған және мойындалмаған діни бірлестіктер қызмет етуде. Мойындалған діни бірлестіктер қатарына келесілер кіреді.

- Протестантизм – Бельгияның біріккен протестанттық шіркеуі, Бельгиялық миссионерлік христиан шіркеуі, методистер, Жетінші күн адвентистері;

- Рим-католик шіркеуі – елдің тарихының, мәдениетінің қалыптасуына әсер еткен дәстүрлі дін;

- Англикан шіркеуі (1870 жылы 4 наурызда қабылданған заң негізінде);

- Православтықтар – Мәскеу патриархаты, Константинополь патриархаты, Сербия және Румынияның православиелік шіркеулері;

- Мұсылмандық бірлестіктер (1974 жылы 19 шілдеде қабылданған заң негізінде);

- Еврейлік бірлестіктер.

Мойындалмаған діни бірлестіктер еркін дінге шақыру қызметімен айналыса алады, бірақ мемлекет тарапынан қолдау көрмейді (индуистер, буддистер, т.б.).

2010 жылы үкімет мойындалған діни бірлестіктерге 105,8 миллион еуро бөліп, оның 17,4 миллионы конфессионалды емес ұйымдарға, 4,9 миллионы исламдық діни топтарға берілді. Жергілікті билік және орталық үкімет діни білім беруді және діни ғимараттардың салынуы мен сақталуын қаржыландырып отырады. Бельгияда дін қызметкерлері еңбекақымен және зейнетақымен қамтамасыз етілген. Мысалы, 2008 жылы дін қызметкерлеріне жұмсалған қаржының жалпы көлемі 320,6 миллион еуроны құрап, оның 85 пайызы католиктік шіркеуге бағытталды.

Германия Федеративті Республикасында халықаралық нормаларға негізделген демократиялық ұстанымдар заңмен бекітілген. Олардың қатарына ар-ұждан бостандығы мен діни сенім бостандығына деген құқық, діни сенімге байланыссыз заң алдында теңдік, заң шеңберінде діни

бірлестіктер құру құқығы жатады. 1949 жылы қабылданған негізгі заң «Құдай алдындағы және адамзат алдындағы жауапкершілікті сезіне отырып» деген сөздермен басталады. Осы заңның 3 бабы діни негізде бөлектеуге тыйым салады, ал 4 бабы діни бостандыққа кепілдік береді. Германия – діни және саяси өмірдің арасын нақты бөліп қарастыратын зайырлы мемлекет (Маклаков, 2010: 168-243). Діни тиістілікке байланысты бөлектеуге заң негізінде тыйым салынған. Діни бірлестіктер әлеуметтік салада мемлекетпен біріге отырып жұмыс атқаруда. Діни қауымдастықтар «қоғамдық заң қарамағындағы корпорациялар» дәрежесіне ие болып, өз ерушілерінен шіркеу салығын ала алады (Steven, 1997: 121). Германияда діни бірлестік ретінде мормондар, жетінші күн адвентистері, методистер мен баптистер тіркелген. Діни топтар ретінде Иегова куәгерлері, мунитер, саентологтар жұмыс істейді. Ал халықтың төрттен бірі өздерін атеистер ретінде сипаттайды.

2005 жылғы мәліметтерге сай елдегі католиктер саны 26,9 миллионды құрады. Германияның солтүстік аймақтарында Германияның Жаңа Евангельдік шіркеуіне тиісті лютерандар тұрады. Елдегі протестанттардың орташа саны 27 миллионды құрайды. Соңғы жылдары протестанттық шіркеу ерушілерінің саны азайып, католиктер саны өсуде (Торкунов, 2012: 161). Германиядағы мұсылмандар қауымы 5 миллион адамға жетіп, халықтың 4 пайызын құрады. Ал мұсылмандардың 90 пайызын түріктер құрайды (Торкунов, 2012: 161). Елге мұсылмандардың көптеп қоныс аударуы жергілікті халықтың алаңдаушылығын тудырып отыр. Бундестаг өкілдерінің 7 пайызын мұсылман түріктер құрайды. Олар елдегі мемлекет пен діни бірлестіктер арасындағы қарым-қатынастың реттелуіне өзінше ықпал ете алады. Ел аумағында қазіргі кезеңде 2,5 мыңға жуық мешіт қызмет етуде. Қоғамды исламнан хабардар ету мақсатында Берлин, Гамбург, Франкфурт, Галлада «Еуропадағы мұсылмандар» деген жалпы атаумен мемлекет тапсырысы бойынша кең көлемдегі зерттеу жұмыстары жүргізілді.

Елдегі саны аз буддистер мен еврейлер қоғамдық жағдайға айтарлықтай әсер етпегенімен, Неміс буддистерінің бірлестігі қызмет етіп, синагогтар мен еврей мәдениет орталықтары ашылған.

Батыс Еуропа мемлекеттерінің зайырлылық ұстанымы Франция жағдайында айқын көрінеді. Франция – азаматтарының діни сенімге деген бостандығын жариялаған (1789 жылы) және

шіркеудің мемлекеттен бөлінуін жариялаған (1905 жылы) зайырлы мемлекет. Бұл дәрежесін елде ресми түрде мойындалған діндер жоқ екендігімен, ешбір діни бірлестіктің артық құқықтарға ие емес екендігімен дәлелдей түседі. Францияда діни ұйымдар тіркеуден өту керек. Тіркелудің екі түрлі жолы бар: құлшылық ету ассоциациялары ретінде (салық төлеуден босатылады) немесе мәдени ассоциациялар ретінде (салықтан босатылмайды). Құлшылық ассоциациялары литургиялық қызметтер ретінде сипатталатын діни әрекеттерді ғана ұйымдастыра алады. Ал мәдени ассоциациялар пайда табуға бағытталған іс-әрекеттер жүргізе алады. Олар салықтан босатылмағандықтан мемлекет тарапынан субсидия иеленуге өтініш білдіре алады. Франциядағы діни бірлестіктердің көпшілігі осы екі жолмен де тіркелуді жөн көреді. Мысалы, мормондар құлшылық ассоциациялары арқылы тек діни әрекеттерге жол берсе, мәдени ассоциациялары арқылы өздерінің мектептерін басқарады. 1905 жылғы заң негізінде діни топ мәдени ассоциация ретінде тіркелу үшін жергілікті билік өкілдеріне өтініш білдіру керек. 1959 жылы қабылданған Заң бойынша жекеменшік діни білім беру мойындалып, діни мектептер мемлекетпен келісімшартқа отыру құқығына ие болды. Жаңа діни қозғалыстардың пайда болуымен шешілуі күттірмейтін мәселелер пайда болды. Мысалы, Францияда 1936 жылғы Заңға үкіметке қарсы бірлестіктерді үкімет қаулысымен тарату және іс-әрекеттеріне тыйым салуды қарастыратын түзетулер енгізілді. Францияда қоғамдық тәртіпке, адам тұлғасына қауіп төндіруі мүмкін, екі рет қылмыстық іске қатыстылықпен айыпталған діни бірлестіктер үкімет тарапынан таратылып, дәрежесінен айырылады. 2001 жылы мамыр айында секталарға қатысты Заң қабылданған. Дегенмен, бұл заңға католик шіркеуі қарсы шығып, дұрыс емес қолданылған жағдайда адамдардың діни бостандығын шектеуге алып келетін құрал болуы мүмкін екендігін айтты. Ал 2004 жылы қыркүйекте мемлекеттік мектептерге қандай да бір дінге тиістілігін көрсететін діни символдарды өзімен бірге алып келуге, киюге, тыйым салатын Заң қабылданды. Іс жүзінде бұл заңның ықпалына мұсылман қыз балалардың орамалдары, сикхизм ерушілерінің бас киімдері, яһудилердің бас киімі және үлкен христиандық айшықтар ұшырады. Заң еуропалық азаматтардың діни бостандыққа деген құқығына нұқсан келтіреді деген айыптауларға қарамастан, сот шешімі француз мемлекеттілігінің жағында

болды. Франция билігі бұл әрекетін қоғамдық бірзіділікті қалыптастыру және қоғам қауіпсіздігін қамтамасыз етудегі батыл қадамдары ретінде түсіндірді.

Еуропа елдерінде ұйымды діни деп мойындау критерийлері қабылданбаған. Сол себепті әр елде бірдей діни бірлестіктер түрлі дәрежеге ие. Мәселен, Иегова куәгерлері мен саентологтар Италияда діни ұйымдар қатарына жатса, Францияда оларды дінге қатысты қарастырмайды. Еуропалық мемлекеттердің діни бірлестіктермен қарым-қатынасы олардың барлығының Конституциясында жазылған азаматтарын деструктивті діни бірлестіктер әсерінен қорғау жайлы постулатына қарай реттеледі. Италия Конституциясының 3 бабы жынысына, нәсіліне, дініне, саяси көзқарастарына, әлеуметтік жағдайларына қарамастан әрбір азаматтың тең екендігін жариялайды. Ал 8 бабы барлық діни деноминациялардың заң алдында тең екендігін, католицизмнен өзге деноминациялар Италия заңдарының шеңберінен шықпайтын деңгейде әрекет ете алатындығын, ал мемлекетпен арадағы байланыс өзара келісімдер мен мемлекет заңдарына қарай реттелетіндігін нақтылайды. 1947 жылғы Конституция қабылданбай тұрып, Рим-католик шіркеуімен арадағы қарым-қатынас 1929 жылғы Латерандық пактке сай реттелетін. Оның алғашқы бабында Италия Рим-католик шіркеуін жалғыз мемлекеттік дін ретінде мойындайтындығы жазылған. Ал 1984 жылғы конкордат (келісім) жоғарыда келтірілген бірінші баптың күшін жойды. Дегенмен, мемлекет шіркеуге қолдау көрсетуін тоқтатқан жоқ. Бұл конкордат католик шіркеуінен өзге діндерге қолдау алу мүмкіндігін ұсынды. Калифорния университетінің профессоры, Сильвио Феррари Италия заңы діни бірлестіктерді үш деңгейге бөлетіндігін айтады. Рим-католик шіркеуі азаматтық қоғамдағы маңыздылығына сай және 1984 жылғы конкордат негізінде маңызды дәрежеге ие. Мемлекетпен келісім жасасқан топтар орта деңгейде орналасады. Ал мемлекет тарапынан мойындалмаған, ассоциацияларға қатысты жалпы ережелер арқылы басқарылатын, сол себепті ешқандай мемлекеттік көмек алуға өтініш бере алмайтын діни бірлестіктер ең төменгі деңгейде орналасқан (Робберс, 2009: 213).

Австрия, Испания, Германияда жаңа діни қозғалыстарға деген қарсы көзқарастар қалыптасқан. Мысалы, Германияда қоғамның бір бөлігі жаңа діни қозғалыстар әрекетіне тыйым салып, олардың қаржылық жағдайын тексеру керектігін айтса, келесі бір бөлігі тыйым салу

ойынан бас тарту керектігін, «миды тазалау» қылмыстық іс ретінде қарастырылмайтындығын, олай болмаған жағдайда, өзге де бірлестіктер, БАҚ, мектеп бағдарламаларын да дәл осылай айыптауға болатындығын айтады. Олар жеке-ленген жағдайларды қарапайым қылмыстық кодекс негізінде ғана қарастыру керектігін жөн санайды. Ал Нидерландта діни сала мәселелері жеке құқық нормаларымен реттеледі де, діни бірлестіктер азаматтық құқыққа ие заңды тұлғалар ретінде қарастырылады. Испанияда Конституцияның 16 бабымен елде ешқандай ресми дін болмау керектігі бекітілген. Елдегі билік халықтың діни сенімдерін құрметтей отырып, католик шіркеуімен және өзге діни деноминациялармен дұрыс қарым-қатынас орнатуға тиісті екендігі Конституциямен бекітілген. 1980 жылғы Діни бостандыққа қатысты жалпы актінің 1 бабына сәйкес діни бостандыққа кепілдік беріліп, барлық діни бірлестіктерге Заң шеңберінде бірдей қарым-қатынас жасалады. Ал 2 бабында діни құлшылық атқаруда еркіндік беріліп, құлшылық орындарын салуға, өз дінін таратуға шектеу қойылмайтындығы жайлы жазылған. 3 бап бойынша, мемлекеттік мектептерде діни сабақтар өткізуді, қоғамдық орындарда діни қызмет атқаруды жергілікті билік тарапынан баярғынша дұрыс ұйымдастыру талап етіледі. Бірақ 3 баптың 2 тармағына сай психикалық немесе парапсихологиялық ілімдерді оқытумен және оларды іске асырумен айналысатын, адамның рухани денсаулығына зиян тигізуі мүмкін діни бірлестіктер осы заң кепілдендірген құқықтарға ие бола алмайды. Дей тұрғанымен, Испанияда осы тармақ негізінде барлық жаңа діни қозғалыстар шеттетіледі дей алмаймыз.

Қаржыландыру мәселесіне келсек, Рим-католик шіркеуі мемлекет тарапынан да, ерікті түрде азаматтардың төлеген салығының 0,5 пайызын аударуы да арқылы қаржыландырылады. 2003 жылғы деректерге сай ерікті түрде аударылған қаржының көлемі 135 миллион еуроны құрады. Мемлекет тарапынан бөлінген қаржы 28 миллион еуро болды. Елдегі протестантизм, яһуди діні, ислам діні өкілдері үкіметпен келісімшарт жасасып, осындай ерікті түрде аударылатын қаржы бөлігіне ие болуға өтініш білдіруде.

Дінаралық, конфессияаралық қарым-қатынастардың мемлекет тарапынан реттелуі

Жоғарыда келтірілген мысалдар негізінде Батыс Еуропа елдеріндегі дінаралық, конфес-

сияралық қарым-қатынастардың мемлекет тарапынан реттелуінің келесідей жолдарын топтастыра аламыз:

- Мемлекет заңдары «дәстүрлі» діни ағымдарға артықшылық бере отырып, олардың ерекше құқықтары мен дәрежесін заңды түрде бекітіп, жаңа діни қозғалыстардың белсенділігін тежейтін іс-шаралар кешенін ұсынады;

- Батыс Еуропа елдерінде жаңа діни қозғалыстарды зерттеу және олардың әрекеттерін реттеуге бағытталған бағдарламалар қабылдау арқылы орын алуы мүмкін қақтығыстарды болдырмауға әрекет жасалады;

- Батыс Еуропа мемлекеттері діни бірлестіктермен қарым-қатынасты реттеу мәселесінде үлкен тәжірибеге ие болғандықтан, бұл үрдіс мемлекет пен шіркеу арасын бөлу ұстанымына сай жүргізіледі.

Еуроодақ мемлекеттерінің барлығы Еуропалық Кеңестің мүшелері болып табылады. Бірақ Еуропалық Кеңес мүшелерінің барлығы Еуроодаққа кірмейді. 2000 жылы Еуропалық Одақ адам құқықтары мен бостандықтарын Жарғы негізінде бекітті (Кашкин, 2001: 82). Бұл құжатта адам құқықтарын қорғау жөніндегі Еуропалық конвенцияның біраз ұстанымдары қайталанатын. Сонымен қатар, діни сеніміне байланысты әскери қызметтен бас тарту құқығы енгізілді. Еуропалық елдердегі құқықтық жүйе зайырлылық үлгісіне сай дамып жатқанымен, бірқатар елдер өз өркениеттерінің христиандық құндылықтар негізінде құрылғандығын мойындайды.

Қазіргі кезеңдегі Еуропа иммигранттар мәселесіне алаңдатушылық танытуда. Көпшілігі мұсылмандар болып табылатын қоныс аударушылардың, босқындардың еуропалық қоғамға интеграциялану үдерісі өте ауыр өтуде. Ал жергілікті тұрғындар өздерінің христиандық құндылықтарының сақталып қалуына мүдделі екендіктерін көрсете бастауда.

Ғалымдар діни төзімділіктің нақты пайда болған уақытын белгілеп көрсету қиын екендігін айтады. Діни төзімділік кезеңі дін негізінде пайда болған соғыстармен алмасып отырды. Діни қақтығыстардың алдын алу үшін әлемдегі және жекеленген аймақтардағы қалыптасқан жағдайларды ескере отырып, құқықтық заңдар арқылы діни бостандықтың жүзеге асырылуы, қоғамдағы толеранттылықтың қалыптасуы, діни тиістілік негізінде бөлектеудің тоқтатылуы секілді мәселелерді барынша тиімді жолдар арқылы шеше білу керек.

Дін мен заң көп жағдайда бірдей қызмет атқарады. Екі түрлі салада болғанына қарамастан,

екеуі де басқару, дәстүрлілік, жалпыға ортақтық, беделділік секілді қасиеттерге ие. Бұл қасиеттер адам санасында өз міндеттері мен құқықтары жайлы ойланудың қалыптасуын қамтамасыз етеді. Заң тек ережелер қаңқасынан тұрмайды. Ол құқықтар мен міндеттерді орнықтырудың, қақтығыстарды шешудің, тиімді қарым-қатынас орнатудың негізгі қайнары болып табылатын тірі ағза секілді. Ал дін тек доктриналар мен жаттығулардың жиынтығы емес. Ол – өмір мәні мен мақсаттары жайлы жеке және жалпы қоғамдық деңгейдегі ойлардың шабыттандырушысы, трансцендентті құндылықтардың осы дін ерушілерінің барлығына ортақ жүйесін қалыптастырушы, жоғары күштердің барлығын сезіндіруші және оған сендіруші, адамдардың еркін таңдауы негізінде өмірі мен өлімнен кейінгі жағдайын тапсырып, қабылдауы арқылы жүрекке орнығушы. Сенім діннің негізі болса, амалдар сол сенімнің нәтижесі ретінде көрініс табады (Akimkhanov, 2016: 174). Этикалық жүйе ретінде дін де, заң да адамдардың өз айналасындағы ортаны қалай қабылдап, қалай қалыптастыратындығын басқарушы құрал болып табылады.

Дін бекітілген институционалды ережелерге еруден ғана тұрмайды. Дін – әлеуметтік шындықтың көрінісі. Дін қоғам мүшелерінің әрекеттеріне, ойларына сіңіп кеткен және олардың мәдениет, бостандық секілді ұғымдарды қалай түсінетіндігін айқындайды. Дін басқарушы жүйенің халықпен қарым-қатынасын да ретке келтіріп, дұрыс басқару жүзеге асу үшін басшы бойында болу керек қасиеттерді де жүйелейді (Anarbayev, 2016: 2071). Дін әлеуметтік феномен ретінде сипаттала отырып, жеке аймақпен шектеліп қалмай, кең қоғамдық мәнмәтінде қарастырылуы керек. Батыс Еуропа елдерінде діннің бұл қабілеті іс жүзінде қолданылып келеді. Оны біз дін өкілдерінің БАҚ арқылы өз ойларын жеткізуге мүмкіндік алуынан, мемлекеттік мектептерде дінтану сабақтарының өткізілуінен, қоғамдық мекемелерде дін қызметкерлерінің жұмыс атқаруынан, мемлекеттік маңызды іс-шараларға дін қызметкерлерінің қатысуынан, діни топтардың мемлекет тарапынан қаржылай көмекке ие болуынан, түрлі діндердің құлшылық орындарының салынуынан байқай аламыз.

Батыс Еуропа мемлекеттеріндегі шіркеу мен мемлекет арасындағы қарым-қатынастың реттелуінде түрлі күрмеулі мәселелерді қалыптастыруы мүмкін ерекшеліктер қатарына келесілерді жатқыза аламыз:

- Жеке және топтық құлшылық жасау бостандығы;

- Шіркеу автономиясының нақты дәрежесі;
- Қоғамдық мекемелердегі дін қызметкерлерінің жұмысын мемлекет тарапынан қаржыландыру мәселесі;
- Мемлекет тарапынан немесе салық төлеушілер тарапынан қаржылық қолдау көрсету мәселесі;
- Мектеп жүйесінде, ақпарат құралдарында өз ұстанымдарын насихаттау мәселесі;
- Діндер үшін құнды болып табылатын мұраны (ескі ғимараттарды, көне жәдігерлерді, т.б.) қорғау мәселесі.

Жоғарыда талқыланған еуропалық мемлекеттер конституцияларында азаматтың діни бостандығына кепілдік берілгендігі жайлы айттық. Дегенмен, топтық діни бостандықтың жеке діни бостандықтан өзгешеленетінін ұмытпауымыз керек. Топтық діни бостандық тек топ мүшелерінің жеке діни бостандықтарының жиынтығы емес. Ол – топтың өзінің құқықтары мен қорғаны, артықшылықтары негізінде қалыптасатын жүйе. Осы мәнмәтіндегі топтық діни бостандық – ортақ діни сенімге ие, өз ішіндегі қарым-қатынасты діни және этикалық құндылықтар мен ұстанымдарға қарай орнықтыратын адамдар тобының бостандығы. Топтық діни бостандық толығымен мемлекет тарапынан мойындалуы үшін діни бірлестіктер заңды ассоциациялар ретінде тіркеуден өту керек. Сол арқылы олар заңды тұлға ие бола алатын барлық құқықтарды пайдалана алады. Бұл мүмкіншілік Батыс Еуропа елдерінде түрлі заңнама негізінде әртүрлі құқықтарды қамтамасыз етеді. Діни бостандықты негізгі және конституция арқылы кепілдендірілетін құқық ретінде мойындау арқылы діни сенім мен құлшылыққа қатысты жалпы заңдардың қолданылу аясы тарылады. Дегенмен, бұл жағдай заңнан босатылудың дін мүдделері көтерілген сәтте әрдайым қамтамасыз етілетіндігін білдірмейді. Жеке және топтық күштер арасында қоғамдағы құндылықтардың қаншалықты құрметтеліп, құқықтардың қаншалықты қорғалатындығын көрсететін екі тарап арасындағы қарым-қатынастың орнықтырылуында негізгі маңызды бағыттар айқындалып, кейбір діни ұстанымдарға қайшы келетін немесе жат болып көрінетін жағдайларға көңілді талап етіледі. Осы орта жол кей жағдайларда діни бірлестіктерге заң ықпалынан тыс қалуға мүмкіндік береді.

Адам құқықтары жөніндегі еуропалық конвенцияның 9 бабында дінге берілген бостандық демократиялық мемлекеттердің ұстанымда-

рына сай қоғамдық қауіпсіздікті сақтау үшін, қоғамдық тәртіпті сақтау үшін, өзге азаматтардың денсаулығы мен құқықтарын қорғау мақсатында шектеуге ұшырауы мүмкін екендігі жазылады. Джозеф Вейлер өз еңбегінде осы мәнмәтіндегі Адам құқықтары жөніндегі еуропалық конвенцияның рөлін сипаттаудың басқа бір жолы мемлекеттер нақты шекаралар аясында үкімет пен жеке тұлғалар арасындағы қарым-қатынасты реттеуде түрлі негізгі құндылықтарға басымдылық беруі мүмкін екендігімен түсіндірілетінін жазады (Joseph Weiler, 1999: 107).

Осы тепе-теңдікті қалыптастыру тек жеке мемлекеттер деңгейінде ғана емес, жалпы Еуропалық Одақ деңгейінде, яғни мемлекетаралық, ұлтаралық маңызды мәселе ретінде қарастырылуды талап етеді. Негізгі сұрақтар тек ұлттық деңгейде, мемлекет ішінде ғана туындамайды. Еуропалық Одақ әрбір мүше елдің ұстанымдары мен саясатына әсер етуші беделді қауымдастық болғандықтан, қоғамдық өмірдің осы маңызды саласында оның араласпай қалуы мүмкін емес жағдай. Осылайша 2001 жылы Ниццада өткен үкіметаралық конференцияда мемлекеттер басшылары Еуропалық Одақтың негізгі құқықтарының жарғысын ұсынды (McCrudden, 2001). Бұл құжат Еуропалық Одақтың атынан қабылданған, мемлекеттік, ұлттық деңгейде ежелден қалыптасқан маңызды мәселелерді одақ деңгейінде, өзге мемлекеттермен бірлесе отырып шешуге бағытталған, өзара тәжірибе алмасуға алғышарт болған маңызды бастама болды. Еуропалық Одаққа мүше болған елдер саны қаншалықты көп болса, олар арасындағы айырмашылықтар да соншалықты үлкен. Сол себепті еуропалық стандартты, еуропалық үлгіні табу (ортақ қасиеттердің ең төмен деңгейлі көрсеткіші ретінде қабылданбаса, әрине) болашақ ұрпақ пен жаңадан құрылатын институттардың мойнына артылған ең ауыр жүк болмақ.

Институционалдық кейіпте дін мен заң арасындағы қарым-қатынас шіркеу мен мемлекет арасындағы заңнамалық негізде орнықтырылатын қарым-қатынас арқылы сипатталады (Peter Edge, 2000: 192). Батыс Еуропа мемлекеттерінде және олардың конституцияларында бұл қарым-қатынас мемлекет пен шіркеу арасындағы қатаң бөлінушілік (Франция мысалында көрінеді), кооперативті байланыс (Испания, Германия, Бельгия, Австрия мемлекеттерінде қалыптасқан), орнықтырылған шіркеу жүйесі (Ұлыбританияда байқай ала-

мыз) кейпінде көрініс береді. Бұл жүйелер және олардың даму жолы, тарихы соңғы ғасырларда қалыптасқан мәдени, заңнамалық тарихи дәстүрлерден тамыр алады және Лютерандық Реформацияның, оған қарсы жүргізілген мемлекеттік іс-шаралардың әсеріне ұшырай отырып қалыптасты. Плюралистік немесе индивидуалистік қоғамдарда осы себеп саясаттың конституциялық болмысын айқындайды (van Bijsterveld, 2000). Францияның зайырлы мемлекет ретінде, ал Ұлыбританияда Англикан шіркеуінің ресми дін ретінде қалыптасуы мемлекет пен шіркеу қарым-қатынасы мемлекеттің конституциялық болмысын, қоғамның мәдениетін қалай айқындай алатындығының нақты мысалдары. Бұл ұлттық ерекшеліктер рухани-діни және заңды-саяси ұйымдар арасындағы саналы тепе-теңдіктің заманауи демократиялық заңдарға сәйкестендіре отырып, бірақ тарихтан алынған маңызды жүйелерді де кіріктіре отырып қалай құруға болатындығын көрсетеді.

Батыс Еуропалық конституциялар, әрқайсысы өзіне тән ерекшеліктермен, шіркеу мен мемлекет арасындағы қарым-қатынаста саналы тепе-теңдікті қалыптастыруға және дін мен заң арасындағы қарым-қатынасты реттеуге бағытталып қабылданған. Дін қызметкерлерін еңбекақымен және зейнетақымен қамтамасыз ететін Бельгияда, шіркеу салығын жинауға рұқсат беретін Германияда шіркеу мен мемлекет арасындағы қаржылық қарым-қатынас ұйымдық бостандықпен қатар жүреді. Италия мен Испанияда азшылық шіркеулеріне берілетін құқықтар көпшілік шіркеулеріне берілетін құқықтармен бірдей кепілдендіріледі. Ал бұл мемлекеттердегі католик шіркеуінің ерекше жағдайы қоғамдық шындық пен тарихи құндылықтар негізінде қалыптасқан. Батыс Еуропа мемлекеттеріндегі шіркеу мен мемлекет қарым-қатынастары тарихи жағдайға негізделгенімен, олар талассыз заманауи болып табылады. Мысалы, 1970 жылдары Италия, Португалия, Испания мемлекеттерінде католик шіркеуінің артықшылықтарына қарамастан, өзге діни бірлестіктер онымен тең деп жарияланды.

Англияда Англикан шіркеуінің бекітілген дәрежесі болғанымен, өзге діндермен арадағы қарым-қатынас екінші дәрежелі заңнамалық құжаттар негізінде реттеледі де, олардың құқықтары да ел конституциясына сай қорғалады. Ал Франциядағы XX ғасыр басында ендірілген шіркеу мен мемлекет арасын бөлу туралы заң негізінде қазіргі кезеңде де шіркеу мен мемле-

кет түрлі салаларда қызмет етуші құрылымдар болып табылады. Бірақ Франция аумағы толығымен осы заң ықпалында емес.

Типологиялардың категоризациясы сараптау, салғастыру, салыстыру, жекеленген мемлекетке ғана тән ерекшеліктерді белгілеуде маңызды қызмет атқарады. Солай бола тұра, берілген типологияның сол елдегі жергілікті деңгейде шіркеу мен мемлекет қарым-қатынасының заңнамалық деңгейде реттелуінің толық сипаттама-сы бола алмайтындығын ұмытпағанымыз жөн. Біріншіден, шіркеу мен мемлекет арасындағы қарым-қатынастарға қатысты заңдардағы ұқсастықтар мен айырмашылықтар типологияларға байланыссыз орнауы мүмкін, яғни типологияға сай біз ұсынатын сипаттама шынайы жағдайдан өзгеше болуы мүмкін. Екіншіден, Батыс Еуропа мемлекеттеріндегі шіркеу мен мемлекет арасындағы қарым-қатынас діннің институционалдық қызметіне емес, әлеуметтік қызметіне негізделіп құрылады, оны біз қоғамдағы құндылықтар жайлы талқылаулардан және жалпы адамзатқа ортақ эвтаназия, жасанды түсік, биотехнология, адамдарды клондау секілді мәселелерге қатысты пікірталастардан көре аламыз. Дегенмен, діннің институционалдық рөлін де шет қалдыруға болмайды. Қоғамның қалыптасуындағы рөлінің маңыздылығына қарай әр діннің қоғам санасындағы орны да ерекше болмақ.

Қорытынды

Еуропалық Одақ шекарасының кеңеюі жаңа мәселелердің пайда болуына да жол ашты. 2003 жылы Брюссельде өткен үкіметаралық конференцияда нақты құжат қабылдаудың мүмкін болмауы «дін» тақырыбының қаншалықты күрделі мәселе екендігін көрсетсе керек. Кеңею үдерісі «еуропалық діни заңдар» жүйесінің жасалуы мен қабылдануын қиындатары сөзсіз. Ал соңғы жылдары Еуропалық Одаққа ислам мемлекеті болып саналатын Түркияның кіруге өтініш білдіруі, бұл өтініші қанағаттандырылған жағдайда, одақта діни ұстанымдарға қатысты шиеленіскен түсініктердің күрделене түсуіне әсер етері шындық. Еуропалық Одақтың жалпығы ортақ дінге қатысты заңдарды қабылдау үдерісіне мүше мемлекеттердің әртүрлі тарихы мен дәстүрлері де өз әсерін тигізбей қоймайды. Христиан дінін тарихи дәстүрлі негізде өздерінің қайнары санайтын мемлекеттер экуменизм аясында болса да, бірігіп, бірыңғай ортақ заңдардың құрылуын жеңілдетсе алады деп білеміз.

Ислам дінінің қазіргі кезеңдегі ролін және алдағы уақыттағы маңыздылығының артуын ескере отырып, Еуропалық Одақ елдері бұл дінді назардан тыс қалдырмауы керек (Khare, 1999: 95). Демографиялық көрсеткіштер бойынша, еуропалық қоғамдарға интеграциялануға ниет білдірген қоныс аударушылардың санына сәйкес ислам діні мен мұсылмандардың еуропалық мемлекеттердегі жағдайы ерекше қарым-қатынасты талап етеді.

Діни символдарды мемлекеттік мектептерде тағуға тыйым салу жайлы заңдар, әйел кісілердің ер дәрігерлерге қаралуынан бас тартуы секілді, қарапайым болғанымен, қоғам өмірінің ажырамас бөлігі болып табылатын жағдайлар негізінде туындап жатқан

қақтығыстар діннің халық үшін қаншалықты маңызды екендігін көрсетеді. Кез келген оқиғада дін ауаға сіңіп, жоқ болып кете алмайды (Bloss, 2003: 76). Міне сондықтан, дін мәселесі еуропалық қоғамдарда Адам құқықтары жөніндегі конвенция негізінде болсын, жекеленген мемлекеттер конституцияларымен болсын, еуропалық мемлекеттердегі іс жүзінде көрініс беріп жатқан дінаралық, конфессияаралық қарым-қатынастарды ескере отырып құрылуы және қабылдануы тиіс жаңа құжат негізінде болсын реттеліп, қоғам мүшелерінің баршасына ортақ, тиімді, қанағаттанарлық, еуропалық мемлекеттердің демократиялық ұстанымдарының көрсеткіші болатындай шешімдермен басқарылуы керек.

Әдебиеттер

Akimkhanov A.B., Frolov A.A., Adilbaeva Sh.A., Yerzhan K. Principles of Abu Mansur Al-Maturidi, Central Asian Islamic Theologian, Preoccupied with the Question of the Relation between the Iman \ Credo and the Action in Islam. European Journal of Science and Theology, December 2016, Vol.12, No.6, 165-176.

Anarbayev N.S., Yerzhan K.S., Adilbayev A.Sh., Beysenov B.K., Assanova S.S. Thinkers of the Central Asia and Their Contribution in Development of the Islamic Civilization. Man In India, 2016, 96 (7): 2063-2073.

Bloss L. (2003) European Law of Religion – organizational and institutional analysis of national systems and their implications for the future European Integration Process. New York: NYU School of Law, 89 p.

Joseph Weiler H.H.(1999) Fundamental Rights and Fundamental Boundaries: On the Conflict of Standards and Values in the Protection of Human Rights in the European Legal Space, in: idem, The Constitution of Europe. UK: Cambridge University Press, 628 p.

Khare R.S. eds.(1999) Perspectives on Islamic Law, Justice, and Society. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 587 p.

McCrudden C. (2001) The Future of the EU Charter of Fundamental Rights. URL: <http://www.jeanmonnetprogram.org/papers/01/013001.html>.

Peter Edge and Graham Harvey, eds. (2000) Law and Religion in Contemporary Society: Communities, Individualism and the State. Burlington: Ashgate Publishing, 362 p.

Steven V., Monsma J.Christopher Soper. (1997) The Challenge of Pluralism: Church and State in Five Democracies. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 228 p.

van Bijsterveld, C. Sophie. (2000) Church and State in Western Europe and the United States: Principles and Perspectives, in: Brigham Young University Law Review, 1121 p.

Кашкин С.Ю.(2001) Хартия Европейского Союза об основных правах. Москва: Юриспруденция, 208 с.

Маклаков В.В. (2010) Конституции зарубежных государств. Москва: Волтерс Клувер, 624 с.

Мирошникова Е.М. (2005) Свобода совести в контексте отделения церкви от государства: вопросы реализации в современной Европе. Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Москва: 624 с.

Окуньков Л.А. (2001) Конституции государств Европы. Москва: Норма, Т.1. 824 с.

Робберс Г. (2009) Государства и религии в Европейском союзе. Москва: Первая образцовая типография, 722 с.

Торкунов А.В. (2012) Политические системы современных государств. Москва: Аспект Пресс, 616 с.

References

Akimkhanov A.B., Frolov A.A., Adilbaeva Sh.A., Yerzhan K. Principles of Abu Mansur Al-Maturidi, Central Asian Islamic Theologian, Preoccupied with the Question of the Relation between the Iman \ Credo and the Action in Islam. European Journal of Science and Theology, December 2016, Vol.12, No.6, 165-176.

Anarbayev N.S., Yerzhan K.S., Adilbayev A.Sh., Beysenov B.K., Assanova S.S. Thinkers of the Central Asia and Their Contribution in Development of the Islamic Civilization. Man In India, 2016, 96 (7): 2063-2073.

Bloss L. (2003) European Law of Religion – organizational and institutional analysis of national systems and their implications for the future European Integration Process. New York: NYU School of Law, 89 p.

Joseph Weiler H.H.(1999) Fundamental Rights and Fundamental Boundaries: On the Conflict of Standards and Values in the Protection of Human Rights in the European Legal Space, in: idem, The Constitution of Europe. UK: Cambridge University Press, 628 p.

- Khare R.S. eds.(1999) *Perspectives on Islamic Law, Justice, and Society*. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 587 p.
- McCrudden C. (2001) *The Future of the EU Charter of Fundamental Rights*. URL: <http://www.jeanmonnetprogram.org/papers/01/013001.html>.
- Peter Edge and Graham Harvey, eds. (2000) *Law and Religion in Contemporary Society: Communities, Individualism and the State*. Burlington: Ashgate Publishing, 362 p.
- Steven V., Monsma J.Christopher Soper. (1997) *The Challenge of Pluralism: Church and State in Five Democracies*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 228 p.
- van Bijsterveld, C. Sophie. (2000) *Church and State in Western Europe and the United States: Principles and Perspectives*, in: *Brigham Young University Law Review*, 1121 p.
- Kashkin S.Yu. (2001) *Hartiya Evropeiskogo Soyuzha ob osnovnih pravah*. [European Union Charter of Fundamental Rights]. Moscow: Jurisprudence, 208 s.
- Maklakov V.V. (2010) *Konstitucii zarubezhnykh gosudarstv*. [Constitutions of foreign states]. Moscow: Volters Kluver, 624 s.
- Miroshnikova E.M. (2005) *Svoboda sovesti v kontekste otdeleniya cerkvi ot gosudarstva: voprosy realizacii v sovremennoi Evrope*. *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskiy analiz i sovremennye aspekty*. [Freedom of conscience in the context of the separation of church and state: issues of implementation in modern Europe. Freedom of conscience in Russia: historical and modern aspects]. Moscow, 624 s.
- Okun'kov L.A. (2001) *Konstitucii gosudarstv Evropy*. [Constitution of Europe]. Moscow: Norma, T.1. 824 s.
- Robbers G. (2009) *Gosudarstva i religii v Evropeiskom soyuze*. [States and religions in the European Union]. Moscow: The first model printing house, 722 s.
- Torkunov A.V. (2012) *Politicheskie sistemy sovremennykh gosudarstv*. [Political systems of modern states]. Moscow: Aspekt Press, 616 s.

МАЗМҰНЫ – CONTENTS – СОДЕРЖАНИЕ

<i>Mohammad Mullah Frotan Salangi</i> Afghanistan Victim of Reginoal Powers Politics and Competitions	4
<i>O. Karataev</i> Title of the Ancient Türks: “Kagan” (Qagan) and “Zhabgu” (Yabgu).....	15
<i>R. Abdykulova</i> Analysis of Urkun in Kyrgyz History	26
<i>H. Тадышева</i> Социализация ребенка в традиционной культуре тюрков Саяно-Алтая	30
<i>Umarov Sardor</i> From History Cooperation Uzbekistan And Germany.....	42
<i>T. Халилов</i> Ареал распространения орнаментов на керамике эпохи ранней бронзы в Нахчыване	47
<i>M. Босхомджиев</i> Из истории зарубежных публикаций тувинского «Джангара».....	51
<i>M. Egamberdiyev, Seyfi Yıldırım</i> The Policy of the Russian Empire Against the Turks of Anatolia in Turkestan (Second Half of the XIX and early XX Centuries).....	57
<i>V. Modebadze, G. Kozgambayeva</i> The Issue of Nepotism and the Problem of Building Transparent and Efficient Civil Service in Georgia	65
<i>Ф. Мийманбаева, А. Команджаев</i> Советская власть и ее роль в руководстве процессом переселения крестьянв Семиречье в 20-х годах XX в.	72
<i>G. Habyzhanova, A. Koshymova, N. Baygaraev</i> The role of Oguz tribes in ethnogenesis of Turkic people: as an example of Kazakh of Middle Zhuz.....	84
<i>N. Alpysbaeva, Zh. Dyussebekova</i> Foreign Experience of Informatization of the Archival Industry.....	93
<i>G. Ksenzhik, M. Kulshigashova</i> Classification of Cartographic Materials of XVIII-XIX Centuries on the History of Kazakhstan.....	102
<i>Z. Maidanali</i> Imperial Traditions and Symbols of the Nomadic Society: The Modern Paradigm and Trends	110
<i>Б. Кумеков, З. Картова</i> Источниковедческий анализ вакуфной грамоты Амира Тимура, выданной Туркестанской мечети Ходжа Ахмета Ясави в конце XIV – начале XV века	118
<i>Г. Файзуллина</i> Музеология как наука: казахстанские реалии	126
<i>А. Нуржанов</i> Сакральные памятники Туркестанского оазиса.....	137
<i>Г. Омаров, Б. Бесетаев, С. Сагындыкова</i> Археологические изыскания Алтайской археологической экспедиции в 2019 году.....	144
<i>С. Биалов, А. Тажекеев</i> Археологические работы на главных въездных воротах средневекового городища Джанкент в 2019 г.....	155
<i>Қ. Ержан, А.Әбубәкірова</i> Дінаралық және конфессияаралық қарым-қатынастарды реттеудің әлемдік үлгілеріне дискурсивті талдау	172